

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова

М О В А

**НАУКОВО-ТЕОРЕТИЧНИЙ ЧАСОПИС
З МОВОЗНАВСТВА**

Часопис засновано в 1993 році

№ 28

2017

Одеса
«АСТРОПРИНТ»
2017

У часописі представлено дослідження актуальних теоретичних і прикладних проблем лінгвістики на матеріалі різних мов: української, російської, болгарської, сербської, англійської, німецької, новогрецької та ін. Адресовано широкому колу філологів: науковцям, методистам, викладачам, студентам.

В журналі представлені дослідження актуальних теоретических і прикладних проблем лінгвістики на матеріалі різних мов: української, російської, болгарської, сербської, англійської, німецької, новогрецької та ін. Адресовано широкому колу філологів: ученим, методистам, учителям, студентам.

The journal presents the researches of actual problems of theoretical and applied linguistics on the material of different languages: Ukrainian, Russian, Bulgarian, Serbian, English, German, Modern Greek and others. It is addressed to a wide circle of scholars, teachers, trainers and students.

Головний редактор
Главный редактор
Editor-in-chief

Евгеній Миколайович СТЕПАНОВ
Евгений Николаевич Степанов
Ievgenii N. Stepanov

Заступники головного редактора
Заместители главного редактора
Vice-editors

Тетяна Юрївна КОВАЛЕВСЬКА
Татьяна Юрьевна Ковалевская
Tetiana Yu. Kovalevska

Ірина Михайлівна КОЛЕГАЄВА
Ирина Михайловна Коллегаева
Iryna M. Kolehajeva

Відповідальний секретар
Ответственный секретарь
Secretary

Ольга Вадимівна МАЛЬЦЕВА
Ольга Вадимовна Мальцева
Olga V. Maltseva

Редакційна колегія:

д-р філол. наук В. І. Аннушкін (Росія), д-р філол. наук А. Валипур (Іран), д-р філол. наук М. Георгієва (Болгарія), д-р філол. наук М. Д. Голєв (Росія), канд. філол. наук Л. М. Голубенко (Україна), д-р філол. наук Г. Н. Гочев (Болгарія), д-р філол. наук А. К. Каїржанов (Казахстан), д-р філол. наук В. О. Колесник (Україна), д-р філол. наук Н. В. Кондратенко (Україна), д-р філол. наук І. П. Лисакова (Росія), канд. філол. наук Мен Ся (Китай), д-р філол. наук Н. Б. Мечковська (Білорусь), д-р філол. наук І. Б. Морозова (Україна), канд. філол. наук І. В. Мурадян (Україна), канд. філол. наук О. О. Пожарицька (Україна), д-р філол. наук С. О. Севіль (Франція), д-р філол. наук Г. Хенчель (Німеччина), д-р філол. наук А. Чапіга (Польща), канд. філол. наук Т. Ф. Шумаріна (Україна), д-р філол. наук О. В. Яковлева (Україна), д-р філол. наук Г. С. Яроцька (Україна)

Редакционная коллегия:

В. И. Аннушкин (Россия), А. Валипур (Иран), М. Георгиева (Болгария), Н. Д. Голев (Россия), Л. Н. Голубенко (Украина), Г. Н. Гочев (Болгария), А. К. Каиржанов (Казахстан), В. А. Колесник (Украина), Н. В. Кондратенко (Украина), И. П. Лысакова (Россия), Мэн Ся (Китай), Н. Б. Мечковская (Беларусь), И. Б. Морозова (Украина), И. В. Мурадян (Украина), Е. А. Пожарицкая (Украина), С. О. Севиль (Франция), Г. Хенчель (Германия), А. Чапига (Польша), Т. Ф. Шумарина (Украина), О. В. Яковлева (Украина), Г. С. Яроцкая (Украина)

The editorial board:

Vladimir Annushkin (Russia), Alireza Valipour (Iran), Margarita Georgieva (Bulgaria), Nikolai Golev (Russia), Lidiya Golubenko (Ukraine), Gocho Gochev (Bulgaria), Abai Kairzhanov (Kazakhstan), Valentyna Kolesnyk (Ukraine), Natalya Kondratenko (Ukraine), Irina Lysakova (Russia), Meng Xia (China), Nina Mechkovskaya (Belorussia), Iryna Morozova (Ukraine), Iryna Muradian (Ukraine), Olena Pozharytska (Ukraine), Svetlana Seville (France), Gerd Hentschel (Germany), Artur Czapiiga (Poland), Tetiana Shumarina (Ukraine), Olga Yakovleva (Ukraine), Halina Yarotskaya (Ukraine)

Рецензенти:

Н. І. Андрейчук, д-р філол. наук, проф. Львівського національного ун-ту ім. І. Франка; **М. Врачу**, доц. Ясського ун-ту «А. І. Куза» (Румунія); **Є. П. Голубородько**, д-р пед. н., проф. Херсонської академії неперервної освіти, чл.-кор. НАПН України; **Л. П. Іванова**, д-р філол. н., проф. Національного педагог. ун-ту ім. М. П. Драгоманова; **І. Любоха-Круглик**, д-р філол. н., проф. Сілезького ун-ту в Катовіце (Польща); **О. В. Нарушевич-Васильєва**, канд. філол. н., доц. Одеської національної академії харчових технологій; **Н. В. Петлюченко**, д-р філол. н., проф. Національної академії «Одеська юридична академія» (Україна); **А. М. Поповський**, д-р філол. н., проф. Дніпропетровського держ. ун-ту внутрішніх справ; **О. В. Сирота**, д-р філології, конференціар Бельцького держ. ун-ту ім. А. Руссо (Молдова)

З М І С Т**ПИТАННЯ ЗАГАЛЬНОЇ ТА КОМУНІКАТИВНОЇ ЛІНГВІСТИКИ**

<i>Алексєєва О. С.</i> Конфліктогенний потенціал газетних заголовків	5
<i>Весна Т. В., Савицька Ю. В.</i> Потенціал комунікативних сбоев при толкуванні емоджи в контексте міжкультурного общення	9
<i>Морозова І. Б., Цапенко Т.-Є. В.</i> Комунікативно-синтаксичні особливості дитячого мовлення в жанрі інтерв'ю	14
<i>Олейник А. А.</i> Интонационные средства выражения непонимания собеседника в англоязычном кинематографическом дискурсе	21
<i>Собченко Н. С.</i> Приёмы синтаксической игры в рекламном дискурсе Украины	26
<i>Степанов Е. Н.</i> Сценарная специфика региональной фразеологии	30
<i>Труба Г. М.</i> Інтегративний підхід у вивченні категорій становості й аспектуальності: лінгвістичний і філософський аспект. Соціолінгвістичний експеримент	37
<i>Форманова С. В.</i> Інвективний простір у романі І. Франка «Перехресні стежки»	41

ПИТАННЯ ЛІНГВОКОНЦЕПТОЛОГІЇ ТА МОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ

<i>Бакалова Э. Н., Краснова Е. А.</i> Языковая репрезентация темы любви в рассказах И. А. Бунина ...	46
<i>Вакулки І. І., Балалаєва О. Ю.</i> Ad fontes: Формування естетичної платформи у творчості М. Зерова і М. Рильського	53
<i>Гажєва І. Д.</i> Інтеракція тропов в прозе А. Белого	59
<i>Колесник В. А.</i> Пространство в болгарской картине мира	65
<i>Кошкина Е. Г.</i> К вопросу о способах языковой репрезентации концепта в диахронии (на материале немецкого языка)	70
<i>Немировська О. Ф.</i> Хронотоп дороги в жанрі історичної прози	82

ПИТАННЯ ЛЕКСИКОЛОГІЇ, СЛОВОТВОРУ ТА ГРАМАТИКИ

<i>Бербер Н. М.</i> Топопоетонімікон роману Марії Матіос «Майже ніколи не навпаки»: функційно-стилістичний аспект	89
<i>Дьячок Н. В.</i> Принципы определения номинатемы комплексного типа	93
<i>Новак О. Н.</i> Анализ семантического объёма лексем <i>ценность / вредность</i> в русском и сербском языках	98
<i>Шумарина Т. Ф.</i> Номенклатурные синонимы и варианты таксонов в ихтиологической систематике (на материале названий рыб Украины)	102
<i>Къзнева В. Г.</i> Съкратените номинативни единици в контекста на отношенията „еквивалентност — безеквивалентност“. Универбизация (върху материал от българския, руския и гръцкия език)	106
<i>Златев И. М.</i> Проблемы статуса частиц как части речи в болгарском и в русском языкознании	113
<i>Остапенко С. А.</i> Структурно-семантичний аналіз поетичного перекладу Д. Павличка сонету 1 В. Шекспіра українською мовою	117
<i>Удовіченко Г. М.</i> Структурно-семантичний аналіз оригіналу сонету 131 В. Шекспіра	122

ПИТАННЯ ІСТОРІЇ, ДІАЛЕКТОЛОГІЇ ТА МЕТОДИКИ ВИКЛАДАННЯ МОВИ

<i>Яроуцкая Г. С.</i> Лингвоаксиология усердия и мастерства в истории русской лингвокультуры ..	127
<i>Iartolovych G. Iu.</i> Herausbildung der germanischen Zahlwörter aus dem Proto-Indoeuropäischen	134
<i>Pozharytska O. O., Yezhkova A. G.</i> A Diachronical outlook on the English gothic novel : morphological & lexical dimensions	138
<i>Журавлєва А. С.</i> Методика підвищення ефективності преподавания и изучения русского глагола в иностранной аудитории	143
<i>Черновалюк І. В.</i> Основные принципы профессионально ориентированного иноязычного обучения	150

CONTENTS

ISSUES OF GENERAL AND COMMUNICATIVE LINGUISTICS

<i>Alekseeva O. S.</i> Conflict-causing potential of newspaper headings	5
<i>Vesna T. V., Savytska Yu. V.</i> The potential of communication failures of the interpretation of emoji in the context of intercultural communication	9
<i>Morozova I. B., Tsapenko T.-Ye. V.</i> Communicative and syntactic peculiarities of children's speech in the genre of interview	14
<i>Oliinyk G. A.</i> Intonation means of expressing misunderstanding in English film discourse	21
<i>Sobchenko N. S.</i> Receptions of the syntactic game in the advertising discourse of Ukraine	26
<i>Stepanov Ie. N.</i> Scenarios specificity of regional phraseology	30
<i>Truba H. M.</i> The integrative approach in studying the category of the state and aspects: linguistic and philosophical approach. Sociolinguistic experiment	37
<i>Formanova S. V.</i> Invective space of the novel by Ivan Franko "Cross Roads"	41

ISSUES OF LINGUISTIC CONCEPTOLOGY AND LINGUAL WORLDVIEW

<i>Bakalova Z. N., Krasnova E. A.</i> Linguistic representation of love in tales by I. A. Bunin	46
<i>Vakulyk I. I., Balalaieva O. Yu.</i> Ad fontes: Formation of aesthetic platform in the creation of M. Zerov and M. Rytsky	53
<i>Gazheva I. D.</i> The interaction between tropes in the prose of A. Bely	59
<i>Kolesnik V. A.</i> Space in the Bulgarian picture of the world	65
<i>Koshkina E. G.</i> The issue of methods for language representation of the concept in diachrony (based on the material of the German language)	70
<i>Nemirovskaja A. F.</i> The chronotope of road in the genre of historical prose	82

ISSUES OF LEXICOLOGY, WORD FORMATION AND GRAMMATICS

<i>Berber N. M.</i> Topopoetonymicon of the novel by Maria Matios «Almost never the other way around»: functional-stylistic aspect	89
<i>Diachok N. V.</i> Principles of definition of the nominathemes of complex type	93
<i>Novak O. N.</i> The analysis of the semantic volume of lexical items <i>tsennost' / vrednost</i> ("value") in the Russian and the Serbian languages	98
<i>Shumarina T. F.</i> Nomenclature synonyms and variants of taxons in the ichthyological systematics (on the material of the names of fishes of Ukraine)	102
<i>Kaneva V. G.</i> Abbreviated nominative units in the context of the equivalence — non-equivalence relationships. Univerbation (based on Bulgarian, Russian and Greek language material)	106
<i>Zlatev I. M.</i> Problems of parts-of-speech status of particles in Bulgarian and Russian linguistics	113
<i>Ostapenko S. A.</i> Structural and semantic analysis of Ukrainian poetic translation of W. Shakespeare's Sonnet 1 made by D. Pavlychko	117
<i>Udovichenko H. M.</i> Structural-semantic analysis of original of Sonnet 131 by W. Shakespeare	122

ISSUES OF HISTORY OF LANGUAGE AND DIALECTOLOGY

<i>Yarotska G. S.</i> Linguaxiology of craftsmanship and diligence in the history of Russian lingual culture	127
<i>Iarmolovych G. Iu.</i> Extraction of Germanic numerals from the Indoeuropean proto-language	134
<i>Pozharytska O. O., Yezhkova A. G.</i> A Diachronical outlook on the English gothic novel: morphological & lexical dimensions	138
<i>Zhuravliova H. S.</i> Method for improving the efficiency of teaching and learning of the Russian verbs by foreign students	143
<i>Chernovaljuk I. V.</i> The basic principles of vocational foreign-language training	150

ПИТАННЯ ЗАГАЛЬНОЇ ТА КОМУНІКАТИВНОЇ ЛІНГВІСТИКИ

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.28.115830>

УДК 81'373.4:35.071.34/073.533:070:316.48

АЛЕКСЄЄВА Олена Сергіївна,

викладач кафедри українознавства Національного університету «Одеська морська академія»;
вул. Дідріхсона, 8, м. Одеса, 65029, Україна; тел. : +38(048)7327910; e-mail: djayani@ukr.net

КОНФЛІКТОГЕННИЙ ПОТЕНЦІАЛ ГАЗЕТНИХ ЗАГОЛОВКІВ

Анотація. *Метою* дослідження є визначення структури конфліктогенних заголовків фейкових новин, що розміщують у друкованих і електронних газетах. *Об'єктом* вивчення є газетні заголовки, *предметом* — структура заголовка, яка забезпечує свідомий характер творення або відображення кореспондентом конфліктної ситуації. *Матеріал* вибрано з деяких україномовних, російськомовних і англійськомовних газет. Використано *методи* когнітивного та структурно-семантичного аналізу, а також описовий метод. *У результаті* дослідження було з'ясовано структурно-семантичні пріоритети заголовків, у яких свідомо закладено неправдиву інформацію для творення конфліктної ситуації в певному комунікативному просторі. *Висновками* вважаємо такі положення: 1) заголовки конфліктогенних газетних текстів не відповідають класичним вимогам конфліктної комунікації, бо не репрезентують конфлікт, а лише провокують його; 2) звичайною синтаксичною структурою фейкового заголовка є речення, в якому конфліктогенними найчастіше стають елементарні компоненти його семантичної структури: суб'єкт, предикат, об'єкт; 3) заголовки, у яких журналіст маніпулює різними компонентами семантичної структури речення, нерідко представлено конструкціями прямої мови.

Ключові слова: заголовок, газетна стаття, конфліктогенний, фейкова інформація, синтаксична структура, семантична структура.

Постановка проблеми. Сучасна гуманітарна наука вивчає конфлікт у різних аспектах: психологічному, педагогічному, юридичному, політичному, літературознавчому, мовознавчому: адже це явище визначає всі сфери життя людини. Утім, конфлікт завжди виявляють щодо комунікації. Конфліктна комунікація — природний міжособистісний процес, базою якого є протиріччя цінностей, норм, інтересів і потреб опонентів. Модусний аспект конфліктної комунікації має прагматичне значення й відображає точки зору опонентів, оцінки ними один одного, ситуації, дій, бездіяльності та ін. [1, с. 126]. Цю оцінку реалізовано в певній системі, яка має обов'язкові та допоміжні компоненти, в якій існує свій «порядок» мовних засобів. Проте сучасна лінгвістика приділяє недостатньо уваги ролі знаків мови у виникненні та розвитку конфлікту, дослідженню семантичної складової в його моделях.

Когнітивні й мовні особливості творення конфліктогенного тексту, на нашу думку, багато в чому залежать від заголовка до цього тексту. Спосіб номінації тексту так, щоб він міг зацікавити читача вже своїм заголовком, був узятий на озброєння «жовтою пресою» ще в період її виникнення у другій половині XIX ст. Банальна гонитва за сенсацією в нашому сьогоденні стала головним чинником поширення фейкового контенту як у друкованих, так і в електронних засобах масової інформації. За версією редакції одного з провідних словників англійської мови Collins English Dictionary, фраза *fake news* (фейкові новини) стала у 2017 р «фразою року», бо частота її використання зросла, у порівнянні з передвиборчим періодом 2016 року в США, на 365 %. Словник наводить таке тлумачення терміна *фейкові новини*: «Хибна, часто сенсаційна інформація, яку поширюють під виглядом новини» [11]. Утім, відомо, що будь-яка неправдива інформація призводить до конфліктної ситуації. Газетна публікація починається з заголовка, тому заголовок статті з неправдивою інформацією сам по собі є конфліктогенним. На жаль, сучасна лінгвістика дуже повільно реагує на важливу для соціальної стабільності проблему вивчення конфліктогенних газетних заголовків і не пропонує способів протидії поширенню різних чуток, неправдивої інформації, яка здебільшого призводить до соціальної нестабільності, відволікання суспільства від вирішення питань, життєво важливих для його ж добробуту.

Постановка завдань дослідження. Метою нашого дослідження є визначення структури свідомо конфліктогенних заголовків фейкових новин, що розміщують у друкованих і електронних газетах. Отже, об'єктом вивчення є, передусім, газетні заголовки, предметом — структура заголовка, яка забезпечує свідомий характер творення або відображення кореспондентом конфліктної ситуації. Матеріал вибрано з деяких україномовних, російськомовних і англійськомовних газет.

Зв'язок із попередніми дослідженнями. Серед концепцій, що аналізують співвідношення «конфлікт → комунікація», виокремлюють семіосоціопсихологічний підхід Т. Дрідзе, в якому увагу звернуто до поняття «мова конфлікту» [5]. Аналізуючи з позицій власне соціологічної методології співвідношення «комунікація → конфлікт → текст», Н. Луман визначає конфлікт як продовження комунікації в певній формі, а не її переривання, припинення або спотворення [7, с. 508]. У низці досліджень (І. Вихованець, М. Голянич, К. Городенська, Н. Гуйванюк, А. Загнітко, В. Телія та ін.) розглянуто мовний вплив на адресата за допомогою ілюкутивного компонента, але нерідко подібне вивчення обмежено описом взаємодії комунікантів за схемою «адресант → адресат». Завдяки психологічним дослідженням А. П. Егідеса, цей зв'язок був логічно представлений як взаємозумовлений процес «адресант — адресат» [6]. Когнітивні та мовні особливості творення конфліктогенного тексту репрезентовано в експериментальному дослідженні представниць томської лінгвістичної школи І. В. Тубалової, Ю. А. Емер, Д. О. Перевалової [9]. Закономірності й особливості україномовного міжособистісного конфлікту виокремлено, здебільшого, на матеріалі текстів художньої літератури й описано в докторській дисертації та інших працях Л. А. Білоконенко [1; 2; 3; 4]. Проблема конфліктної комунікації приділено увагу в цілій низці сучасних досліджень молодих учених.

Виклад основного матеріалу. На думку Л. А. Білоконенко, «конфлікт у мові виникає тільки на ґрунті комунікативного контакту», а власне «конфлікт — це стан (або ситуація) зіткнення сторін (учасників конфлікту), які мають несумісні погляди, мету тощо, через що кожна з них діє всупереч іншій, послуговується мовними та / або позамовними засобами» [4, с. 6]. Утім, заголовки конфліктогенних газетних текстів, що належать до розряду фейкових новин, не відповідають цим вимогам, бо вони репрезентують не конфлікт, а бажання автора створити конфліктну ситуацію.

Розглянемо низку таких заголовків.

(1) 3 травня 2017 р. на сайті «Русская весна» з'явилася стаття під заголовком *Штаб «АТО» підтвердив інформацію «Русской весны» об уничтожении украинской ДРГ*. За синтаксичною структурою, цей заголовок є простим двоскладним поширеним повним розповідним реченням. За семантичною структурою, в ньому є суб'єкт, зв'язаний із предикатом (*штаб «АТО» підтвердив*), прямий об'єкт при перехідному дієслові (*інформацію*), агентивний об'єкт («*Русской весны*»), деліберативний об'єкт (*об уничтожении*) і прямий об'єкт при віддієслівному іменникові, що корелює з перехідним дієсловом, ускладнений атрибутом (*української ДРГ*). У цьому розгорнутому заголовку звертаємо увагу на наявність предиката, суб'єкта та кількох об'єктів, два з яких є прямими. Тут багатоконпонентний семантичний центр висловлювання. Маніпуляція автора повідомлення спрямована на спотворення правдивої інформації про загибель українських вояків та дискредитацію Збройних Сил України. У самому повідомленні сказано, що 2 травня в районі Світлодарської дуги, під час спроби проникнути на територію, що підконтрольна угрупованню «ЛНР», в напрямку Дебальцева українська диверсійно-розвідувальна група потрапила в засідку і була знищена. Проте, у підтвердженні штабу АТО про загибель трьох солдат ЗСУ не було одного зі стрижневих слів фейкового заголовку — *ДРГ (диверсійно-розвідувальна група)*. Насправді, прес-центр АТО заявляв про смерть трьох українських військових під час операції порятунку пораненого побратима через невдале застосування ручної гранати. Наприкінці фейкового повідомлення все ж таки подано інформацію про умови загибелі трьох українців [10], утім, інформативно насичений заголовок робить зайвим для більшості читачів подальше ознайомлення з інформацією, що допомагає нав'язати читачеві саме неправдиву інформацію. Проаналізуємо елементарні компоненти семантичної структури заголовка: суб'єкт — *штаб «АТО»* — правдивий; предикат — *підтвердив* — начебто правдивий, але зманіпульований, бо було підтвердження про загибель трьох воїнів: пораненого та тих, хто намагався його винести з поля бою, а не диверсантів-розвідників; прямий об'єкт — *інформацію* — правдивий, бо нейтральний у цій ситуації; прямий об'єкт — *ДРГ* — фальшивий, бо є центральним у конфліктогенному процесі.

(2) *Barbara Bush: “I don't know, how women can vote” for Trump* [12]. — Цей заголовок періоду передвиборчої кампанії Дональда Трампа репрезентовано як цитату авторитетної в США людини, Барбари Буш: жінки та матері двох колишніх президентів країни. Утім, автор заголовка пішов на хитрість, узявши в лапки нейтральне висловлювання про те, що Барбара Буш не знає, як голосують жінки. До вирваних з якогось контексту слів автор фейкового заголовку за межами цитати додає фінитивний об'єкт *for Trump* (= за Трампа), який є фальшивим, бо не має нічого спільного із колишнім висловленою думкою Барбари Буш, проте є комунікативно стрижневим словом у конфліктогенному заголовку. Структурою усього цього заголовка є конструція прямої мови, де цитоване висловлювання — складнопідрядне речення з підрядним з'ясувальним. Тут два суб'єкта: *І / я* (= Барбара Буш) із предикатом *don't know / не знаю* і *women / жінки* із предикатом *can vote / можуть голосувати*. Отже, власні слова Барбари Буш не є конфліктогенними, вони комунікативно нейтральні. Конфліктогенним наведений заголовок робить доданий автором об'єкт, який спотворює слова авторитетної людини.

(3) *Менеджер кампанії Гіллари: «Я знаю, що вона вже ненавидить пересічних американців».*

(4) *БОМБА WIKILEAKS: Радники Гіллари визнають, що вона «НЕНАВИДИТЬ ПЕРЕСІЧНИХ АМЕРИКАНЦІВ».*

Третій і четвертий заголовки структуровані подібно до другого. У лапках подано псевдоцитату, яка належить нібито менеджеру виборчого штабу Гіларі Клінтон. Прізвища цього менеджера в заголовку не наведено. Інші видання для посилення впливу на читачів і створення ефекту більшої переконливості використовують прийом псевдосинонімізації назви суб'єкта повідомлення, замінюючи форму однини слова *менеджер* на множину — *радники*. Отже, генеруються конфліктні настрої пересічних американців-виборців проти кандидатки в президенти США. Більшість із них, а саме ті, хто звик вірити слову журналістів, прочитавши такі заголовки, усвідомлюють, що неповагу Гіларі Клінтон до пересічних громадян США відчуває її найближче оточення. Якщо люди, які спілкуються з нею без охорони, кажуть про таке, то треба вірити. Споживач такої інформації навіть не відчуває, що відбувається підміна суб'єкта повідомлення: журналіст приписує свою оцінку об'єкта (Г. Клінтон) оточенню цього об'єкта.

З різних інформаційних джерел ми вибрали також інші приклади конфліктогенних заголовків, які мають різний контекстний потенціал.

Серед політично спрямованих і здатних породити міжнародні та міжнаціональні конфлікти можна назвати заголовки такого типу:

(5) *В Туркменістане в рамках возрождения национальной культуры отменена письменность.*

(6) *У Тегерані відкрили кондитерський магазин «Халва Аллагу».*

Характерною ознакою цих, як і більшості конфліктогенних заголовків, є предикативна структура (заголовки-речення). У наведених прикладах суб'єктні та предикативні відношення виражено синкретично: *отменена* — відмінив той, хто має на це повноваження (влада); *відкрили* — хтось відкрив (неозначено-особове за своєю структурою речення). Крім синкретичних суб'єктів / предикатів, до конфліктогенних центрів тут входять прямі об'єкти (*письменность*; *магазин «Халва Аллагу»*) і локальні атрибути (*в Туркменістане*; *у Тегерані*). П'ятий заголовок ображає туркменську націю, виставляючи її безграмотною й такою, що нехтує культурними цінностями людства. Шостий заголовок є антиіранським, він ображає почуття мусульман Ірану.

Більшість конфліктогенних заголовків «жовтої преси» має особистісне спрямування. Вони, як і переважна більшість інших конфліктогенних заголовків, репрезентовані структурою речення. Їхньою характерною ознакою є головна роль елементарних компонентів семантичної структури речення: суб'єкта (S), предиката (Pr) й об'єкта (O) — у визначенні конфліктної ситуації. Наприклад:

(7) *Во время фуге Волочкова (S) упала (Pr) в зал и намотала (Pr) на себя зрителей (O).*

(8) *Ющенко (S) висмоктав (Pr) собі мозок (O).*

(9) *Максим Галкин (S) сделал операцию (Pr) по расширению рта (O).*

(10) *Киркоров (S) забеременел (Pr) от инопланетянина (O).*

(11) *Кошка (S) Кузлачева забеременела (Pr) от хозяина (O).*

Негативно оцінив фейкову, неправдиву інформацію журналістів Папа римський Франциск. Понтифік заявив католицьким ЗМІ, що журналісти виконують одне з найфундаментальніших завдань у суспільстві, отже, вони не повинні впадати до «комунікативних гріхів»: дезінформації, однобічного висвітлення подій, наклепу, обмови, дискредитації тощо. Папа римський вважає ці дії смертним гріхом, який шкодить душам журналістів та інших людей [8].

Висновки. Наші спостереження дають змогу стверджувати, що заголовки конфліктогенних газетних текстів, які належать до розряду фейкових новин, не відповідають класичним вимогам конфліктної комунікації, бо репрезентують не власне конфлікт, а підбурюють визначених учасників ситуації до конфліктної взаємодії. Звичайною синтаксичною структурою фейкового заголовка є речення, в якому конфліктогенними найчастіше стають елементарні компоненти його семантичної структури. Заголовки, у яких журналіст маніпулює різними компонентами семантичної структури речення, нерідко представлено конструкціями прямої мови.

Література

1. Білоконенко Л. А. Конфликтная ситуация в художественном произведении как отражение авторской позиции / Л. А. Білоконенко // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. — 2013. — Вып. 86. № 37 (328). — С. 126–129.
2. Білоконенко Л. А. Морфологічні маркери мовного конфлікту / Л. А. Білоконенко // Мовознавчий вісник. — Черкаси, 2014. — Вип. 18. — С. 182–187.
3. Білоконенко Л. А. Українськомовний міжособистісний конфлікт : монографія / Л. А. Білоконенко. — Київ : Інтерсервіс, 2015. — 335 с.
4. Білоконенко Л. А. Українськомовна репрезентація міжособистісного конфлікту : автореф. дис. ... докт. філол. н. : 10.02.01 — укр. мова / Л. А. Білоконенко. — Київ, 2016. — 41 с.
5. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии / Т. М. Дридзе. — М. : Наука, 1984. — 268 с.
6. Егидес А. П. Психотехника синтонного общения [Электронный ресурс] / А. П. Егидес. — URL: http://psychologi.net.ru/book3_isk_ob/egides_sinton.html.
7. Луман Н. Социальные системы : очерк общей теории / пер. с нем. И. Д. Газиева / Никлас Луман. — СПб. : Наука, 2007. — 648 с.

8. Папа римский назвал фейковые новости серьезным грехом [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.interfax.ru/world/592171>
9. Тубалова И. В. «Конфликтотенный текст»: когнитивный и языковые особенности порождения (экспериментальное исследование) / И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер, Д. А. Перевалова // Вестник Томского гос. ун-та. — Томск, 2012. — № 365. — С. 33–38.
10. Фейковый заголовок російського сайту : штаб АТО підтвердив знищення української ДРТ [Електронний ресурс]. — URL : <https://www.radiosvoboda.org/a/28466423.html>
11. Фейковые новости [Электронный ресурс]. — URL : <http://gordonua.com/news/worldnews/feykovyie-novosti-slovar-angliyskogo-yazyka-opredelil-frazu-goda-215485.html>
12. Silverman C. This Analysis Shows How Viral Fake Election News Stories Outperformed Real News On Facebook / Craig Silverman. — Available at : https://www.buzzfeed.com/craigsilverman/viral-fake-election-news-outperformed-real-news-on-facebook?utm_term=.wiqW71dqZo#.tuwjOYZNW3

References

1. Belokonenko, L. A. (2013), “Conflict situation in the artistic work as a reflection of the author’s position”, *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art History* [“Konfliktnaia situacija v khudozhestvennom proizvedenii kak otrazhenie avtorskoj pozicii”, *Vestnik Cheliabinskogo gos. un-ta. Filologija. Iskusstvovedenie*], *Chelyabinsk State University Press*, vol. 86, No 37 (328), pp. 126–129.
2. Bilokonenko, L. A. (2014), “Morphological Markers of the Linguistic Conflict”, *Linguistics Visnyk* [“Morfolohichni markery movnoho konfliktu”, *Movoznavchij visnyk*] Cherkasy Bohdan Khmelnyts’kyj National University, vol. 18, pp. 182–187.
3. Bilokonenko, L. A. (2015), *Ukrainian-language interpersonal conflict : monograph [Ukrains'komovnyj mizhosobystisnyj konflikt : monografija]*, Interservice, Kyiv, 335 p.
4. Bilokonenko, L. A. (2016), *Ukrainian-language representation of interpersonal conflict : author’s synopsis of thesis [Ukrayins'komovna reprezentatsija mizhosobystisnoho konfliktu : avtoref. dys. ... dokt. filol. n. : 10.02.01 — ukr. mova]*, Institute of the Ukrainian language NAS of Ukraine, Kyiv, 41 p.
5. Dridze, T. M. (1984), *Text activity in the structure of social communication : Problems of semiosociopsychology [Tekstovaja dejatel'nost' v strukture social'noj kommunikacii : Problemy semiosociopsikhologii]*, Nauka, Moscow, 268 p.
6. Egides, A. P. (2016), *Psychotechnics of syntonic communication [Psikhotehnika sintonnogo obshchenija]*, available at : http://psychologi.net.ru/book3_isk_ob/egides_sinton.html
7. Luman, N. (2007), *Social systems : an outline of the general theory, translated by I. D. Gazijev [Sotsial'nyye sistemy : ocherk obshchej teorii, per. s nem. I. D. Gazijev]*, Nauka, St. Petersburg, 648 p.
8. *The Pope called fake news a serious sin* (2017) [*Papa rimskij nazval nepravdivye novosti ser'joznym grekhom*], available at : <http://www.interfax.ru/world/592171>
9. Tubalova, I. V., Emer, Yu. A., Perevalova, D. A. (2012), ““Conflict-causing text”: cognitive and linguistic features of the generation (experimental study)”, *Bulletin of the Tomsk State University* [“Konfliktotennyj tekst : kognitivnyje i yazykovyje osobennosti porozhdenija (eksperimental'noe issledovanie)”, *Vestnik Tomskogo gos. un-ta*], Tomsk State University, Tomsk, vol. 365, pp. 33–38.
10. *The fake headline of the Russian site : the ATO headquarters confirmed the destruction of the Ukrainian DRG* (2017), [*Feykovyj zaholovok rosiys'koho sajtu : shtab ATO pidtverdvy znyshchennia ukrains'koi DRH*], available at: <https://www.radiosvoboda.org/a/28466423.html>
11. *Fake news* (2017) [Feykovye novosti], available at: <http://gordonua.com/news.html>
12. Silverman C. *This Analysis Shows How Viral Fake Election News Stories Outperformed Real News On Facebook* (2017), available at : https://www.buzzfeed.com/craigsilverman/viral-fake-election-news-outperformed-real-news-on-facebook?utm_term=.wiqW71dqZo#.tuwjOYZNW3

АЛЕКСЕЕВА Елена Сергеевна,

преподаватель кафедры украиноведения Национального университета «Одесская морская академия»; ул. Дидрихсона, 8, г. Одесса, 65029, Украина; тел. : +38(048)7327910; e-mail: djayani@ukr.net

КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ

Аннотация. Целью данного исследования является определение структуры конфликтотенных заголовков фейковых новостей, размещённых в печатных и электронных газетах. **Объектом** изучения являются газетные заголовки, **предметом** — структура заголовка, которая обеспечивает сознательный характер создания или отображения корреспондентом конфликтотной ситуации. **Материал** выбран из украиноязычных, русскоязычных и англоязычных газет. Используются **методы** когнитивного и структурно-семантического анализа, а также описательный метод. В **результате** исследования были установлены структурно-семантические приоритеты заголовков, в которых сознательно заложена ложная информация для создания конфликтотной ситуации в определённом коммуникативном пространстве. **Выводами** считаем следующие положения: 1) заголовки конфликтотных газетных текстов не соответствуют классическим требованиям конфликтотной коммуникации, потому что не представляют конфликт, а лишь провоцируют его; 2) обычной синтаксической структурой неправдивых заголовков является предложение, в котором конфликтотными чаще становятся элементарные компоненты его семантической структуры: субъект, предикат, объект; 3) заголовки, в которых журналист манипулирует различными компонентами семантической структуры предложения, нередко представлены конструкциями прямой речи.

Ключевые слова: заголовок, газетная статья, конфликтотный, фейковая информация, синтаксическая структура, семантическая структура.

Olena S. ALEKSEEVA,

Lecturer of the Ukrainian Studies Department of the National University “Odessa Maritime Academy”;
8 Didrikhsona str, Odessa, 65029, Ukraine; tel. : +38 (048) 7327910; e-mail: djayani@ukr.net

CONFLICT-CAUSING POTENTIAL OF NEWSPAPER HEADINGS

Annotation. The *purpose* of this study is to determine the structure of the conflict headlines of fake news, placed in print and electronic newspapers. The *object* of the study are newspaper headings, the *subject* is the headline structure, which provides a conscious character of the creation or display by the correspondent of the conflict situation. The *material* was selected from a few Ukrainian-language, Russian-language and English-language newspapers. *Methods* of cognitive and structural-semantic analysis, as well as a descriptive method, were used. As a *result* of the research, the structural and semantic priorities of the headlines were acknowledged, in which deliberately false information was created to cause a conflict situation in a certain communicative space. We consider the following as the *conclusions*: 1) the headings of conflict-related newspaper texts do not correspond to the classical requirements of conflict communication, because they do not represent the conflict, but only provoke it; 2) the usual syntactic structure of untruthful headings is a sentence in which the elementary components of its semantic structure are more likely to conflict: subject, predicate, object; 3) the headings in which the journalist manipulates the various components of the semantic structure of the sentence are often represented by constructions of direct speech.

Key words: headline / heading, newspaper article, conflict-causing, fake information, syntactic structure, semantic structure.

Статтю отримано 15.10.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.28.115854>

УДК 81'221.4:316.285/.286:303.446.23

ВЕСНА Татьяна Васильевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры французской филологии
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова;
ул. Дворянская, 2, Одесса, 65082, Украина; тел.: +38(0482) 630703

САВИЦКАЯ Юлия Витальевна,

магистрант отделения французской филологии Одесского национального университета имени И. И. Мечникова,
ул. Дворянская, 2, Одесса, 65082, Украина; тел.: +38(0482) 630703; e-mail: lily-light@list.ru

ПОТЕНЦИАЛ КОММУНИКАТИВНЫХ СБОЕВ ПРИ ТОЛКОВАНИИ ЭМОДЖИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

Аннотация. *Объект* исследования — интернет-коммуникация с использованием эмограмм. *Предмет* — особенности и трудности интерпретации эмоджи в контексте межкультурной коммуникации. *Целью* статьи является исследование возможного неправильного понимания при общении с использованием эмоджи. *Методы* проведения исследования: сравнительный, описательный, метод лингвистического анализа. *Результат* работы состоит в подтверждении выдвинутого тезиса о том, что, несмотря на свою эксплицитность, эмоджи содержат потенциал возникновения межкультурных коммуникативных сбоев. Результаты *могут быть применены* при дальнейшем изучении вопросов теории и практики перевода с языка эмоджи и на него, при исследовании природы такого языка, а также при анализе и прогнозировании тенденций коммуникации, в том числе с использованием информационных технологий. В качестве *вывода* предложен такой возможный путь решения проблемы: для улучшения взаимопонимания между пользователями следует привести все эмоджи к единому виду, вне зависимости от платформы и устройства.

Ключевые слова: эмоджи, пиктограмма, межкультурная коммуникация.

Постановка проблемы. Актуальность работы обуславливается необходимостью исследования особенностей и трудностей интерпретации графических эмоджи (эмоджи). Поскольку популярность Интернета неуклонно растёт, смайл стал стандартным символом в электронных письмах, чатах или объявлениях. Создателями были разработаны многие другие разновидности изображения, выражающие более сложные эмоции. Увеличение количества смартфонов и других портативных устройств способствовало успеху эмоджи среди пользователей, которые теперь графически отображают всю гамму основных эмоций человека. За менее чем 50 лет смайлы развились из простых значков на сувенирных товарах до полноправного визуального языка [6, с. 84].

Связь проблемы с предыдущими исследованиями. Рассмотренные научные работы представили следующие основные направления исследования. Уолтер и Д'Аддарио (2001) изучали степень различия в интерпретации трёх основных эмоджи: :-) ; -(и ;-). При анализе использования эмо-

тиконов Давыдовым, Цуром и Раппопортом (2010), изучавшими возможность идентификации эмотикона, ранее содержавшегося в сообщении, было обнаружено, что с большой долей вероятности участникам удаётся установить, какой эмотикон был изъят из сообщения в Твиттере.

Анализ последних исследований и публикаций. Менее изученной на данный момент является сфера интерпретации эмоджи. Такие исследователи как Лю, Ли и Го (2012), Новак и другие (2015) разрабатывали классификацию эмоций, изображённых с помощью эмоджи, основываясь на значениях сопровождающего их текста. Хотя такой метод, в основном, оправдал себя, обе работы упоминали случаи, в которых эмоджи связывались с разными, а иногда и противоположными эмоциями. Миллер и другие (2016) сфокусировались на исследовании различий в интерпретации эмоджи при использовании различных платформ портативных устройств. Тоссел и другие (2012) изучали частоту эмотиконов в текстах SMS, в блогах (Хаффейкер и Калверт (2006)) и, наконец, в Твиттере (Паркер и другие (2013)). Работа Ло (2008) вновь подтвердила, что эмоджи могут изменить мотививную окраску написанного текста с положительной на отрицательную и наоборот. Дерке, Фишер и Бос (2008) пришли к выводу о том, что эмотиконы выполняют функцию невербальных знаков при живом общении. Либман и Гёргл (2016) подчеркнули важную роль, которую играют эмотиконы вместе с пунктуацией в межличностном текстовом общении. Аи и другие (2017) изучали использование и значение эмоджи под влиянием контекста. Чен и другие (2017) исследовали употребление эмоджи с точки зрения гендерного подхода.

Постановка задания. Учитывая то, что эмоджи вошли во всеобщее употребление сравнительно недавно (напомним, что впервые они были разработаны в Японии в конце 1990-х, в 2000 начала рассматриваться возможность их включения в Unicode, в 2006 Google начал разработку этого проекта, в 2009 они официально стали частью стандарта Unicode (114 единиц), а сегодня Unicode насчитывает около 1427 изображений [2, с. 3, 4]), неоднозначность, неправильное толкование и культурные различия при использовании эмоджи, замеченные некоторыми названными выше исследователями и вытекающие из этого возможные коммуникативные сбои, неловкие ситуации и даже вероятные ненарочные этнические оскорбления представляют интерес для более глубокого изучения.

Цель статьи заключается в исследовании потенциала коммуникативных сбоев при толковании эмоджи в контексте межкультурного общения. Достижение цели предусматривает решение таких задач: дать определение термину «эмоджи», охарактеризовать их функции, привести наглядные примеры случаев отличного толкования эмоджи представителями разных культур, рассмотреть, как общество реагирует на их стремительно растущую популярность и какие предлагаются способы сведения к минимуму неоднозначного толкования пиктограмм.

Изложение основного материала исследования. Эмоджи являются пиктограммами, которые обычно представляют собой цветное изображение, введённое в текст. Они могут символизировать лица, погоду, транспортные средства или здания, продукты питания или напитки, растения или животных, а также чувства или действия.

Слово «эмоджи» происходит из японского языка: 絵 (е ≅ картинка) + 文 (мо ≅ письмо) + 字 (ji ≅ персонаж).

По сравнению с традиционными способами передачи информации: текстовыми сообщениями, изображениями, эмотиконами, — эмоджи считаются более живыми, выразительными и семантически более богатыми средствами. Поэтому они настолько быстро полюбились пользователям Интернета, особенно тем, кто использует для доступа к нему смартфоны. Рост частоты употребления эмоджи является беспрецедентным феноменом социальной инновации [9, с. 1]. С одной стороны, эмоджи позволяют привлечь внимание адресата и впечатлить его, с другой — они рассматриваются как элемент игры и этим завоевывают симпатию многих пользователей. В некоторых группах использование эмоджи составляет часть общепринятого стиля общения. В этом случае отсутствие эмоджи может означать несоблюдение нормы коммуникации. Таким образом, этот графический элемент может играть социальную функцию, позволяя определить принадлежность к той или иной группе пользователей Интернета [4, с. 5].

Как и изображения в целом, эмоджи окрашены своим культурным окружением и не являются настолько универсальными, как это можно представить. В частности, когда значение эмоджи символично, пользователю потребуются знания обычно приписываемого им значения, чтобы правильно его истолковать. Так, например, эмоджи «*Aubergine*» (баклажан) кажется нам достаточно безобидным, однако некоторые пользователи в Соединенных Штатах используют его в качестве фаллического символа. Большой потенциал неоднозначной трактовки заложен также в эмоджи «*Person with Folded Hands*» (человек со сложенными руками) . Для японцев этот эмоджи означает приветствие, для представителей других культур — мольбу, просьбу, молитву, извинение, «дай пять» [10].

По словам создателя эмоджи Сигэтака Курита, символ «*Heavy Black Heart*» (сердце) везде используется примерно с одинаковым смыслом, однако есть символы, которые могут понять только японцы или только американцы.

Воплощая мечту создателя, The Runet попытался проанализировать, как одни и те же пиктограммы эмоджи воспринимаются в разных странах. Для анализа были выбраны 8 стран и 12 не совсем однозначных символов. Было опрошено по одному-два жителя каждой страны. Исследование не претендует на статистическую точность. Трактовка значения символов может быть обусловлена индивидуальным восприятием человека и напрямую не зависит от региона его проживания.

По результатам опроса, различное восприятие одних и тех же смайлов встречается как у жителей одной, так и разных стран. Больше всего затруднений вызвал символ «*Open Hands Sign*» 🙌. В качестве вариантов его значения были названы: хлопки в ладоши, «ты и я», а также джаз-хэндс — движения рук, позаимствованные из танца, часто используется американцами в повседневной жизни для выражения большой радости. Хотя в действительности создатели вкладывали в эту пиктограмму жест открытости.

Дать правильную или близкую к правильной трактовку значения эмоджи «*White Flower*» 🌸 и «*Bookmark*» 📌 удалось лишь жителям азиатского региона — Японии, Китая (Тайваня), Южной Кореи. Первый символ означает хорошо сделанную работу (именно такой знак ставит учитель в тетради с отлично выполненным домашним заданием). Второе изображение, похожее для европейцев и американцев на ожерелье, бирку или закладку, является, по версии создателей Unicode, закладкой или, согласно вербальной интернет-практике китайцев, талисманом.

Эмоджи «*Loudly Crying Face*» 😭 изображает рыдающего человека, однако в версии для устройств Apple из-за приподнятых бровей и не перекошенного от рыданий рта он часто воспринимается как хохочущий до слёз. Поэтому в негативном контексте он может выглядеть неприемлемо.

Знак «*Thumbs Up Sign*» (палец вверх) 👍 традиционно выражает одобрение, однако для жителей Греции или Таиланда он несёт значение популярного жеста «*Средний палец*». Так же воспримет китаец эмоджи «*Waving hand Sign*» 🙋 при том, что собеседник всего лишь хотел поздороваться или попрощаться. А в Бразилии эту функцию выполняет пиктограмма «*OK Hand*» 🙌.

Отправляя смайл «*Poo*» 💩 знакомому перед экзаменом или собеседованием, японец желает удачи, поскольку слова, означающие удачу и «детскую неожиданность», в японском созвучны. Другие же могут его интерпретировать как что-то отвратительное.

Глядя на «*Tired Face*» 😞 можно подумать, что это выражение жалобы, страдания или растерянности. На самом же деле, это всего-навсего зевание.

«*Face With Look of Triumph*» 😏 может быть истолкован как безумие, злость, ярость. Однако его оригинальное значение — триумф.

Для представителей западной культуры «*Japanese Ogre*» 🍄 может выглядеть как нечто ужасное, к примеру, изображение дьявола, однако на его родине это талисман, защищающий жилище его владельца от злых духов.

Люди по-разному реагируют на одни и те же эмоджи, в зависимости от гаджета, на экране которого они их видят. Из-за того, что на разных устройствах эмоджи отображаются неодинаково, между собеседниками часто возникает недопонимание. Учёные из Университета Миннесоты протестировали один и тот же эмоджи-смайл («*Grinning face with smiling eyes*» — ухмыляющееся лицо с улыбающимися глазами: 😄) в визуализациях Apple, Google, Microsoft, Samsung и LG по пятибалльной шкале. Разброс оценок составил от минус единицы (негативное впечатление) до 4,2 баллов (позитивное). Лишь 54 % опрошенных пользователей программного обеспечения Microsoft смогли интерпретировать его как выражение позитивного настроения, 44 % пользователей сочли его обозначением негативных эмоций. В целом, разница в восприятии 22 эмоджи различалась на 2 балла [1].

Согласно исследованию компании-разработчика программного обеспечения Swift Key, у пользователей эмоджи наблюдаются и географические различия: так, французские пользователи соцсетей и мессенджеров используют в 4 раза чаще, чем обычно, пиктограммы с сердцами, носители арабского отдают предпочтение изображениям цветов и растений, русские используют в 3 раза чаще среднего романтические эмоджи и эмоджи, связанные с холодной погодой. Также исследованием было подтверждено, что эмоджи «*Face with Tears of Joy*» 😂 занимает первое место по частоте употребления в 2015 году (20 % от всех эмоджи, использованных в Соединённом королевстве, и 17 % — в США) [8].

Один из способов узнать значение смайла — это обратиться за помощью к сайту emojipedia.org. На нём можно найти не только подробные толкования смайликов, но и увидеть, как один и тот же смайл выглядит на разных платформах. В среднем к помощи этого сайта прибегают около 15–16 миллионов раз в месяц. Его наиболее частыми пользователями являются журналисты, которые хотят избежать коммуникативных неудач при публикации статей в Интернете от имени их издательств.

Исходя из сказанного выше, можно констатировать появление потребности в специалистах, предоставляющих услуги по трактовке эмоджи в зависимости от контекста, культуры, типа устройства, возраста и пола отправителя и получателя сообщения, а также от других факторов, — переводчиках эмоджи. Данное утверждение может быть обосновано следующими фактами.

В 2016 году лондонская переводческая компания «Today Translations» разместила объявление о вакансии переводчика эмоджи. Это предложение ранее не имело аналогов ни в одном государстве мира. В основные обязанности такого переводчика входит объяснение межкультурных нюансов значений эмоджи и составление ежемесячных отчётов о мировых тенденциях в данной сфере [3]. На следующий год компания объявила о закрытии вакансии. Первым в мире переводчиком эмоджи стал ирландец Keith Broni.

Ещё одним свидетельством реакции на возрастающий интерес к эмоджи в современном мире стало создание ресурса emojiopedia.org. Данный ресурс занял пустующую нишу источника единообразного толкования эмоджи, потребность в котором увеличивается с каждым днём. Это событие положило начало ещё одному направлению в сфере интерпретации пиктограмм.

Следует также отметить состоявшийся проект перевода романа «Моби Дик» Фреда Бененсона. Была объявлена большая кампания, привлекавшая пользователей, заинтересованных в переводе и его финансировании. Около 10 тысяч предложений и около 800 страниц текста были полностью переведены на язык эмоджи. Книга издана, хранится в Библиотеке Конгресса. Её экземпляры выставлены на продажу. Такой интерсемиотический перевод «Моби Дика» (Emoji Dick) свидетельствует о том, что эмоджи могут быть использованы, как и пиктограммы, не только для передачи эмоций, а и для выражения идей. Этот пример подчёркивает нарративный потенциал эмоджи [5, с. 12].

Выводы. В данной работе был выдвинут и доказан тезис о том, что, несмотря на свою эксплицитность, эмоджи содержат потенциал возникновения межкультурных коммуникативных сбоев. Для улучшения взаимопонимания между пользователями следует привести все эмоджи к единому виду, вне зависимости от платформы и устройства.

Изобретатель эмоджи Сигэтака Курита заявлял, что мечтает о развитии своего творения в сторону унификации, чтобы все графические символы воспринимались людьми из разных стран одинаково. С точки зрения Курита, это помогло бы наладить всемирное взаимопонимание.

Перспективы исследования заключаются в освещении вопросов теории и практики перевода с языка эмоджи и на него. Кроме того, учёные ещё не пришли к общему мнению, можно ли назвать данные пиктограммы языком и могут ли они полностью заменить естественные языки [7, с. 36]. Недостаточно исследованной на сегодняшний день является и сфера использования эмоджи людьми разных возрастных групп и профессий. Было отмечено практически полное отсутствие подобных работ на материале русского или украинского языков.

Литература

1. Davis M. “Unicode Emoji.” Technical Report 51 / M. Davis, P. Edberg. — 2015 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.unicode.org/L2/L2015/15140-utr51-2d9.pdf>
2. Eggert N. Emoji translator wanted — London firm seeks specialist / N. Eggert [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.bbc.com/news/world-38287908>
3. Guillou G. Emoji mania / G. Guillou // Le Quotidien des Jeunes. N°215, mercredi 14 décembre. — 2016. — 8 p.
4. “Blissfully Happy” or “Ready to Fight”: Varying Interpretations of Emoji. — Menlo Park, CA: AAAI Press // Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media (ICWSM 2016). — 2016. — 10 p.
5. Moschini I. The “Face with Tears of Joy” Emoji. A Socio-Semiotic and Multimodal Insight into a Japan-America Mash-Up / I. Moschini // Hermes — Journal of Language and Communication in Business no 55. — 2016. — P. 11–25.
6. Piercy J. Symbols: A Universal Language / J. Piercy. — London: Michael O’Mara Books, 2013. — 179 p.
7. Siever C. M. Caractères figuratifs et autres symboles / C. M. Siever // VSAO JOURNAL ASMAC. № 5 Octobre. — 2016. — P. 35–36.
8. SwiftKey Emoji Report, April 2015. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ru.scribd.com/doc/262594751/SwiftKey-Emoji-Report#>
9. Through a Gender Lens: An Empirical Study of Emoji Usage over Large-Scale Android Users. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://arxiv.org/pdf/1705.05546.pdf>
10. Чернецова М. Эмоциональная революция / М. Чернецова. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://therunet.com/articles/4362>

References

1. Davis, M. (2015), “Unicode Emoji”, *Technical Report 51*, available at : <http://www.unicode.org/L2/L2015/15140-utr51-2d9.pdf>
2. Eggert, N. (2016), “Emoji translator wanted — London firm seeks specialist”, available at : <http://www.bbc.com/news/world-38287908>
3. Guillou, G. (2016), “Emoji mania”, *Le Quotidien des Jeunes*, No°215, mercredi 14 décembre, 8 p.
4. “Blissfully Happy” or “Ready to Fight”: Varying Interpretations of Emoji”, *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media (ICWSM, 2016)*, AAAI Press, Menlo Park, CA, 10 p.

5. Moschini, I. (2016), “The “Face with Tears of Joy” Emoji. A Socio-Semiotic and Multimodal Insight into a Japan-America Mash-Up”, *Hermes — Journal of Language and Communication in Business*, No 55, pp. 11–25.
6. Piercy, J. (2013), *Symbols : A Universal Language*, Michael O'Mara Books, London, 179 p.
7. Siever, C. M. (2016), “Caractères figuratifs et autres symboles”, *VSAO JOURNAL ASMAC*, No 5, Octobre, pp. 35–36.
8. “SwiftKey Emoji Report” (April 2015), available at : <https://ru.scribd.com/doc/262594751/SwiftKey-Emoji-Report#>
9. “Through a Gender Lens : An Empirical Study of Emoji Usage over Large-Scale Android Users”, available at : <https://arxiv.org/pdf/1705.05546.pdf>
10. Chernecova, M. “Emotional revolution” [“Emocional'naja revoljucija”], available at : <https://therunet.com/articles/4362>

ВЕСНА Тетяна Василівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри французької філології
Одеського національного університету імені І. І. Мечникова,
вул. Дворянська, 2, Одеса, 65082, Україна; тел.: +38(0482) 630703

САВИЦЬКА Юлія Віталіївна,

магістрант відділення французької філології Одеського національного університету імені І. І. Мечникова,
вул. Дворянська, 2, Одеса, 65082, Україна; тел.: +38(0482) 630703; e-mail: lily-light@list.ru

ПОТЕНЦІАЛ КОМУНІКАТИВНИХ ЗБОЇВ ПРИ ТРАКТУВАННІ ЕМОДЖІ В КОНТЕКСТІ МІЖКУЛЬТУРНОГО СПІЛКУВАННЯ

Анотація. *Об'єктом* дослідження є інтернет-комунікація з використанням емограм. *Предметом* — особливості і труднощі інтерпретації емоджі в контексті міжкультурної комунікації. *Метою* статті є дослідження можливого неправильного розуміння при спілкуванні з використанням емоджі. *Методи* дослідження: порівняльний, описовий, лінгвістичного аналізу. *Результат* роботи полягає у підтвердженні висунутої тези про те, що, незважаючи на свою експліцитність, функціонування емоджі містить значний потенціал щодо міжкультурних комунікативних збоїв. Результати *можуть бути застосовані* під час подальшого вивчення питань теорії та практики перекладу з мови емоджі та на неї, у дослідженні природи такої мови, а також у процесі аналізу та прогнозування тенденцій комунікації, зокрема із використанням інформаційних технологій. *Висновком* виступає пропозиція можливого шляху вирішення констатованої проблеми: для поліпшення взаєморозуміння між користувачами слід привести всі емоджі до єдиного вигляду, незалежно від платформи і пристрою.

Ключові слова: емоджі, піктограми, міжкультурна комунікація.

Tetjana V. VESNA,

PhD (Philology), Associate Professor, French Philology Chair, Odessa I. I. Mechnikov National University,
2 Dvorjans'ka str., Odessa, 65082, Ukraine; tel.: +38(0482)630703

Yuliia V. SAVYTSKA,

Master of the French Philology Department of the Odessa I. I. Mechnikov National University,
2 Dvorjans'ka str., Odessa, 65082, Ukraine; tel.: +38(0482)630703; e-mail: lily-light@list.ru

THE POTENTIAL OF COMMUNICATION FAILURES OF THE INTERPRETATION OF EMOJI IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Summary. The *object* of the article is the Internet communication using emograms. The *subject* is the peculiarities and difficulties of the interpretation of emoji in the context of intercultural communication. The *purpose* of this study is to investigate the possible misunderstandings during the communication using emoji. *Methodology* comprises of such methods and procedures of dialectal analysis as: comparative, descriptive, method of linguistic analysis. The *findings* present the confirmation of the main thesis that, despite their explicitness, emoji have a great potential for intercultural communication failures. The *practical value* consists in the relevance of the investigation for further studies of the theory and practice of translation from and to the language of emoji, of the nature of such language, and for analyzes and prognostication of the communication trends in general and using information technologies in particular. As the *result* we can make the recommendation for the possible solution of the identified problem: all emoji should be unified, regardless of platform and device, in order to improve mutual understanding between users.

Key words: emoji, pictograms, intercultural communication.

Статтю отримано 2.10.2017 р.

МОРОЗОВА Ірина Борисівна,

доктор філологічних наук, професор, професор кафедри граматики англійської мови
Одеського національного університету імені І. І. Мечникова;
вул. Дворянська, 2, м. Одеса, 65082, Україна; тел. +38 050 6572043;
e-mail: morpo@ukr.net; ORCID ID: 0000-0002-1905-7563

ЦАПЕНКО Тетяна-Єлизавета Василівна,

магістр кафедри граматики англійської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова;
Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; тел.: +38 066 5509024;
e-mail: tanyatsapenko@bigmir.net; ORCID ID: 0000-0002-9759-2297

КОМУНІКАТИВНО-СИНТАКСИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ДИТЯЧОГО МОВЛЕННЯ В ЖАНРІ ІНТЕРВ'Ю

Анотація. *Актуальність* обраної теми роботи зумовлена загальною спрямованістю мовознавчих досліджень на вивчення взаємозв'язків між усіма рівнями мови, з одного боку, та орієнтованістю сучасної лінгвістики на дослідження мовно-мисленневих кореляцій та проблеми онтогенезу мовлення, з іншого. *Об'єктом* дослідження є мовлення американських дітей дошкільного та молодшого шкільного віку у рамках гумористичного ток-шоу. *Предмет* дослідження складають синтаксичні, лексичні та інтонаційні особливості дитячого мовлення. У роботі застосовуються загальнонаукові *методи дослідження* як-то: спостереження, вимірювання, опис, порівняння, перцептивний аналіз, дедукція, неповна індукція, узагальнення, кількісний та якісний аналіз. *Мета* роботи полягає у виявленні та порівнянні синтаксичних, лексичних та інтонаційних особливостей дитячого мовлення комунікантів-дошкільників та дітей молодшого шкільного віку з акцентуванням на гендерній приналежності респондентів інтерв'ю. *У результаті* дослідження встановлено відмінності у мовленні дітей різних вікових груп. Зроблено *висновок*, що на фонетичному рівні такі відмінності полягають в особливостях вимови та інтонаційного оформлення, темпі говоріння і частотності вживання пауз хезитацій та їхній довжині. На лексичному рівні виявлено такі особливості: відсутність використання синонімічного ряду в дітей обох вікових категорій, невелика кількість лексичних прийомів, серед яких фігурують повтори, оказіоналізми, метафори і антитези. Аналіз синтаксичної структури показав: чим молодшими є респонденти, тим більшу схильність вони мають до односкладних відповідей, реалізованих у простих реченнях та еліптичних конструкціях. Визначено частотність уживання різних граматичних типів речень. *Практичне застосування* результатів дослідження може полягати в покращенні мовних навичок як рідної мови, так і іноземної ще в дитячому віці.

Ключові слова: онтолінгвістика, жанр інтерв'ю, синтаксичні особливості дитячого мовлення, лексичні особливості дитячого мовлення, фонетичні особливості дитячого мовлення, гендер.

Постановка проблеми. У сучасній лінгвістиці питання онтогенезу та розвитку і становлення дитячого мовлення на різних етапах формування особистості є край актуальним і широко досліджуваним, оскільки відповідь на нього може стати ключем до розуміння того, як людина познає світ, вчиться мислити та формувати свої думки і виражати їх вербально. Це, в свою чергу, дає основу до вивчення подальшого розвитку особистості, в тому числі і в контексті комунікативних навичок, здатності до оволодіння іншими мовами та вміння зробити процес комунікації ефективним. Таким чином, *актуальність* обраної теми роботи зумовлена загальною спрямованістю мовознавчих досліджень на вивчення взаємозв'язків між усіма рівнями мови, з одного боку, та орієнтованістю сучасної лінгвістики на дослідження мовно-мисленневих кореляцій та проблеми онтогенезу мовлення, з іншого.

Постановка завдань дослідження. *Об'єктом* нашої роботи є мовлення американських дітей дошкільного та молодшого шкільного віку у рамках гумористичного ток-шоу. *Предмет* дослідження складають синтаксичні, лексичні та інтонаційні особливості дитячого мовлення.

Мета дослідження полягає у виявленні та порівнянні синтаксичних, лексичних та інтонаційних особливостей дитячого мовлення комунікантів-дошкільників та дітей молодшого шкільного віку з акцентуванням на гендерній приналежності респондентів інтерв'ю. Поставлена мета визначила наступні *завдання розвідки*: вивчити основні підходи онтолінгвістики; дослідити існуючі класифікації дитячого мовлення і роздивитись логіко-прагматичний підхід в розмірковуванні; проаналізувати жанр інтерв'ю у лінгвістичному аспекті; дослідити синтаксичні, лексичні та інтонаційні особливості дітей-комунікантів дошкільного віку (4–7 років) та молодшого шкільного віку (7–10 років) з акцентуванням на їхній гендерній приналежності.

Матеріалом вивчення стали діалогічні репліки-відповіді комунікантів-дітей ведучому в жанрі інтерв'ю в ток-шоу Джиммі Кіммела, рубриці «Jimmy talks to kids» тривалістю звучання 30 хвилин (загалом 300 реплік). Вибір *матеріалу* дослідження не є випадковим. Популярність медійного жанру ток-шоу зросла ще в 90-і роки ХХ ст., однак інтерес до дитячої рубрики виявився не так давно. Його мета — досягнення комічного ефекту безглуздості дитячих відповідей на поставлені запитання, а також утруднення дітей до вираження своїх думок, що можна прослідити на всіх рівнях мови. Пи-

тання ведучого відрізняються складністю для дитячого розуміння навмисно для того, щоб дитина могла виразити безпосередньо свої власні роздуми, а не те, що було вже нею почуто від дорослих. З лінгвістичної сторони такі репліки-відповіді є цікавими для вивчення, адже саме вони є відображенням не тільки процесу дитячого мислення, а й вміння дитини досліджуваного віку володіти мовою та викладати думки у скрутній ситуації.

У роботі застосовуються загальнонаукові **методи** дослідження як-то: спостереження, вимірювання, опис, порівняння, перцептивний аналіз, дедукція, неповна індукція, узагальнення, кількісний та якісний аналіз.

Дослідження розглядає дитяче мовлення у жанрі інтерв'ю, адже саме такий формат, який носить бесіда дитини з ведучим є, з нашої точки зору, найбільш вдалим для того, щоб прослідити взаємозв'язок між мисленням дитини та вербальною репрезентацією її думок в обставинах непередбаченого мовлення та незнайомої (здебільшого) тематики. У бесіді з дорослою людиною діти на підсвідомому рівні віддають активну роль більш відповідальному і досвідченому співбесіднику, що контролює та спрямовує розмову, а самі займають роль відносно пасивну, але саме такі умови надають дітям свободу до мислення «вголос» і формування висловлювань, як це є психологічно комфортнішим для дитини. Наша розвідка базується на підході до вивчення дитячого мовлення, запропонованому Д. Слобіним, що полягає в дослідженні системи дитячого мовлення як окремого об'єкту, зі своєю власною та індивідуальною структурою. Цей підхід дозволяє проаналізувати дитяче мовлення як таке, прослідити динаміку його становлення та порівняти оволодіння мовою одного індивіду на контрасті з іншими [6, с. 175–179].

Зв'язок із попередніми дослідженнями. Існують різні класифікації дитячого мовлення (А. Р. Філіппова, С. Л. Рубінштейн, О. М. Гвоздев, Ж. Піаже та інші). Ґрунтуючись на класифікації Ж. Піаже, досліджуване в цій роботі мовлення комунікантів визначаємо як *соціалізоване мовлення*, оскільки діти уважно слухають співбесідника і викладають свої думки з метою бути зрозумілими. Згідно до категорій соціалізованого мовлення, мовлення дітей є *адаптованим*, бо діти зацікавлені у підтримці діалогу з ведучим [5, с. 16–18].

Вивчаючи процес оволодіння мовлення, слід зазначити, що його поділяють на декілька етапів. Перший етап, зокрема, починається у віці 1–1,5 років. В цілому, вчені поділяють весь процес набуття мовлення на різну кількість періодів — від трьох (Д. Крістал) до п'яти (Д. Слобін), однак здебільшого сходяться на думці, що останній період настає у віці 3–4 років і передбачає повне оволодіння граматичною структурою мови: діти віком від 4 років здатні будувати складні розгорнуті речення, використовуючи усі частини мови. На думку Л. С. Виготського, Д. Крістала та Д. Е. Блиннової, мовлення дітей вже з цього періоду і далі не разюче відрізняється від мовлення дорослих комунікантів [1, с. 18]. Зауважимо, що в нашому дослідженні було вирішено умовно поділити всіх комунікантів на 2 вікові групи: дошкільників і дітей молодшого шкільного віку через притаманним певні особливості, що пояснюємо впливом соціальних та психологічних факторів.

Виклад основного матеріалу. Як впливає з досліджуваного матеріалу, на лексичному рівні у комунікантів обох вікових груп наявна загальна тенденція до використання наступних мовних засобів художньої виразності: метафор, протиставлень, епітетів, вставних слів, слів-паразитизмів, оказіоналізмів.

Наведемо приклад використання метафори:

Interviewer: What's the difference between a boy and a girl?

Boy (7 years): You can tell by the Adam's apple... [8]

Оказіоналізми, що створюються в досліджуваному матеріалі не як засіб художньої виразності або гри мови, а як засіб виходу з ситуації що склалася через нездатність підібрати доречне слово, що дозволяє надавати комічний характер ситуації. Проілюструємо:

Interviewer: How old do you have to be to drive a car?

Boy 4 (5 years): Fifty eight. About sixty eight. What about eighty eight? They have to be "tenty eight". [8]

У цій мовній ситуації комунікант не знає слова *one hundred* і тому логічно припустив, що воно може бути схожим на інші числівники, що означають десятки, таким чином взяв за основу *ten* і додав до нього суфікс *-ty*, на прикладі слів *sixty, seventy, eighty, etc.*

У цілому, лексичні особливості мовлення комунікантів обох вікових категорій не характеризуються значними відмінностями.

Перцептивний аналіз проводився на основі інтонаційних і фонетичних особливостей мовлення комунікантів та дозволив встановити, що головною диференціюючою особливістю дитячого мовлення є темп. Темп мовлення респондентів-дітей загалом дуже повільний, чому сприяє наявність пауз хезитації. При цьому, темп мовлення комунікантів-дошкільників є більш повільним, аніж у школярів.

Дослідження дитячого мовлення на сегментному рівні дозволило виокремити вимовні навички комунікантів-дошкільників: заміна звуків в словах і пристосовування їх для своєї зручності. Наприклад:

Boy (5 years): It was winner-spinner-cupid-stupid [... 'winə 'spɪnə 'kju:pəd 'stju:pəd]. [8]

Boy (8 years): Because he buys me stuff that costs a lot of money [...lət əv 'mʌni]. [8]

Таким чином, у мовленні часто зустрічається редукція. Сегментний рівень комунікантів старшого віку висвітлює тенденцію до утворення стійких навичок вимовних норм території проживання.

Інтонанційні засоби мови, а саме повільний темп вимови інтонації є характеристикою комунікантів обох груп. Саме повільний темп слугує засобом утворення і підготовки до смішної розв'язки мовленнєвої ситуації у шоу, що супроводжується паузами хезитації. Наведемо приклад:

Interviewer: Do you think the truth fairy is beautiful?

Girl (?): Well, yes...Just the little white things look like. Well...really pretty hair...I love the wings and pink is my favorite color...eeah...Except of moustache. [8]

Аналіз різновидів шкал дозволяє стверджувати, що самою поширеною шкалою в обох гендерних та вікових групах є спадна ступінчаста шкала, що завершується низьким спадним ядерним тоном. Відзначимо, що серед ядерних тонів досить часто наявні варіації наступних: LowFall, LowRise, FallRise, HighFall.

У своєму дослідженні ми, разом з А. К. Корсаковим, Г. Г. Почепцовим, І. Б. Морозовою, О. О. Пожарицькою та ін., розуміємо висловлення як актуалізоване в мовленні речення та дорівнюємо його реченню під час синтаксичного аналізу.

Попри багатство та різноплановість визначень речення, широкий науковий загал лінгвістів погоджується щодо певних незаперечних характеристик цієї граматичної категорії. Як вірно вказує Д. Е. Розенталь, речення — це одиниця мовлення, що є граматично організованим поєднанням слів, що виражають логічно завершену думку. Граматично невід'ємною основою речення є предикативність. Слідом за Ф. Ф. Фортунатовим, Д. Е. Розенталь відзначає, що від словосполучення речення відрізняється наявністю в ньому граматичного підмету і граматичного присудку [7].

Говорячи про граматичні типи речення, підкреслимо, що загалом лінгвісти виокремлюють прості та складні в залежності від кількісного показника в них підмето-присудкових ядер [4], тобто граматичних основ / предикативних центрів.

Прості речення — ті, що мають одну предикатну основу. До простих речень, згідно з визначенням І. Б. Морозової, відносимо також структурно-непредикатні — такі, що не мають у своєму складі повну предикатну основу, проте яким властива предикативність, та що містять або підмет, або лише присудок, чи такі, де обидва головні члени речення відсутні [3]. Складні речення є поліпредикатними та можуть бути складносурядні, складнопідрядні або змішаного типу.

Зазначимо, що існує також «додатковий», проміжний тип речень — ускладнені речення. Цей тип речень відрізняється від інших тим, що має в своєму складі фактично одну первинну предикатну основу, але є додатково ускладненим глибинною вторинною структурою предикації — елементами, які не утворюють предикатного розширення речення, але при їх детальному і логічному вивченні, теоретично містять в собі додаткову предикатну структуру. Цей тип речень становлять такі, що містять однорідні головні члени речення, герундіальні, партицип'яльні та інфінітивні звороти [3, с. 29–34].

Говорячи безпосередньо про дитяче мовлення, Н. Л. Кудінова та К. В. Солнцева відзначають, що синтаксис мовлення дітей-дошкільників і дітей молодшого шкільного віку не разюче відрізняється від такого дорослих, але має свої певні особливості [2]. Так, дітям найбільш властиво викладати свої думки простими реченнями, частіше еліптичними, де є відсутнім підметабо частина присудку, а дуже часто для них характерна навіть відсутність обох головних членів речення — структурно-непредикатні речення. Також для розмовного дитячого англомовного дискурсу характерним є використання прямого порядку слів у питальних реченнях, утворення речень суміжними репліками та відсутність граматичного зв'язку між простими реченнями [2, с. 101–102].

На підставі отриманих нами даних та розрахунків щодо матеріалу дослідження нами було складено наступну таблицю.

Таблиця 1

Структурно-синтаксичні типи речень у мовленні дітей в гендерному аспекті

№	Тип речення	Частотність використання, %	
		Дівчата	Хлопчики
1	Прості	78	78
	а) предикатні	32	23,4
	б) непредикатні	46	54,6
3	Ускладнені	13,3	11,3
4	Складні	9	10,6
	Всього	100	100

Як ілюструє таблиця 1, і у хлопчиків, і у дівчат домінують прості речення. Їхня частотність однакова в обох статях (78 %). Зауважимо, що більшу частину з них складають структурно-непредикатні речення, проте частотність використання структурно-непредикатних речень у хлопчиків виявилась вищою, аніж у дівчат (55 % проти 46 %). У більшості випадків вони складаються з одного слова (підтвердження/заперечення), адже дитина, ймовірно, відчуває себе некомфортно або не розуміє репліку ведучого. Проілюструємо на прикладі:

Interviewer: OK, so we've established that. who's the president right now?

Boy: Ehm...Orack Obama[8].

Interviewer: Name some women who had been president of the United States.

Girl: I don't know, I think, women are not presidents[8].

Зазначимо наявність великої кількості односкладних відповідей, що обумовлено специфікою жанру інтерв'ю. Діти не вважають за потрібне давати відповіді у вигляді складних довгих речень, бо в їх розумінні інтерв'ю полягає в тому, щоб коротко відповісти на чітко поставлене питання.

У дитячому мовленні визначено тенденцію до дублювання словосполучень або речень, сказаних дорослими. Наприклад:

Interviewer: Are you always nice to the other kids in your class?

Girl: Oh, yes [8].

Interviewer: Maybe not always?

Girl: Not always [8].

Interviewer: No, it's not named George.

Boy: Not named George [8].

На нашу думку, даний факт пояснюється тим, що дитина відчуває в дорослій людині авторитет, мовленнєві моделі її можна використати і в своїй відповіді, не припустившись помилок. Так, шляхом повторення слів або фраз ведучого дитина заповнює проміжки, що вимагають часу задля розмірковування та побудування більш складних відповідей.

Щодо ускладнених (13 % у дівчат проти 11 % у хлопців) і складних (9 % у дівчат проти 11 % у хлопців) речень, то їх частотність використання значно менша. Хлопцям більш властиво будувати складні речення (складносурядні і складнопідрядні співвідносяться в рівній мірі), аніж дівчатам. Дівчата використовують ускладнені речення з трохи більшою частотністю. Наведемо приклади складного речення у хлопця-респондента та в ускладненого в дівчинки:

Interviewer: You think we shouldn't have a lady president. So, why do you say 'no'?

Boy: Because girls are actually too girly for boys and boys are too boyth to have girl's stuff and... [8]

Interviewer: What vegetable do the candidates remind you of?

Girl: She looks like an onion, that's what I said. [8]

Таким чином, зазначимо, що відмінності в синтаксичній структурі мовлення дітей жіночої та чоловічої статі є незначними, проте існує загальна тенденція до більш досконалого і складного мовлення у дівчат, що проявляє себе вже на цьому етапі. Так, хоча частотність використання складних речень у дівчат є нижчою, кількість ускладнених речень у їхньому мовленні є незначно вищою, ніж у хлопців. Зокрема, частотність використання структурно-непредикатних речень в хлопців вища за дівчат на 8,6 %, що разом з іншими, вже наведеними факторами, показує, що у віці 4–7 років дівчата випереджають хлопчиків в розвитку мовлення.

Оскільки речення — це одиниця комунікативного плану, то його структура визначена його комунікативною спрямованістю, тобто його функцією. За метою висловлювання всі речення традиційно поділяються на декларативи (розповідні), інтерогативи (питальні), окличні речення та імперативи (спонукальні) [4, с. 126].

Таблиця 2 наводить результати аналізу частотності вживання різних типів висловлювань, що вживають діти обох статей, за комунікативною спрямованістю.

Таблиця 2

Комунікативні типи речень у мовленні дітей в гендерному аспекті

№	Тип речення	Частотність використання, %	
		Дівчата	Хлопчики
1	Декларативи	93	89
2	Інтерогативи	2,8	5
3	Окличні	4,2	6
4	Імперативи	—	—
	Всього	100	100

Результати проведеної розвідки показують, що декларативи є найбільш поширеним типом речень (91 % від усіх речень загалом). Структурно й змістовно такі речення бувають різними, але вони завжди відносно завершені за змістом. У проаналізованому нами мовленні дітей цей тип речень переважає в значній мірі. У дівчат частотність використання декларативних речень дорівнює 93 %, у хлопців — 89 %. Крім того, що декларативні речення є найчастішим типом в будь-якому дискурсі взагалі, високий відсоток їх використання у даному випадку є обумовленим, в першу чергу, специфікою жанру інтерв'ю і форматом бесіди, що потребує від того, в кого беруть інтерв'ю, насамперед розповідної діяльності. Важливим фактом, окрім це, є також егоцентричність дитячого мовлення. Можна припустити, що декілька вища частотність використання розповідних речень у мовленні дівчат пояснюється тим, що вони почувають себе більш впевнено в мовленнєвій діяльності, адже мовленнєві навички у них в цьому віці є більш розвинутими. Наведемо приклади:

Interviewer: Why women get paid less than men?

Girl: Because all the men make decision and make all the rules....And there are always male presidents. And there's never female presidents[8].

Interviewer: Do you know who he is? Do you like his face?

Boy: Well, I think that Mike Pence is more like friendlier than Donald. Describing their faces. Donald Trump seems like he's losing his mind every day. [8]

Інтерогативні речення в англійській мові відрізняються від декларативів іншим порядком слів, а комунікативно несуть іншу функцію, орієнтовані на спонукання співрозмовника до відповідної реакції та надання певної інформації. Вони не є частотними в дітей у представленому матеріалі дослідження через пасивну роль респондентів інтерв'ю та властиву дітям егоцентричність. Цікаво, що хлопці використовують інтерогативи у 2 рази частіше за дівчат (5 % проти 2,8 %), що свідчить про більш інквізитивну натуру хлопців у цьому віці та їхню більшу орієнтованість на взаємодію з ведучим. Зазвичай постановку питань вважають типово жіночою рисою. Це свідчить про підсвідоме ставлення запитувачим себе у підлегле становище. У даному разі ми пояснюємо тенденцію до інтерогативів у мовленні хлопців, навпаки, їхньою більшою відкритістю до комунікації за дівчат, що є закритішими у бесіді з ведучим. Наприклад:

Interviewer: Do you know who this is?

Girl: Hilary Clinton.

Interviewer: Wow, how did you know this? Did you know, Jayden?

Boy: Nooooo, I've heard them. Are you a president now?

Clinton: I'm running to be a president.

Boy: Is it hard?

Clinton: It's really hard[8].

У вищенаведеному прикладі ми спостерігаємо репліку-відповідь дівчинки на запитання ведучого, що є короткою та стверджувальною. Реакція хлопця показує, що він більш зацікавлений в бесіді, так як він ігнорує запитання ведучого і натомість ставить своє запитання.

Окличні речення — речення емоційно забарвлені. У більшості випадків вони прості за структурою, в поданому матеріалі практично завжди такі речення є структурно-непредикатними.

Зокрема, підвищена частотність як питальних, так і окличних речень в мовленні хлопчиків (6 % проти 4 % в дівчат), на нашу думку, свідчить про більшу емоційність даної групи респондентів. Наприклад:

Interviewer: Do you remember your first day at school?

Girl: Oh noo, it was pretty annoying!

Boy: Oh, YEAH! [8]

У цьому прикладі бачимо, що окличні речення в дівчат носять більш інформативний характер та використовуються задля посилення ефекту сказаної фрази, тим часом як в хлопців окличні репліки значно коротші та емоційніші.

Щодо імперативних речень, метою яких є спонукання співрозмовника до дії, нами у матеріалі дослідження їх виявлено не було. Поясненням цьому, на нашу думку, є той факт, що формально ведучий не є повноцінним співбесідником для дитини, що передбачено самим форматом шоу. Діти не почувають себе в праві ставати комунікативними лідерами через свій вік та підлегле положення в бесіді, якою керує ведучий. Так, дитина вважає своєю функцією лише давати відповіді на запитання і не вважає можливим змінювати свою роль.

Таким чином, загальний аналіз комунікативних характеристик мовлення дітей вказує на їхню пасивну роль та залежне положення як комунікантів, з одного боку, та більшу емоційність і комунікативну спрямованість у дітей чоловічої статі, з іншого.

Аналіз лінійної довжини речень у матеріалі дослідження було проведено шляхом підрахування кількості словоформ в межах кожного речення. Отже, в нашому дослідженні ми умовно поділили усі речення на три групи: короткі, середні та довгі.

Короткі речення (1–5 словоформ) виявилися найбільш поширеною групою та налічують 71 % від усіх речень у мовленні дівчат та 68 % у мовленні хлопців. Такі речення складають 100 % від структурно-непредикатних речень, відсоток яких є значним, а також велику кількість простих речень. Наприклад:

Interviewer: Are you guys boyfriend and girlfriend?

Boy: Don't ask.

Girl: I don't know him. [8]

Середні за довжиною речення (5–12 словоформ) також є досить частотними за вжитком: 27 % у дівчат та 26 % у хлопців. Щодо структури речень середньої довжини, вони представляють собою прості або, найчастіше, ускладнені конструкції. Наведемо приклад середніх за довжиною речень:

Interviewer: Why are women better than men?

Girl: Well, I think it's time for a new girl president.

Interviewer: You mean Zooley Deschanel?

Girl: I think it's time.

Boy: I think it's time for the first girl president, because other 44 men. [8]

Довгі речення (12–20+ словоформ) є найменш поширеною групою, що постає перед нами логічним, оскільки всі довгі речення є структурно складними. Відсоток довгих речень у дівчат — 2 %, у хлопців — 6 %. Побачимо на прикладі:

Interviewer: Tell me some naughty things you did.

Girl: Well, sometimes I don't really clean off bed to ride dog because...I know it because one time when we visited Virginia, it was Christmas Day and I went on to my one like 'What is that?' and I didn't know why, because I thought I cleaned it up. [8]

Висновки. Узагалі, проведене дослідження дитячого мовлення виявило характерні закономірності й відмінності у комунікативній поведінці, типовій для досліджуваних вікових і гендерних груп комунікантів. Визначено, що мовлення комунікантів-школярів є більш наближеним до мовлення дорослих комунікантів. Для них характерними є правильна вимова слів та інтонаційне оформлення, більш ускладнені синтаксичні конструкції і широкий запас слів; водночас, спостерігаємо відсутність навичок аргументації. Унаслідок цього комуніканти вживають мовну заміну: паралельні конструкції, еліптичні речення, повтори, уповільнений темп і паузи хезитації.

У мовленні комунікантів дошкільного віку виявилося неповне оволодіння навичками вимови. Це доводить надмірне використання редукції. Синтаксичні конструкції є простими і дуже простими (односкладні еліптичні номінативні речення). Лексичний запас слів не є достатнім (як результат — використання повторів і частки *not*). З боку інтонації, відзначимо дуже повільний темп усного мовлення та підвищену кількість пауз хезитації.

Аналіз синтаксичної структури речень, наявних у матеріалі дослідження, з акцентуванням на гендерних особливостях респондентів, уможливив зробити наступний висновок. Хлопці схильні висловлюватись більш довгими реченнями, аніж дівчата, використовуючи синтаксично довгі та середні за довжиною речення у 3 рази частіше, що свідчить про їх сфокусованість на процесі комунікації взагалі та бажання донести більше інформації, зокрема. Разом з іншими рисами, виокремленими в роботі, цей фактор вказує на бажання хлопців навіть дошкільного та молодшого шкільного віку показати себе активними співрозмовниками, на відміну від дівчат, чия комунікативна роль досить пасивна, попри їх більш розвинений рівень навичок комунікації.

Перспективами роботи вважаємо дослідження комунікативних особливостей мовлення підлітків та дорослих у межах окресленого жанру бесіди-інтерв'ю та співставлення їх з даними дітей.

Л і т е р а т у р а

1. Блинова Д. Е. Когнитивно-фреймовая характеристика детской речи на раннем этапе развития : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Д. Е. Блинова. — Пятигорск, 2012. — 30 с.
2. Кудинова Н. Л. О синтаксисе детской речи на материале речи персонажей англоязычной художественной прозы / Н. Л. Кудинова, К. В. Солнцева // Филологические науки. Вопросы теории и практики : (научный журнал). — Тамбов : Грамота, 2014. — Вып. 12. — Ч. 3. — С. 101–104.
3. Морозова И. Б. Парадигматичний аналіз структури і семантики елементарних комунікативних одиниць у світлі гештальт-теорії в сучасній англійській мові : монографія / І. Б. Морозова. — Одеса : Друкарський дім, 2009. — 384 с.
4. Новикова М. Г. Простое предложение : сущность, классификация и сравнительная типология русского и английского предложения / Вестник МГОУ. Серия : Лингвистика. — М. : Московский гос. областной ун-т, 2009. — № 1. — С. 124–130.
5. Пиаже Ж. Речь и мышление ребёнка / Ж. Пиаже. — М. : Педагогика-пресс, 1994. — 528 с.
6. Слобин Д. И. Когнитивные предпосылки развития грамматики / Д. И. Слобин, А. М. Шаханович // Психолінгвістика. — М. : Прогресс, 1984. — С. 143–207.
7. Розенталь Д. Э. Словарь лингвистических терминов [электронный ресурс] / Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. — Изд. 3. — М. : Просвещение, 1985. — 400 с.
8. Jimmy Kimmel Live [Electronic resource]. — URL : <https://www.youtube.com/user/JimmyKimmelLive>

References

1. Blinova, D. Ye. (2012), *Cognitive-framing characterization of children's speech at the early development period : synopsis of the PhD thesis* [Когнитивно-фреймовая характеристика детской речи на раннем этапе развития : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04], Pjatigorsk, 30 p.
2. Kudinova, N. L. (2014), "About syntax of children's speech based on the personages' speech of the english artistic prose", *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice* ["O sintaksise detskoj rechi na materiale rechi personazhej anglojazyčnoj khudozhestvennoj prozy", *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*], Gramota, Tambov, vol. 12, part 3, pp. 101–104.
3. Morozova, I. B. (2009), *Paradigmatic analysis of the structure and semantics of the elementary communicative units on the gestalt theory in the modern English language: monograph* [Paradyhmatychnyj analiz struktury i semantiky elementarnykh komunikatyvnykh odynyc' u svitli geshtal't-teorii v suchasnij anglijs'kij movi: monografija], Drukarskyj dim, Odessa, 384 p.
4. Novikova, M. G. (2009), "Simple sentence : the essence, classification and comparative typology the russian and the english sentence", *Bulletin MSRU. Linguistics* ["Prostoe predlozhenie : sushhnost', klassifikacija i sravnitel'naja tipologija russkogo i anglijskogo predlozhenija", *Vestnik MGOU. Lingvistika*], Moscow, vol. 1, pp. 124–130.

5. Piaget, J. (1994), *The Language and the thought of the child* [*Rech' i myshlenie rebenka*], Pedagogika-press, Moscow, 528 p.
6. Slobin, D. I., Shakhnarovich, A. M. (1984), "Cognitive prerequisites for the development of grammar", *Psycholinguistics* ["Kognitivnye predposylki razvitiya grammatiki", *Psikholingvistika*], Progress, Moscow, pp. 143–207.
7. Rozental, D. E., Telenkova, M. A. (1985), Dictionary of the linguistic terms, 3rd ed. [*Slovar' lingvisticheskikh terminov*], Prosveshchenie, Moscow, 400 p.
8. Jimmy Kimmel Live, available at : <https://www.youtube.com/user/JimmyKimmelLive>

МОРОЗОВА Ирина Борисовна,

доктор филологических наук, профессор кафедры грамматики английского языка
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, Одесса, Украина; тел. +38(050)6572043;
e-mail: morpo@ukr.net; ORCID ID: 0000-0002-1905-7563.

ЦАПЕНКО Татьяна-Елизавета Васильевна,

магистр кафедры грамматики английского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова;
Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; тел.: +38(066)5509024;
e-mail: tanyatsapenko@bigmir.net; ORCID ID: 0000-0002-9759-2297

КОММУНИКАТИВНО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКОЙ РЕЧИ В ЖАНРЕ ИНТЕРВЬЮ

Аннотация. *Актуальность* выбранной темы обусловлена общей направленностью языковедческих исследований на изучение взаимосвязей между всеми уровнями языка, с одной стороны, и ориентированием современной лингвистики на исследование языково-мыслительных корреляций и проблемы онтогенеза речи, с другой. *Объектом* исследования является речь американских детей дошкольного и младшего школьного возраста в рамках юмористического ток-шоу. *Предмет* исследования составляют синтаксические, лексические и интонационные особенности детской речи. В работе применяются такие *методы исследования* как наблюдение, измерение, описание, сравнение, перцептивный анализ, дедукция, индукция, обобщение, количественный и качественный анализ. *Цель* данного исследования состоит в выявлении и сравнении синтаксических, лексических и интонационных особенностей детской речи коммуникантов-дошкольников и детей младшего школьного возраста с акцентированием на их гендерной принадлежности. В *результате* исследования были установлены различия в речи детей разных возрастных групп. И сделаны *выводы* о том, что на фонетическом уровне данные особенности заключаются в произношении и интонационном оформлении, темпе речи и частоте использования пауз hesitation и их длины. На лексическом уровне обнаружены такие особенности: неиспользование синонимического ряда у детей обеих возрастных категорий, небольшое количество повторов, окказионализмов, метафор и антитез. Анализ синтаксической структуры высказываний показал: чем младше респонденты, тем большую склонность они имеют к односложным ответам, реализующимся в простых предложениях и эллиптических конструкциях. Установлена частота использования разных грамматических типов предложений, замечено, что речь девочек более развита и сложна в обеих возрастных группах. Результаты могут быть *применены* в работе по улучшению языковых навыков в области родного и иностранных языков ещё в детском возрасте, а также в изучении процессов становления детского мировоззрения.

Ключевые слова: онтолингвистика, жанр интервью, синтаксические особенности детской речи, гендер.

Iryna B. MOROZOVA,

Doctor of Phil. Sc. (Grand PhD), Full Professor, Chair of English Grammar,
Odessa Mechnikov National University, Odessa, Ukraine;
e-mail: morpo@ukr.net; tel. +38(050)6572043; ORCID ID: 0000-0002-1905-7563

Tetiana-Yelyzaveta V. TSAPENKO,

Master of Department of Grammar of English language of Odesa Mechnikov National University;
Odessa, 65058, Ukraine; e-mail: tanyatsapenko@bigmir.net; tel.:+38(066)5509024;
ORCID ID: 0000-0002-9759-2297

COMMUNICATIVE AND SYNTACTIC PECULIARITIES OF CHILDREN'S SPEECH IN THE GENRE OF INTERVIEW

Summary. The *topicality* of the research follows from both the general focus of modern linguistics on exploring correlations between all levels of language and the growing interest in the problem of ontogenesis in language studies. The *object* of the present research is the English speech of American children of the preschool and primary school age groups in Jimmy Kimmel's comic talk show. The *subject* is its syntactic, lexical and phonetic peculiarities. There were used such *methods* of scientific research as observation, methods of measurement, comparison, perceptive analysis, deduction, induction, generalization, quantitative and qualitative analysis. The *objective* of our research is to define and compare syntactic, lexical and phonetic peculiarities of children's speech of the preschool and primary school age periods, accentuating their gender differences. The *findings* consist in identifying the differences in children's speech within different age and gender groups that lie in the peculiarities of pronunciation and intonation, tempo and usage frequency of hesitation pauses on the level of phonetics. On the lexical level, we have discovered the absence of synonymic rows in the speech of both age categories, scarce use of stylistic devices, among which the most recurrent are repetitions, occasional words, metaphors and antitheses. The analysis of syntactic structure of children's cues accentuating the interviewees' gender shows that the younger the respondents are, the more often they tend to built-up answers codified in simple and non-predication structured sentences or elliptical constructions. There has also been defined the usage frequency of different structural and

communicative sentence types as employed by children. Therefore, we can say that girls' speech is better-developed and more complicated within both age-groups. The analysis of sentences according to their communicative types has shown that the communicator's active or passive speech role depends not only on their individual temper and psychological features but also on their gender. The *practical value* of the research can consist in improving native and foreign language speech skills at an early age, and in generally granting a better understanding of children's outlook.

Key words: developmental linguistics, genre of interview, syntactic peculiarities of children's speech, gender.

Статтю отримано 17.09.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.28.115852>

УДК 811.111'23'371'42:7.038.53:791.43

ОЛЕЙНИК Анна Александровна,

преподаватель Национального университета «Одесская морская академия»,
ул. Дидрихсона, 8, г. Одесса, 65029, Украина; тел.: +38(048) 733 2334;
e-mail: oliinyk.ha@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-8840-3140

ИНТОНАЦИОННЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ НЕПОНИМАНИЯ СОБЕСЕДНИКА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. *Цель* статьи — интонационная дифференциация трёх типов реплик непонимания в диалогической коммуникации. *Объект* анализа — англоязычный кинодискурс. *Предмет* исследования — интонационные средства выражения непонимания. В *результате* исследования выявлены общие и дифференциальные интонационные средства выражения прямого непонимания, мнимого непонимания и мнимого понимания. Проведённое исследование интонации актёров, выражающих выделенные нами типы реплик непонимания, позволило установить следующие интонационные параметры выборки: тональный уровень, тональный диапазон, громкость и темп произнесения. **Выводы:** проведённый аудиторский анализ позволяет утверждать, что в плане тонального уровня высказывания и тонального диапазона для большинства высказываний непонимания характерны средний уровень и средний тональный диапазон. Повышенную эмоциональность фразам мнимого непонимания придаёт широкий диапазон высказывания. В отношении громкости высказывания, большинству фраз непонимания свойственна нормальная громкость. В наибольшей степени она отличается высказывания мнимого непонимания. В подавляющем большинстве использований, хоть и в меньшей пропорции, нормальная громкость зафиксирована во фразах прямого непонимания, ещё менее — во фразах мнимого понимания. Исследование темпа высказываний непонимания свидетельствует о его изменчивом и нестабильном характере, обусловленном критерием искренности / неискренности адресанта. Большинство фраз непонимания произносятся в нормальном темпе. Ускоренный темп свойственен в наибольшей степени фразам прямого непонимания, замедление темпа — только фразам прямого непонимания и фразам мнимого непонимания. Кроме того, по данным аудиторского анализа, некоторым высказываниям в нормальном и ускоренном темпе свойственны прагматические паузы, которые имеют место перед лексемой, эксплицирующей непонимание.

Ключевые слова: непонимание, интонация, тональный уровень, тональный диапазон, громкость, темп.

Постановка проблемы. В современной лингвистике наблюдается большое разнообразие пояснений того, как происходит контекстное порождение речи. Принято считать, что в высказывании реализуются коммуникативные намерения говорящего, его целеустановки сообщить информацию либо её запросить, либо побудить к совершению чего-то, либо ещё каким-то образом воздействовать на адресата. Речевая интенция определяется как намерение совершить действие с помощью такого инструмента, как язык-речь, то есть осуществить речевое действие во взаимодействии с партнёром. Не всегда данное намерение оказывается успешным, в результате чего между собеседниками возникает *непонимание*.

В данном исследовании нас заинтересовали коммуникативные ситуации, в которых собеседник *прямо* выражает непонимание, а также ситуации, в которых эксплицированное непонимание не является таковым, то есть является *ложным*, мнимым: собеседник понял сказанное, но хочет по каким-то причинам получить разъяснения. Кроме того, в фокус нашего исследования попадает *мнимое понимание*, то есть непонимание, скрытое от собеседника.

Предлагаемая статья представляет собой попытку описания общих и дифференциальных интонационных средств выражения непонимания, мнимого непонимания и мнимого понимания в англоязычном кинодискурсе.

Обзор предыдущих исследований проблемы. На современном этапе развития научной мысли к проблеме понимания / непонимания сообщения в коммуникативном обмене проявляют интерес ученые многих областей гуманитарного знания: философии, лингвистики, психологии, психолингвистики, социологии, культурологии, литературоведения, логики, истории, этнологии, этнолингвистики, педагогики, политологии и т. д. Так, философов интересуют вопросы, связанные с определе-

нием места и роли понимания в процессе познания, соотношении рациональных и нерациональных методов познания, универсальность понимания (Ф. Шлейермахер, В. Виндельбандт, Г. Риккерт, В. Дильтей, М. Вебер и др.). Психологи рассматривают проблему взаимопонимания, влияние культурно-исторических и психологических условий на процесс понимания, соотношение восприятия и понимания (Ж. Пиаже, А. Р. Лурия, Л. С. Выготский, З. Фрейд, К. Виллонас, М. Минский, Л. Фестингер, А. А. Леонтьев и др.).

В лингвистических исследованиях особое внимание уделяется критериям адекватного понимания, проблеме языковой компетентности, взаимосвязи текста и смысла (М. Бирвиш, Ф. Растье, А. Г. Медведева, В. И. Карасик, О. А. Леонтович, С. Н. Плотникова, Г. Г. Почепцов и др.).

Между тем, непонимание, которое, наряду с пониманием следует считать когнитивным процессом, ещё не получило комплексного прагматингвистического описания. Коммуникативное проявление непонимания, вербальное и паравербальное, до сих пор остаётся неисследованным, что определяет *актуальность* нашего исследования, посвящённого такому аспекту паравербальной экспликации непонимания, как интонация.

Постановка задач и характеристика материала исследования. Задачами, которые решались в ходе данного исследования, были 1) дать определение непониманию как когнитивному процессу; 2) предложить собственную интенционально обусловленную типологию реплик непонимания; 3) выявить общие и дифференциальные интонационные средства выражения непонимания, мнимого непонимания и мнимого понимания в англоязычном кинодискурсе.

Материалом исследования послужили фрагменты англоязычного кинодискурса, в которых актеры изображают непонимание сказанного собеседником. Выборка эпизодов кинодискурса базируется на 15 англоязычных художественных фильмах и включает 90 сцен изображения актёрами непонимания. Выбор кинодискурса в качестве материала исследования обусловлен тем, что диалогическая речь в художественной прозе и драме является аналогом устной разговорной речи и в значительной степени подчиняется законам построения и функционирования последней. Достоверность звучащей речи в художественном произведении достигается за счет воспроизведения основных характеристик устной речи: эмоциональности, спонтанности, ситуативности, контактности и т. д. [5, с. 150]. Если в реальной коммуникации интенции собеседников известны только им самим и являются неподвластными лингвистическому анализу, то в кинодискурсе стараниями сценариста, режиссера и актеров, интенции персонажей становятся понятными зрителю и, таким образом, исследователь кинодискурса может судить и о причинах, и о разновидностях возникшего между персонажами непонимания.

Изложение основного материала. На современном этапе развития лингвистики изучение непонимания в процессе диалогического взаимодействия во многом опирается на анализ коммуникативных сбоев (Т. Г. Винокур), коммуникативных осечек (Н. Д. Арутюнова), коммуникативных неудач (Е. К. Теплякова, С. М. Почепинская, А. Ю. Серебрякова).

Укоренилось мнение о непонимании как о коммуникативной девиации или аномалии, привлекающей к себе внимание. «Человек воспринимает мир избирательно и, прежде всего, замечает аномальные явления, поскольку они всегда отделены от среды обитания. Было бы неэкономно доводить до сведения других обо всем, что соответствует норме. Сообщают и доносят о девиациях» [2, с. 300].

Тем не менее, высказывается иная точка зрения, согласно которой непонимание определяется не как аномалия, а как вполне обычное коммуникативное событие. Указание на это содержится еще в трудах В. фон Гумбольдта: «Никто не понимает слово в точности так, как другой, и это различие, пускай самое малое, пробегает, как круг по воде, через всю толщу языка. Всякое понимание поэтому всегда есть вместе и непонимание, всякое согласие в мыслях и чувствах — вместе и расхождение» [4, с. 84]. Именно такой подход к феномену непонимания нам импонирует. Более того, непонимание начинают рассматривать как конкретный тип понимания, при котором слушающий приписывает знаку внутреннюю репрезентацию, отличающуюся на одном или нескольких уровнях от того, что имеет в виду говорящий [3, с. 97].

Е. К. Абрамова трактует непонимание как первичную по отношению к пониманию ментальную категорию. Исследователь рассматривает непонимание как необходимое условие начала работы понимания и его возможный промежуточный отрицательный результат. По мнению Е. К. Абрамовой, понимание текста представляет собой сложный многоступенчатый процесс и включает следующие уровни: перцептивное понимание, понимание на уровне значения, на уровне смысла, на уровне ситуации [1, с. 171].

В нашем представлении НЕПОНИМАНИЕ является неадекватной когнитивной операцией осмысления информационного массива сообщения собеседника, вызванной физическими помехами, различиями тезаурусов коммуникантов, стилевой разобщенностью, различной логикой коммуникантов или недостатком фоновых знаний / пресуппозиций у одного из собеседников.

Под МНИМЫМ НЕПОНИМАНИЕМ подразумеваем адекватную когнитивную операцию осмысления информационного массива сообщения собеседника, намеренно преобразованную говорящим в неадекватную модель коммуникативного сообщения. Мнимое непонимание представляет собой изображенное, «разыгранное» непонимание, субъект которого в действительности верно декодировал сказанное собеседником.

МНИМОЕ ПОНИМАНИЕ определяем как неадекватную когнитивную операцию осмысления информационного массива сообщения собеседника, факт которой скрыт говорящим от собеседника. Мнимое понимание «разыгрывается» коммуникантом с целью сохранить «лицо», скрыть собственное незнание о чём-либо.

Одной из причин мнимого непонимания, по нашему мнению, является нежелание коммуниканта отвечать на вопрос или каким-то другим образом реагировать на сказанное собеседником. Адресант непонимания пытается уйти от ответа, сменить тему или хотя бы выиграть во времени. С другой стороны, персонаж художественного произведения, который не понял сказанного собеседником, может попытаться это скрыть — таким образом, формируется ложное или мнимое понимание. О нём читатель также узнаёт из авторского комментария и внутренней речи персонажа — адресанта ложного понимания. Мнимое понимание встречается в коммуникации в случае желания коммуниканта скрыть незнание о чём-либо, его смущение и стыд, желание «сохранить собственное лицо».

Проведённое аудиторское исследование интонации актёров, выражающих выделенные нами типы реплик непонимания, позволило установить следующие интонационные параметры выборки: тональный уровень, тональный диапазон, громкость и темп произнесения.

Исследование тонального уровня и тонального диапазона реплик непонимания позволяет прийти к определенным выводам (см. таблицу 1).

Таблица 1

Результаты идентификации аудиторами тональных характеристик фраз понимания и непонимания (в %)

Тип фразы	Тональный уровень фразы			Тональный диапазон фразы		
	Высокий	Средний	Низкий	Широкий	Средний	Узкий
Прямое непонимание	10.0	55.0	35.0	0	58.75	41.25
Мнимое непонимание	0	90.0	10.0	0	75.0	25.0
Мнимое понимание	10.0	80.0	10.0	20.0	60.0	20.0
В среднем	6.7	75.0	18.3	6.7	64.6	28.7

Как свидетельствуют данные таблицы 1, большинству высказываний непонимания характерны средний уровень высказывания фраз (75 %) и средний тональный диапазон (60 %). Средний тональный уровень преобладает во всех исследуемых высказываниях от 90 % во фразах **МНИМОГО НЕПОНИМАНИЯ** до 55 % во фразах **ПРЯМОГО НЕПОНИМАНИЯ**.

Повышенную эмоциональность фразам мнимого непонимания придаёт широкий диапазон высказывания. В представленном ниже фрагменте из фильма “PrimalFear” актёр использует широкий диапазон, чтобы подчеркнуть свою саркастичность. События происходят в суде. Помощница прокурора Джанет Венейбл опрашивает свидетеля — психотерапевта преступника. Психотерапевт утверждает, что присужденный юноша страдает от раздвоения личности, что дает ему право избежать наказания. Джанет не верит свидетелю и намерена доказать, что данный человек виновен в преступлении. В конце своей речи она «соглашается» со свидетелем, но широкий тональный диапазон фразы свидетельствует в данном случае о её саркастичности, неискренности, а значит о ненастоящем, мнимом понимании:

- *No. Does Aaron Stampler know the difference between right or wrong?*
- *Yes, he does.*
- *If Aaron Stampler butchered the archbishop, would he know...*
- *Objection, your honour!*
- *If Aaron Stampler murdered the archbishop, would he know that he had broken the law?*
- *Yes, he would. But it wasn't Aaron who killed the...*
- ***Oh, yes, I know, doctor. It was Roy! That's all*** (7).

Следующим заданием аудиторского анализа было определение воспринимаемой громкости фраз непонимания. Результаты исследования аудиторами параметра громкости содержатся в таблице 2:

Таблица 2

Воспринимаемый уровень громкости во фразах непонимания (в %)

Тип фразы	Уровень громкости		
	Громко	Нормально	Тихо
Прямое непонимание	8.35	66.7	25
Мнимое непонимание	0	100	0
Мнимое понимание	10	60	30
В среднем	6.1	75.6	18.3

Согласно мнению аудиторов, большинство фраз непонимания отличаются нормальной громкостью (75,6 %). В наибольшей степени она характеризует высказывания **МНИМОГО НЕПОНИМАНИЯ** (100 %). Нормальная громкость также свойственна фразам **ПРЯМОГО НЕПОНИМАНИЯ** (66,7 %), несколько в реже, однако все же в большинстве случаев, фразам **МНИМОГО ПОНИМА-**

НИЯ (60 %). Повышение громкости свидетельствует об эмоциональности адресанта, его раздражительности и неумении держать ситуацию под контролем, и составляет 6,1 % всех исследуемых фраз. Понижение громкости имеет место в высказываниях МНИМОГО ПОНИМАНИЯ (30 %) и ПРЯМОГО НЕПОНИМАНИЯ (25 %), обеспечивая доверительные, интимные условия общения. В среднем понижение громкости во фразах понимания и непонимания встречается в 18,3 % исследуемых высказываний.

Далее аудиторы обратились к параметру темпа речи (см. таблицу 3).

Таблица 3

Воспринимаемая скорость произнесения фраз непонимания (в %)

Тип фразы	Скорость высказывания		
	Быстро	Нормально	Медленно
Прямое непонимание	36.7	43.3	20.0
Мнимое непонимание	10.0	80.0	10.0
Мнимое понимание	11,1	88,9	0
В среднем	19.3	70.7	10.0

Исследование темпа произнесения высказываний непонимания свидетельствует о его изменчивом и нестабильном характере и обуславливает выводы относительно искренности или неискренности адресанта. По данным аудиторского анализа, большинство фраз непонимания произносятся в нормальном темпе (70,7 %).

Нормальный темп присущ высказываниям МНИМОГО ПОНИМАНИЯ (88,9 %), в меньшей степени — высказываниям МНИМОГО НЕПОНИМАНИЯ (80,0 %). По данным аудиторского исследования, нормальный темп характерен только 43,3 % фраз ПРЯМОГО НЕПОНИМАНИЯ.

Ускоренный темп свойственен в наибольшей степени фразам ПРЯМОГО НЕПОНИМАНИЯ (36,7 %), реже — фразам МНИМОГО НЕПОНИМАНИЯ (10 %). Ускорение темпа свидетельствует о желании скорее получить ответ на вопрос, о нетерпеливости говорящего.

Замедление темпа не характерно для выражения непонимания: всего 20 % фраз ПРЯМОГО НЕПОНИМАНИЯ и 10 % фраз МНИМОГО НЕПОНИМАНИЯ произносятся в замедленном темпе.

Кроме того, по данным аудиторского анализа, выражение непонимания сопровождается использованием прагматических пауз перед лексическими единицами, которые эксплицируют непонимание. Во фразах МНИМОГО НЕПОНИМАНИЯ прагматическая выполняет важную функцию: она даёт говорящему возможность продумать конечную часть высказывания и не дать возможность слушающему догадаться о возникшем непонимании.

Во фразах МНИМОГО ПОНИМАНИЯ использование прагматических пауз обусловлено желанием говорящего уверить собеседника в своей искренности, о чем свидетельствует следующий эпизод: в купе поезда встречаются двое мужчин — Фрэд и Лоуренс. Лоуренс сразу узнаёт Фрэда, поскольку последний проявил себя ранее в вагоне-ресторане, где присел возле обеспеченной на вид женщины и рассказал ей свою «грустную историю» о большой бабушке и отсутствии денег. Как Фрэд и рассчитывал, женщине стало жаль его, и она угостила его обедом. Позднее в купе Лоуренс высказывает сочувствие по поводу болезни бабушки, на что Фрэд, немного помедлив, «подыграл» и ответил фразой мнимого понимания для того, чтобы избежать долгого объяснения и собственного разоблачения:

— *I couldn't help but overhearing your conversation in the dining cart. My condolences to your grandmother.*

— *Huh? Oh, oh. Right.*

— *Didn't you say she was taken ill?*

— *I tell them what they want to hear for getting me what I want.* (6)

Итак, прагматическая пауза в высказываниях мнимого непонимания и мнимого понимания — маркер неискренности адресанта.

Выводы. Таким образом, проведённый аудиторский анализ позволяет утверждать, что в плане **тонального уровня высказывания и тонального диапазона** для большинства высказываний непонимания характерны *средний* тональный уровень (75 %) и *средний* тональный диапазон (60 %). Средний тональный уровень составляет 55 % реализаций во фразах ПРЯМОГО НЕПОНИМАНИЯ, 80 % — во фразах МНИМОГО ПОНИМАНИЯ и 90 % — во фразах МНИМОГО НЕПОНИМАНИЯ. Средний тональный диапазон составляет от 58.75 % во фразах ПРЯМОГО НЕПОНИМАНИЯ до 75.0 % во фразах МНИМОГО НЕПОНИМАНИЯ.

В отношении **громкости** высказываний непонимания разных прагматических типов преобладает нормальная громкость (75,6 %). В наибольшей степени нормальная громкость характерна для высказываний МНИМОГО НЕПОНИМАНИЯ (100 %). В подавляющем большинстве использований, нормальная громкость также зафиксирована во фразах ПРЯМОГО НЕПОНИМАНИЯ (66,7 %), а также во фразах МНИМОГО ПОНИМАНИЯ (60 %).

Исследование **темпа** высказываний непонимания свидетельствует о его изменчивом и нестабильном характере, обусловленном критерием искренности/неискренности адресанта. Большинство

фраз непонимання произносяться в *нормальному* темпі (70,7 %). *Ускорений* темп свойственен в найбільшій ступені фразам ПРЯМОГО НЕПОНИМАННЯ (36,7 %), *замедленіе* темпа свойственно тільки фразам ПРЯМОГО НЕПОНИМАННЯ (20 %) і фразам МНИМОГО НЕПОНИМАННЯ (10 %). Крім того, по даним аудиторського аналізу, вираження непонимання собеседника супроводжується активним використанням прагматических пауз, які мають місце перед лексемами, експліцируючими непонимання.

Перспективой даного дослідження вважаємо описання невербальних (мімічних і жестових) засобів експлікації непонимання в художественному кінематографічному дискурсі.

Литература

1. Абрамова Е. К. Когнитивно-прагматические аспекты непонимания текста : дис. ... канд. филол. наук / Е. К. Абрамова. — Оренбург, 2009. — 258 с.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. — М. : Наука, 1988. — 341 с.
3. Бирвиш М. Насколько линейно упорядоченной является языковая обработка? / М. Бирвиш // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Прогресс, 1988. — Вып. XII. — С. 93–153.
4. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт ; пер. с нем. — М. : Прогресс, 1984. — 397 с.
5. Кухаренко В. А. Интерпретация текста : учебник / В. А. Кухаренко. — Одесса : Латстар, 2002. — 292 с.

Художественные фильмы

6. Dirty Rotten Scoundrels. — Orion Pictures Corporation: directed by Frank Oz, 1988.
7. Primal Fear. — Paramount Pictures: directed by Gregory Hoblit, 1993.

References

1. Abramova, E. K. (2009), *Cognitive-pragmatic aspects of misunderstanding of the text : Thesis [Kognitivno-pragmaticheskie aspekty neponimaniya teksta, dis. ... kand. filol. nauk]*, Orenburg, 258 p.
2. Arutjunova, N. D. (1988), *Types of language values : Evaluation. Event. Fact [Tipy jazykovykh znachenij : Ocenka. Sobytie. Fakt]*, Nauka, Moscow, 341 p.
3. Birvish, M. (1988), “How the language processing is linearly ordered?”, *New in foreign linguistics* [“Naskol’ko linejno uporjadochennoj javljaetsja jazykovaja obrabotka?”], *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, Progress, Moscow, vol. 12, pp. 93–153.
4. Gumbol’dt, V. fon (1984), *Selected Works on Linguistics, transl. from German* [Izbrannye trudy po jazykoznaniju; per. s nem.], Progress, Moscow, 397 p.
5. Kukharenko, V. A. (2002), *Interpretation of text : textbook [Interpretacija teksta : uchebnik]*, Latstar, Odessa, 292 p.

Feature Films

6. Dirty Rotten Scoundrels (1988), directed by Frank Oz, Orion Pictures Corporation.
7. Primal Fear (1993), directed by Gregory Hoblit, Paramount Pictures.

ОЛІЙНИК Ганна Олександрівна,

викладач Національного університету «Одеська морська академія», вул. Дідрихсона, 8, м. Одеса, 65029, Україна; тел.: +38(048) 733 2334; e-mail: oliinyk.ha@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-8840-3140

ІНТОНАЦІЙНІ ЗАСОБИ ВИРАЖЕННЯ НЕРОЗУМІННЯ СПІВРОЗМОВНИКА В АНГЛОМОВНОМУ КІНЕМАТОГРАФІЧНОМУ ДИСКУРСІ

Анотація. *Мета* статті — інтонаційна диференціація трьох типів реплік нерозуміння в діалогічній комунікації. *Об’єкт* аналізу — англomовний кінодискурс. *Предмет* дослідження — інтонаційні засоби вираження нерозуміння. *У результаті* дослідження виявлено загальні та диференційні інтонаційні засоби вираження прямого нерозуміння, удаваного нерозуміння та удаваного розуміння. Проведене дослідження інтонації акторів, які висловлюють виокремлені нами типи реплік нерозуміння, дозволило встановити наступні інтонаційні параметри вибірки: тональний рівень, тональний діапазон, гучність і темп висловлювання. **Висновки.** Відносно тонального рівня висловлювання та тонального діапазону, більшості висловлювань нерозуміння властиві середній рівень та середній тональний діапазон. Підвищену емоційність фразам удаваного нерозуміння надає широкий діапазон висловлювання. Відносно гучності висловлювання, більшості фраз нерозуміння властива нормальна гучність. Найхарактернішою вона є для висловлювань удаваного нерозуміння. У найбільшій кількості висловлювань, хоча і в меншій пропорції, нормальна гучність зафіксована у фразах прямого нерозуміння, ще рідше — у фразах удаваного розуміння. Дослідження темпу висловлювань нерозуміння свідчить про його мінливий та нестабільний характер, що зумовлено критерієм широти / нешироти

адресанта. Більшість фраз нерозуміння вимовляють у нормальному темпі. Прискорений темп властивий у найбільшій мірі фразам прямого нерозуміння, уповільнення темпу властиве тільки фразам прямого нерозуміння й удаваного нерозуміння. Крім того, за даними аудиторського аналізу, деяким висловлюванням у нормальному та прискореному темпі властиві прагматичні паузи, що мають місце перед лексеєю, яка експлікує нерозуміння.

Ключові слова: нерозуміння, інтонація, тональний рівень, тональний діапазон, гучність, темп.

Ganna A. OLIINYK,

Teacher, English Language Chair Nr 3, National University “Odessa Maritime Academy”,
8 Didrikhson Str., Odessa, 65029, Ukraine; tel.: +38(048) 733 2334;
e-mail: oliinyk.ha@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-8840-3140

INTONATION MEANS OF EXPRESSING MISUNDERSTANDING IN ENGLISH FILM DISCOURSE

Summary. The immediate *purpose* of the paper is to provide intonation differentiation of the three types of misunderstanding in dialogue communication. The *object* of analysis is the English artistic discourse. The *subject* of investigation is the intonation means of expressing misunderstanding in English Film Discourse. The investigation *results* in identifying the common and differentiating intonation means of expressing direct misunderstanding, pretended misunderstanding and pretended understanding. The investigation of actors' intonation has enabled the author to establish the certain misunderstanding phrases intonation characteristics: tone level, tone range, intensity and tempo. **Conclusions.** In terms of the tone level and tone range, most utterances have turned out to have mid pitch level and mid tone range. The more emotional the speaker is, the wider his voice range seems to, especially when it comes to pretended misunderstanding. In terms of intensity, most phrases are characteristic of normal intensity. The investigation of tempo in the phrases of misunderstanding has confirmed its changeable and unstable character, presupposed by the addresser's sincerity / insincerity. Most misunderstanding phrases are pronounced with a normal tempo. The accelerated tempo is common both for the phrases of direct misunderstanding and pretended misunderstanding. Another registered tendency concerns pragmatic pauses, which take place right in front of the lexical units, expressing misunderstanding.

Key words: misunderstanding, intonation, pitch level, voice range, intensity, tempo.

Статтю отримано 9.09.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.28.115856>

УДК 811.161.1'367:659.123(477)

СОБЧЕНКО Наталия Сергеевна,

старший преподаватель кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова,
Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; тел.: +38 067 9461358;
e-mail: ecoletk17@ukr.net; ORCID ID: 0000-0002-1382-5058

ПРИЁМЫ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ИГРЫ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ УКРАИНЫ

Аннотация. *Цель* статьи — рассмотреть приёмы создания языковой игры в рекламном дискурсе на синтаксическом уровне. *Объект* исследования — номинативная деятельность в рекламном дискурсе. *Предмет* исследования — приёмы создания языковой игры на синтаксическом уровне. В статье использованы следующие *методы*: описательный, количественный, метод компонентного анализа. *Результат* исследования: названы основные приёмы языковой игры на синтаксическом уровне и подробно рассмотрен приём синтаксического повтора. Определена основная функция использования языковой игры на синтаксическом уровне в рекламном тексте. **Выводы.** Игра на синтаксическом уровне является яркой составляющей многих рекламных текстов. Чаще всего в рекламном тексте используются следующие синтаксические приёмы языковой игры: парцелляция, предикативная односоставность, повтор, антитеза, неполнота высказывания. Наиболее частотным является повтор, который включает в себя анафору, эпифору, анадиплосис, рамочную конструкцию и полисиндетон. **Практическое применение** результатов исследования могут способствовать дальнейшему изучению феномена языковой игры в рекламе. Полученные данные могут быть использованы в курсе лингвистического анализа рекламного текста, а также в других курсах, посвящённых рекламе.

Ключевые слова: языковая игра, рекламный дискурс, повтор, синтаксис, синтаксическая игра.

Постановка проблемы. В последние годы возрастает популярность исследования языковой игры в рекламном дискурсе. При создании языковой игры задействуются ресурсы всех языковых уровней. Синтаксис рекламного дискурса преследует цель привлечь внимание реципиента, заинтересовать его и в итоге заставить выбрать тот или иной товар или услугу. Но сделать это в условиях современной жизни нелегко, поэтому при создании рекламного текста копирайтеры стремятся «играть» не только со словами, но и с формой их подачи, так как синтаксические конструкции тоже могут иметь манипулятивный характер. К таким элементам синтаксического уровня относят использование про-

стных предложений, т. к. «человек подсознательно склоняется к примитивным объяснениям сложных проблем, что приводит к использованию стереотипов» [5, с. 288], а реклама по своей сути «не терпит многословия и усложнённо-аморфных синтаксических оборотов, так как по своей природе должна быть динамичной» (должна призывать к действию) [1, с. 81–82]. Возможности синтаксиса широко используются и для образования комического эффекта, целью которого является создание экспрессивного, запоминающего текста.

Постановка задач исследования. Целью данной статьи является рассмотрение приёмов языковой игры в рекламном дискурсе на синтаксическом уровне. Объектом исследования стала номинационная деятельность рекламиста при создании рекламного текста. Предметом исследования — приёмы языковой игры, применяемые на синтаксическом уровне рекламной коммуникации. В исследовании использованы описательный, количественный методы, метод компонентного анализа.

Изложение основного материала. Трудно назвать синтаксическое явление, которое не подвергалось бы обыгрыванию. Чаще всего для создания языковой игры в рекламе задействованы: 1) парцелляция, 2) односоставные предложения, 3) синтаксический повтор, 4) антитеза, 5) неполные предложения. В данной статье подробнее остановимся на функционировании синтаксических повторов.

Повторение, по убеждению М. Жирмунского, «вызвано стремлением к усилению эмоциональной выразительности слова: отдельно взятое слово недостаточно сильно для того, чтобы передать всю напряжённость вложенного в него чувства» [4, с. 78]. Согласно И. Р. Гальперину, синтаксическое повторение включает в себя анафору, эпифору, анадиплосис, рамочную конструкцию и полисиндетон [3, с. 23].

1. Анафора — стилистическая фигура, которая заключается в повторении начальных частей (звуков, слов, синтаксических или ритмических построений) смежных отрезков речи (слов, строк, строф, фраз). Этот приём позволяет акцентировать внимание на самом важном и придать рекламному тексту ритм и динамику, а также происходит программирование сознания потребителя:

«Пежо»: Сделано для удовольствия. Сделано для Вас.

С помощью анафоры может оригинально выделяться объект рекламы (в данном случае объектом является шампунь «Поляна»):

Шампунь «Поляна» — с натуральными ингредиентами.

Шампунь «Поляна» — содержит пять целебных трав.

Шампунь «Поляна» — благотворно влияет на структуру волос.

Шампунь «Поляна» — и ваши волосы всегда прекрасны!

Такой повтор приводит к манипулированию сознанием реципиента, внедрению на подсознательном уровне наименования рекламируемого товара. Такой приём ещё именуется персеверацией [3, с. 244], это многократный повтор одинаковых сообщений в границах одного текста. В приведённом примере повторяется название шампуня, что приводит к непроизвольному запоминанию.

Каждый день очищает лицо. Каждый день побеждает прыщи. (гель «Клерасил»). — Повтор темпорального детерминанта *каждый день* направлен на осознание потребителем необходимости ежедневного применения средства, приносящего пользу.

Гармония с миром, гармония с собой! (реклама йогурта «Эрмигут»). — В данном рекламном тексте с помощью повтора существительного *гармония* рекламист создаёт уверенность в том, что употребление данного продукта поможет человеку найти гармонию.

В мир, где желание танцевать важнее, чем умение, в мир, где одна деталь меняет всё вокруг, в мир, где единственное «Да» важнее тысячи «Нет» (реклама «Кока-Колы»). — Рефреном звучащее имя существительное *мир* с предлогом *в* указывает на место. Следовательно, потенциальный покупатель понимает, что, попробовав данный напиток, очутится в нереальном, таинственном, загадочном мире мечты.

Нередко встречается анафора, образованная с помощью глагола в повелительном наклонении: *Говорите, когда захочется, платите, когда удобно, говорите сейчас, платите потом!* (мобильная связь «Мобилочка»). Императивная форма глагола создаёт побудительную интонацию. Автор рекламы призывает приобрести именно эту связь. Повтор слова «говорите» свидетельствует, что действие можно совершать неоднократно, поэтому данный вид товара становится выигрышным.

2. Эпифора — это повтор последнего элемента в нескольких высказываниях. Эпифора в большей степени, чем анафора, помогает создать определённый ритм. Чаще всего эпифорический повтор составляет марка продукта, благодаря чему на этом акцентируется внимание покупателей: *Один раз — «Persil», всегда — «Persil»* (реклама моющего средства «Persil»). Нередко эпифора образуется с помощью наречия: *«Ариель»: не просто чисто, а безусловно чисто!* (реклама порошка «Ариель»). *«Nokia»: что красиво, то красиво!* (реклама мобильных телефонов «Nokia»).

Наречие несёт в себе оценочный характер и придаёт тексту краткость и выразительность, с помощью чего у потребителей создаётся позитивный настрой, положительное впечатление о товаре. Также для создания эпифоры используются иноязычные слова. Например: *«Twix экстра», попробуй экстра!* (реклама батончика «Twix»). Иноязычные слова используются копирайтерами с целью придания новизны. Кроме того, в данном тексте употреблён глагол в побудительной форме.

Психологи считают, что целевые аудитории, менталитет которых сформирован тоталитарной идеологией, особенно восприимчивы к побудительным рекламным призывам [7, с. 78]. Например:

Хотите чувствовать себя хорошо? — Артодиск. Хотите сбросить лет 20? — Артодиск. Хотите, как в молодости, радоваться жизни? — Артодиск (реклама фирмы «Артодиск»).

При помощи использования эпифоры можно также симпровизировать своеобразный диалог между фирмой и её клиентом:

Буксировка с места аварии? — Да! Фирма “Гарант”.

Ремонт в дороге? — Да! Фирма “Гарант”.

Доступные цены? — Да! Фирма “Гарант” (реклама фирмы «Гарант»).

Диалог помогает воссоздать, проиграть конкретную ситуацию в нужном варианте. Так рекламистом создаётся готовый поведенческий образец. Это так называемое трансовое поведение, которое является гипнотической техникой и служит для «демонстрирования готового поведенческого зразка, тобто в рекламному тексті показано поведінковий шаблон, певна реакція реагування при зіткненні з рекламним товаром» [6, с. 108].

3. Анадиплосис. Кроме термина «анадиплосис», существуют ещё термины «подхват» или «стык». Такого рода приём предполагает повтор слова или группы слов, заканчивающих отрезок речи, в начале следующего отрезка речи. Анадиплосис состоит в повторе слов на границах смежных отрезков. С помощью такого повтора выражается последовательность, причинная обусловленность, а также замедленный характер протекания. Например: *Новая помада «Энергоблеск»: «Энергоблеск» на ваших губах* (реклама губной помады «Энергоблеск»).

Повторяется ключевая фраза. Это заставляет покупателя обратить внимание на товар. Здесь анадиплосис осуществляет функцию композиционного стержня, за счёт чего реклама становится эффективной: *Слова нужны, когда мы далеко* (реклама сотовой связи «МТС»). Кроме приёма анадиплосиса, в данном тексте как приём языковой игры используется номинативное предложение. Выделяется слово «слова», поскольку для каждого человека общение — главное. Автор акцентирует внимание на том, что, даже находясь далеко друг от друга, мы можем общаться.

Время есть. Есть «Меллер» (реклама продукции «Меллер»). — В данном тексте анадиплосис образует глагол-инфинитив. Такой вид повтора безусловно демонстрирует последовательность и логичность. Стык создаёт также причинную обусловленность, то есть возможна замена: **Время есть, поэтому есть «Меллер»*.

В холодильнике негусто — не беда, ведь есть главное — есть майонез «Ласка». Майонез «Ласка» сделает любое блюдо вкуснее и изысканнее. Чтобы вы ни делали, делайте с «Лаской». Ласковый майонез «Ласка»! (реклама майонеза «Ласка»). Здесь анадиплосис — в наименовании рекламируемого продукта. Именно на этой фразе рекламист хотел сфокусировать внимание потенциальных покупателей, так как она является центральной. Повтор передаёт ощущение логичности.

4. Рамочная конструкция — элемент, повторяющийся в начале одного и в конце другого отрезка речи (такой повтор иногда называют кольцом). Это отрезок речи, который одинаково начинается и одинаково заканчивается: (1) *«AOS» подходит для мытья даже детской посуды. Для семьи я выбираю лучшее — «AOS»* (реклама моющего средства «AOS»). При использовании приёма рамочной конструкции копирайтерами учитывается психологическое восприятие текста (так называемый «эффект края»): психика человека создана так, что она «хорошо запоминает первое и последнее сообщение, и часто информация или эмоция, полученные первыми, будут долгое время корректировать всю следующую информацию о рекламном объекте» [2, с. 99]. (2) *По-нашему, это шок! «Шок» — это по-нашему!* (реклама батончика «Шок»). Кольцо передаёт замкнутое движение по кругу, «зацикленность» мысли на чем-либо. В первом примере — это моющее средство «AOS», во втором — наречие «по-нашему». Потенциальный покупатель сначала знакомится с предлагаемым продуктом, затем происходит закрепление информации в сознании. Во втором случае с помощью повтора модального слова и наречия *по-нашему* копирайтер «приближает» рекламируемый товар к потребителю. Выражается уверенность в том, что товар будет куплен.

Мои подруги продолжают пробовать разные антивозрастные кремы, а я остановилась на «Olay total effect»...«Olay total effect» — секрет молодости и искренний совет подругам. Здесь намеренно повторяется слово *подруга*. В словаре Д. Н. Ушакова дано следующее толкование этого слова: «это девочка, девушка или женщина, с детских или с давних лет близко сдружившаяся с кем-нибудь» [8, с. 678]. Используя это слово в начале и в конце рекламного текста, рекламист стремится стать ближе к адресатам, становится советчиком, другом, чтобы реципиент доверял ему, считая этот товар, действительно, эффективным.

Вкус майонеза «тр. Риссо-золотой» рождается в сочетании солнечной свежести молодых оливок и природной уникальности перепелиных яиц... Майонез «тр. Риссо-золотой» — богатство тонкого вкуса! (реклама майонеза «тр. Риссо-золотой»). Автор выделяет слово *вкус*, так как рекламируется новый вкус майонеза. Подчёркивается, что не изменилось качество товара, изменился только вкус.

Использование повтора является важной и неотъемлемой составляющей многих рекламных текстов. Функции, которые выполняет данная конструкция в рекламном дискурсе, различны. Это может быть и усилительно-выделительная функция, когда повтор является средством усиления, выделения модального значения высказывания, например, значения актуализации внимания. Также важной

является функция уточнения. С её помощью покупатель запоминает рекламу продукта, чтобы в дальнейшем использовать запомнившуюся информацию и быстро определиться с выбором. Для создания этой функции используется анафорический и эпифорический повтор. На наш взгляд, главная функция повторов в рекламном дискурсе — это функция создания ритмизации, а самым распространённым видом позиционного повтора является анафора.

Выводы. Таким образом, синтаксис рекламного дискурса является одним из важных аспектов языковой игры, так как организация, структура рекламного сообщения несёт огромную нагрузку при восприятии текста реципиентом. Используя разные возможности синтаксического строя языка, можно воздействовать на аудиторию, для которой предназначена реклама. Синтаксис рекламного текста способен повлиять на выбор потребителя и, в конечном итоге, способствовать продвижению продукта или услуги на рынке. Игра на синтаксическом уровне является яркой составляющей многих рекламных текстов. Такая игра базируется на использовании экспрессивного синтаксиса, целью которого является создание выразительности рекламного текста. Обычным стало мнение о том, что привлечь клиента или покупателя можно, в первую очередь, нарушением привычного и естественного. В синтаксисе это значит нарушение привычной структуры высказывания.

Литература

1. Бернадская Ю. С. Текст в рекламе : учеб. пособие / Ю. С. Бернадская. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009. — 288 с.
2. Викентьев И. Л. Приёмы рекламы и Public Relation / И. Л. Викентьев. — К. : Бизнес-пресса, 1997. — Ч. I. — 228 с.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — М. : Изд-во литературы на иностр. языках, 1981. — 276 с.
4. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В. М. Жирмунский. — Л. : Наука, 1977. — 199 с.
5. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. — М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. — 832 с.
6. Кутуза Н. В. Прийоми мовної гри як мнемонічні техніки та ай-стопери рекламного тексту / Н. В. Кутуза // Реклама та PR у масовому інформаційному просторі. — Одеса : Астропринт, 2009. — С. 107–115.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. — М. : Языки славянской культуры, 2001. — 510 с.
8. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. — М. : Альта-Принт, 2009. — 1248 с.

References

1. Bernadskaya, Yu. S. (2009), *The text in advertizing : A training manual for university students [Tekst v reklame : ucheb. posobiye dlia studentov vuzov]*, UNITY-DANA, Moscow, 288 p.
2. Vikentyev, I. L. (1997), *Methods of advertizing and Public Relation [Priyomy reklamy i Public Relation]*, Business press, Kiev, part 1, 228 p.
3. Galperin, I. R. (1981), *Text as object of a linguistic research [Tekst kak objekt lingvisticheskogo issledovaniya]*, Publishing house of literature in foreign languages, Moscow, 276 p.
4. Zhirmunsky, V. M. (1977), *Theory of literature. Poetics. Stylistics [Teoriya literatury. Poetika. Stilistika]*, Nauka, Leningrad, 199 p.
5. Kara-Murza, S. G. (2002), *Manipulation with consciousness [Manipulatsiya soznaniem]*, EKSMO-Press, Moscow, 832 p.
6. Kutuza, N. V. (2009), “The receptions of the language game as mnemonic techniques and Ai-stoppers of the advertising text”, *Advertising and PR in the mass media [“Priyomy movnoyi gry jak mнемонічні техніки та ай-стопери рекламного тексту”]*, *Reklama ta PR u masovomu informacijnomu prostori*, Astroprint, Odessa, pp. 107–115.
7. Peshkovsky, A. M. (2001), *The Russian syntax in scientific visibility [Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii]*, Languages of Slavic culture, Moscow, 510 p.
8. Ushakov, D. N. *Big dictionary with definitions of modern Russian [Bol'shoj tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka]*, Alta-Print, Moscow, 1248 p.

СОБЧЕНКО Наталія Сергіївна,

старший викладач кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова;
Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; тел.: +38 067 9461358;
e-mail: ecoletk17@ukr.net; ORCID ID: 0000-0002-1382-5058

ПРИЙОМИ СИНТАКСИЧНОЇ ГРИ В РЕКЛАМНОМУ ДИСКУРСІ УКРАЇНИ

Анотація. *Мета* статті — розглянути прийоми мовної гри в рекламному дискурсі на синтаксичному рівні. *Об’єкт* дослідження — номінаційна діяльність в рекламному дискурсі. *Предмет* дослідження — прийоми мовної гри на синтаксичному рівні. У статті використано наступні *методи*: описовий, кількісний, метод компонентного аналізу. *Результат* дослідження: виокремлено основні прийоми мовної гри на синтаксичному рівні, докладно розглянуто прийом синтаксичного повтору. Визначено основну функцію використання мовної гри на синтаксичному рівні в рекламі.

Висновки. Гра на синтаксичному рівні є яскравою складовою багатьох рекламних текстів. Найчастіше для створення мовної гри в рекламі застосовано такі прийоми: парцеляцію, предикативну односкладність, повтор, антитезу, неповноту висловлювання. Найчастотнішим є синтаксичний повтор, який має багато різновидів: анафоричний, епіфоричний, анадіплосісний, повтор у рамковій конструкції, полісіндетон. Результати роботи можуть бути **застосовані** у подальшому вивченні феномену мовної гри в рекламі, використані в курсі лінгвістичного аналізу рекламного тексту, в інших курсах, що спрямовані на вивчення рекламного дискурсу та рекламної справи.

Ключові слова: мовна гра, рекламний дискурс, повтор, синтаксис, синтаксична гра.

Natalia S. SOBCHENKO,

senior teacher of Russian Language Department of the Odessa I. I. Mechnikov National University;
24/26, Frantsuzskij blvd., Odessa, 65058, Ukraine; ph.: +38 067 9461358; e-mail: ecoletk17@ukr.net;
ORCID ID: 0000-0002-1382-5058

RECEPTIONS OF THE SYNTACTIC GAME IN THE ADVERTISING DISCOURSE OF UKRAINE

Summary. The *purpose* of article is to consider methods of creation of a language game in an advertizing discourse at the syntactic level. An *object* of research is nomination activity in advertizing discourse. The *subject* of research is the methods of creation of a language game at the syntactic level of the language. In the article the following *methods* are used: descriptive, quantitative, method of the component analysis. *Result* of the research: the main methods of creation of a language game at the syntactic level are called and reception of syntactic repetition is in detail considered. The main function of use of a language game at the syntactic level in advertizing is defined. *Conclusions.* A game at the syntactic level is a bright component of many advertizing texts. Most often for creation of a language game the following receptions are involved in advertizing: parceling, one-member sentences, syntactic repetition, antithesis, incomplete sentences. The most frequency is syntactic repetition which includes an anaphora, to an epifor, anadiplosis, a frame design and polisindenton. *Practical use* of results of the research is that it results promote further studying of a language game in advertizing, could be applied when studying the linguistic analysis of the advertizing text and also can be used in special courses devoted to advertizing.

Key words: language game, advertizing discourse, iteration, syntax, syntactic game.

Статтю отримано 30.09.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.28.115857>

УДК 811.161.1'282'373.74:004.823

СТЕПАНОВ Евгений Николаевич,

доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова;
Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; тел.: +38 0964966406;
e-mail: rus_lang@onu.edu.ua; ORCID ID: 0000-0002-5441-9822; SPIN-код 8665-0882

СЦЕНАРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Аннотация. *Цель* данной работы — определить черты, общие для фразеологических единиц, которые возникают на основе местных / региональных сценариев и функционируют в территориально ограниченных локусах распространения русского языка. Кроме того, автор сделал попытку установить зависимость прецедентности фразеологизма от хронотопа как закономерной связи пространственно-временных координат, а также охарактеризовать особенности функционирования местных фразеологизмов в локусах, разных по признаку доминирующего в них социального и / или профессионального статуса русскоговорящего населения: в городе и селе. *Объектом* изучения стали региональные фразеологические единицы, *субъектом* — региональные сценарии, порождающие прецедентные феномены, которые дают начало фразеологизации содержащих их единиц. *Результатом* данного исследования стало установление таких основных черт региональных фразеологизмов: территориальная ограниченность функционирования; трудности понимания значения носителями русского языка как родного, проживающими в других регионах; способность распространяться на другие территории и входить в общенациональный русский язык. *Выводы* указывают на непосредственную связь понятия прецедентного феномена в лингвистике с понятиями доминанты и хронотопа. С изменением доминанты восприятия процесса, действия, предмета, признака рождаются предпосылки к возникновению новых прецедентных феноменов и устареванию уже существующих. По мере распространения ПФ в коммуникативном пространстве искажаются сценарии их возникновения и стирается зависимость их функционирования от первичных сценариев. Проходя рубеж этой зависимости, фразеологизм как лингвосомиотический феномен синхронизируется в речи, теряет связь с прошлыми сценариями и ориентируется на семантическую сочетаемость в том или ином дискурсе.

Ключевые слова: региональный фразеологизм, прецедентный сценарий, прецедентный феномен, русская речь, городская речь, диалект, лингвокультурный.

Постановка проблемы. Накопив к концу XX в. определённую сумму исторических, формальных и социальных знаний о языке, лингвистическая наука получила возможность в центр своих исследований поставить человека как модус существования языка, как создателя и интерпретатора языка в процессе коммуникативной деятельности. Антропоцентризм новейших лингвистических исследований открывает пути развития идей В. Гумбольдта о языке как посреднике между внешним миром явлений и внутренним миром человека, И. А. Бодуэна де Куртенэ — о существовании языка только в индивидуальной психике его носителей, составляющих языковое сообщество [16, с. 34], Э. Бенвениста — о каналах «присвоения языка говорящим», Ю. С. Степанова — о лингвистике как науке о языке в человеке и о человеке в языке, Б. А. Серебrenникова — о роли человеческого фактора в языке.

В связи со сменой исследовательских приоритетов в центре исследований в области регионалистики оказываются когнитивные, психолингвистические, лингвокультурологические, этнолингвистические проблемы языковой практики человека в конкретном месте его проживания: городе, селе, регионе. Изучается языковая личность жителя того или иного населённого пункта, региона, языковая картина мира этой личности либо коллектива людей, проживающих в том или ином регионе и обладающих знаниями местных сценариев. В этой связи открываются перспективы исследования регионального и городского текстов, идиостилистики их создателей, процессов порождения новых сценариев, способствующих порождению специфических смыслов и речевых форм в коллективном коммуникативном пространстве региона.

Связь со смежными проблемами. Проблема, рассматриваемая нами в данной работе, соприкасается с разработкой разных вопросов фразеологии и паремиологии, лингвокультурологии и прецедентной феноменологии, истории языка и лексикографии, диалектологии и социолингвистики, лексикологии и синтаксиса. Наиболее близкой, а по некоторым признакам совместной с региональной фразеологией оказывается диалектная фразеология. В русистике известно несколько поколений исследователей, по крупицам собиравшим и изучавшим диалектные фразеологизмы. В первую очередь, следует отметить систематизированное предствление В. И. Далем диалектных и региональных фразеологизмов в Толковом словаре живого великорусского языка. Словарь Даля до сих пор является ценнейшим источником исследуемых многими учёными фразеологических единиц разных регионов распространения русского языка. Имеется также больше десятка других лексикографических источников: областных и региональных фразеологических словарей орловских, новгородских, вятских, архангельских, пермских, приобских, томских, прибайкальских, амурских, могилёвско-смоленских, подольских, буковинских и некоторых других русских говоров [напр.: 7; 8; 9; 19]. Заслуживают внимания монографические и диссертационные исследования Е. В. Брысиной, А. С. Данилевской, Л. А. Ивашко, И. А. Кобелевой, И. А. Подюкова [2; 4; 5; 6; 10], в которых рассмотрены культурно-семиотический, этнокультурный, когнитивный, лексико-грамматический, лексикографический аспекты диалектной фразеологии. Сотни статей, в которых описаны результаты частных исследований в этой области, опубликованы в десятках авторитетных научных журналах и сборниках.

В то же время, монографические исследования региональной фразеологии, когда под регионом подразумевается не только территориальный диалект, но и городское койне либо региолект / территориальное койне, в русистике сегодня отсутствуют. Исходя из этого, мы выдвигаем следующие задачи.

Постановка задач исследования. *Цель* данной работы — определить черты, общие для фразеологических единиц, которые возникают на основе местных / региональных сценариев и функционируют в территориально ограниченных локусах распространения русского языка. Кроме того, мы попытаемся установить зависимость прецедентности фразеологизма и хронотопа как закономерной связи пространственно-временных координат, а также охарактеризовать особенности функционирования местных фразеологизмов в локусах, разных по признаку доминирующего в них социального и / или профессионального статуса русскоговорящего населения: в сельской местности и большом городе. *Объектом* изучения стали региональные фразеологические единицы, *субъектом* — региональные сценарии, порождающие прецедентные феномены, которые дают начало фразеологизации содержащих их единиц.

Изложение основного материала. Наше изучение проблемы соотношения коммуникативной глобальности и коммуникативной самобытности показывает, что глобализационные процессы не уничтожают, а переформируют систему стратификационной и ситуативной вариативности языка в структурном и содержательном аспектах. Недостатком большинства современных лингвокультурных исследований является их преимущественная ориентация на коммуникативные особенности национально-культурного пространства, культурно-национальный опыт и традиции определённой языковой общности. Изучение факторов формирования прецедентности имени, ситуации, высказывания, текста, социолингвистические закономерности функционирования языка в языковом коллективе заставляют усомниться в необходимости такого ограничения. Мы считаем, что понятие прецедентного феномена (далее — ПФ) в лингвистике непосредственно связано с разработанными А. А. Ухтомским в I-ой четверти XX в. учениями о доминанте как устойчивом очаге повышенной возбудимости нервных центров и хронотопе как закономерной связи пространственно-временных

координат [17, с. 347]. В контексте человеческого восприятия «с точки зрения хронотопа, существуют... не отвлечённые точки, но живые и неизгладимые из бытия события» [17, с. 342]. Тот или иной сценарий поведения человека либо группы людей становится прецедентным на основе устойчивого доминирующего представления о чём-либо в рамках определённого хронотопа. С изменением доминанты восприятия в представлении человека или группы людей о том или ином процессе, действии, предмете, признаке появляются предпосылки к возникновению новых ПФ и устареванию уже существующих. Однако пространство, на котором успел распространиться ПФ, бывает различным. Процесс устаревания универсальных, межнациональных и национально-прецедентных феноменов намного длиннее во времени, чем процесс устаревания региональных, социумных [15] и, тем более, семейных ПФ. Мы связываем это с тем, что по мере распространения ПФ в коммуникативном пространстве постепенно происходит искажение сценариев их возникновения и стирание зависимости функционирования ПФ от первичных сценариев. Именно поэтому многие современные фразеологизмы, возникшие несколько веков назад и прошедшие путь от социумных и региональных ПФ к национальным, продолжают широко использоваться носителями русского языка вне связи с первичными сценариями. Проходя рубеж такой зависимости, фразеологизм как лингвосемиотический феномен синхронизируется в речи, теряет очевидную в диахронии связь с прошлыми сценариями и ориентируется на семантическую сочетаемость в том или ином дискурсе.

Лингвокультурное пространство разных регионов формируется по-разному в социальном, этническом, географическом, историческом планах на протяжении разного времени. Так, любой большой город является экономическим и культурным центром того или иного региона. История основания, заселения, развития города, жизнь, традиции, экономические, профессиональные предпочтения его жителей, особенности климата и географического положения, поведение горожан в периоды социальных катаклизмов воздействуют на лингвокультурное пространство самого города и окружающего его региона, формируя прецедентные феномены, в том числе фразеологизмы. Фразеосистема региональной речи состоит из двух больших блоков: общеупотребительного и подсистемного, который придаёт своеобразие этой фразеосистеме. Онтологические особенности хозяйственной деятельности, моноэтнической монолингвистичной или полиэтнической многоязычной культуры влияют на своеобразие использования определённых донорских и реципиентных концептосфер в процессе образования и трансформации фразеологизмов.

Нам представляется, что основные черты фразеологических единиц (далее — ФЕ), которые возникают на основе местных / региональных сценариев и функционируют в территориально ограниченных локусах, таковы:

- 1) функционирование русских региональных фразеологизмов является территориально ограниченным;
- 2) адекватное понимание семантики регионального фразеологизма носителями русского языка как родного, проживающими в других регионах, весьма затруднено;
- 3) русские региональные фразеологизмы способны распространяться на другие территории, войти в общенациональный язык и заимствоваться.

Сравним примеры фразеологических одессизмов и питеризмов. К ним мы относим те, основой для создания которых являются прошлые или сегодняшние реалии разных сфер жизни Одессы, Санкт-Петербурга и окружающих их регионов. Среди этих ФЕ находим устойчивые словосочетания, сравнительные обороты, пословицы, поговорки, афоризмы, проклятия. Регионом функционирования некоторых из них постепенно стали не только Одесса или Санкт-Петербург, чему способствует творчество писателей, режиссёров, актёров. Часто такие ФЕ содержат компонент с локативными семами 'одесский' / 'петербургский'. В разных ФЕ эти семы могут быть яркими или слабыми. Например: (1) *...Вся моя жизнь проходит на «одесском фоне»* [11, с. 277]. *На одесском фоне* — «в Одессе». (2) *Когда за бюстгальтером «одесского размера» приходила очередная клиентка, Нилина мать весело подмигивала...* [11, с. 343]. *Бюстгальтер одесского размера* — «бюстгальтер большого (5–6) размера». (3) *Одесские панамы* — (в нач. XX в.) «крупные денежные аферы, экономические преступления, совершённые в Одессе» и ряд гипонимов: *железнодорожная панاما, таможенная панاما, марочная панاما, почтовая панاما, водочная панاما, врачебная панاما, мыльная панاما, отпускная панاما, паспортная панاما, сахарная панاما* [18, с. 345–349]. Во 2-й пол. XX в. на основе метонимии возник новый фразеологизм *одесские панамы* — ¹«курортники»; ²«курортный сезон в Одессе». (4) *В Питере все углы шиты* [12, с. 26]. Питейные заведения на многих людных углах С.-Петербурга к началу XX в. принадлежали семье Вильгельма (Василия) Шитта. В основе поговорки паронимазия: глагол *шить* паронимичен фамилии *Шитт*. (5) *Пойдёт в Питер с котомочкой, а придёт домой с ребёночком* [12, с. 186]. — О драматических судьбах многих крестьянок, уходивших в столицу на заработки в XIX–XX вв. Эта пословица актуальна и сегодня. (6) *В Питере не пьют только четыре человека [У них руки заняты. Они коней держат]* [12, с. 29]. — О репутации Петербурга как города, в котором пьют много алкоголя. В ФЕ указывается на отсутствие такой возможности только у статуи юношей на Аничковом мосту.

Яркими семами 'одесский' и 'петербургский' обладают не только родственные названия городов слова, а хорошо известные как языковые визитки этих городов урбанотопонимы (годонимы, эргони-

мы) и производные от них слова. Напр., в Одессе: *аристократы Молдаванки* — «авторитетные бандиты, воры»; *боженята пересыпские* — «обычно мелкие хулиганы и воришки с одесской Пересыпи». О старых одесских окраинах Молдаванке и Пересыпи неодесситам хорошо известно из популярной песни «Шаланды, полные кефали...». Названия этих районов Одессы ассоциируются, как правило, с самим городом. Даже в небольшом городке Ланьцуте (Łańcut) в польской Галиции в 2003 г. автору довелось услышать и увидеть, как пожилые поляки в пивной приветствовали друг друга этой песней. Широко за пределами Одессы известен одесский рынок «Привоз». Этот эргоним встречаем в ряде одесских регионализмов: *для Привоза / не для Привоза* — «на продажу, для продажи / не для продажи, для себя» (например, выращенные овощи, фрукты, поросята, куры, приготовленные сливки, брынза, масло и др.); *отвлечься с дачи на Привоз* — «заняться пополнением съестных припасов во время загородного отдыха»; *Привоз большой* — «смогу купить в другом месте» (в ситуации торга покупателя с продавцом); *я (ты...) с Малой Арнаутской* — «я (ты...) стреляный воробей» [улица Малая Арнаутская имеет в Одессе ярко выраженный культурный фон, описанный в произведениях И. Ильфа и Е. Петрова, Р. Александрова, В. Катаева и др.]; *Идёт, как по Дерibasовской!* — «(идёт) медленно, вразвалочку»; *оказаться / вылечиться на полях орошения* — «быть убитым» [Поля орошения — болотистая местность между Хаджибейским лиманом и застроенной частью Пересыпи, где располагается первая в Одессе станция очистки сточных вод; убийцы издавна использовали камыши Полей орошения как надёжное место захоронения своих жертв]; *дать отскок на три франзоли* — «не дать себя в обиду». Этот фразеологический одессизм пропозиционально-диктумного типа мотивации содержит лексический одессизм *франзоля* [14, с. 264–266]. *Отскок* (=«отпор») — просторечный девербатив, образованный способом усечения основы от глагола *отскокочить*. В Петербурге: *пока «Аврора» не выстрелит* — питерский аналог национально-прецедентных *пока гром не грянет* — ..., *пока жареный петух в зад не клюнет* — *мужик не перекрестится*; *точно, как из пушки* — от традиции ежедневного сигнального выстрела из вестовой пушки, производимого с Нарышкина бастиона Петропавловской крепости ровно в 12 часов дня. Возникла эта традиция в 1856 г., когда в Петербург начали поступать по телеграфу сигналы точного времени из Пулковской обсерватории; *шлифовать тротуары Невского проспекта / шлифовать невкие мостовые* — «шляться; беспечно и праздно шататься»; *пригласить на Чёрную речку* — ¹эвфемизм прямого вызова на боевой поединок; ²метафорическое требование немедленных объяснений по поводу неблагоприятного поступка, непорядочности [Чёрная речка — место дуэли Пушкина и Дантеса в 1837 г.]; *бросаться в объятия красавицы-Невы* — ¹«использовать невскую воду»; ²«зарабатывать на “дарах Невы”, вылавливая из неё полезные находки»; ³«окупаться на Крещение в Иордань, вырубая в невском льду перед Зимним дворцом»; *каждому поколению своя блокада* — о трудной жизни петербуржцев в кризисные 1990-е годы; *шпана лиговская, чухна парголовская* — названия представителей преступного мира Петербурга по территориальному признаку их обитания (районы Лиговского проспекта и Парголово); *лекарь — из-под Литейного моста аптекарь* — о враче, который не лечит, а калечит [ФЕ основана на легенде о курсантах Военно-медицинской академии; кроме того, старинное здание петровской клиники для инвалидов со стороны выглядит так, будто оно находится под Литейным мостом]; *Блаженная Ксения поможет* — совет попросить помощи у Святой Ксении Петербургской.

Ряд ФЕ, появляющихся в отдельном городе, нередко проникают в национально-лингво-культурное пространство. Например, московские *во всю Ивановскую; коломенская верста*, одесское *две большие разницы*, питерские *всякий сам себе Исаакий; съездить в Ригу; под одну гребёнку; почём фунт лиха* и многие другие. В основе первой ФЕ — громкий звон колокольни Ивана Великого и громкий крик глашатаев на Ивановской площади в московском Кремле; в основе предпоследней ФЕ — омонимия имени собственного и нарицательного: под руководством архитектора Н. П. Гребёнки в 1840–1870-е годы в Петербурге быстро, но без архитектурных излишеств было построено не менее 100 доходных домов, похожих один на другой; в основе последней ФЕ — межъязыковая омонимия: по-фински *liha* — «мясо»; мясными и молочными продуктами до гражданской войны Петербург снабжался из сёл финского пояса, который был вокруг города.

В разных регионах функционируют разные региональные фразеологизмы с одинаковым значением, которые возникают по разным, но сходным сценариям. Сравните: одесское *местечковое барокко* и петербургское *бенуёвские переделки* используются в значениях «архитектурная безвкусица» и «некачественный ремонт». Первая ФЕ основана на региональной отрицательной коннотации понятия *местечковый* (о человеке) — «ограниченный», «без особых талантов», «духовно бедный» и сценарии, в соответствии с которым из местечек Украины в Одессу часто «на халтуры» (шабашки) приезжали тамошние жители, представляя себе, что всё умеют; часто результаты их непрофессионального ремонта соответствуют степени их «талантливости». Вторая ФЕ связана со сценарием дорогой перестройки фасада Гостиного двора в С.-Петербурге по проекту Альберта Бенуа в 1870-е годы. Эта перестройка заказчиком не понравилась, но прежний вид был возвращён зданию в 1947–1948 гг. в связи с его послевоенным восстановлением.

Между военными, служащими в сухопутных войсках и на флоте, издавна существует соперничество в плане социальной престижности. При Петре I привилегированное положение занимали моряки. Соперничество распространилось и на гражданскую сферу деятельности. После постройки

железной дороги быть железнодорожником стало социально престижным. Значение водного транспорта уменьшилось. Однако моряки не уступали, давая железнодорожникам прозвища, содержавшие отрицательную коннотацию. В Петербурге одно из них сохранилось до сих пор: *свисток с Балтийского вокзала*. Изначально в XIX в. моряки, для которых открыто целое Балтийское море, так называли железнодорожников, ограниченных тоже Балтийским, но лишь вокзалом, дававших сигнал, но не склянкой, а свистком и живших однообразной сухопутной жизнью, привязанной к рельсам. Однако семантическая структура этой ФЕ стала быстро расширяться и размываться, что свидетельствует о её жаргонизации. Сема ‘железная дорога’ оказалась скрытой, а яркими при архисеме ‘человек’ стали в одном случае семы ‘обманывать’ и ‘хвастать’, в другом — ‘незначительный’ и ‘маленький’. Известно, что уже в начале XX в. ФЕ *свисток с Балтийского вокзала* петербуржцы употребляли и продолжают употреблять вместо общеупотребительных *пустослов, болтун, обманщик, хвастун, задавака* и под., жаргонных *прыц (на ровном месте), мыльный пузырь, надувающий щёки*, «*деятель*» и вместе с ними; *свистком с Балтийского вокзала* сегодня также уничижительно называют низкорослого мужчину и любого «среднестатистического» гражданина, от которого мало что зависит. Сравн. с одесскими [14, с. 224–228]: *аицын / аг(у)ицын паровоз* (< идиш $\text{אָן אַ פּאַרװױז אַינע אַ פּאַרװױז}$ — «в паровозном жаре»), (*в запале, в поту, с пеной у рта*)), *пуриц* (< идиш פּױרײַץ — «помещик») / *перец* (мимикрия на основе межъязыковой паронимии), *гройсер пуриц* (< идиш גרויסער פּױרײַץ — «большой, великий, крупный»), *великий пуриц / перец*.

Н. Г. Арефьева, исследуя систему региональных фразеологизмов русских сельских говоров Одесской области, выделила 21 группу этих единиц по признаку различий лингвокультурного кода. Вот эти коды: хозяйственный, социальный, флористический, соматический, анималистический, свадебный, гендерный, природный, бытовой, предметный, гастрономический, временной, пространственный, духовный, космогонический, интеллектуальный, семейный, транспортный, антропонимический, ландшафтный, эмоциональный [1]. Анализу подверглись 328 ФЕ, выбранных из Словаря русских говоров Одесщины [13]. Почти все выделенные коды совпадают с теми, которые встречаются в системе городских фразеологизмов, однако следует отметить намного большее внимание горожан к фразеологизации артефактов и региональной топонимии, в том числе к названию улиц, городских районов. У сельских жителей региональная фразеология, по преимуществу, антропоцентрична. Например: *обселить основу* — «продеть продольные нити, идущие вдоль домотканого полотна»; *нема моду* — «не заведено, не принято»; *давать род* — «плодоносить»; *бабичья свадьба* — «угощение для женщин после венчания»; *хрустальная жена* — «жена (не первая) человека, женившегося в преклонном возрасте»; *старый парень* — «старый холостяк»; *брат под братом* — «младший брат»; *вгору кричать* — «петь высоким голосом» и др.

Выводы. Наше исследование показало, что фразеологизм как одна из лингвокультурных универсалий может функционировать в разных лингвокультурных пространствах. Изучение региональных фразеологизмов свидетельствует о том, что их основными чертами являются: территориальная ограниченность функционирования; трудности адекватного понимания значения носителями русского языка как родного, проживающими в других регионах; способность распространяться на другие территории и входить в общенациональный русский язык. Лингвокультурные коды региональных фразеологизмов городских и сельских локусов, в целом, совпадают, однако в городских ФЕ доминирует фразеологизация артефактов и местных топонимов, а в сельских диалектных ФЕ — фразеологизация антропоморфных понятий. Нам удалось установить зависимость прецедентности фразеологизма и хронотопа как закономерной связи пространственно-временных координат. Следует признать, что понятие прецедентного феномена в лингвистике непосредственно связано с понятиями доминанты и хронотопа. Сценарий поведения людей становится прецедентным на основе устойчивого доминирующего представления о чём-либо в рамках определённого хронотопа. С изменением доминанты восприятия процесса, действия, предмета, признака рождаются предпосылки к возникновению новых прецедентных феноменов и устареванию уже существующих. Процесс устаревания универсальных, межнациональных и национально-прецедентных феноменов длиннее во времени, чем процесс устаревания региональных, социумных, семейных ПФ. По мере распространения ПФ в коммуникативном пространстве постепенно происходит искажение сценариев их возникновения и стирание зависимости их функционирования от первичных сценариев. Следовательно, многие современные фразеологизмы, возникшие несколько веков назад в регионах и ставшие национальными, широко используются сегодня, но редко связываются носителями русского языка с первичными сценариями. Проходя рубеж такой зависимости, фразеологизм как лингвосомиотический феномен синхронизируется в речи, теряет очевидную в диахронии связь с прошлыми сценариями и ориентируется на семантическую сочетаемость в том или ином дискурсе.

Литература

1. Арефьева Н. Г. Фразеологическая картина мира сквозь призму лингвокультурных кодов (на материале русских говоров Одесщины) / Н. Г. Арефьева // Мова. — Одеса : Астропринт, 2017. — № 27. — С. 135–140.

2. Брысина Е. В. Этнокультурная идиоматика донского казачества / Е. В. Брысина. — Волгоград : Перемена, 2003. — 293 с.
3. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества / Вильгельм фон Гумбольдт : [пер. с нем.; общ. ред. Г. В. Рамишвили] // Избр. труды по языкознанию. — [2-е изд.]. — М. : Прогресс, 2001. — С. 37–298.
4. Данилевская А. С. Отражение первичного локуса диалектоносителей во фразеологической картине мира (на материале русских говоров Приамурья) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 — русский язык / А. С. Данилевская. — Киев : КНУ им. Тараса Шевченко, 2017. — 256 с.
5. Ивашко Л. А. Очерки русской диалектной фразеологии / Л. А. Ивашко. — Л. : ЛГУ, 1981. — 111 с.
6. Кобелева И. А. Современная русская диалектная фразеология : лексико-грамматический и лексикографический аспекты : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 — русский язык / И. А. Кобелева. — Сыктывкар : Сыктывкарский гос. ун-т, 2012. — 355 с.
7. Мельниченко Г. Г. Краткий ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей (1820–1956 гг.) : в 2 т. / Г. Г. Мельниченко. — Ярославль : Изд-во Ярославского гос. пед. ин-та, 1961.
8. Мосеев И. И. Поморская говора : Краткий словарь поморского языка / И. И. Мосеев. — Архангельск : Правда Севера, 2005. — 372 с.
9. Областной словарь вятских говоров / ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметанина. — Киров : ВГТУ, 1996–2008. — Вып. 1–5.
10. Подюков И. А. Культурно-семиотические аспекты народной фразеологии / И. А. Подюков. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1997. — 360 с.
11. Пойзнер М. Б. С Одессой надо лично говорить... (Из подсмотренного и подслушанного) / М. Б. Пойзнер. — Одесса : Друк, 2001. — 392 с.
12. Синдаловский Н. А. На языке улиц : Рассказы о петербургской фразеологии / Н. А. Синдаловский. — М. ; СПб. : Центрополиграф; МиМ-Дельта, 2006. — 264 с.
13. Словарь русских говоров Одесщины : в 2 т. / [ОНУ им. И. И. Мечникова; ред. Ю. А. Карпенко, С. Уэмура] Л. Ф. Баранник, Л. Н. Гукова, Л. И. Демьянова и др. — Одесса : Астропринт, 2000–2001.
14. Степанов Е. Н. Російське мовлення Одеси : монографія / Е. Н. Степанов. — Одеса : Астропринт, 2004. — 496 с.
15. Степанов Е. Н. Фразеология города как лингвокультурное пространство / Е. Н. Степанов // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. — Ізмаїл, 2008. — Вип. 25. — С. 130–135.
16. Степанов Е. Н. Русская городская речь в полилингвокультурном пространстве Одессы : дисс. ... доктора филол. наук : 10.02.02 — русский язык / Е. Н. Степанов. — Одесса, 2013. — 595 с.
17. Ухтомский А. А. Доминанта / А. А. Ухтомский. — СПб. : Питер, 2002. — 448 с.
18. Файтельберг-Бланк В. А. Бандитская Одесса : «Двойное дно» Южной Пальмиры / В. А. Файтельберг-Бланк, В. В. Шестаченко. — Одесса : Астропринт, 1999. — 629 с.
19. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / ред. А. И. Фёдоров. — Новосибирск : Наука. Сиб. отделение, 1983. — 232 с.

References

1. Arefieva, N. G. (2017), “Phraseological picture of the world in the light of linguocultural codes (based on the Russian dialects of Odessa region)”, *Mova* [“Frazеологическая картина мира сквозь призму лингвокультурных кодов (на материале русских говоров Одешщины)”, *Mova*], Astroprint, Odessa, vol. 27, pp. 135–140.
2. Brysina, Ie. V. (2003), Ethnocultural idiomatics of the Don Cossacks [*Etnokul'turnaja idiomatika donskogo kazachestva*], Peremena, Volgograd, 293 p.
3. Humboldt, W. von (2001), “On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of mankind”, *Selected Works on Linguistics, 2nd ed.* [“O razlichii stroenija chelovecheskikh jazykov i jeho vlijanii na dukhovnoe razvitie chelovechestva”, *perevod s nemeckogo*; red. G. V. Ramishvili, *Izbrannye trudy po jazykoznaniju, 2-oe izd.*], Progress, Moscow, pp. 37–298.
4. Danilevskaya, A. S. (2017), *Reflection of the primary locus in the phraseological world picture of dialect-speaking people (with reference to Russian dialects of the Amur region): Thesis* [Otrazhenie pervichnogo lokusa dialektonositelej vo frazeologicheskoj kartine mira (na materiale russkikh govorov Priamur'ja) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.02 — russkij jazyk], Kiev Taras Shevchenko National University, Kiev, 256 p.
5. Ivashko, L. A. (1981), *Essays on the Russian Dialectal Phraseology* [Ocherki russkoj dialektnoj frazeologii], Leningrad State University, Leningrad, 111 p.
6. Kobleva, I. A. (2012), *Modern Russian dialect phraseology : lexico-grammatical and lexicographic aspects : Thesis* [Sovremennaja russkaja dialektная frazeologija : leksiko-grammatičeskij i leksikografičeskij aspekty : dis. ... dokt. filol. nauk : 10.02.01 — russkij jazyk], Syktyvkar State University, Syktyvkar, 355 p.
7. Melnichenko, G. G. (1961), *A short Yaroslavl regional dictionary combining materials of previously compiled dictionaries (1820–1956) : in 2 volumes* [Kratkij yaroslavskij oblastnoj slovar', objedinjajushchij materialy ranee sostavlennykh slovar'ej (1820–1956 gg.) : v 2 t.], Yaroslavl State Ped. Inst. Publishing House, Yaroslavl.
8. Moseev, I. I. (2005), *The Pomor speaking : A brief dictionary of the Pomor language* [Pomor'ska govorja : Kratkij slovar' pomorskogo jazyka], Pravda Severa, Arkhangelsk, 372 p.
9. Dolgusheva, V. G., Smetanina, Z. V. eds. (1996–2008). The regional dictionary of Vyatka dialects : in 5 issues [Oblastnoj slovar' vjatskikh govorov], Vyatka St. Technical Univ., Киров.
10. Podyukov, I. A. (1997), *Cultural and semiotic aspects of folk phraseology* [Kul'turno-semiotičeskie aspekty narodnoj frazeologii], Russian A. I. Herzen State Ped. University Publishing House, St. Petersburg, 360 p.
11. Pojzner, M. B. (2001), *You need to speak personally with Odessa... (From peeped and overheard)* [S Odessoj nado lichno govorit'... (Iz podsmotrennogo i podslušannogo)], Druck, Odessa, 392 p.
12. Sindalovsky, N. A. (2006), *In the language of the streets : Stories about Petersburg phraseology* [Na jazyke ulits : Rasskazy o peterburgskoj frazeologii], Centropoligraf; MiM-Del'ta, Moscow & St. Petersburg, 264 p.
13. Karpenko, Yu. A., Uemura, S. eds. (2000–2001), *Dictionary of the Russian dialects of Odessa region : in 2 vol.* [Slovar' russkikh govorov Odesshčiny : v 2 t.], Astroprint, Odessa.

14. Stepanov, Ie. M. (2004), *Russian Speech of Odessa : monograph [Rosijs'ke movlennja Odesy : monografija]*, Astroprint, Odessa, 496 p.
15. Stepanov, Ie. N. (2008), "The city's phraseology as a lingual and cultural space", *Scientific Bulletin of Izmail State University of Humanities* ["Frazеологія goroda kak lingvokul'turnoe prostranstvo", *Naukovyj visnyk Izmail's'kogo derzhavnogo gumanitarnogo unіversytetu*], Izmail, vol. 25, pp. 130–135.
16. Stepanov, E. N. (2013), *Russian Urban Speech in the Multilingual Cultural Space of Odessa : Thesis [Russkaja gorodskaja rech' v polilingvokul'turnom prostranstve Odesy : dis. ... doktora filol. Nauk : 10.02.02 — russkij jazyk]*, Odessa I. I. Mechnikov National University, 595 p.
17. Ukhtomsky, A. A. (2002), *Dominant [Dominanta]*, Peter, St. Petersburg, 448 p.
18. Fajtelberg-Blank, V. A., Shestachenko, V. V. (1999), *Gangster's Odessa : "Double bottom" of the Southern Palmyra [Banditskaja Odessa : «Dvojnnoe dno» Juzhnoj Pal'miry]*, Astroprint, Odessa, 629 p.
19. Fedorov, A. I. ed. (1983), *Phraseological dictionary of Russian dialects of Siberia [Frazеологический словарь русских говоров Сибири]*, Nauka, Novosibirsk, 232 p.

СТЕПАНОВ Євгеній Миколайович,

доктор філологічних наук, зав. кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; тел.: +38 048 7762277; +38 096 4966406; e-mail: stepanov.odessa@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-5441-9822; SPIN-код 8665-0882

СЦЕНАРНА СПЕЦИФІКА РЕГІОНАЛЬНОЇ ФРАЗЕОЛОГІЇ

Анотація. *Мета* роботи — визначити риси, спільні для фразеологічних одиниць, що виникають на підставі місцевих / регіональних сценаріїв і функціонують у територіально обмежених локусах поширення російської мови. Крім того, автор зробив спробу встановити залежність прецедентного фразеологізму від хронотопу як закономірний зв'язок просторово-часових координат, а також схарактеризувати особливості функціонування місцевих фразеологізмів у локусах, різних за ознакою домінування в них соціального і / або професійного статусу російськомовного населення: в місті та селі. **Об'єктом** вивчення стали регіональні фразеологічні одиниці, суб'єктом — регіональні сценарії, які породжують прецедентні феномени, що зумовлюють процеси фразеологізації задіяних у них одиниць. **Результатом** цього дослідження є визначення таких основних рис регіональних фразеологізмів: територіальна обмеженість функціонування; труднощі розуміння значення носіями російської мови як рідної, які є мешканцями інших регіонів; здатність поширюватися на інші території та імплантуватися до загальнонаціональної російської мови. **Висновки** вказують на безпосередній зв'язок поняття прецедентного феномена в лінгвістиці з поняттями домінанти і хронотопу. Зі зміною домінанти сприйняття процесу, дії, предмета, ознаки виникають передумови до створення нових прецедентних феноменів і старіння вже наявних. У міру поширення регіонального фразеологізму в комунікативному просторі спотворюються сценарії їх виникнення і стирається залежність їх функціонування від первинних сценаріїв. Проходячи межу цієї залежності, фразеологізм як лінгвoseміотичний феномен синхронізується в мові, втрачає зв'язок з минулими сценаріями й орієнтується на семантичну сполучуваність у тому чи іншому дискурсі.

Ключові слова: регіональний фразеологізм, прецедентний сценарій, прецедентний феномен, російське мовлення, міське мовлення, діалект, лінгвокультурний.

Ievgenii N. STEPANOV,

Doctor of Philological Sciences (Grand PhD), Head of the Russian language Chair of Odessa Mechnikov National University; 24/26 Francuzskij blvd., Odessa, 65058, Ukraine; tel.: +38 048 7762277; +38 096 4966406; e-mail: stepanov.odessa@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-5441-9822; SPIN-code 8665-0882

SCENARIOUS SPECIFICITY OF REGIONAL PHRASEOLOGY

Summary. The *purpose* of this work is to define the features common to phraseological units that arise on the basis of local / regional scenarios and function in territorially limited regions of the spread of the Russian language. In addition, the author made an attempt to establish the dependence of the precedent of phraseological unit on the chronotope as a natural connection of space-time coordinates, and also to characterize the features of the functioning of local phraseological units in regions different in terms of social and / or professional status of the Russian-speaking population that dominates there: in the city and in the countryside. The *object* of study is regional phraseological units, the *subject* — regional scenarios, generating precedent phenomena. The *result* of this study is the establishment of such basic features of regional phraseological units: territorial limitations of functioning; difficulties in understanding its meanings by native speakers of the Russian language living in other regions; ability to spread to other territories and to enter the national Russian language. The *conclusions* point to a direct link between the notion of a precedent phenomenon in linguistics and the notions of a dominant and a chronotope. As the dominant of perception of the process, action, object, and attribute changes, prerequisites arise for the emergence of new precedent phenomena and for the obsolescence of existing ones. As the phraseological unit spreads in the communicative space, the scenarios for their occurrence are distorted and the dependence of their functioning on the primary scenarios is erased. Passing the boundary of this dependence, phraseological unit as a lingvosemiotic phenomenon is synchronized in speech, loses its connection with past scenarios and focuses on semantic compatibility in one or another discourse.

Key words: regional phraseology, precedent scenario, precedent phenomenon, Russian speech, urban speech, dialect, lingual & cultural.

Статтю отримано 30.09.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.28.115860>

УДК 811.161.2'27'367.332.7/624.5:001.12:139

ТРУБА Ганна Миколаївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри прикладної лінгвістики

Одеського національного університету імені І. І. Мечникова;

Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; тел.: +38(0482)680562 ;

e-mail: 3182009060@ukr.net; ORCID ID: 0000-0001-9944-0476

ІНТЕГРАТИВНИЙ ПІДХІД У ВИВЧЕННІ КАТЕГОРІЙ СТАНОВІСТІ Й АСПЕКТУАЛЬНОСТІ: ЛІНГВІСТИЧНИЙ І ФІЛОСОФСЬКИЙ АСПЕКТ. СОЦІОЛІНГВІСТИЧНИЙ ЕКСПЕРИМЕНТ

Анотація. *Мета* статті — окреслити основні аспекти вивчення питання категорії становості й аспектуальності, які є одними із базових категорій свідомості. *Об'єктом* аналізу є категорія становості й аспектуальності, а *предметом* дослідження — інтегративний підхід у вивченні зазначених категорій. У роботі використано описовий, інтегративний *методи та метод* соціолінгвістичного експерименту. *Результатом* дослідження є чітке визначення категорії становості й аспектуальності у світоглядній картині світу із лінгвістичної та філософської точок зору, а разом із тим окреслення нового підходу до вивчення вже розроблених лінгвістичних категорій з нової точки зору — інтегративного підходу, застосування соціолінгвістичного експерименту. *Актуальністю* дослідження є висвітлення різних підходів до визначення поняття категорій становості й аспектуальності, окреслення різних дискурсів категорії становості і інтегрування їх в одну структуру. *Практична цінність* результатів дослідження полягає у можливості використання його результатів у вирішенні питань оптимізації процесів навчання філологів, для глибшого розуміння категоризації мов, фундаментальних дослідженнях еволюції глибинних, базових категорій української мови, покращення процесу засвоєння української мови як іноземної.

Ключові слова: категорія, становість, аспектуальність, диференційна ознака, мовна ситуація, мовленнєвий код.

Постановка питання. Сучасна лінгвістика все більше і більше прагне до інтеграції надбань різних галузей лінгвістичних знань до спільного знаменника. Так, є очевидним, твердження, що без пояснення загальної ситуації у суспільстві, без розуміння загальних векторів його руху не можна пояснити суто лінгвістичні явища. Актуальність запропонованого підходу полягає в певному новаторстві висвітлення питання та нестабільності отриманих результатів (адже з точки зору соціолінгвістики мовна ситуація не є сталою константою).

Зв'язок із попередніми дослідженнями. Ідеї соціолінгвістики сягають праць І. О. Бодуена де Куртене, Є. Д. Поливанова, Л. П. Якубинського, В. М. Жирмунського, Б. О. Ларина, О. М. Селищева, Г. О. Винокура у Росії (Радянському Союзі), Ф. Брюно, А. Мейє, П. Лафарга, М. Коена у Франції, Ш. Баллі й А. Сеше у Швейцарії, Ж. Вандрієса в Бельгії, Б. Гавранека, В. Матезіуса у Чехії та ін. А кваліфікаційною ознакою соціолінгвістики II пол. XX ст. є перехід від праць загальноного плану до експериментальної перевірки гіпотез, математичного виваження конкретних фактів. На думку американського соціолінгвіста Дж. Фішмана, на сучасному етапі вивчення мови в соціальному аспекті характеризується такими ознаками, як системність, суворість спрямованість збору даних, кількісно-статистичний аналіз фактів, щільне переплетення лінгвістичного і соціологічного аспектів дослідження. При цьому переважає синхронний аспект, аналіз зв'язків між елементами структури мови й елементами структури суспільства; у працях попереднього періоду здебільшого постулювалася супротивність еволюції мови з розвитком суспільства, тобто цим дослідженням притаманний діахронний аспект [1].

Постановка завдань дослідження. Темою нашої статті є спроба інтеграції функціонального і соціолінгвістичного підходу до вивчення таких базових категорій як становість та аспектуальність. Предметом дослідження є спроба синтезу функціонального, соціолінгвістичного і філософського підходу до розгляду базових понять не тільки лінгвістики, а й людської свідомості взагалі. Об'єктом дослідження застосування зазначених підходів саме із вивчення категорій становості й аспектуальності.

Матеріалом дослідження є приклади вживання категорій становості й аспектуальності у сучасних творах українських письменників (понад 10 000 речень із маркерами функціонально-семантичної категорії становості й аспектуальності, у межах яких 8 000 речень дібрано шляхом суцільної вибірки з творів сучасних українських письменників, а 2 000 речень зафіксовано у розмовному мовленні) та анкетування (було опитано 100 осіб: 50 — жінок і 50 — чоловіків віком від 18 до 67 років).

Виклад основного матеріалу. Одним із базових постулатів сучасної соціолінгвістики є вивчення мови в її соціальному контексті, а, отже, увага соціолінгвістів зосереджена не на власне мові, не на її внутрішній будові, а на тому, як користуються мовою люди, що формують певне суспільство. При цьому враховуються усі чинники, що можуть впливати на використання мови, — від різних характеристик самих мовців (їхнього віку, статі, рівня освіти і культури, виду професії та ін.) до особли-

востей конкретного мовленнєвого акту [1]. Саме тому виникла ідея імплементувати функціональні категорії становості на соціолінгвістичний ґрунт.

З першого погляду, мовні категорії однієї мови не вимагає пояснень для носіїв цієї мови. Проте, однією мовою може бути використана різними групами мовців, і, як наслідок, наповнення і мовленнєвий код буде різним. В Україні проводяться соціолінгвістичні дослідження, але це питання вимагає розробки і актуалізації досліджень. Водночас існує проблема, пов'язана з тим, чи складають різні мовні співтовариства люди, які мешкають в одному місті і які працюють на тих самих підприємствах, але які мають як рідну різні національні мови, — наприклад, болгары, росіяни, молдовани та українці. Чи спільний у них поняттєвий апарат?

Отже, в соціолінгвістиці є поняття мовного співтовариства, яке становить собою сукупність людей, об'єднаних спільними соціальними, економічними, політичними і культурними зв'язками, які реалізують у повсякденному житті безпосередні й опосередковані контакти між собою і з різними соціальними інститутами за допомогою однієї мови або різних мов, поширених у межах цієї сукупності. Межі поширення мов дуже часто не збігаються з політичними кордонами. Тому у визначенні поняття „мовне співтовариство” суттєвим є поєднання лінгвістичних і соціальних ознак: якщо залишити тільки лінгвістичні, то можна говорити лише про мову, безвідносно щодо того середовища, в якому вона використовується; якщо підґрунтям мати тільки соціальні критерії (охоплюючи і політико-економічні, і культурні чинники), то поза увагою залишаться мови, що функціонують у певній соціальній спільноті (критерієм виділення в кожному випадку повинні бути спільність соціального життя, наявність регулярних комунікативних контактів, спільних соціальних, політичних, економічних та інших реалій [5, с. 316–365]).

З точки зору філософії, дослідження проблем функціональності як цілісного явища сягають філософської думки ХІХ ст. Традиційно витоками функціональної граматики вважають теоретичні розробки античної філософії Аристотеля, Фалеса, Анаксимена, Анаксимандра, Демокрита та класичні праці філософів І. Канта, Г. Гадамера, М. Гайдеггера, В. Джеймса, К. Поппера, психологію мовленнєвої діяльності Л. Виготського, школу швейцарської функціональної психології Е. Клапареди. А підвалини функціональної граматики, які були закладено представниками Празького лінгвістичного гуртка, Ш. Балі, В. фон Гумбольдтом, Е. Кошмідером, Е. Куриловичем, А. Мартіне, І. І. Мещаніновим, О. М. Пешковським, О. О. Шахматовим, Л. В. Щербою, Р. Якобсоном та ін. Першими зразками функціонального аналізу засобів вираження була концепція кількісності у мовному мисленні І. Боудена де Куртене, монографія „Мислення та мова” Ф. Брюно, „Філософія граматики” О. Есперсена, де міститься перша спроба співвіднесення понять та засобів їхнього вираження. Користуючись надбаннями сучасників Е. Кошмідера, Б. Кормі, О. В. Бондарка, О. В. Падучевої, І. Р. Вихованця, О. І. Бондаря, К. Г. Городенської, А. П. Грищенка, М. О. Шелякіна, С. О. Соколової, З. Вендлера, Ю. С. Маслова, О. В. Бондарка, І. Р. Вихованця, А. П. Загнітка, О. І. Бондаря, В. Г. Гака, Ф. С. Бачевича, О. Ю. Жаборюк, Ду Ялі та ін. Ми отримали наступні висновки:

– категорію аспектуальності та витлумачуємо її як категорію, що характеризує певні відношення характеру перебігу дії та розподілу її у часі, й уналежнюємо до неї дієслівні та іменні предикати, а диференційними ознаками аспектуальності є одинність, тривалість, початок, продовження, закінчення, результативність, повторюваність, ступінь вияву, співвіднесення з нормою, динамічність / статичність, граничність / неграничність, процесність, інтенсивність, абсолютність (моновалентність) / відносність (бівалентність), локалізованість / нелокалізованість і преференційні властивості суб'єктів, ознака динамічності й статичності [7];

– становість визначаємо як онтологічну категорію, що фіксує момент стійкості у зміні, розвитку, русі матеріалів, об'єктів у конкретній ситуації, має функції гомогенності, статичності, постійності вияву та знаходиться в опозиції до дії, процесу, якості (О. І. Бондар). За такого підходу дія характеризується як негомогенна (дія є чергуванням різних станів), тимчасова, непостійна (існує лише в невеликому проміжку часу), має суб'єкт та об'єкт дії; процес — як негомогенний, тимчасовий, пасивний (нецілеспрямований суб'єкт та відсутній об'єкт); якість же вказує на непостійну, тимчасову ознаку суб'єкта (денотата) і виступає іманентною властивістю, відносно незалежною від часу [7].

І твори письменників і анкети людей за нашим визначенням становлять так звану спільну мовну спільноту, адже всі вони були об'єднані спільними критеріями: спільний часо-просторовий, економічний, культурний і політичний аспект. І ці дослідження відбили досить цікавий результат. Аналізовані твори показали наступну картину: частотність уживання лексем на позначення аспекту становлять досить монолітний шар лексем (дієслово 90 %); частотність же лексем на позначення становості хоча і становить певну монолітну структуру, проте не є такою одноманітною, і становить наступну картину — якщо розмежовувати абсолютний і відносний стан [7], то до абсолютного стану варто зараховувати лексеми на позначення стану (30 %), а до відносного стану — стан унаслідок дії чи процесу (70 %).

Аналіз же анкетування виявив зовсім протилежні наслідки (відповіді були ідентичними незалежно від того, якою мовою вони подавалися): категорія аспекту становить знову монолітну структуру із частотністю вживання дієслово і іменник. Категорія становості становить певну одноманітність. До категорії аспектуальності зараховували іменники на позначення дії (70 %), дієслова на позначення

дії (30 %). Категорія становості виявила наступні результати: *агресія, апатія, бажання, біль (3), благополуччя, бути (2), буття, весело (3), відсутність проблем, відчуття, віра, властивість речей (2), газ, гармонія (2), депресія (2), добрий стан, добро, душевний стан (12), еволюція, емоції (3), жарко, життя, задоволення, закриті двері, занепад, збудженість, здоров'я (5), злість, зосередженість, існувати, інфляція, крик душі, лід, лінх, любов (3), настрої (6), ненависть, нерухомий, переживання (2), піднесеність, почуття, порив, посмішка, процес, радість (5), рівновага (4), родина (4), роздратованість (3), рух, самореалізація, симпатія, сидіти, спокійний (10), стабільність (1), стан речей (5), стомлений, страждання, статичність, страшно, схвилюваність (2), сум (4), тиша, фізичний стан (4), фінансовий стан (8), форма, хвороба, хворобливість, холодно, читати, широка душа, щастя (6). Та викликають емоції: позитивні (12), нейтральні (12), ширість, відкритість, збудження, приємність, душевність, ностальгічність (2), психічний розлад, зацікавлення, спокій (6), душевність, схвилюваність, рівновага (2), піднесеність (2), безмежність, спостерігач, негативі, страх (2), сором, злість, сон (2), відпочинок, нестабільність, невизначеність, стабільність (2), задумливість, радість (3), надія, фантазії, негативний (4), пасивність, стурбованість, поганий настрої, задоволеність, закоханість, щастя, тривога.*

Висновки. Отже, отримані під час проведення соціолінгвістичного експерименту результати дають змогу твердити про однакове розуміння категорій становості і аспектуальності носіями мовної спільноти, обмеженої територією України.

Література

1. Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. — М. : МГУ, 1996. — 245 с.
2. Лузина Л. Г. Проблемы стилистики в лингвопрагматической интерпретации / Л. Г. Лузина // Прагматика и семантика. — М. : ИНИОН, 1991. — С. 67–81.
3. Мартынов В. В. Функциональная грамматика и категории языка / В. В. Мартынов // Проблемы функциональной грамматики. — М. : Наука, 1985. — С. 155–162.
4. Мещанинов И. И. Глагольное предложение и части речи / И. И. Мещанинов. — М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1945. — 322 с.
5. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селіванова. — Полтава : Довкілля-К, 2010. — 844 с.
6. Теория функциональной грамматики : Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. — 2-е изд. / А. В. Бондарко. — М. : Эдиториал УРСС, 2001. — 348 с.
7. Труба Г. М. Функціональна взаємодія категорій становості та аспектуальності : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / Г. М. Труба. — Одеса, 2014. — 210 с.
8. Труба Г. М. Взаємодія функціонально-семантичної категорії становості з іншими функціонально-семантичними полями та категоріями / Г. М. Труба // Наукові записки. — Кіровоград : Вид-во КДУ, 2011. — Вип. 100 : Серія : Філологічні науки (мовознавство). — С. 384–387.
9. Щур Г. С. Теория поля в лингвистике / Г. С. Щур. — М. : Наука, 1974. — 255 с.

References

1. Kubryakova, E. S., Demyankov, V. Z., Pankrats, Yu. G., Luzina, L. G., ed. (1996), *A Brief Dictionary of Cognitive Terms* [Kratkij slovar kognitivnykh terminov], Moscow Lomonosov State University, Moscow, 245 p.
2. Luzina, L. G. (1991), "Problems of stylistics in lingvopragmatic interpretation", *Pragmatics and semantics* ["Problemy stilistiki v lingvopragmaticheskoj interpretacii"], *Pragmatika i semantika*, INION, Moscow, pp. 67–81.
3. Martynov, V. V. (1985), "Functional grammar and language categories", *Problems of functional grammar* ["Funkcionalnaja grammatika i kategorii jazyka"], *Problemy funkcionalnoj grammatiki*, Nauka, Moscow, pp. 155–162.
4. Meschaninov, I. I. (1945), *Verbal sentence and parts of speech* [Glagolnoe predlozhenie i chasti rechi], AS of USSR Publishing house, Moscow & Leningrad, 322 p.
5. Selivanova, O. O. (2010), *Linguistic Encyclopedia* [Linhvistychna encyklopedija], Dovkillia, Poltava & Kyiv, 844 p.
6. Bondarko, A. V. ed. (2001), *Theory of Functional Grammar : Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis*, 2nd ed. [Teoriya funkcionalnoj grammatiki : Vvedenie. Aspektualnost. Vremennaja lokalizovannost'. Taksis, 2-e izd.], Editorial URSS, Moscow, 348 p.
7. Truba, H. M. (2014), *Functional interaction of the categories of state and aspectuality : Thesis* [Funkcionl'na vzajemodija kategorij stanovosti ta aspektual'nosti : dys. ... kand. filol. nauk: 10.02.01], Odessa, 210 p.
8. Truba, H. M. (2011), "Interaction of the functional semantic category of state with other functional semantic fields and categories", *Proceedings of the Kirovograd Vinnychenko State Pedagogical University, Philological sciences (linguistics)* ["Vzajemodija funkcional'no-semantychnoi kategorii stanovosti z inshymy funkcional'no-semantychnymy poliamy ta kategorijamy"], *Naukovi zapysky, serija Filolohichni nauky (movoznavstvo)*, Kirovograd State University Press, Kirovograd, vol. 100, pp. 384–387.
9. Shhur, G. S. (1974), *Field Theory in Linguistics* [Teoriya polya v lingvistike], Nauka, Moscow, 255 p.

ТРУБА Анна Николаевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова;
Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; тел.: +38(0482)680562;
e-mail: 3182009060@ukr.net; ORCID ID: 0000-0001-9944-0476

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ И АСПЕКТУАЛЬНОСТИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Аннотация. *Цель* статьи — очертить основные аспекты изучения вопроса категории состояния и аспектуальности, которые являются одними из базовых категорий сознания. *Объектом* анализа является категория состояния и аспектуальности, а *предметом* исследования — интегративный подход в изучении указанных категорий. В работе использованы описательный, интегративный *методы* и метод социолингвистического эксперимента. *Результатом* исследования является чёткое определение категории состояния и аспектуальности в мировоззренческой картине мира с лингвистической и философской точек зрения, а вместе с тем определение нового подхода к изучению уже разработанных лингвистических категорий с новой точки зрения: интегративного подхода, применения социолингвистического эксперимента. Актуальностью исследования является освещение различных подходов к определению понятия категории состояния и аспектуальности, определение различных дискурсов категории состояния и аспектуальности, а также интегрирования их в одну структуру. *Практическая ценность* результатов заключается в возможности их использования для решения вопросов оптимизации процессов обучения филологов, для более глубокого понимания категоризации языков, фундаментальных исследованиях эволюции глубинных, базовых категорий украинского языка, для улучшения процесса усвоения украинского языка как иностранного.

Ключевые слова: категория, состояние, аспектуальность, дифференциальный признак, языковая ситуация, речевое код.

Hanna M. TRUBA,

PhD (Candidate of Philological Sciences), Associate Professor of the Applied Linguistics Department
of Odessa I. I. Mechnikov National University; 24/26 Francuzskij blvd., Odessa, 65058, Ukraine;
tel.: +38 (0482)680562; e-mail: 3182009060@ukr.net; ORCID ID: 0000-0001-9944-0476

THE INTEGRATIVE APPROACH IN STUDYING THE CATEGORY OF THE STATE AND ASPECTS: LINGUISTIC AND PHILOSOPHICAL APPROACH. SOCIOLINGUISTIC EXPERIMENT

Summary. The *purpose* of article is to outline the main aspects of the studying the category of the state and aspects, which are one of the basic categories of consciousness. The *object* of analysis is the category of the state and aspects, and the *subject* of the study is an integrative approach in the study of these categories. The research is used descriptive, integrative *methods* and the method of sociolinguistic experiment. The *result* of the study is a clear definition of the category of the state and aspects in the world view from a linguistic and philosophical point of view, and at the same time the definition of a new approach to the study of current developed linguistic categories from a new point of view — integrative approach, application of sociolinguistic experiment. The topicality of the research is the coverage of various approaches to the definition of the concept of categories of the state and aspects, the definition of various discourses of the category of the state and aspects, as well as their integration into one structure. The *practical value* of the research lies in the possibility of using its results in solving the problems of optimizing the training of philologists, for a deeper understanding of the categorization of languages, fundamental studies of the evolution of deep, basic categories of the Ukrainian language, and improving the learning process of the Ukrainian language as a foreign language.

Key words: category, social class, aspect, state, differential sign, language situation, speech code.

Статтю отримано 17.06.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.28.115862>

УДК 811.161.2'373.47

ФОРМАНОВА Світлана Вікторівна,

доктор філологічних наук, доцент, професор кафедри української мови
Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; вул. Дворянська, 2, м. Одеса, 65082, Україна;
тел.: +38 067 4803597; e-mail: laly2009@ukr.net; ORCID ID: 0000-0001-9434-1903

ИНВЕКТИВНИЙ ПРОСТІР У РОМАНІ І. ФРАНКА «ПЕРЕХРЕСНІ СТЕЖКИ»

Анотація. *Актуальність* дослідження визначається необхідністю комплексного аналізу інвективи в творчості І. Франка та з'ясування її лінгвістичного статусу. *Об'єктом* статті є українська інвектива як мовний і мовленнєвий феномен. *Предмет* статті — характеристика інвективи в романі І. Франка «Перехресні стежки». Опрацювання мовного матеріалу зумовило застосування таких загальнонаукових *методів*: спостереження — для фіксації мовних та позамовних виражень інвективи, описовий — для ідентифікації та виявлення характерних особливостей української інвективи, аналізу та синтезу фактичного матеріалу, що уможливило систематизацію й об'єктивну лінгвістичну кваліфікацію фактичного матеріалу. *Висновки.* Інвектива в романі надає певного колориту оповіді, є одним із засобів реалістичного зображення побутових ситуацій. Вона є влучною, емоційно й експресивно забарвленою, оцінною і виражає негативне явище, що іноді дозволяє найповніше передати усі нюанси побутового мовлення.

Оскільки метою інвективи є змусити опонента відчутися всю безодню своєї нікчемності, інвективне значення продукується як результат своєрідного негативного низького творчого процесу, який відбувається через бажання адресанта відтворити сполучуваність слів, фразем, речень, які суперечать стилістичним нормам. Цей процес не є стандартним. У такий спосіб адресант відгороджується від реалій дійсності, оскільки вони є нестандартними, суперечливими. В основі інвективи лежить груба негативна номінація, яка є образливою для адресата. Відбір подібних номінацій з метою порівняння створює експресивну образність, яка містить потенціал впливу на слухача за рахунок цинічної характеристики об'єкта, що відзначається вишуканою негативною оцінкою.

Ключові слова: інвектива, обценна лексика, некодифікована лексика, лайка, пейоратив, семантичне значення, стилістична роль.

Постановка проблеми. На порозі святкування 161-ї річниці від дня народження видатного українського поета, письменника, перекладача й політичного діяча Івана Франка варто по-новому опрацювати творчий доробок майстра, дослідженню спадщини якого приділено багато уваги як з боку мовознавців, так і з боку літературознавців: Ф. Вацевич, В. Грещук, Т. Космеда, І. Кочан, М. Леонова, І. Ощипко, Т. Панько, Л. Полюга, Є. Регушевський, І. Свенціцький, О. Сербенська, які досліджували термінологію в творах І. Франка, лексику української мови кінця 19 — початку 20 ст., категорію оцінки у лінгвофілософській концепції поета, імпліцитні текстові засоби, метафору, комунікативну прагматику, стилістику тощо. Заслужують на увагу й наукові розвідки Л. Бондар «Соціальна інвектива чи загадкова love story» [1998], І. Ціхоцького «Майстерність мовного портрета у франківій прозі (суспільно-психологічна студія «На дні»)» [2008], Ф. Вацевича «Лінгвокомунікативні та риторично-прагматичні виміри художнього тексту (на матеріалі роману Івана Франка «Перехресні стежки»)» [2016], а також колективна монографія «Стежками Франкового тексту (комунікативні, стилістичні та лексикографічні виміри роману «Перехресні стежки»)». Але ґрунтовному аналізу інвективи в творчості Івана Франка не приділено достатньої уваги, що зумовило **актуальність** обраної теми.

Постановка завдання. Мета статті полягає в розкритті семантичних і стилістичних особливостей інвективи в романі Івана Франка «Перехресні стежки», які створюють комунікативно-прагматичний потенціал інвективного простору. Мета зумовила розв'язання таких завдань: 1) з'ясувати визначення терміна «інвектива» в українській мові; 2) обґрунтувати мотив вживання інвективи; 3) схарактеризувати інвективи як художній прийом у романі Івана Франка.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Активне дослідження інвективної лексики насамперед є характерним для зарубіжного мовознавства, де ще в 70–80-х роках минулого сторіччя утвердився підхід до аналізу лінгвістичного феномену інвективи як мовного знака (Л. Андерсон, М. Буже, Р. Емен, О. Есперсен, Е. Клайр, Ф. Менджор, П. Паломіно, А. Пеймс, Б. Развратников, Х. Рафсон, М. Раффнер, П. Традгілл, П. Целдран). В україністиці найчастіше інвективу розглядають як обценну лайку, в основі якої лежить відступ від соціальних, моральних, етичних норм і правил поведінки (Т. Вільчинська, Б. Коваленко, Г. Завражина, Ю. Мушкетик, Я. Радевич-Винницький, Д. Синяк, Л. Ставицька), проте наявні праці висвітлюють лише поокремі аспекти цього вагомому шару лексичної системи, що акцентує на необхідності його якнайретельнішої наукової кваліфікації, насамперед — з'ясування лінгвістичного статусу інвективи, виокремлення критеріїв уналежнення лексики до інвективного шару, встановлення її національно-специфічних особливостей та ін.

Виклад основного матеріалу. Розглянемо термінологічну мікросистему *інвектива* — *лайка* — *обценна лексика* — *мат.*

Серед науковців сформувалося декілька підходів до визначення терміна «*інвектива*»:

– його ототожнюють із лайкою, кваліфікованою у мовному узусі як знак, що має табуйований характер, лежить за межами літературної мови та містить стійкі стилістичні маркери («*вульгарний*», «*лайливий*», «*грубий*», «*презирливий*»). У такій інтерпретації лайка визнається мовним знаком, який не відповідає в певному соціумі на певний момент часу нормам пристойності (Т. Вільчинська, Т. Кудінова, А. Позолотін, О. Саржина); це вид мовленнєвої агресії, емоційно-експресивна одиниця, яка має властивість деавтоматизованого сприйняття у свідомості носіїв мови (В. Жельвіс);

– інвективою вважається образа (В. Кусов, С. Форманова), тобто соціальна дискредитація суб'єкта шляхом адресованого йому тексту, а також стійкий мовний зворот, що сприймається адресатом як образа. Механізмом актуалізації інвективи, як правило, виступає ситуація порушення культурних вимог з боку адресанта інвективи, виходу його індивідуального вчинку за межі прийнятих норм поведінки (А. Грицанов, Є. Можейко);

– інвективою є будь-яке слово, вимовлене в дуже різкій формі, лайка (Ю. Бельчиков, В. Жельвіс, А. Позолотін, М. Степко), мат і навіть нейтральна лексика, яка виступає в інвективній функції (М. Голєв), що використовується з метою образити опонента, здійснити навмисний вплив на адресата (О. Корольова, Г. Кусов, Й. Стернин, С. Форманова) і характеризує ставлення мовця до предмета мовлення (О. Корольова, Л. Крисін). Планом змісту інвективи є власне образа, висловлена в агресивній формі. Залежно від того, чи наділені інвективністю такі одиниці мовлення, як слово, речення, текст, вони можуть бути або визнані інвективами, або ж ні (А. Коряковцев).

Ми дотримуємося думки, що інвектива — образа — лайка є синонімами, оскільки це будь-яка груба, вульгарна, табуйована номінація адресата чи третьої особи, що має оцінну семантику й містить образу.

Спираючись на останнє визначення, вважаємо, що поняття «інвектива» виявляє сутність маргінального коду (В. Жельвіс, Т. Кудінова, В. Михайлін, С. Форманова, Б. Шарифуллін), характеризується емоційно-оцінним, експресивним і прагматичним критеріями, формується як внутрішньомовними (системні міжрівневі взаємозв'язки, власний словотворчий потенціал, семантичні й стилістичні парадигми, мовні антиномії тощо), так і екстралінгвальними чинниками. Останні зокрема позначені ставленням соціуму до цього мовного прошарку, який відображає деструктивну свідомість, недосконалість, перевагу негативу й агресії над позитивом, спрямованість на створення особливої комунікативної тональності, зниження етикетних норм спілкування, його фамільярність і вульгарність, що перетворюється на образу і спричинює конфліктний мовленнєвий акт. З огляду на це пропонуємо тлумачити **інвективу** як *вербально виражене ставлення адресанта до адресата, яке має на меті різке звинувачення, осуд з метою образити, принизити і зганьбити опонента та дискредитувати його*.

Інвектива — образа — лайка є термінами на позначення поняття вербально-агресивної дії у грубій формі, що відбувається в стані афекту і продукується комунікативним актом, у якому реалізується інтенція мовця принизити, образити, збездістити, зганьбити адресата будь-якими засобами.

У романі Івана Франка «Перехресні стежки» спостерігаємо вульгаризми, зниження або заміну лексичного значення, інвективу, самоінвективу, експресивні номінації особи, астеїзми, інтелектуальну інвективу, інвективні дієслова тощо. Інвективи Франка мають соціально-політичну тематику, оскільки автор показує Україну кінця 19 ст., коли селяни боролися проти поміщиків і намагалися відстояти свої права. Тому саме від предмета зображення залежить відбір і ступінь проникнення ненормативних одиниць у художній текст. Розмовні, жаргонно-просторічні, інвективні висловлювання вживаються найчастіше у мові персонажів. На думку М. Пилинського, В. Русанівського, С. Єрмоленко, Л. Ставицької, некодифіковані елементи вводяться в художній твір переважно в мову персонажів — представників певного середовища; використовуючи в тексті елементи позалітературного мовлення, завжди потрібно пам'ятати про гармонійне поєднання нормативних і ненормативних засобів, щоб не порушити цілісного естетичного сприймання усного твору [1, с. 260].

Звичайно, просторічні, жаргонні та інвективні елементи не завжди бувають стилістично виправдані в структурі художніх текстів. Н. Сологуб у монографії «Мовний світ О. Гончара» зазначає: «Вживання різних лексичних шарів стимулюється тим, що героями творів виступають люди різних професій; це активізує лексику, вносить відповідний колорит» [2, с. 19].

У творах Франка відтворено добре відоме йому українське життя та український фольклор, що відбиває влучно дібране кожне слово, вираз. Автором використано вдалий прийом, тканину твору побудовано так, що вона захоплює, зачаровує, захоує в себе. Твори Франка можна читати й перечитувати і з впевненістю говорити, що вони ніколи не набриднуть, а, навпаки, — з кожним прочитанням відкриватимуть нові й нові риси невідомого досі.

Для інвективи характерним є те, що звинувачення спрямоване проти 2-ї особи. Тому мовлення персонажів живе, яскраве й неповторне, воно насичене різного роду висловлюваннями, як-от:

– номінація особи, спрямована безпосередньо на суб'єкта:

Він озирнувся і побачив, як півперек вулиці, кланяючись капелюхом і весело балакаючи, наближався до нього середнього росту підстаркуватий панок з коротко остриженим ріденьким волоссям, рудими сивими вусами, одягнений у чорний витертий сурдут [3, с. 377]; ...*Вагман ...то*

найтяжча п'явка в нашій повіті, **лихвар, чоловік, що не цурається найбруднішого гешефту** [З, с. 392]; ...а два інші — **то прості голодранці, писарчуки, нероби та злодюги, не варті тої гільяки, на котрій би слід їх повішати** [З, с. 393]; **Директор — се генеральний шпіцель у місті, на всіх пише доноси до намісництва, своїх учителів переслідуює, як свої найтяжчих ворогів... Його доньки, хоч і русинки по батькові, завзяті польські шовіністки, зрештою, дівчата без освіти, кокетки і вже ославлені в місті численними романсовими пригодами** [З, с. 393];

— інтелектуальна інвектива:

— **Ага, вам іще ідеалістичне молоко таки не обсіхло на губах** [З, с. 404];

— самоінвектива:

— **Варвар я! Погань! Нелюд! ... Я, проклятий естетик...** [З, с. 470];

— **Хочете сказати, що мені, лихвареві, п'явці повітовій, не слід так остро судити інших, — мовив з холодним усміхом Вагман** [З, с. 592];

— астеїзми:

У мене була кужарочка — гарна бестійка... [З, с. 407]; **Адже жінка — чортівське насіння...** [З, с. 490]; **Вся польська преса запалала патріотичним обуренням на «нужденного пасквілянта», що, мовляв, плюгавить рідне гніздо** [З, с. 533];

— номінація особи із залученням сакралізованих номенів:

— **Так тобі треба, дияволе! — воркотів Стальський, видобуваючи свої костюмахи з-під сторожевого одубілого тіла. — Чи бач, дідько, як розлютився! Був би міг віку збавити. Ну, але зачислювся порядно! Хлипай, хлипай, гаспиде, скрегочи зубами кілька хочеш!** [З, с. 401]; — **От Юда! — гнівно шептав Марусяк до Євгенія, затискаючи кулаки. — Глядіть, як нас пасе очима. З'їв би, якби міг** [З, с. 516];

— зоосемізми:

Він не був забобонний і не вірив у стрічі, але його думка зі старої традиційної привички зложила ще одно питання: «Що воно значить, що на вступі в нове життя мені перебігає дорогу оця скотина в людській подобі?» [З, с. 383]; **Нічого йому, собаці, не буде** [З, с. 401]; — **Ну, пане Стальський, то я скажу вам одверто, що ви найлютіший звір із усіх, яких знає зоологія. Бо ніякий звір не потрафить так довго і так завзято мучити свою жертву** [З, с. 417];

— непряма образа:

...а вже таке дурне серце в чоловіка: тішиться чужим щастям, сумує чужим смутком так, як своїм власним [З, с. 384]; **Дурний чоловік був...** [З, с. 378]; **Жид, у котрого меценас має наймити помешкання, се перший міський багач і лихвар; він будує тепер три нові дома...** [З, с. 389]; **В гімназії він (о. Зварич. — С. Ф.) бів звісний як «тупа голова»... Повільний, тупий до книжки, тяжкий до думання, він мав велику охоту до різних механічних праць...** [З, с. 498]; **О, Зварич, як і всі чесні люди з обмеженим кругозором і тісною головою, вперто стояв на своїм...** [З, с. 503]; **Ну, та Страхоцький — напівдіот, йому й не диво. Але що ж ті, що, знаючи його, вислали його сюди «на вислугу»? Навіть хоч би прокуратор і практикант паралізували його ідіотичні присуди, то й тоді ще його спосіб ведення розправ мусить підкопувати повагу того «найвищого царського атрибуту», тої порфіри, вложеної на блазня** [З, с. 522]; **...пан староста жив і поводився в повіті зовсім як самовільний сатрап, без якого волі і дозволу ніщо не повинно було діятися** [З, с. 582];

— різкий випад проти опонента, засудження адресата гнівним, звинувачувальним тоном:

— **Я знаю, ви молодий чоловік, ідеаліст, русин, народолобець і**

хлопоман. У вас хлоп — то святий, а шляхтич — то тиран, плантатор, кровопійця [З, с. 398];

— **Брешеш, жиде!** — крикнув Ілько.

— **Мовчи, хлопе!** — завивав суддя. — **Ах ти, поганине!** [З, с. 518];

— **Мусиш, лайдаку!** — озвірів на нього суддя [З, с. 519];

— **Ти, злодію, розбишако, суд признає тебе винуватим і засуджує на чотири тижні арешту** [З, с. 521];

— **Де моя жінка, злодію!** — кричав Стальський, наступаючи до Євгенія [З, с. 624];

— **Брешеш, драбе!** — ревнув Шнадельський, підскочивши за столом.

— **Безличнику! Падлюко!** — казився Шнадельський... [З, с. 531];

— **Бийте його! Бийте п'явку людську!** — ревів Шнадельський. — **Я відповім за все!**

— **Коби міг за себе відповісти, ошуканче!** — крикнув Євгеній [З, с. 531];

— дієслова-інвективи:

Я такий рад, що здивав пана меценаса... [З, с. 380]; **Стальський держав хлопчика остро, не стільки вчив, скільки бив, штуркав і всякими способами карав його** [З, с. 381]; **Євгеній по-дзвонив, заплатив і вийшов. Йому хотілося спекатися Стальського, котрого балакання псувало йому пообідній гумор, але Стальського не так легко було спекатися** [З, с. 386]; **Він здригнувся, попрощався зі Стальським і пішов до свого готелю** [З, с. 387]; **Нараз щось немов шпигнуло його; він стрепенувся, мовби несподівано діткнувся проводу електричної батареї** [З, с. 389]; **...кричали, гейкали та сварилися селяни, шваркотали жиди** [З, с. 509]; **...деякі починали лягати...** [З, с. 511];

— А особливо не вірте оцьому пану, що видає себе за вашого приятеля, а дбає тільки про те, щоб **обдурити, обдерти і викптити вас**, — залунав різкий, смілий голос від дверей коршми.

Пан за столом підняв голову і встав із місця при тих словах.

— **Що там за дурень рило рознімає?** — крикнув він [З, с. 530];

Шнадельський мусив брехати, викручуватися, але ті брехні робили чимраз менше враження [З, с. 538]; **Пан бурмістр поблід. Вагманові слова колупнули-таки його серце, але він пробував усе ще боротися зі своїм чуттям** [З, с. 593]; **Інтриги йдуть, одні против одних риють. До школи зійдуться, то, замість богу молитися, кричать, сваряться, одні одним пейси та бороди вимикують** [З, с. 601];

Регіна з переляком **витріщила очі на Стальського, але з її уст не вирвалося ані одно слово.**

— **Що так вибалушила на мене?** — грубо **буркнув Стальський** [З, с. 603].

Як видно з фактичного матеріалу, лайка, образа, словесний напад є головною зброєю персонажів роману «Перехресні стежки». І. Франко використовує інвективу з метою показати мовленнєву модель українського села кінця 19 ст. Інвективи визначають поведінку й вчинки героїв і є виразниками їхніх розумових здібностей, вживаються у хвилини сильного роздратування, передають негативні характеристики як суб'єктів, так і об'єктів дії. Діалоги лаконічно-динамічні, насичені емоційно-експресивною лексикою, носять викривальний характер, різку інтенцію, щоб найсильніше вразити адресата. Автор використовує інвективу на позначення різних аспектів людської діяльності: риси характеру, поведінка, звички, інтелект, емоційний стан, моральні якості, расова приналежність, соціальний статус, рід занять, матеріальний стан тощо.

Висновки. Інвективний простір роману І. Франко є доволі широким. Автор використовує прийом соціального контрасту, енергії прямого звинувачення, різких випадів, агресії, картини помсти, гнівних імперативів, низької тональності спілкування. Розглянуті інвективи йдуть від 1-ї особи, співвідносяться з реальним автором, має адресата 2-гу особу, яка співвідноситься з реальним співрозмовником. У романі зустрічаються гнівні висловлювання, в яких засуджуються дії, вчинки адресата, звинувачення містять погрози, емоційне напруження, що підтверджується синтаксично — знаками оклику. Оскільки характерними ознаками інвективи є емоційність, різке викривання, щоб сильніше вразити адресата, теперішній час, суб'єктні відношення «я — ти», форми дієслів-присудків, то можемо говорити про те, що вона виконує складну комунікативну функцію: є одним з основних механізмів людського спілкування, частково є залишком захисної реакції і погрози. Через інвективу в одних випадках виражається гнів, роздратування, а в інших — бажання поставити адресата в незручне становище, спонукати його до дії або ж припинити ці дії, покласти край чийсь поведінці.

Література

1. Жанри і стилі в історії української літературної мови. — К. : Наук. думка, 1989. — 279 с.
2. Сологуб Н. М. Мовний світ О. Гончара / Н. М. Сологуб. — К. : Наук. думка, 1991. — 136 с.
3. Франко І. Вибрані твори : у 3 т. / Іван Франко. — К. : Дніпро, 1973. — Т. 3. — С. 375–661.

References

1. *Genres and styles are in the history of Ukrainian literature* (1989) [Zhanry i styli v istorii ukrains'koi literaturnoi mowy], Naukova dumka, Kiev, 279 p.
2. Sologub, N. M. (1991), *Movnyj svit O. Gonchara* [Linguistic world of O. Gonchara], Naukova dumka, Kiev, 136 p.
3. Franco, I. (1973), *Selected Works: in 3 volumes* [Vybrani tvory: u 3 t.], Dnipro, Kiev, pp. 375–661.

ФОРМАНОВА Светлана Викторовна,

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры украинского языка

Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; ул. Дворянская, 2, г. Одесса, 65082, Украина; тел.: +38 067 4803597; e-mail: laly2009@ukr.net; ORCID ID: 0000-0001-9434-1903

ИНВЕКТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО В РОМАНЕ ИВАНА ФРАНКО «ПЕРЕКРЕСТНЫЕ ДОРОГИ»

Аннотация. *Актуальность* исследования определяется необходимостью комплексного анализа инвективы в творчестве И. Франко и выяснения ее лингвистического статуса. *Объектом* статьи является украинская инвектива как языковой и речевой феномен, *предметом* — характеристика инвективы в романе И. Франко «Перекрестные дороги». Обработку языкового материала обусловило применение таких общенаучных *методов*: наблюдения — для фиксации языковых и внеязыковых выражений инвективы, описательного — для идентификации и выявления характерных особенностей украинской инвективы, анализа и синтеза фактического материала. Это позволило систематизировать и объективировать лингвистическую квалификацию фактического материала. *Выводы.* Инвектива в романе придаёт определённый колорит повествованию, является одним из средств реалистического изображения бытовых ситуаций.

Она является меткой, эмоционально и экспрессивно окрашенной, оценочной и выражает негативное явление, иногда позволяет наиболее полно передать все нюансы бытовой речи.

Ключевые слова: инвектива, обценная лексика, некодифицированная лексика, брань, пейоратив, семантическое значение, стилистическая роль.

Svitlana V. FORMANOVA,

Doctor of Philology, Professor of Ukrainian language Department, Odessa I. I. Mechnikov National University;
2 Dvoryanskaya str., Odessa, 65026, Ukraine; tel.: +38 067 4803597;
e-mail: laly2009@ukr.net; ORCID ID: 0000-0001-9434-1903

INVECTIVE SPACE OF THE NOVEL BY IVAN FRANKO “CROSS ROADS”

Summary. The *urgency* of the study is determined by the need for a comprehensive analysis of the invective in the work of I. Franko and ascertaining its linguistic status. The *object* of the article is the Ukrainian invective as a linguistic and speech phenomenon. The *subject* of the article is a characterization of the invective in I. Franko's novel “Cross Roads”. The processing of linguistic *material* was conditioned by the application of such general scientific *methods*: observation — for fixing linguistic and extralinguistic expressions of invective, descriptive — for identification and identification of characteristic features of Ukrainian invective, analysis and synthesis of factual material, which allowed to systematize and objectify the linguistic qualification of factual material. **Conclusions.** The invective in the novel gives a certain color to the narrative, is one of the means of realistic depiction of everyday situations. It is a mark, emotionally and expressively colored, evaluative and expresses a negative phenomenon, sometimes allows the most complete transfer of all nuances of everyday speech.

Since the aim of the invective is to make the opponent feel the whole abyss of his insignificance, the invective value is produced as a result of a kind of negative low creative process that occurs because of the desire of the addressee to reproduce the compatibility of words, phrases, and sentences that contradict stylistic norms. This process is not standard. Thus, the addressee fences off the realities of reality, because they are non-standard, contradictory. At the heart of the invective is a gross negative nomination, which is offensive to the addressee. The selection of such nominations for the purpose of comparison creates an expressive imagery that contains the potential for impact on the listener due to the cynical characteristics of the object and is marked by an exquisite negative evaluation.

Invective means are selected depending on the purpose and nature of the statement, from the person to whom it is addressed, since each situation requires appropriate lexical filling and stylistic means. With the help of appropriate language tools and techniques, it is possible to lay special information in the subconscious of a person that can become a part of his psychic essence. But it is undeniable that the word from all language means has the greatest influence on the addressee.

Key words: invective, obscene vocabulary, uncoded lexicon, abuse, peyorativ, semantic meaning, stylistic role.

Статтю отримано 17.06.2017 р.

ПИТАННЯ ЛІНГВОКОНЦЕПТОЛОГІЇ ТА МОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.28.115831>

УДК 811.161.1'37'42:177.61:821.161.1-3 Бунин

БАКАЛОВА Зинаида Николаевна,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания Самарского государственного социально-педагогического университета;
ул. М. Горького, 65/67, г. Самара, 443099, Россия; тел.: +7 927 6975035;
e-mail: abakalov1941@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-6766-8000

КРАСНОВА Елена Александровна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики Самарского государственного университета путей сообщения;
ул. Свободы, 2В, г. Самара, 443066, Россия; тел.: +7 927 6547103;
e-mail: eakrasnova@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-3100-9310

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕМЫ ЛЮБВИ В РАССКАЗАХ И. А. БУНИНА

Аннотация. *Цель* данной статьи – охарактеризовать специфику языкового представления любви мужчины и женщины в идиостиле И. А. Бунина. В качестве *объекта* анализа были выбраны три рассказа: «Митина любовь», «Солнечный удар» и первый рассказ из цикла «Тёмные аллеи» с одноимённым названием. *Предметом* изучения стали разнообразные языковые маркеры и приёмы, используемые автором для раскрытия темы любви. Применение *метода* контекстуального анализа позволило описать отличительные черты стиля талантливого писателя. *Результатом* проведённого исследования стал не только перечень основных использованных автором языковых приёмов, но и формулировка теоретических, методологических и методических положений, на которых базируется репрезентация художественного текста. Основной *вывод* работы: формы авторских смыслов и оценок неисчерпаемы, писателю может служить весь арсенал языковых приёмов в их переплетении друг с другом. Любая языковая конструкция может рассказать внимательному читателю о творческой манере писателя. Задача исследователя – через вдумчивое осознание творческих находок автора раскрыть специфику и эффективность художественного текста. *Практическое применение* результатов исследования возможно в практике преподавания вузовских курсов по филологическому анализу художественного текста.

Ключевые слова: языковая репрезентация, языковые маркеры и приёмы, метод контекстуального-анализа, дискурс-метод, тема любви, идиостиль И. А. Бунина.

Постановка проблемы. Теме любви посвящена почти вся мировая художественная литература. Вечная проблема взаимоотношений мужчины и женщины благодаря таланту мастеров слова всегда получает в литературном произведении оригинальное воплощение.

Постановка задач исследования и связь со смежными проблемами. Цель настоящей статьи – охарактеризовать специфику языкового представления темы любви в рассказах И. А. Бунина. Назовём некоторые теоретико-методологические положения, на которых базируется наш анализ. Если судить по названию, статья имеет прямое отношение к лингвопоэтике, предметом которой служит характер языкового воплощения содержания художественного текста и оказание им эстетического воздействия на читателя (В. В. Виноградов, Л. В. Щерба, О. С. Ахманова и др.). Это верно, но требует оговорок. Для филологической науки начала третьего тысячелетия становится аксиомой истина о необходимости интеграции научного знания, поскольку всю глубину художественного мира постичь каким-то одним методом невозможно [5, с. 18]. Прежде всего, необходим тандем с литературоведением как смежной наукой, например, с понятием художественного образа, с сутью и воплощением темы и идеи, с композицией и прочими категориями литературного текста [11, с. 30–39; 7, с. 20; 18, с. 3]. Вслед за рядом авторитетных ученых мы считаем лингвистику частью комплексной гуманитарной общепилологической науки, причём частью весьма существенной, если не основной. Язык – это форма, передающая содержание текста в его соответствии с интенциями автора [4, с. 27]. Слово – первооснова литературного произведения, и именно его языковые и речевые нюансы создают сложные художественные картины жизни. Но одних словесных знаков текста для понимания полноты художественного замысла недостаточно. Необходим дискурс-анализ, где под дискурсом понимается соединение словесного текста со сведениями экстралингвистического характера (в другой терминологии: внетекстовой реальности, вертикального контекста, фоновых знаний, пресуппозиций), которые влияют на формирование художественного текста и без которых

его постижение явно проигрывает. Это знания широкого социально-исторического и литературного контекста описываемой эпохи и хотя бы отчасти представления о личности создателя литературного произведения [8, с. 20].

Старая, добрая, многократно проверенная практикой структурно-семантическая исследовательская парадигма художественного текста в современной науке эффективно сосуществует с антропоцентрическим принципом анализа: с его трехчастной моделью дискурсивной структуры художественного текста «автор – персонаж – читатель». Все фигуры этого «трио» связаны некоторой общностью. Как и автор-творец, они в определенной степени – продукты своего времени с его духовной и материальной культурой. Одновременно все они индивидуумы с правом субъективной оценки реальной действительности, с личными морально-психологическими установками.

Главный человек здесь, разумеется, автор. Он создатель литературного творения, замысел которого он кодирует в его словесной ткани; он создает разнообразие художественных образов как конкретных наглядно-чувственных представлений, пропитывая содержание литературного произведения своей аксиологической и коннотативной оценкой, делая это не явно (как в басне), а имплицитно, завуалированно, в подтексте.

Персонажи, будучи главным объектом анализа, на первый взгляд, живут своей жизнью. Но они выполняют задание автора: через них писатель выражает свое кредо. С некоторыми героями писатель согласен, с другими полемизирует. Каждый ведет свою линию поведения, свою речевую партию, что вместе с автором создает многоголосие и «многомирие» художественного текста [15, с. 47]. По формулировке Л. Н. Чуриловой, антропоцентрический принцип анализа художественного текста «основан на рассмотрении текста как продукта речевой деятельности человека, отражающего действительность через преломление её в сознании индивидуума» [21, с. 102].

И автор, и его герои, являясь субъектами речевой коммуникации, могут быть названы речевой личностью, поскольку они проявляют себя через индивидуальное говорение (собственную речь) [20, с. 27–28]. Эти речевые характеристики наряду с поступками служат ключевыми маркерами художественного образа. Таким образом, коммуникантами являются две фигуры из названного антропоцентрического трио. Мы их видим в словесной ткани художественного текста.

Читателя же можно только предполагать. Он лишён лингвистического оформления своих мыслей, его речь внутренняя, его прагматические установки неизвестны. Но он тоже личность со своим складом понятий и жизненным опытом. Его мнение чрезвычайно важно, так как именно ему адресуется литературное произведение. Знакомясь с калейдоскопом героев, событий, поступков, коммуникаций, адресат должен осмыслить и оценить суммарное содержание литературного произведения, раскодировать прагматическую информацию. Идеальное совпадение трактовок, очевидно, редкость. Как правило, имеют место поправки на субъективный компонент (хотя бы в деталях). Интерпретации художественного произведения зависят от многих человеческих факторов: мировоззренческих параметров, социальных характеристик, лингвистической компетенции, психологических особенностей [2, с. 68–71], в том числе от манеры чтения: глубокого или поверхностного. Следовательно, художественный дискурс открыт для осмысления, он еще и динамичен: со сменой поколений меняются взгляды и художественные вкусы.

Как свидетельствуют наши наблюдения, единая методика филологического анализа художественного текста не сложилась на практике. Вряд ли вообще может существовать общепринятая схема такого рода. «Толкование художественного текста – акт творческий, и потому оно не может иметь жестких формальных рамок» [10, с. 195]. Методика определяется спецификой текста, конкретными задачами, мастерством педагога, даже составом воспринимающей аудитории. Самым надёжным методом представляется контекстуальный анализ языковых знаков, который осуществляется каждым исследователем в разной степени детализации и связи с дискурс-анализом. Такой «взгляд изнутри» способствует объективности выводов. Следует сказать также о так называемом челночном методе, при котором по мере необходимости приходится обращаться то к содержанию, то к форме [18, с. 5].

Изложение основного материала. Предметом анализа в настоящей работе выбраны три рассказа И. А. Бунина: «Митина любовь», «Солнечный удар» и первый рассказ из цикла «Тёмные аллеи» с одноимённым названием. Эти рассказы, несмотря на их разнообразие, вполне могут дать общее представление о творческой манере писателя.

Название рассказа «Митина любовь» сразу обозначает и тему, и действующее лицо. Начальная фраза посвящена «последнему счастливому дню Мити – девятому марта». Двойное определение этого дня сразу направляет читателя на тревожный лад. Пока же от начала рассказа веет только радостью, которая разлита повсюду. Жаркий весенний день, капель, влажно сияющее небо. Любимая Катя «в этот день особенно хорошенькая, вся дышала простосердечием и близостью». Всё окружающее воспринимается через призму весеннего настроения влюблённых. Но Мите кажется подозрительным, что в часы любви Катя стала «ещё страстнее, чем прежде» (а вдруг она могла бы позволить то же с другими?). Его мнительное сердце удручено «странной свободой», которую давала его возлюбленной мать. Он ревнует Катю к божьему миру: она учится в частной театральной школе. Ему кажется, что директор имеет на неё «виды». «Как ты не понимаешь, что ты для меня *всё-таки* лучше всех, единственный? – негромко и настойчиво сказала Катя, уже с *деланной* обольстительностью

заглядывая ему в глаза». Непонятное Катино («всё-таки») и авторская ремарка о «деланной обольстительности» тоже задают двойную тональность: реального счастья и уже ощущающейся семы его зыбкости. «Мите упорно казалось, что началось что-то страшное, что что-то изменилось».

Языковые сигналы окажутся вещими. «Дорогой Митя», – напишет Катя в письме, – «не поминайте лихом, забудьте, забудьте всё, что было! Я дурная, я гадкая, я испорченная, я недостойна вас, но я безумно люблю искусство! Я решилась, жребий брошен, я уезжаю – вы знаете, с кем... Вы чуткий, умный, вы поймёте меня, умоляю, не мучь себя и меня!» Отъезд на юг в сомнительной компании, уже отстранённое обращение на Вы, в общем, предательство любимой морально убило, отняло жизненные силы. Митя «сломался». Не помогла попытка забыть в плотской близости с деревенской девушкой, которая вызвала разочарование, опустошение души, отвращение своей физической бездуховностью. Катя была единственным смыслом его жизни. Потеряв его, Митя вынул пистолет и «с наслаждением» застрелился.

Думается, не без оснований участники одной из телевизионных интеллектуальных программ «Игра в бисер» под руководством профессора И. Волгина назвали любовь Мити мукой, помутнением сознания, болезнью, сползанием в тьму чувств, а сам рассказ – предупреждением, терапевтической прозой. Да и сам автор считал её «наваждением». Слишком разными были молодые люди. Митя – чистый мальчик, максималист с идеализированным представлением о любви. В Кате сочетались детская чистота и женская порочность. Последнее побеждает. Митя интуитивно предчувствовал это, но не сразу понял. А читатель, думается, по разбросанным в тексте сигналам не очень-то верил даже слезам Кати на первых страницах рассказа, так умилившим возлюбленного (не плакала ли она отчего-то другого, не прощалась ли?).

Название рассказа «Солнечный удар» сразу может вызвать беспокойное чувство у читателя, поскольку в прямом смысле это опасный тепловой шок от перегрева. Но здесь это метафора, которая разворачивается на всем протяжении повествования и подчеркивается последним абзацем.

На палубе парохода встречаются двое – безмянные Он и Она. «Она закрыла глаза ладонью наружу, приложила руку к щеке, засмеялась *простым прелестным смехом*». «Рука маленькая и сильная пахла загаром. И *блаженно и страшно* замерло сердце при мысли: как, вероятно, *крепка и смугла* она вся под этим *легким холстинковым* платьем после целого месяца лежания под южным солнцем на *горячем морском песке*».

Красота женщины описана штрихами, объясняющими мгновенную очарованность мужчины – естественность поведения незнакомки, её взволнованность, общее впечатление от её облика: «все было *прелестно* в этой маленькой женщине, даже запах». Парные определения и однокоренные повторы дополняют и усиливают значимость сказанного.

В гостинице маленького городка, где молодые люди сошли с парохода, «оба так иступлённо задохнулись в поцелуе, что много лет вспоминали потом эту минуту: никогда ничего подобного не испытал за всю жизнь ни тот, ни другой». Утром поручик отвозит возлюбленную на другой пароход, отпуская в её собственную жизнь. Такова немудрящая фабула. Казалось бы, простое дорожное происшествие. Но «вот парадокс: все произведение рождает в нас чувства и мысли прямо противоположные «закодированным в фабуле»» [17, с. 88]. Осознание того, что поручик «уже никогда не увидит её, изумило и поразило его. И он почувствовал такую боль и такую ненужность всей своей дальнейшей жизни без неё, что его охватил ужас». «Сердце сжалось с такой нежностью <...> что на глаза навернулись слёзы». Мир раскололся на две несопоставимые части – с Ней и без Ней.

Состояние героя описывается целой серией контрастивов. До отъезда возлюбленной утро характеризуется ликующим эпитетом «*счастливое*». После прощания, глядя на чужих спокойных людей, он чувствует, что «один так страшно *несчастлив* во всем этом городке. <...> Что делать, как прожить бесконечный день с этими воспоминаниями, с этой неразрешимой мукой?» Вместе с распадом времени на до и после расставания распались и впечатления от окружающего мира. Первые минуты возвращения в гостиницу сохраняют «*безмерное счастье и великую радость*», и вместе с тем сердце поручика «*разрывалось на части*». При ней *радовал* мелодичный звон церкви и весёлый гомон базара перед гостиницей. Без неё базарная площадь *раздражает* скрипом колёс, крикливостью, глиняными горшками, огурцами, навозом, бабами, сидящими прямо на земле. «Все было так глупо, нелепо, что он бежал с базара». Дома казались одинаковыми и безжизненными, улица горбатой, а всё вокруг прозаичным, пошлым, бессмысленным.

Для мужчины внезапная любовь оказалась смыслом жизни, потрясением души. У женщины всё по-другому. Испытав миг внезапной страсти, утром она спокойна, «весела и рассудительна». «На меня словно затмение нашло, – говорит она, – или, вернее, мы оба получили что-то вроде солнечного удара». Как считает В. И. Тюпа, «альтернативные “затмение” и “солнечный удар” в тексте выступают синонимами с общим смыслом “утрата самоконтроля”» [19, с. 17].

Рассказ «Тёмные аллеи» открывает одноимённый сборник Бунина. Тема рассказа – воспоминания о потерянной любви (читай: потерянном счастье). В основе сюжета – встреча двух пожилых людей, любивших друг друга в молодости. Название взято из стихотворения Н. П. Огарёва «Обыкновенная повесть», которое когда-то влюблённый романтический юноша читал любимой девушке: «Кругом шиповник алый цвёл, стояли тёмных лип аллеи...»

Пожилой, но ещё бодрый мужчина в чинах, подтянутый, чернобровый, в шинели с бобровым воротником, путешествующий на перекладных, встречается с хозяйкой частной горницы типа небольшой гостиницы.

— Надежда! Ты?

— Я, Николай Алексеевич. <...>

— Боже мой! Боже мой! Кто бы мог подумать! Сколько лет мы не виделись? Лет тридцать пять? <...> Ах как хороша ты была! Как горяча, как прекрасна! Какой стан, какие глаза!

— Были и вы отменно хороши, и ведь это вам я отдала свою красоту, свою горячку. Как же можно такое забыть?

Ты и Вы. Бывшая крепостная и бросивший её дворянин. Неравенство... Любовь Надежды была на всю жизнь, замуж не вышла.

— Отчего? При такой красоте?

— Что ж тут объяснять? Небось, помните, как я вас любила.

— Лишь бы Бог меня простил. А ты, видно, простила.

— Нет, Николай Алексеевич, не простила.

— Всё проходит, мой друг, — забормотал он. — С годами всё проходит. Как это сказано в книге Иова? «Как о воде протекшей будешь вспоминать». <...> Всё забывается.

И тут же: «Думаю, что я потерял в тебе самое дорогое, что имел в жизни».

Снова мужчина бросается из одной крайности в другую: «Да, пеняй на себя, — думает он. — Да, конечно, лучшие минуты. И не лучшие, а истинно волшебные!» И сразу: «Но Боже мой, что было бы дальше? Что если бы я не бросил её? Какой вздор! Эта самая Надежда, содержательница постоялой горницы, и моя жена, хозяйка моего петербургского дома, мать моих детей?»

Своеобразна и, думается, неслучайна «окантовка» рассказа. Начало и конец сходны друг с другом. И там, и там мотив дороги. Экспозиция довольно безрадостна: «В холодное осеннее ненастье, на одной из больших тульских дорог, залитой дождями и изрезанной многими чёрными колеями, едет усталый старик-военный». Но вот впереди изба, где можно было бы согреться и пообедать. Было бы замечательно отдохнуть после утомившей дороги. Но... Не отдохнул, от самовара отказался, приказывает кучеру подать тарантас, торопит: «Погоняй, пожалуйста». Похоже на бегство. От кого? От Надежды, от оживших воспоминаний? От неловкости, от сознания вины? Есть некоторые оценочно-семантические подсказки автора: «забормотал», «какой вздор!», слова «его превосходительства» о том, как не сложились отношения в его семье: жена изменила, сын негодяй. Но автор вправе оставлять некоторую недосказанность. Пусть читатель додумывает сам.

Рассказ производит неоднозначное впечатление. Здесь и прекрасные моменты любви, и обиды, и горе, сожаление, сомнения, потрясение от встречи, метания от одного ощущения к другому. Немудрящая на первый взгляд зарисовка встречи немолодых людей рождает разные чувства. Каждый оценивает ситуацию по-своему, грустя и сочувствуя, сожалея, понимая и не понимая, а возможно, задумываясь о своей судьбе.

Все три рассказа, безусловно, иллюстрируют талант автора. В чём же состоит таинство бунинского слога, которое поддерживает неувядающий интерес к творчеству этого русского писателя до сих пор?

Даже поверхностное чтение с восприятием сюжета и всем заметных композиционных вех как **сильных позиций**: заглавия, зачина, концовки — оставляет от рассказов Бунина глубокое запоминающееся впечатление. И это понятно. В заглавии звучит голос автора, прямо или косвенно формулирующего, о чём идет речь. Зачин может задавать тональность всему дальнейшему тексту. Концовка всегда принципиально значима для итогового осознания замысла художественного произведения. Так, если в первом пейзаже рассказа «Солнечный удар» во время встречи героев волжские огни сияли и манили *вперед*, как бы обещающая счастье, то в конце «огни плыли *назад*», поневоле ассоциируясь с безысходностью истории любви. Слова «*тёмная заря потухала*» усиливают это значение от заключительных строк рассказа.

Внимательный к языковым знакам читатель, тем более специалист, уловит и многие другие сигналы автора. Расширение семантической структуры некоторых слов в контексте рассказов создаёт **подтекстные** нюансы смысла [16, с. 36]. Так, из-за предшествующих маркеров автора может возникнуть упомянутое недоверие к *слезам* Кати («Митина любовь»). Казалось бы, мелкие художественные штрихи рассказа «Солнечный удар» тоже рождают добавочные семы. *Ярко освещённая* столовая парохода в начале повествования значит не просто бытовой фон, а приподнятое праздничное настроение пассажиров. Палубный *навес*, на котором *тёмным* вечером отбывает одинокий поручик, способствует представлению неуютного ограниченного пространства, гармонирующего с горем удручённого человека. *Недопитая чашка чая* и *забытая заколка* «прекрасной незнакомки» получают щемящее лирическое звучание умиления вещами, к которым прикасалась любимая женщина, и ощущение невозвратной потери.

Все рассказы построены на художественных **контрастах** [9]. Вскрывая различия, они высвечивают сущность событий и образов, заставляя подумать над противоположностями. Контрастны ситуации: счастье и несчастье героев, контрастно время: до и после их расставания, контрастны сами персонажи...

Простой, казалось бы, приём взаимодействия различных видов повтора оказывается хорошим подспорьем утвердиться в читательских ощущениях, сакцентировать внимание на нужных деталях, выделить ведущие мотивы. В «Солнечном ударе» неоднократно звучат ключевые слова с коннотативно-смысловых значениях. Сравним ликующее «солнечное утро» с её участием в жизни поручика и чересчур жаркое «пламенное», «как будто бесцельное солнце» без Неё (т. е. солнце со знаками «+» и «-»).

Живые картины природы далеко не пассивный пейзажный фон в поэтике Бунина. Они гармонируют с изображением любовных переживаний как поручика, так и Мити. После первого письма любимой девушки в рассказе «Митина любовь» «над садом торжественно и радостно сияло небо, вокруг сиял сад, своей снежной белизной, соловей, уже чуя предвечерний холодок, чётко и сильно, со всей сладостью соловьиного самозабвения, щёлкал в свежей зелени дальних кустов». Но после второго убийственного письма «дождь лил как из ведра» «особенно бурно и мрачно». И в унисон ему покинутый семнадцатилетний мальчик «страшно плакал» в состоянии безысходного горя. Разбушевавшаяся сила воды, обрушившаяся с неба «с удесятёрённой силой и неожиданными ударами грома» усиливает отчаяние и как бы подталкивает к безумному поступку: свести счеты с опостылевшей и уже ненужной молодой жизнью.

Неслучайны даже умолчания. Незнакомка и поручик, т. е. Он и Она, видимо, значат то, что имена не столь существенны. Важна судьбоносная встреча Мужчины и Женщины как неких обобщённых лиц, что даёт возможность для размышлений над сущностью происходящего.

В этом ряду роли языковых знаков можно назвать и такие выразительные средства, как:

– тропы, создающие образную оригинальность (*щегольская дуга парохода, безжизненные дома, горбатые улицы, Катя дышала простосердечием* и пр.);

– синонимические словосочетания, вносящие семантическое своеобразие оттенков речи (*безмерное счастье и великая радость*);

– контекстуальные антонимы («*юный*» поручик в начале рассказа и «*постаревший на 10 лет*» в конце);

– аллюзии: словосочетания «*прекрасная знакомка*» Блока и «*тёмные аллеи*» Огарева – придают свиданиям ореол романтичности;

– тематические группы эмоционально-экспрессивных слов типа «*боль*», «*мука*», «*ужас*», «*отчаяние*», вызывающих негативные эмоции главного героя, или, напротив, подборки лексем со значением абсолютного счастья.

Как бы ни был велик перечень бунинских языковых приёмов, сам по себе он не может полностью объяснить специфику художественного воздействия его слога, поскольку его составляющие во многом традиционны, иначе говоря, типизированы. Важен авторский сплав языковых проявлений, мера, характер их переплетений, оригинальность, уместность, эффе́ктивность – те зёрна творчества, которые постепенно, по нарастающей готовят читателя к воплощению и интерпретации замысла писателя. Именно в этом неповторимость языковой сущности бунинских текстов.

Надо учитывать и то обстоятельство, что всякий языковой знак (слово или целое высказывание) проявляют себя как конкретное и разнообразное речевое звено только в цепи общения автора с читателем. По известному выражению М. М. Бахтина, если предложение окружено контекстом, то оно обретает полноту своего смысла только в этом контексте [3, с. 453]. Это касается и экспрессивных моментов, которые имеют разную степень силы в текстовых условиях. Несомненно, нужно учитывать и содержательно-коннотативную динамику языковых средств в художественном тексте, то есть смену передаваемых в контексте нюансов одного и того же языкового знака в соответствии с художественными задачами писателя, иначе – возможную вариативность значений языковых единиц.

Таким образом, художественный текст уникален в своих проявлениях речевого творчества. Формы авторских смыслов и оценок неисчерпаемы, писателю может служить весь арсенал языковых приемов в их переплетении друг с другом. Выявление творческих находок автора позволяет раскрыть специфику и эффе́ктивность художественного текста. Тогда «даже привычные слова с их стабильным языковым значением и нейтральной стилистической окраской «обрастают» дополнительными ассоциациями и коннотациями и начинают служить способом нового художественного выражения» [14, с. 44–45].

Подводя итог, хочется сказать, что, пожалуй, самой отличительной особенностью рассказов Бунина о любви служит яркий эмоциональный нерв повествования с повышенной интенсивностью чувств героев. Их буквально захлёстывает стихия переживаний, становясь главным содержанием и мерилом непростой жизни с её очарованием и невзгодами: с *наслаждением* застрелился, сердце поражено *слишком большой любовью, волшебные* минуты, *иступлённо* задохнулись в поцелуе. Такая экспрессия не может оставить читателя равнодушным и заставляет его также остро сопереживать персонажам.

Знакомство даже с небольшими произведениями Бунина позволит получить определённое представление и о личности автора, поскольку он реализуется и самораскрывается в любом своем творении. Экстралингвистические данные дискурс-анализа свидетельствуют о том, что рассказы писались в эмиграции, когда писатель был уже в преклонном возрасте. Это был сложившийся мастер слова, умудрённый жизненным личным опытом. Многие было навеяно воспоминаниями о Родине, по которой он остро

тосковал. Отсюда, видимо, убедительные русские реалии. Представление о любви у Бунина особое. Он пытается осмыслить иррациональные глубины и тайны этого чувства, создав впечатляющие художественные образы. «Любовь изображена как чудо, которое нельзя объяснить» [12, с. 64]. Моменты любви изумительны, прекрасны, неповторимы. Но даже счастливая любовь не лишена трагических нот. В рассказах писателя, как правило, влюблённые не имеют будущего и силой обстоятельств обречены страдать (одиночество, непрощённые обиды, даже смерть). Возможно, и страсть, и её трагическая обречённость как-то связаны с любимой фразой Бунина, первоначально прозвучавшей в либретто Верди к опере «Аида», а затем отозвавшейся в поэзии Гейне и Бальмонта: «Полюбив, мы умираем».

Л и т е р а т у р а

1. Бакалова З. Н. Диалог автора с читателем в рассказе И. А. Бунина «Солнечный удар» (из опыта преподавания в вузе) / З. Н. Бакалова // Язык — текст — дискурс : картина мира в свете разных подходов : сб. науч. статей. — Самара, 2013. — С. 198–203.
2. Бакалова З. Н. Функционально-коммуникативный аспект сочинительных конструкций художественного текста (на материале романа М. А. Булгакова «Белая гвардия») / З. Н. Бакалова. — Самара : СГПУ, 2007. — 148 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М. : Искусство, 1986. — 445 с.
4. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. С. Болотнова. — М. : Флинта : Наука, 2007. — 520 с.
5. Борисова Е. Б. Научные предпосылки возникновения метода общепилологического анализа художественного текста / Е. Б. Борисова // Высшее гуманитарное образование XXI века : проблемы и перспективы. — Самара, 2015. — С. 61–65.
6. Борисова Е. Б. Художественные образы в британской литературе XX века : типология — лингвистика — перевод : монография / Е. Б. Борисова. — Самара : ПГСГА, 2010. — 356 с.
7. Будагов Р. А. Филология и культура / Р. А. Будагов. — М. : МГУ, 1980. — 304 с.
8. Валгина Н. С. Теория текста : учеб. пособие / Н. С. Валгина. — М. : Логос, 2004. — 208 с.
9. Голованова Г. С. Контраст как способ контекстуальной организации художественного пространства (опыт анализа рассказа В. М. Шукшина «Крепкий мужик» в вузе) / Г. С. Голованова, З. Н. Бакалова // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. — 2015. — Т. 17. — № 1–5. — С. 1137–1142.
10. Ившина Т. П. Опыт филологического анализа рассказа А. Аверченко «Бал у графини Х...» / Т. П. Ившина // Вестник Удмуртского университета. Филологические науки. — 2006. — № 5(2). — С. 195–198.
11. Кайда Л. Г. Композиционная поэтика текста : монография / Л. Г. Кайда. — М. : Флинта : Наука, 2011. — 408 с.
12. Колобаева Л. А. Проза И. А. Бунина / Л. А. Колобаева. — М. : МГУ, 2000. — 86 с.
13. Краснова Е. А. Гуманистический подтекст репрезентации художественных образов в рассказах В. М. Шукшина / Е. А. Краснова, З. Н. Бакалова // Язык как система и деятельность — 4 : Материалы Международной научной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Л. А. Введенской. — Ростов-н/Д, 2013. — С. 188–191.
14. Краснова Е. А. Сочинительные конструкции в динамическом процессе их функционирования в идиостиле В. М. Шукшина (на материале рассказов) : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 — русский язык / Е. А. Краснова. — Самара, 2011. — 253 с.
15. Кухаренко В. А. Стилистическая организация художественной прозы / В. А. Кухаренко // Лингвистика текста. — М. : МГПИИЯ им. М. Горького, 1974. — Ч. 1. — С. 150–154.
16. Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя : избр. статьи / Б. А. Ларин. — Л. : Худож. лит., 1973. — 288 с.
17. Лукьянова И. А. Из наблюдений над поэтикой Бунина / И. А. Лукьянова // Содержательность форм в художественном тексте. Проблемы поэтики : межвуз. сб. науч. статей. — Самара, 1991. — С. 84–116.
18. Николина Н. А. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. А. Николина. — М. : ИЦ «Академия», 2007. — 268 с.
19. Тюпа В. И. Введение в сравнительную нарратологию : научно-учеб. пособие для самостоят. исследоват. работы / В. И. Тюпа. — М. : Intrada, 2016. — 145 с.
20. Харьковская А. А. Речевой мир персонажей в романах Джека Керуака / А. А. Харьковская, А. А. Габец. — Самара : Изд-во «Самарский университет», 2016. 160 с.
21. Чурилина Л. Н. «Слово персонажа» и «слово автора» : к проблеме соотношения / Л. Н. Чурилина // Вестник ОГУ. — Оренбург, 2006. — № 2. — С. 102–105.

References

1. Bakalova, Z. N. (2013), "Author in dialog with reader in the tale "Sun Blow" by I. A. Bunin (from training experience in higher school)", *Language — text — discourse: picture of the world in the light of different approaches* ["Dialog avtora s chitatelem v rasskaze I. A. Bunina «Solnechnyj udar» (iz opyta prepodavaniya v vuze)"], *Jazyk — tekst — diskurs: kartina mira v svete raznykh podkhodov : sb. nauch. statej*, Samara, pp. 198–203.
2. Bakalova, Z. N. (2007), *Paratactic constructions in artificial text in aspects of function and communication ("White Guardia" by M. A. Bulgakov as research object)* [Funktional'no-kommunikativnyj aspekt sochinitel'nyh konstrukcij hudozhestvennogo teksta (na materiale romana M. A. Bulgakova «Belaja gvardija»)], SSPU, Samara, 148 p.
3. Bakhtin, M. M. (1986), *Aesthetic of verbal creation [Estetika slovesnogo tvorchestva]*, Iskusstvo, Moscow, 445 p.
4. Bolotnova, N. S. (2007), *Philological text analysis: tutorial [Filologicheskij analiz teksta: uchebnoje posobie]*, Flinta: Nauka, Moscow, 520 p.
5. Borisova, E. B. (2015), "Scientific preconditions of method origin for philological analysis of artificial text", *Higher education in humanities* ["Nauchnye predposylki vzniknovenija metoda obshhefilologicheskogo analiza hudozhestven-

nogo teksta”, *Vyshee gumanitarnoe obrazovanie XXI veka: problemy i perspektivy (materialy desjatoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii)*, Samara, pp. 61–65.

6. Borisova, E. B. (2010) *Artificial images in Britain literature of 20 century: typology – linguistics – translation [Hudozhestvennye obrazy v britanskoj literature XX veka: tipologija – lingvistika – perevod: monografija]*, PGSGA, Samara, 356 p.

7. Budagov, R. A. (1980), *Philology and culture [Filologija i kul'tura]*, MSU, Moscow, 304 p.

8. Valgina, N. S. (2004), *Text theory: tutorial [Teorija teksta : ucheb. posobie]*, Logos, Moscow, 208 p.

9. Golovanova, G. S., Bakalova, Z. N. (2015), “Contrast as a way of contextual organization of artificial space (analysis experience of the tale “A hard guy” by V. M. Shukshin)”, *Academic journal Izvestiya of the Samara Russian Academy of Sciences scientific center: Social, humanitarian, medicobiological sciences* [“Kontrast kak sposob kontekstual'noj organizacii khudozhestvennogo prostranstva (opyt analiza rasskaza V. M. Shukshina «Krepkij muzhik» v vuze), *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*], v. 17, nr 1–5, pp. 1137–1142.

10. Ivshina, T. P. (2006), “Experience of philological tale analysis by A. Averchenko “Fancy-ball by countess X...””, *Bulletin of Udmurt University, Series history and philology* [“Opyt filologicheskogo analiza rasskaza A. Averchenko “Bal u grafini X...””, *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologija*], Izhevsk, vol. 5(2), pp. 195–198.

11. Kajda, L. G. (2011), *Compositional text poetics : monograph [Kompozicionnaja poetika teksta: monografija]*, Flinta, Nauka, Moscow, 408 p.

12. Kolobaeva, L. A. (2000), *The prose by I. A. Bunin [Proza I. A. Bunina]*, MSU, Moscow, 86 p.

13. Krasnova, E. A., Bakalova, Z. N. (2013), “Humanistic implication by representation of artificial images in tales by V. M. Shukshin”, *Language as system and activity* [“Gumanisticheskij podtekst reprezentacii hudozhestvennykh obrazov v rasskazah V. M. Shukshina”, *Jazyk kak sistema i dejatel'nost' – 4: materialy Mezhdunarodnoj nauch. konf., posvjashh-jonnoj 95-letiju so dnja rozhdenija L. A. Vvedenskoj*], Rostov-on-Don, pp. 188–191.

14. Krasnova, E. A. (2011), *Paratactic constructions in dynamic process of their functioning in idiostyle by V. M. Shukshin (on the base of the tales): Author's thesis [Sochnitel'nye konstrukcii v dinamicheskom processe ih funkcionirovanija v idiostile V. M. Shukshina (na materiale rasskazov)]: diss. ... kand. filol. nauk*, Samara, 253 p.

15. Kukhareno, V. A. (1974), “Stylistic organization of artificial prose”, *Linguistics of the text* [“Stilisticheskaja organizacija khudozhestvennoj prozy”, *Lingvistika teksta: materialy nauch. konf.*], Moscow, part 1, pp. 150–154.

16. Larin, B. A. (1973), *Aesthetic of word and language of writer: selected articles [Estetika slova i jazyk pisatelja : izbrannye stat'i]*, Khudozh. lit., Leningrad, 288 p.

17. Luk'janova, I. A. (1991), “Overlooking poetics by Bunin”, *The content of forms in an artistic text. Problems of poetics* [“Iz nabljudenij nad poetikoj Bunina”, *Soderzhatel'nost' form v khudozhestvennom tekste. Problemy poetiki: mezhvuz. sb. nauch. statej*], Samara, pp. 84–116.

18. Nikolina, N. A. (2007), *Philological text analysis: educational supplier [Filologicheskij analiz teksta: ucheb. posobie]*, Publ. House “Akademija”, Moscow, 268 p.

19. Tjupa, V. I. (2016), *Introduction into comparative narratology: scientific-educational supplier for independent research [Vvedenie v sravnitel'nuju narratologiju: nauchno-uchebnoe posobie dlja samostojatel'noj issledovatel'skoj raboty]*, Intrada, Moscow, 145 p.

20. Har'kovskaja, A. A., Gabec, A. A. (2016), *Character's world of speech in novels by Jack Keruak [Rechevoj mir personazhej v romanakh Dzheka Keruaka]*, Samara Univ. Press, Samara, 160 p.

21. Churilina, L. N. (2006), ““Word by character” and “word by author”: problem of correlations”, *Vestnik of the Orenburg State University* [“«Slovo personazha» i «slovo avtora»: k probleme sootnoshenija”, *Vestnik OGU*], Orenburg, vol. 2, pp. 102–105.

БАКАЛОВА Зинаїда Миколаївна,

доктор філологічних наук, професор кафедри російської мови, культури мовлення та методики їх викладання Самарського державного соціально-педагогічного університету; вул. М. Горького, 65/67, м. Самара, 443099, Росія; тел.: +7 927 6975035; e-mail: abakalov1941@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-6766-8000

КРАСНОВА Олена Олександрівна,

кандидат педагогічних наук, доцент кафедри лінгвістики Самарського державного університету шляхів сполучення; вул. Свободи, 2В, м. Самара, 443066, Росія; тел.: +7 927 6547103; e-mail: eakrasnova@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-3100-9310

МОВНА РЕПРЕЗЕНТАЦІЯ ТЕМИ КОХАННЯ В ОПОВІДАННЯХ І. О. БУНІНА

Анотація. *Мета* цієї статті — схарактеризувати специфіку мовного уявлення любові чоловіка і жінки в ідіостилі І. О. Буніна. Як *об'єкт* аналізу обрано тексти трьох оповідань: «Митине кохання», «Сонячний удар» і перше оповідання з циклу «Темні алеї» з однойменною назвою. *Суб'єктом* вивчення є різноманітні мовні маркери та прийоми, використані автором для розкриття теми кохання. Застосування *методу* контекстуального аналізу дало змогу виокремити характерні риси стилю талановитого письменника. *Результатом* проведеного дослідження став не лише перелік основних використаних автором мовних прийомів, а й формулювання теоретичних, методологічних і методичних положень, що є базовими для репрезентації художнього тексту. Основний *висновок* роботи полягає в тому, що форми авторських смислів і оцінок невичерпні; письменнику може слугувати весь арсенал мовних прийомів у їхньому переплетенні між собою. Будь-яка мовна конструкція здатна розповісти уважному читачеві про творчу манеру письменника. Завдання дослідника — шляхом вдумливого усвідомлення творчих знахідок автора розкрити специфіку й ефективність художнього тексту. *Практичне застосування* результатів дослідження є можливим у практиці викладання вузівських курсів із філологічного аналізу художнього тексту.

Ключові слова: мовна репрезентація, мовні маркери та прийоми, метод контекстуального аналізу, дискурс-метод, тема кохання, ідіостиль І. О. Буніна.

Zinaida N. BAKALOVA,

Grand Ph.D. in Philological Sciences, Professor, Russian language, culture of speech and methods of their tuition Chair, Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, 65/67 M. Gorjkogo st., Samara, 443099, Russia; tel.: +7 927 6975035; e-mail: abakalov1941@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-6766-8000

Elena A. KRASNOVA,

PhD (Philology), Associate Professor, Linguistics chair, Samara State Transport University, 2 V. Svobody st., Samara, 443066, Russia; tel.: +7 927 6547103; e-mail: eakrasnova@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-3100-9310

LINGUISTIC REPRESENTATION OF LOVE IN TALES BY I. A. BUNIN

Summary. *The purpose* of this article is to characterize specifics of linguistic presentation of love relations between man and woman in I. A. Bunin's idiostyle. *Object* of given analysis are three tales by I. A. Bunin: "Mitya's Love", "Sun Blow" and the first tale of the tale's cycle "Dark alleys" with the same title. *Subject* of our analysis are various linguistic markers and ways in usage by author revealing the state of love. Application of contextual analysis enabled a description of distinctive features in the style by the talented writer. The *result* of the research is not an inventory of author's main linguistic ways and methods only, but also formula of theoretical, methodological and methodical regulations as base for representation of linguistic methods in their possible tangle. The main *conclusions* are as follows. Forms of author's means and estimations are infinite. The whole arsenal of linguistic methods can be to author's disposal. Any linguistic construction can tell much to interested reader about author's creative style and manner. The task of the researcher is to reveal over serious recognition specific features and rates of efficiency of his artificial text. *Practical application* of investigation's results is possible in process of higher schools training course at philological analysis of artificial texts.

Key words: linguistic representation, linguistic markers and methods, method of contextual analysis, discourse method, theme of love, I. A. Bunin idiostyle.

Статтю отримано 4.10.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.28.112675>

УДК 821.161.2:111.852

ВАКУЛИК Ірина Іванівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри української та класичних мов Національного університету біоресурсів і природокористування України; вул. Героїв Оборони, 15, м. Київ, 03041, Україна, тел.: +38 050 6245508; e-mail: vakulyk@ukr.net; ORCID ID: 0000-0002-4812-7719

БАЛАЛАЄВА Олена Юріївна,

кандидат педагогічних наук, старший викладач кафедри української та класичних мов Національного університету біоресурсів і природокористування України; вул. Героїв Оборони, 15, м. Київ, 03041, Україна, тел.: +38 0687177254; e-mail: olena.balalaeva@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-2675-5554

AD FONTES: ФОРМУВАННЯ ЕСТЕТИЧНОЇ ПЛАТФОРМИ У ТВОРЧОСТІ М. ЗЕРОВА І М. РИЛЬСЬКОГО

Анотація. *Мета* статті — проаналізувати специфіку рецепції античних мотивів і образів у літературній спадщині українських неокласиків початку ХХ ст., зокрема М. Зерова і М. Рильського. Творчість представників неокласики розглядається в культурологічному та літературознавчому аспектах. *Предметом* розгляду є трансформація античних символів як механізмів «пам'яті культури» і семіотичних конденсаторів в синхронії тексту. *Результат дослідження.* У праці доведено, що незважаючи на спільне для неокласиків тяжіння до калокагатії як естетичного ідеалу античної культури, яка передбачала гармонію почуттів раціональної сфери, тілесного і духовного начал, високої культури мислення й дисципліни поетичного мовлення, естетична платформа не зводиться до принципів «чистого класицизму», трактування класичних форм і принципів як універсальних і незмінних норм. *Висновки.* Представники доби «розстріляного відродження» залишили неопіченню спадщину. Творчість неокласиків є результатом взаємодії традицій і новацій, національних тенденцій із запозиченням і трансформованим досвідом рецепції античного тексту у світовій літературі. М. Зеров і М. Рильський розвинули українську поетичну традицію, збагатили українську поезію надбаннями античної літератури.

Ключові слова: українські неокласики, античність, рецепція, семіозис, естетичний ідеал, ad fontes.

Постановка проблеми. Творчість українських неокласиків як представників доби «розстріляного відродження», які залишили неоціненну спадщину і зробили величезний внесок у збагачення не лише української, а й світової літератури, неодноразово ставала предметом досліджень науковців. Переважно ці праці стосувалися окремих аспектів поетичного словника та поетичного мислення М. Зерова, М. Рильського, П. Филиповича, Ю. Клена, М. Драй-Хмари. Науковці порушували питання, пов'язані зі своєрідністю художньої мови та мовотворчості неокласиків, зверталися до розгляду словесних образів, аналізували функціонування фразеологізмів у мові поетів, відзначали специфіку звукопису та поетичного синтаксису творів.

Зв'язок проблеми з попередніми дослідженнями. Як зауважують дослідники В. Дончик [11], Ю. Кузьма [16], П. Солодько [21], І. Вакулик [3; 4; 5; 6, с. 86–108], О. Турган [23], І. Сацик [20], В. Панченко [19], В. Зварич [9], А. Калетник [12], О. Бриська [2], Л. Дужа [8], В. Башманівський [1], спільними для неокласиків були принципи аристократизму духу, творчого інтелекту, тяжіння до високої культури мислення й дисципліни поетичного мовлення, що й зумовлювало їхнє захоплення досконалістю античної лірики. Представники неформального товариства «неокласиків», що утворилося в Україні у 20-х роках ХХ ст., сповідували естетичну концепцію духовного оновлення свідомості письменника та нації загалом, дисциплінували кардіоцентричну стихію генерації митців «розстріляного відродження», поєднуючи діонісійську традицію з аполлонійською культурою.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. К. Леві-Строс, О. Лосев, М. Бахтін, Ю. Апресян, А. Вежицька, Ф. Нікітіна, І. Голубовська, досліджуючи варіанти кодування інформації у колективній пам'яті етносу, аналізували моделі так званого семіотичного трикутника, у яких згенеровано новітні змісти і за якими побудовано текстові структури. Як зауважував Г. Кнабе, трансляція культури від одного народу до іншого відбувається на трьох рівнях:

- 1) запозичення окремих елементів;
- 2) вплив унаслідок безпосереднього контакту носіїв різних культур;
- 3) поглинання змісту, характеру, духу й стилю минулої культурної епохи, зумовлене співзвучністю з нею та потребою в її історико-культурному досвіді [13]. Останній рівень Г. Кнабе пропонував називати «інтелекцією культури», саме потреба в історико-культурному досвіді попередніх епох і стала передумовою появи української неокласики.

Постановка завдання. Мета статті — проаналізувати специфіку рецепції античних мотивів і образів у літературній спадщині українських неокласиків початку ХХ ст., зокрема М. Зерова і М. Рильського.

Виклад основного матеріалу. ХХ століття пройшло під девізом модернізму. Це був час новаторства, час пошуку. На літературну арену виходять різні напрямки і течії: футуристи, конструктивісти, символісти, акмеїсти, імажиністи, експресіоналісти, неокласики, «пролетарські» та «новоселянські» поети. «Проте критика вважала за сучасне лише авангардський пошук, пошук нових форм, нових засобів вираження. А це інколи зводилося до примітивізму. Унаслідок — довга низка поем, позбавлених музичності, колориту, «доброї синтакси і хорошого словника» (як писав неокласик М. Зеров). Ось чи не тому з'являється у 1922 р.:

*Прекрасна пластика і контур строгий
Добірний стиль, залізна коля —
Оце твоя, поезія, дорога.*

(М. Зеров. Нова українська поезія. Сонети і елегії)

А М. Рильський скаже: «І всі знайшли, а я шукаю...»

У той час, коли сторінки радянських видань були переповнені гаслами на зразок «Сбросим Пушкина с корабля современности» чи « $2 \times 2 = 5$ », невелика група українських поетів об'єдналися спочатку навколо журналу «Книгар», а згодом навколо видавництва «Слово», що випустило в світ збірки «Земля і вітер» П. Филиповича й «Синя далечінь» М. Рильського, пізніше — «Камену» М. Зерова, «Крізь бурю і сніг» М. Рильського і «Простір» П. Филиповича. Ці поети відмежувалися від примітивних зразків тогочасної культури, прагнули наслідувати мистецтво минулих епох, зверталися у власній творчості до класичних взірців, зокрема до античних мотивів, тем, сюжетів і образів.

Найпослідовнішими і найталановитішими представниками цієї течії були М. Зеров і М. Рильський, люди високої культури і громадянської мужності. І хоча надто мало проіснував гурток неокласиків, вони залишили неоціненну спадщину, внесли вагомий вклад у збагачення української літератури.

М. Зеров не був першовідкривачем античності в українській культурі. До античних тем, мотивів і образів звертались Т. Шевченко, С. Руданський, П. Куліш, Л. Українка та ін. Вони використовували не лише сюжети, а й засобами мови намагались побудувати, за словами І. Франка, «золотий міст зрозуміння і спочування між нами і далекими людьми, давніми поколіннями» [22, с. 14]. Як відомо, Горацій першим переклав еолійську пісню на італійський лад. Таке ж завдання ставив і М. Зеров — перенести римську поезію на український ґрунт, щоб прекрасною українською мовою заговорили Лукрецій і Катулл, Вергілій і Горацій, Ювенал і Овідій.

Зерова досить часто відносили, звичайно з певними застереженнями, до «каноністів». Дійсно, він був єдиним сучасним неокласиком — і як теоретик, який закликав іти «до джерел» (сама така назва

мала збірка його літературно-критичних статей 1926 р.), і як практик-поет і перекладач, однак відомо, що М. Рильський категорично не погоджувався із зарахуванням свого колеги до архаїстів і консерваторів. Поет вбачав у його канонізмі протест проти старосвітщини і сентиментальності старих епігонських поколінь, з одного боку, з іншого — реакцію на всілякі ліві «ізми», розповсюджені у 20-ті роки.

Спираючись на дефініції «символу» у лінгвістичній літературі [7; 14; 15; 24], підкреслимо, що у неокласиків не було творів, що відповідали б суворим вимогам класицистичної поетики як замкнутої художньо-стильової системи з притаманними їй раціоналістичним мімесисом, статичністю, пластичністю, не дотримувалися як таких настанов, так і вимог єдності місця, часу і дії. Неокласики мали на меті оновлення культивованої ними традиційної версифікації.

Як зауважував Ю. Лотман [17], символ ніколи не належить якомусь одному синхронному зрізу культури — він завжди пронизує цей зріз по вертикалі, приходячи з минулого і йдучи в майбутнє. Пам'ять символу завжди давніша, ніж пам'ять його несимволічного текстового оточення. Як важливі механізми пам'яті культури, символи переносять тексти, сюжетні схеми та інші семіотичні утворення з одного пласта культури в інший. Константні набори символів, що пронизують діахронію культури, в значній мірі беруть на себе функцію механізмів єдності: здійснюючи пам'ять культури про себе, вони не дають їй розпастися на ізольовані хронологічні пласти.

Сім поезій із ранніх збірок М. Рильського присвячено білій водяній лілії («Лілії водяні», «Осміяний самим собою», «Там, десь глибоко на дні», «Голос отрути» та ін.). Причому образ лілії відбиває цілий спектр значень — від уособлення чистоти, віри, стремління до ідеалу. Інша квітка — троянда — набуває рис узагальненого імені — Поет, Месниця, Кохана, Богиня.

Про поезію, написану у 1921 р., котра стала шедевром любовної лірики Рильського (йдеться про «Нашу шлюбну постелю вквітчали троянди пахучі...»), на сторінках «Червоного шляху» одразу з'явилися різноманітні відгуки, серед яких зустрічаємо і рецензію В. Сосюри: «Вона простотою і силою нагадує кращі зразки античної поезії, навіть колорит автор добрав класичний, і гекзаметр тут тільки вінчає гармонію» [26]. Це були слова вдячності за «молитву подружжя».

До символічних значень троянди (виходячи з аналізу поезій неокласиків), за якими криються концепти «краса», «досконалість», «витонченість», «радість», «любов», «задоволення», «слава», «пишність», «розкіш», «блаженство», «аромат», «гордість», «мудрість», «таємниця», «таїна», «тиша», варто додати канон «гармонійного людського буття» (в одній із найвідоміших поезій М. Рильського «Троянда й виноград»).

Епітети М. Зерова досить витончені, цікаві своєю новизною і часто несподіваною сполучуваністю, як от: «твереза вода», «кубок веселий», «святий бич», «вінки квітчасті», «мить остання», а «роки текучі», «дзвінкий водограй» і «дикі струмки». Можливо, такої своєрідної палітри вони набувають завдяки тому, що знаходяться у постпозиції і нерідко симетрично розташовані. Таким чином підноситься рівень мовлення на свідому стилістичну настанову — інверсію. Це було необхідно Зерову, щоб перенести центр ваги від іменника на прикметник, звернути увагу на новизну і важливість його, тому «Ахілл шоломенний», «Оріон дощовитий», «ніч сновійна», «сонце світлосяйне», море — «вітрильно-крилате».

М. Рильський присвячуючи вірш М. Зерову, не наслідував його перекладацької манери, не був суворим копієстом античних нормативів, проте став справжнім новатором, котрий на основі античної, української і російської класичної тематики створював своєрідні і водночас дуже прості, природні, прозорі форми. Поет зумів відтворити красу й повнозвучність сапфічного вірша, обмежившись мінімумом ритмічних засобів. Слід нагадати, що традицію інтерпретації античних логаядів класичними розмірами започаткував І. Франко, який переспівував сапфічні строфи (в циклі «Із Сапфони») не тільки складними логаядичними метрами, а й класичним віршем, особливо з складником «Золотії горішки щоб родились довіку» [25].

Висновки. Аналізуючи естетичну платформу творчого генія неокласиків, ми звернулися до джерел формування зрізу культури доби, символіка якої сягає античності — не ізольованого пласту культури, а світоглядної системи із власним мікрокосмом. Детальний розгляд лінгвістичної інтерпретації символіки поезій М. Зерова та М. Рильського виявив послідовну рецепцію античних сюжетів, мотивів, образів, символів. Переспів античних мотивів у М. Рильського — це епікурейські мотиви та пов'язані з ними описи природи, пристрасне чи нерозділене кохання, натяки на різні міфічні істоти (Пан, кентавр, Сфінкс, Сирени), образи античних богів і героїв (Дафна, Аполлон, Кіпріда, Флора, Діана, Деметра, Персефона, Зевс, Нарцис, Тезей, Орфей, Дедал та Ікар, Тантал). Тому ми можемо говорити про єдність основного набору домінуючих символів і тривалість їх у культурному житті, які значною мірою визначають національні і локальні кордони культур. Отже, символ став посередником між різними сферами семіозиса, а також між семіотичною і позасеміотичною реальністю, віддзеркаленням картини світу певного етносу, її художнім відбитком, у якому генетично закодований світогляд [18]. У такий спосіб М. Зеров і М. Рильський розвинули українську поетичну традицію, збагативши її надбаннями античної доби.

Перспективи подальших розвідок убачаємо у пошукові новітніх форм опису ментальних моделей, вербалізованих у структурі творів українських неокласиків.

Література

1. Башманівський В. І. Феномен діалогу культур у рецепції М. Зерова / В. І. Башманівський // Соціум. Документ. Комунікація. — 2016. — Вип. 2. — С. 155–163.
2. Бриська О. Я. До питання про перекладацькі методи Миколи Зерова / О. Я. Бриська // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія : Філологічна. — 2014. — Вип. 45. — С. 199–202.
3. Вакулик І. І. «Люби природу не як символ ...» / І. Вакулик // Література. Фольклор. Проблеми поетики. — К., 2012. — № 37. — С. 25–29.
4. Вакулик І. І. Інтерпретація концепту квітів у ранній творчості Рильського / І. Вакулик // Мова як світ світів. Граматика і поетика текстових структур. — Київ, 2010. — С. 37–41.
5. Вакулик І. Метрика творчої спадщини українських неокласиків / І. Вакулик, В. Кашперська // Українське мовознавство. — К., 2011. — № 40/1. — С. 245–249.
6. Вакулик І. Мова, етнос, нація у контексті гуманітарних знань : [монографія] / І. Вакулик. — К. : ЦП «Компринт», 2016. — 184 с.
7. Домилівська Л. В. Лінгвістична проблематика текстової інтерпретації символу / Л. В. Домилівська // Актуальні проблеми української лінгвістики : теорія і практика. — 2008. — Вип. 17. — С. 124–132.
8. Дужа Л. І. Лексико-семантичне вираження концептів «білий», «чорний» та «червоний» у поетичній картині світу українських неокласиків (на матеріалі поезій М. Зерова, М. Драй-Хмари та П. Филипповича) / Л. І. Дужа // Лінгвістичні дослідження. — 2016. — Вип. 42. — С. 112–118.
9. Зварич В. З. Образи світової літератури у творчій рецепції поетів-неокласиків (М. Зеров, М. Драй-Хмара, М. Рильський) / В. З. Зварич // Вісник Львівського університету. Серія : Іноземні мови. — 2012. — Вип. 20(1). — С. 136–144.
10. Зеров М. Твори : у 2 т. / М. Зеров. — К. : Дніпро, 1990. — Т. 1. — 843 с.
11. Історія української літератури ХХ століття : у 2 кн. — Кн. 1 : Перша половина ХХ ст. : підручник / за ред. В. Г. Дончика. — К. : Либідь, 1998. — 464 с.
12. Калетнік А. А. Вербалізація художнього світогляду в концепції Миколи Зерова / А. А. Калетнік // Мова і культура. — 2011. — Вип. 14. Т. 4. — С. 336–341.
13. Кнабе Г. С. Понятие энтелехии и история культуры / Г. С. Кнабе // Вопросы философии. — М., 1993. — № 5. — С. 19–32.
14. Кобиленко Н. К. Кореляція понять концепт і символ у когнітивній лінгвістиці / Н. К. Кобиленко // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія : Філологічна. — 2016. — Вип. 60. — С. 35–37.
15. Колесник О. С. Міфологічно орієнтований семіозис в аспекті квантової лінгвістики / О. С. Колесник // Науковий вісник Чернівецького університету. Германська філологія. — 2015. — Т. 740. — С. 80–85.
16. Кузьма Ю. М. Античні мотиви в поезії М. Т. Рильського // Іноземна філологія. — Львів, 1966. — Вип. 9. — С. 32–39.
17. Лотман Ю. М. Символ в системі культури / Ю. Лотман // Избранные статьи. — Таллинн, 1992. — Т. 1. Статьи по семиотике. — С. 191–199.
18. Панасенко К. О. Символіка поетичного тексту як об'єкт перекладу (на матеріалі українських та російських перекладів англійської поезії ХІХ–ХХ ст.) : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.16 / К. О. Панасенко. — Херсон, 2015. — 247 с.
19. Панченко В. Микола Зеров : формування української ідентичності / В. Панченко // Мандрівець. — К., 2013. — № 2. — С. 50–57.
20. Сацук І. К. Естетична концепція Миколи Зерова : калогоагія / І. К. Сацук // Гуманітарний часопис. — Харків, 2007. — № 3. — С. 61–69.
21. Солодько П. Ремінісценції з грецької та латини в оригінальній поезії Миколи Зерова / П. Солодько // Дивослово. — 1994. — № 12. — С. 9–11.
22. Тихолоз Б. Іван Живий, Невідомий / Б. Тихолоз // І. Франко. Укравене щастя. — Харків : Фоліо, 2011. — 636 с.
23. Турган О. Рецепція античності в українській літературі (діахронічний аспект) / О. Турган // Філологічні семінари. — К. : КНУ ім. Т. Шевченка, 2013. — Вип. 16. — С. 72–81.
24. Фоменко О. С. Поняття «символ» і його осмислення у сучасній лінгвістиці / О. С. Фоменко // Проблеми семантики слова, речення та тексту. — К. : КНУ ім. Т. Шевченка, 2010. — Вип. 25. — С. 402–409.
25. Франко І. Легенда про вічне життя / І. Франко [Електронний ресурс]. — URL : http://chtyvo.org.ua/authors/Franko/Lehenda_pro_vichne_zhyttia/
26. Червоний шлях. — Харків, 1923. — № 3.

References

1. Bashmanivskiy, V. I. (2016), "The phenomenon of cultural dialogue in the reception of M. Zerov", *Socium. Document. Communication* ["Fenomen dialohu kultur u retseptsii M. Zerova", *Sotsium. Dokument. Komunikatsiia*], The H. S. Skovoroda Pereyaslav-Khmelnytsky National Pedagogical University, Pereyaslav-Khmelnytsky, nr 2, pp. 155–163.
2. Bryska, O. Ya. (2014), "Historical and theoretical conclusions as to the methodology of translation by Mykola Zerov", *Scientific proceedings. Philology Series* ["Do pytannia pro perekladac'ki metody Mykoly Zerova", *Naukovi zapysky Nacionalnoho universytetu «Ostrozka akademiia». Serija Filolohichna*], Ostroh Academy National University, Ostroh, vol. 45, pp. 199–202.
3. Vakulyk, I. I. (2012), "Love nature not as a symbol", *Literature. Folklore. Problems of poetics* ["Liuby pryrodu ne yak symvol", *Literatura. Folklor. Problemy poetyky*], The Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, vol. 37, pp. 25–29.
4. Vakulyk, I. I., Kashperska, V. T. (2010), "Interpretation of the concept of flowers in Rylysky early works", *Language as world of worlds. Grammar and poetics of text structures* ["Interpretaciia kontseptu kvitiv u rannii tvorchosti Ryl'skoho", *Mova yak svit svitiv. Hramatyka i poetyka tekstovykh struktur*], The Taras Shevchenko National University, Kyiv, pp. 37–41.

5. Vakulyk, I. I. (2011), “The metric of the creative heritage of the Ukrainian neoclassic”, *Ukrainian linguistics* [“Metryka tvorchoi spadshchyny ukrainskykh neoklasykiv”, *Ukrainske movoznavstvo*], The Taras Shevchenko National University, vol. 40/1, Kyiv, pp. 245–249.
6. Vakulyk, I. I. (2016), *Language, ethnic group, nation in the context of humanitarian knowledge* [Mova, etnos, natsiia u konteksti humanitarnykh znan], Comprint, Kyiv, 184 p.
7. Domilovskaya, L. V. (2008), “Linguistic issues of text interpretation of the symbol”, *Actual problems of Ukrainian linguistics : theory and practice* [Linhvistychna problematyka tekstovoi interpretatsii symbolu, *Actualni problemy ukraïnskoyi lingvistyky : teoriya i praktyka*], The Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, V. 17, pp. 124–132.
8. Duzha, L. I. (2016), “Lexical-semantic expression of concepts «white», «black» and «red» in the poetic world picture of Ukrainian neoclassicists (based on the poetries of M. Zerov, M. Dray-Khmara and P. Fylyppovych)”, *Linguistic researches* [“Leksyko-semantychne vyrazhennia kontseptiv «bilyi», «chornyi» ta «chervonyi» u poetychnii kartyni svitu ukrainskykh neoklasykiv (na materialy poezii M. Zerova, M. Dray-Khmary ta P. Fylyppovycha)”, *Linhvistychni doslidzhennia*], The H. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University, Kharkiv, vol. 42, pp. 112–118.
9. Zvarych, V. Z. (2012), “World literature images in poets-neoclassicists creative reception (M. Zerov, M. Dray-Khmara, M. Rylsky)”, *Visnyk of the Lviv university. Series Foreign Languages* [“Obrazy svitovoi literatury u tvorchii retseptsii poetiv-neoklasykiv (M. Zerov, M. Dray-Khmara, M. Rylskiy)”, *Visnyk Lvivskoho universytetu. Seriya : Inozemni movy*], The Ivan Franko National University of Lviv, Lviv, vol. 20(1), pp. 136–144.
10. Zerov, M. (1990), *Works* [Tvory], Dnipro, Kyiv, vol. 1, 843 p.
11. Donchuk, V. (1998), *The history of Ukrainian literature of the 20th century : in 2 vol.* [Istoriia ukrainskoi literatury XX stolittia : u 2 kn.], Swan, Kyiv, vol. 1, 464 p.
12. Kaletnik, A. A. (2011), “Verbalization of artistic vision in the concept of Nikolai Zerov”, *Language and Culture* [“Verbalizacija khudozhn’oho svitohliadu v koncepcii Mykoly Zerova”, *Mova i kultura*], The Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, vol. 4, pp. 336–341.
13. Knabe, G. S. (1993), “The concept of entelechy and the history of culture”, *Studies in Philosophy* [“Poniatie entelekhii i istoriia kultury”, *Voprosy filosofii*], Nauka, Moscow, vol. 5, pp. 19–32.
14. Kobylenko, N. K. (2016), “Correlation of the notions concept and symbol in cognitive linguistics”, *Scientific proceedings of the National University of Ostroh Academy, Philology Series* [“Koreliacija poniat’ koncept i symbol u kognitivnij linhvistyky”, *Naukovi zapysky Nacionalnoho universytetu «Ostroz’ka akademija». Serija : Filolohichna*], Ostroh, vol. 60, pp. 35–37.
15. Kolesnyk, O. S. (2015), “Myth-oriented semiosis from the standpoint of quantum linguistics”, *Scientific bulletin of Chernivtsi University* [“Myth-oriented semiosis from the standpoint of quantum linguistics”, *Naukovi visnyk Chernivets’koho universytetu. Hermans’ka filolohija*], Chernivtsi, vol. 740, pp. 80–85.
16. Kuzma, Iu. M. (1966), “Ancient motives in the poetry of M. T. Rylsky”, *Foreign philology* [“Antychni motyvy v poezii M. T. Ryl’s’koho”, *Inozemna filolohija*], Lviv State University, Lvov, vol. 9, pp. 32–39.
17. Lotman, Iu. M. (1992), “Symbol in the system of culture”, *Selected articles, Articles on semiotics* [“Simvol v sisteme kultury”, *Izbrannye stat’i. Stat’i po semiotike*], Tallinn, vol. 1, pp. 191–199.
18. Panasenko, K. O. (2015), *Symbolism of poetic text as an object of translation (based on the material of Ukrainian and Russian translations of English-language poetry of the 19th–20th centuries) : Thesis* [*Symvolika poetychnoho tekstu yak ob’ekt perekladu (na materialy ukrainskykh ta rosijskykh perekladiv anhlomovnoi poezii XIX–XX st.) : dys... kand. filol. nauk*], Kherson, 247 p.
19. Panchenko, V. (2013), “Nikolai Zerov : Formation of Ukrainian Identity”, *The traveler* [“Mykola Zerov : formuvannia ukrains’koi identychnosti”, *Mandrivets*], Kyiv, vol. 2, pp. 50–57.
20. Satsyk, I. K. (2007), “The aesthetic concept of Nikolai Zerov : kalokagatiya”, *Humanitarian journal* [“Estetychna koncepcija Mykoly Zerova : kalokahatiya”, *Humanitarnyi chasopys*], Kharkiv, vol. 3, pp. 61–69.
21. Solodko, P. (1994), “Reminiscences from Greek and Latin in the original poetry of Nikolai Zerov”, *Divoslovo* [“Reminiscenciji z grec’koi ta latyny v oryghinal’nij poeziji Mykoly Zerova”, *Dyvoslovo*], Kyiv, vol. 12, pp. 9–12.
22. Tykholoz, B. (2011), “Ivan Live, Unknown”, *Stolen happiness* [“Ivan Zhyvyi, Nevidomyi”, *I. Franko. Ukradene shchastia*], Folio, Kharkiv, 636 p.
23. Turhan, O. (2013), “The Reception of Antiquity in Ukrainian Literature (Diachronic aspect)”, *Philological Seminars* [“Recepcija antychnosti v ukrainskij literaturi (diakhronichnyj aspekt)”, *Filolohichni seminars*], Taras Shevchenko National University, Kyiv, vol. 16, pp. 72–81.
24. Fomenko, O. S. (2010), “The concept of ‘symbol’ and its comprehension in modern linguistics”, *Problems of semantics of words, sentences and text* [“Poniatia ‘symbol’ i joho osmyslennia u suchasnij linhvistyky”, *Problemy semantiky slova, rechennia ta tekstu*], Taras Shevchenko National University, Kyiv, vol. 25, pp. 402–409.
25. Franko, I. *Lehenda pro vichne zhyttia*, available at : http://chtyvo.org.ua/authors/Franko/Lehenda_pro_vichne_zhyttia/ (accessed 2 September 2017).
26. *The Red Road* (1923), [Chervony Shlyakh], Kharkiv, vol. 3.

ВАКУЛИК Ирина Ивановна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры украинского и классических языков
Национального университета биоресурсов и природопользования Украины;
ул. Героев Оборона, 15, г. Киев, 03041, Украина, тел.: +38 050 6245508;
e-mail: vakulyk@ukr.net; ORCID ID: 0000-0002-4812-7719

БАЛАЛАЕВА Елена Юрьевна,

кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры украинского и классических языков
Национального университета биоресурсов и природопользования Украины;
ул. Героев Оборона, 15, г. Киев, 03041, Украина, тел.: +38 0687177254;
e-mail: olena.balalaeva@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-2675-5554

**AD FONTES: ФОРМИРОВАНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. ЗЕРОВА
И М. РЫЛЬСКОГО**

Аннотация. *Цель* статьи — проанализировать специфику рецепции античных мотивов и образов в литературном наследии украинских неоклассиков начала XX в., в частности Н. Зерова и М. Рыльского. Творчество неоклассиков анализируется в культурологическом и литературоведческом аспектах. *Предметом* рассмотрения является трансформация античных символов как механизмов «памяти культуры» и семиотических конденсаторов в синхронии текста. *Результаты* исследования свидетельствуют о том, что, несмотря на общее для неоклассиков тяготение к калокагатии как эстетического идеала античной культуры, которая предусматривала гармонию чувств рациональной сферы, телесного и духовного начал, высокой культуры мышления и дисциплины поэтической речи, эстетическая платформа не сводится к принципам «чистого классицизма», трактовке классических форм и принципов как универсальных и неизменных норм. *Выводы.* Представители эпохи «растрелянного возрождения» оставили неоценимое наследие. Творчество неоклассиков является результатом взаимодействия традиций и новаций, национальных тенденций с заимствованным и трансформируемым опытом рецепции античного текста в мировой литературе. Н. Зеров и М. Рыльский развили украинскую поэтическую традицию, обогатили украинскую поэзию достижениями античной литературы.

Ключевые слова: украинские неоклассики, античность, рецепция, семиозис, эстетический идеал, ad fontes.

Iryna I. VAKULYK,

PhD (Philology), Associate Professor, Chair of Ukrainian and Latin languages at National University
of Life and Environmental Sciences of Ukraine;
Heroyiv Oborony st., 15, Kyiv — 03041, Ukraine; tel.: +38 050 6245508;
e-mail: vakulyk@ukr.net; ORCID ID: 0000-0002-4812-7719

Olena Yu. BALALAEVA,

PhD (Pedagogy), Senior Lecturer, teaches Latin language at National University
of Life and Environmental Sciences of Ukraine;
Heroyiv Oborony st., 15, Kyiv — 03041, Ukraine; tel.: +38 050 6245508;
e-mail: olena.balalaeva@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-2675-5554

**AD FONTES: FORMATION OF AESTHETIC PLATFORM IN THE CREATION OF M. ZEROV
AND M. RYLSKY**

Summary. *The object.* The article analyzes the specifics of the perception of ancient motifs and images in the literary heritage of Ukrainian neoclassicists of the early 20th century, in particular M. Zerov and M. Rytsky. The poetry of Neo-Classicism representatives is considered in cultural and literary aspects. *The subject* of this study is symbols transformation as the mechanisms of «culture's memory» and semiotic capacitors in the text synchrony. *Conclusion.* The works of Ukrainian neoclassicists as the representatives of the era of «Executed Renaissance» have left an invaluable heritage. The poetry of neoclassicists is the result of the interaction of traditions and innovations, national tendencies with the borrowed and transformed experience of an ancient text perception in the world literature. *Finding.* The article proves that in spite of the common for neoclassicists attraction to kalokagathia as an aesthetic ideal of an ancient culture, which included the harmony of senses of a rational sphere, physical and spiritual roots, high culture of thinking and the discipline of poetic speech, the aesthetic platform of Zerov and Rytsky does not come down to the principles of «pure classicism», the interpretation of classical forms and principles as universal and unchanging norms.

Key words: Ukrainian neoclassicists, antiquity, perception, semiosis, aesthetic ideal, ad fontes.

Статтю отримано 10.09.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.28.115834>

УДК [811.161.1+821.161.1]’367.625’373.612.2 А. Белый

ГАЖЕВА Инна Дмитриевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии им. проф. Иллариона Свенцицкого Львовского национального университета имени Ивана Франко; пл. Университетская, 1, г. Львов, 79000, Украина; arsenjeva.in@gmail.com; тел.: +38 096 2148357; ORCID ID: 0000-0003-0694-1672

ИНТЕРАКЦИЯ ТРОПОВ В ПРОЗЕ А. БЕЛОГО

Аннотация. Цель статьи — выявить характерные для идиостиля А. Белого синкретичные тропы, основанные на интеракции глагольной метафоры и глагольной метонимии; описать семантические механизмы такой интеракции и соответствующие «семантические эффекты» в свете особенностей художественного мировоззрения писателя. Предмет рассмотрения — сложные тропы, представляющие собой результат интеракции глагольной метафоры и глагольной метонимии. Результат: выявлены отдельные типы синкретичных тропов в прозе А. Белого, описаны механизмы их образования. Выводы. Глагольная метафора и глагольная метонимия нацелены на «подрыв» различных уровней языковой концептуализации, в силу этого использование синкретичных тропов, представляющих собой сплетение глагольных метафоры и метонимии, характерно, прежде всего, для экспериментальных художественных текстов, в частности для прозы А. Белого. Функциональная нагрузка наиболее частотных политропов, представляющих собой результат интеракции метафоры, первичной глагольной метонимии и метонимии обстоятельственной, заключается в реализации приёма остранения.

Ключевые слова: метафора, метонимия, сложный троп, идиостиль, значение глагола.

Постановка проблемы. Исследовательские акценты в области лингвистической поэтики в последнее время сместились с автономного описания тропов и выдвижения одного из них на роль идиостилевой и мировоззренческой доминанты писателя (ср. метафора — для Б. Пастернака, в трактовке Н. Вильмонта [5], метонимия — для того же Б. Пастернака, в трактовке Р. Якобсона [24], метафора — для В. Маяковского, в трактовке того же Р. Якобсона [24]) на изучение процессов интеракции, взаимодействия тропов. Очевидно, что выдвижение того или иного тропа на роль доминантного во многом условно и что характер совмещения разных тропов писателем является более показательным в плане сопоставительного изучения идиостилей. Однако сопоставительное изучение идиостилей с этих позиций пока что — дело будущего, ведь сами типы тропеических сплетений исследованы современной наукой ещё недостаточно. Их описание можно считать одной из актуальных проблем современной лингвистической поэтики.

Обзор предыдущих исследований проблемы. Несмотря на многовековую историю изучения тропов, развёрнутой типологии синкретичных тропов и исчерпывающего описания семантических механизмов их образования на сегодняшний день не существует. Так, эпизодически изучались осложнённые метафоры, сложные метафорические конструкции и «метонимические метафоры» [8; 9; 14; 15; 20]. Последние, будучи сплетением разнородных тропов, представляют особый интерес для исследователей.

Очевидно, что такие политропные образования чаще всего используются в художественной речи, причём тех писателей, для которых важно языковое экспериментаторство. К числу последних относится Андрей Белый. Комплексное исследование новаторского языка этого писателя представлено в монографии Н. А. Кожевниковой [9]. Однако механизмы образования политропов в ней раскрыты недостаточно полно, поскольку для этого необходимо использовать строгий лингвистический метаязык. Представляется, что экспликация семантических механизмов, лежащих в основе образования политропов у А. Белого, достижима в рамках динамического подхода к семантике лексики [16–19].

Постановка задач исследования. Основные задачи настоящей статьи заключаются в том, чтобы выявить отдельные характерные для идиостиля А. Белого синкретичные тропы, основанные на интеракции глагольной метафоры и глагольной метонимии; описать семантические механизмы такой интеракции и соответствующие «семантические эффекты» в свете особенностей художественного мировоззрения писателя.

Изложение основного материала. В качестве материала исследования используются тексты «Симфоний» А. Белого, которые являются чуть ли не первым образцом орнаментальной прозы в русской литературе. Специфика орнаментальной прозы обусловлена тем, что она представляет собой результат воздействия на неё поэтических структур. Это сказалось в ослаблении сюжетности, в «подминании» сюжета стилем, ср.: «Стиль становится важной движущей силой романа и постепенно смыкается с сюжетом... стилистические особенности начинают самодовлетать и вытеснять собственно содержание» [22, с. 239]. Андрей Белый не просто сближает поэзию с прозой — он вырабатывает свой язык. К. Мочульский характеризовал А. Белого как бесстрашного экспериментатора, который «не оставил камня на камне от старого литературного языка, «...вздёрнул на дыбы» русскую прозу,

перевернул вверх ногами синтаксис, затопил словарь потоком новых, выдуманных им слов...» [13, с. 316–317]. «Дерзновенные, граничащие с безумием опыты А. Белого» хотя и осуществлялись им в русле происходящей модернистской революции, были, кроме того, обусловлены глубоко личными причинами и явились обратной стороной (или следствием) его «поэтического косноязычия» [11, с. 681–687]. Создание своего языка осмыслилось А. Белым как борьба с творческой и лично-биографической немотой, вызванной семейной драмой, которая кошмаром обрушилась на детское сознание будущего писателя и стала источником его трагического мироощущения [13, с. 257]. «Косноязычный, немой, перепуганный, выглядывал «Боренька» из «ребёнка» и «паиньки»; не то чтобы он не имел жестов: он их переводил на «чужие», утрачивая и жест, и язык...» [3, с. 7]. «Свои слова» А. Белый обрёл, став символистом. Однако масштабы и характер языкового новаторства выводили А. Белого за границы символистской поэтики и сближали его с футуристами, М. Цветаевой, обэриутами. Не случайно Н. Бердяев назвал А. Белого первым и единственным футуристом в русской литературе и уподобил его художественное мировидение кубизму П. Пикассо [4, с. 438–456].

Выход А. Белого за пределы символистской поэтики связан с тем, что он «работает» не только с уровнем семантики, но не в меньшей степени и с уровнем синтактики. Если в центре символистской концепции стоит слово, понятое как символ, то для А. Белого также важны неожиданные, а часто и парадоксальные встречи, столкновения слов. Именно поэтому тексты его произведений дают богатый материал как для исследования языковых аномалий, так и для исследования случаев взаимодействия метафоры и метонимии, в частности глагольных.

Наложение и сплетение разнородных тропов — метафоры и метонимии — может быть реализовано как в пределах одной лексемы, обуславливая её полифункциональность, так и в пределах синтагмы [14, с. 12]. В. Полухина и Ю. Пярли в качестве примера полифункционального тропа, реализованного одной лексемой, рассматривают имя *вьюга* в контексте *И от Цезаря далеко и от вьюги* (И. Бродский). Имя *вьюга*, согласно наблюдениям исследователей, одновременно является, во-первых, метафорой придворной жизни, во-вторых, метонимией севера (столицы) в противовес *югу* (провинции), и, в-третьих, оксюмороном или катахрезой, ибо север Италии не означает ещё вьюги [20, с. 12]. При этом обозначенные метафорическое, метонимическое и оксюморонное значения как бы наложены друг на друга в рамках одной лексемы. Если же в качестве политропа выступает глагол, реализующий свою семантику в рамках минимальной синтагмы, то его «сдвинутые» значения накладываются друг на друга лишь частично, будучи «разнонаправленными», обращёнными к разным актантам. Выявление семантических механизмов, лежащих в основе образования такого политропа, очевидно, представляет собой многоэтапную процедуру.

Глагол, предназначенный для номинации целостной ситуации, включает в свою семантику, наряду со значением предиката, значения обязательных участников описываемой ситуации. В связи с этим в толкование глагола, помимо указания на тематический класс и семантический тип глагола, должна входить информация о наборе обязательных участников ситуации и их семантических ролях, а кроме того, характеристика таксономических (ономасиологических) категорий обязательных участников [2; 16; 19].

Разные типы смещения глагольного значения могут создаваться при этом либо за счёт нарушения соответствия семантической роли определённому участнику ситуации, либо за счёт нарушения соответствия участника ономасиологической категории, имплицитруемой глаголом. Общеизвестно, что в языке находят отражение как субъективно-человеческие представления о мире, так и его онтология. Глагольная метафора, основанная чаще всего на референтном смещении имен субъектов [6], нацелена в конечном счёте на то, чтобы пошатнуть самую онтологию, как она запечатлена в языке. Суть же глагольной метонимии состоит в переносе фокуса внимания с одних участников ситуации на других, в их переводе с заднего плана на передний [16–18]. Тот факт, что глагольная метафора и глагольная метонимия нацелены на «подрыв» различных уровней языковой концептуализации действительности: метафора — уровня языковой онтологии (т. е. объективных или принятых за таковые в рамках языковой КМ референтных связей), а метонимия — уровня частного восприятия отдельной ситуации, — создаёт широкий спектр возможностей для их совмещения в рамках одной пропозициональной формы. Необходимо при этом отметить, что использование политропов, представляющих собой сплетение глагольных метафоры и метонимии, является прерогативой собственно художественных текстов, поскольку расшатывание сразу двух уровней концептуализации обрекало бы высказывание обыденной речи на коммуникативный провал. А. Белый, будучи бесстрашным экспериментатором в области художественного словотворчества, одним из первых в русской литературе начинает настойчиво использовать описанного типа политропы как одно из средств семантической компрессии в художественном тексте.

Традиционно считалось, что метонимия работает, прежде всего, на именах. Вопреки этой точке зрения, в последнее время появился целый ряд работ, посвящённых исследованию глагольной метонимии [1; 3; 7; 10; 16–18]. Более того, метонимию начинают трактовать как характерный способ организации собственно глагольного значения [10]. Вслед за Е. Л. Гинзбургом, будем различать первичную и вторичную глагольную метонимию [7]. В основе первичной метонимии лежат ассоциации по смежности самих ситуаций, обозначаемых одним глаголом. Так, первичной глагольной

метонимией связаны глагол некаузативного значения и производный от него глагол каузативного значения любой ЛСГ. «Условием образования каузативного значения от некаузативного является превращение субъекта состояния, обозначенного с помощью некаузативного глагола, в «инструмент» или «средство» каузативного» [7, с. 208]. Наиболее часто используемой А. Белым моделью первичной глагольной метонимии является следующая: «производить звуковой эффект определённого сорта — делать так, чтобы этот эффект был» [7, с. 155]. Рассмотрим следующий пример: **Махнул хлыстом, нервно провизжал им в воздухе, как мечом.**

Первым шагом при создании представленного в данной конструкции политропного образования является глагольная метафора, совершающая межреферентный перенос на именах субъектов: S_1 (Хлыст) — S_2 (Человек), **(Хлыст) издал звук — (Человек) провизжал = Хлыст провизжал.**

Метафора, в свою очередь, осложняется сравнением: **Хлыст провизжал как меч.**

Следующим шагом является первичная глагольная метонимия по указанной модели, в результате которой S_1 (Хлыст) понижается до ранга Инструмента, и, таким образом, уходит с центрального плана в описании ситуации на периферию.

Хлыст провизжал как меч — Некто (человек) провизжал хлыстом, как мечом.

В конечном счёте, в фокусе внимания оказывается человек: действие, онтологически соответствующее человеку (**визжать** имплицитно подразумевает онтологическую категорию «Человек»), отъятое у него и перепорученное члену иной ономазиологической категории (**хлыст** — это «Вещь», «Артефакт») в результате метафоры, вновь возвращается к человеку вследствие глагольной метонимии (**Человек провизжал хлыстом**), то есть понижения **хлыста** (реального источника звука, то есть субъекта ситуации) до периферийного участника — Инструмента. Таким образом, звук, реальным источником которого выступает **хлыст** и качество которого оценивается как **визг** (то есть как звук, онтологически принадлежащий человеку), в результате последующего смещения фокуса внимания связывается (на уровне концептуализации конкретно воспринятой ситуации) опять же с человеком. Следовательно, действие (**визг** — преднамеренное или непреднамеренное действие) возвращается на новой ступени к своему реальному производителю. Что касается семантического эффекта, достигаемого описанными преобразованиями, то он и заключается как раз в том, что в качестве источника **визга** — как следствия определённого комплекса переживаний: раздражения, предстоящего разочарования и душевной боли героя, — подчёркнутого наречием **нервно**, — представлен всё-таки человек, который, не имея возможности **провизжать**, реализует свой «немой визг» в жесте (**Махнул хлыстом, нервно ...**) и материализует его в **визге** хлыста как следствии этого жеста.

Более интересный случай представляют собой политропы, возникающие в результате сплетения глагольной метафоры одновременно и с первичной глагольной метонимией, и с глагольной метонимией вторичной, то есть обстоятельственной.

Под обстоятельственной глагольной метонимией исследователи [7, с. 15; 3, с. 198] понимают употребление глагола, обозначающего смежный признак основного действия для характеристики самого основного действия. Например, движение может сопровождаться разного рода шумами, звуками. Употребление глагола звука для обозначения движения / перемещения является примером обстоятельственной глагольной метонимии: **спуститься по лестнице, прошелестев платьем — прошелестеть по лестнице.** Типы обстоятельственной глагольной метонимии рассмотрены в [3, с. 196–202]. В «Симфониях» А. Белого встречаются сложные тропы, представляющие собой результат наложения друг на друга метафоры, первичной глагольной метонимии и метонимии обстоятельственной. Ср.: **Она, поставив ногу на камень (1), пропела у носа его гибким, звучным хлыстом (2): «Полковник, мне жарко...».**

Представление о ситуации, обозначенной данной пропозицией, нормативно должно быть расчлениено следующим образом:

1) Она, поставив ногу на камень (1), сказала (2): «...», махнув у носа его гибким (3), звучным хлыстом, который издал звук (4), будто пропел'.

Разница в количестве предикативных элементов (4 – 2) обусловлена цепью следующих семантических свёрток.

1) глагольной метафоры, совершающей межреферентный перенос на именах субъектов:

Хлыст издал звук — Человек пропел;

2) первичной глагольной метонимии по модели «производить звуковой эффект определённого сорта — делать так, чтобы этот эффект был»: **махнула хлыстом, который пропел — махнула хлыстом, пропев им;**

3) обстоятельственной глагольной метонимии по модели «физическое действие — слуховой эффект от совершающего действия»: **махнула хлыстом, пропев им — пропела им;**

4) обстоятельственной глагольной метонимии по модели «речь — сопровождающее её действие»: **сказала ..., пропев им — пропела им: «...».**

В результате описанных семантических свёрток достигается эффект несколько иного, нежели в первом случае, свойства. Во-первых, по-другому оценивается качество звука, издаваемого хлыстом (**хлыст пропел**), поскольку в фокусе внимания оказывается не собственно «звук хлыста», а голос героини (который **пропел** определённые слова). Голос, накладывающийся на издаваемый хлыстом

звук, подчиняет его. В итоге реальный источник доминирующего звука (голоса героини) совпадает с моделируемым (*Она пропела хлыстом*), однако в качестве каузатора (Инструмента) звука (голоса, подчиняющего «звук хлыста») выступает хлыст. То есть слова произносятся не при помощи «традиционного артикуляционного аппарата» (языком, ртом, «лицом»), а хлыстом, рукой, жестом. Можно предположить, что Наблюдатель видит героиню со спины, то есть не видит её лица (говорящих губ), но видит её жест [о роли пластического жеста у А. Белого см.: 12]. Слова же, которые одновременно жесту, расцениваются «младенствующим» сознанием А. Белого как непосредственный результат этого жеста. Присутствие Наблюдателя здесь обусловлено двояко: во-первых, Наблюдатель почти всегда входит в число участников ситуации издавания звука — эксперимент в коммуникативном ранге *За кадром* [16, с. 7], во-вторых, наблюдаемость, как доказывает Е. В. Рахилина, является общим свойством семантики творительного падежа: «творительный во всех своих разновидностях... детализирует ситуацию и тем самым делает ее более зримой, наблюдаемой» [21, с. 505]. Тенденция же к детализации ситуации через расщепление предмета изображения на тело и его действующую часть, инструмент, аспект, атрибут, то есть на фон и фигуру в рамках конструкций с прилагательным творительным является, как было показано в [6], доминантной для идиостиля А. Белого. При этом она коррелирует с другой более глобальной тенденцией к распылению / развоплощению образа мира, ибо для А. Белого «нет уже целостных органических образов. В нём погибает старая, кристальная красота воплощённого мира» [4, с. 7]. Тот факт, что А. Белый связывает издаваемый звук лишь с видимым жестом и видимым его «псевдокаузатором» (*хлыст*), а не с каузатором реальным, известным с детства каждому говорящему из повседневного опыта, — свидетельство отказа писателя от этого опыта, от бремени всего познанного им в течение сознательной жизни, констатация тождества творческого сознания сознанию младенца, который впервые познаёт мир и впервые — основываясь только на визуальных впечатлениях — устанавливает связи между предметами. Иными словами, отказ от конвенций, который лежит в основе приема остранения.

Как известно, именно попытка восстановить художественными средствами взгляд на мир навсегда утраченного детства лежит в основе столь значительных произведений мировой литературы XX в., как «Шум и ярость» У. Фолкнера, «Взгляни на дом свой, ангел» Т. Вулфа, «Школа для дураков» Саши Соколова. Их предвосхищением в русской литературе являются «Котик Летаев» и «Крещёный китаец» А. Белого. Однако то, что на уровне содержания произведения проявило себя в поздний период творчества писателя, на уровне его языка¹ скрыто присутствовало раньше — уже в период написания «Симфоний».

Выводы. Итак, глагольная метафора и глагольная метонимия нацелены на «подрыв» различных уровней языковой концептуализации действительности: метафора — уровня «языковой онтологии», а метонимия — уровня частного восприятия отдельной ситуации. Это создаёт широкий спектр возможностей для их совмещения в рамках одной пропозициональной формы. Однако использование синкретичных тропов, представляющих собой сплетение глагольных метафоры и метонимии, характерно преимущественно для экспериментальных художественных текстов. В обыденной речи расшатывание сразу двух уровней концептуализации препятствовало бы реализации главной функции высказывания — коммуникативной. В прозе А. Белого, который был бесстрашным экспериментатором в области художественного словотворчества, встречаются сложные тропы, представляющие собой результат наложения друг на друга метафоры, первичной глагольной метонимии и метонимии обстоятельственной. Их функциональная нагрузка заключается, главным образом, в реализации тенденции к остранённому взгляду на действительность, позволяющему вскрыть её абсурдность.

Перспективы дальнейших исследований. Плодотворным представляется каталогизация всех структурно-семантических типов сложных тропов того или иного автора, выяснение их частотности, функциональной нагрузки в свете его художественного мировоззрения, принадлежности той или иной культурной эпохе, литературному направлению.

Л и т е р а т у р а

1. Агеева Н. Г. Типология и механизмы глагольной метонимии в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. н. / Н. Г. Агеева. — К., 1990. — 24 с.
2. Бацевич Ф. С. Функционально-ономасиологическое исследование глагольной лексики // Бацевич Ф. С., Космеда Т. А. Очерки по функциональной лексикологии. — Львов : Світ, 1997. — С. 6–208.
3. Белый А. Между двух революций. Воспоминания / А. Белый ; [подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова]. — М. : Худож. лит., 1990. — 670 с.
4. Бердяев Н. А. Астральный роман (Размышления по поводу романа А. Белого «Петербург») // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства : в 2 т. — М. : Искусство, 1994. — Т. 2. — С. 438–446.
5. Вильмонт Н. Борис Пастернак. Воспоминания и мысли / Н. Вильмонт // Новый мир. — 1987. — № 6. — С. 205–248.

¹ Ср. о выявлении «ментально-психических структур... автора... в отдельных случаях извлекаемых из авторского подсознания, так или иначе заявляющего о себе на чисто языковом уровне»: [23, с. 213].

6. Гажева І. Д. Функціонально-семантичне дослідження дієслівної метафори : семасіологічний та ономасіологічний аспекти (на матеріалі «Симфоній» А. Белого) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.02 — російська мова / І. Д. Гажева. — Харків, 2002. — 18 с.
7. Гинзбург Е. Л. Конструкции полисемии в русском языке. Таксономия и метонимия / Е. Л. Гинзбург. — М. : Наука, 1985. — 224 с.
8. Кожевникова Н. А. Избранные работы по языку художественной литературы / Сост. Е. В. Красильникова, Е. Ю. Кукушкина, З. Ю. Петрова; Под. общ. ред. З. Ю. Петровой. — М. : Знак, 2009. — 896 с.
9. Кожевникова Н. А. Язык Андрея Белого / Н. А. Кожевникова. — М. : Институт русского языка РАН, 1992. — 256 с.
10. Кубрякова Е. С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Культурные концепты. — М. : Наука, 1988. — С.141–172.
11. Лотман Ю. М. Поэтическое косноязычие Андрея Белого/ Ю. М. Лотман // Андрей Белый : Проблемы творчества : Статьи, воспоминания, публикации. Сборник. — М. : Советский писатель, 1988 а. — С. 437–443.
12. Масленникова О. Н. Пластический жест в прозе Андрея Белого / О. Н. Масленникова // URL: http://uchcom.botik.ru/az/lit/coll/ontolog1/12_maslen.htm
13. Мочульский К. Александр Блок. Андрей Белый. Валерий Брюсов / К. Мочульский ; [сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд]. — М. : Республика, 1997. — 479 с. — (Серия «Прошлое и настоящее»).
14. Некрасова Е. А. Метонимический перенос в связи с некоторыми проблемами лингвистической поэтики / Е. А. Некрасова // Слово в русской советской поэзии. — М. : Наука, 1975. — С. 111–131.
15. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке / В. П. Григорьев, Н. Н. Иванова, Е. А. Некрасова, О. И. Северская. — М. : Наука, 1994. — 271 с.
16. Падучева Е. В. Парадигмы регулярной многозначности глаголов звука / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. — Мю1998. — № 5. — С. 3–23.
17. Падучева Е. В. Лексика поэзии и поэзия лексики / Е. В. Падучева // Роман Якобсон : Тексты, документы, исследования. — М. : РГГУ, 1999. — С. 562–568.
18. Падучева Е. В. Пространство в облики времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) / Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Языки пространств. — М. : Языки рус. культуры, 2000. — С. 239–254.
19. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 609 с.
20. Полухина В. Словарь тропов Бродского : на материале сборника «Часть речи» / В. Полухина, Ю. Пярли. — Тарту : Изд-во Тартус. ун-та, 1995. — 342 с.
21. Рахилина Е. В. Семантика русского творительного падежа: фрагмент / Е. В. Рахилина // Роман Якобсон : Тексты, документы, исследования. — М. : РГГУ, 1999. — С. 496–507.
22. Руднев В. Принципы новой прозы / В. Руднев // Словарь культуры XX в. — Москва, 1999. — С. 239–240.
23. Топоров В. Н. О «блоковском» слове в романе Андрея Белого «Серебряный голубь» / В. Н. Топоров // Москва и «Москва» Андрея Белого : сб. статей / [отв. ред. М. Л. Гаспаров ; сост. М. Л. Спивак, Т. В. Цивьян]. — М. : РГГУ, 1999. — С. 212–316.
24. Якобсон Р. О. Заметки о прозе поэта Пастернака / Р. О. Якобсон // Работы по поэтике : переводы / Р. О. Якобсон ; [сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова]. — М. : Наука, 1987. — С. 324–338.

References

1. Ageeva, N. (1990), *Typology and mechanisms of verbal metonymy in modern English : Synopsys [Tipologiya i mekhanizmy glagolnoj metonimii v sovremennom anglijskom jazyke : Avtoref. dis. ... kand. filol.nauk]*, Kiev, 24 p.
2. Batsevich, F., Kosmeda T. A. (1997), *Essays on functional lexicology [Očerki po funkcionalnoj leksikologii]*, Svit, Lvov, 392 p.
3. Belyj, A. (1990), *Between the two revolutions. Memoirs [Mezhdu dvukh revoliucij. Vospominanija / podgot. teksta i komment. A. V. Lavrova]*, Hudozh. lit., Moscow, 670 p.
4. Berdiajev, N. (1994), “The Astral Novel (Reflections on the novel by A. Belyj “Petersburg””, *Philosophy of creativity, culture and art : in 2 vol.* [“Astralnyj roman (Razmyshlenija po povodu romana A. Belogo «Peterburg»)], *Filosofija tvorčestva, kul'tury i iskusstva : v 2 t.*], *Iskusstvo*, Moscow, vol. 2, pp. 438–446.
5. Vilmont, N. (1987), “Boris Pasternak. Memories and Thoughts”, *New world* [“Boris Pasternak. Vospominanija i mysli”, *Novyj mir*], Moscow, vol. 6, pp. 205–248.
6. Gazheva, I. (2002), *Functional-semantic study of the verbal metaphor : semasiological and onomasiological aspect (based on “Symphonies” of A. Belyj) : Synopsys [Funktsionalno-semanticheskoe issledovanie glagolnoj metafory : semasiologičeskij i onomasiologičeskij aspekti (na materiale “Simfonij” A. Belogo) : Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk]*, Harkiv, 18 p.
7. Ginzburg, E. (1985), *Constructions of polysemy in the Russian language. Taxonomy and metonymy [Konstrukcii polisemii v russkom jazyke. Taksonomija i metonimija]*, Nauka, Moscow, 224 p.
8. Kozhevnikova, N. (2009), *Selected works on the language of fiction [Izbrannyje raboty po jazyku khudozhestvennoj literatury]*, *Znak*, Moscow, 896 p.
9. Kozhevnikova, N. (1992), *The language of Andrei Bely [Jazyk Andreja Belogo]*, Institute of the Russian Language, Moscow, 56 p.
10. Kubriakova, E. (1988), “Verbs of action through their cognitive characteristics”, *Logical analysis of language. Cultural concepts* [“Glagoly dejstvija cherez ikh kognitivnyie kharakteristiki”, *Logičeskij analiz jazyka. Kul'turnyje koncepty*], Nauka, Moscow, pp. 141–172.
11. Lotman, Yu. (1988), “Poetic Tongue-Tongue of Andrei Bely”, *Andrey Bely : Problems of Creativity : Articles, Memoirs, Publications. Collection* [“Poeticheskoe kosnoyazychie Andreya Belogo”, *Andrej Belyj : Problemy tvorčestva : Stati, vospominanija, publikacii. Sbornik*], Sovetskij pisatel, Moscow, pp. 437–443.
12. Maslennikova, O. *Plastic gesture in the prose of Andrei Bely [Plasticheskiy zhest v proze Andreya Belogo]*, available at : http://uchcom.botik.ru/az/lit/coll/ontolog1/12_maslen.htm
13. Mochulskij, K. (1997), *Alexander Blok. Andrei Bely. Valery Briusov [Aleksandr Blok. Andrey Belyj. Valerij Briusov]*, Respublika, Moscow, 479 p.

14. Nekrasova, E. (1975), “Metonymic transfer in connection with some problems of linguistic poetics”, *The word in the Russian Soviet poetry* [“Metonimicheskiy perenos v svyazi s nekotorymi problemami lingvisticheskoy poetiki”, *Slovo v russkoy sovetskoy poezii*], Nauka, Moscow, pp. 111–131.
15. Grigorev, V. P., Ivanova, N. N., Nekrasova, E. A., Severskaya, O. I. (1994), *Essays on the history of the language of Russian poetry of the 20th century. Paths in individual style and poetic language* [Ocherki istorii jazyka russkoy poezii XX veka. Tropy v individualnom stile i poeticheskom jazyke], Nauka, Moscow, 271 p.
16. Paducheva, E. (1998), “Paradigms of the regular polysemy of verbs of sound”, *Topics in the study of language* [“Paradigmy regulirnoy mnogoznachnosti glagolov zvuka”, *Vopr.*], *Voprosy jazykoznanija*, vol. 5, pp. 3–23.
17. Paducheva, E. (1999), “Lexicon of poetry and poetry of vocabulary”, *Roman Jakobson: Texts, documents, research* [“Leksika poezii i poezija leksiki”, *Roman Jakobson: Teksty, dokumenty, issledovaniya*], Russian State University for the Humanities, Moscow, pp. 562–568.
18. Paducheva, E. (2000), “Space in the guise of time and vice versa (to the typology of metonymic transfers)”, *Logical analysis of the language. Languages of spaces* [“Prostranstvo v oblichii vremeni i naoborot (k tipologii metonimicheskikh perenosov)”, *Logicheskii analiz jazyka. Jazyki prostranstva*], Yazyki rus. kultury, Moscow, pp. 239–254.
19. Paducheva, E. (2004), *Dynamic models in the semantics of vocabulary* [Dinamicheskie modeli v semantike leksiki], Yazyki slavianskoj kultury, Moscow, 609 p.
20. Polukhina, V., Pyarli, Yu. (1995), *Brodsky's tropes dictionary: on the material of the collection “Part of speech”* [*Slovar tropov Brodskogo : na materiale sbornika «Chast rechi»*], Publishing house of the University of Tartu, Tartu, 342 p.
21. Rakhilina, E. (1999), “Semantics of the Russian instrumental : fragment”, *Roman Jakobson : Texts, documents, studies* [“Semantika russkogo tvoritel'nogo padezha”, *Roman Jakobson : Teksty, dokumenty, issledovaniya*], Russian State University for the Humanities, Moscow, pp. 496–507.
22. Rudnev, V. (1999), “Principles of new prose”, *Dictionary of culture of the twentieth century* [“Principy novoy prozy”, *Slovar kultury XX v.*], Moscow, pp. 239–240.
23. Toporov, V. (1999), “On the “block” layer in Andrei Bely's novel “The Silver Dove””, *Moscow and «Moscow» by Andrei Bely : collection of articles* [“O «blokovskom» sloe v romane Andreja Belogo «Serebrianyj golub»”, *Moskva and «Moskva» Andreja Belogo : sb. statej*], Russian State University for the Humanities, Moscow, pp. 212–316.
24. Jakobson, R. (1987), “Notes on the Prose of the Poet Pasternak”, *Works on Poetics : Translations* [“Zametki o proze poeta Pasternaka, *Raboty po poetike : Perevody*], Nauka, Moscow, pp. 324–338.

ГАЗЕВА Інна Дмитрівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри слов'янської філології ім. проф. Іларіона Свенціцького Львівського національного університету імені Івана Франка; вул. Університетська, 1, м. Львів, 79000, Україна; arsenjeva.in@gmail.com; тел.: +380962148357; ORCID ID: 0000-0003-0694-1672

ІНТЕРАКЦІЯ ТРОПІВ У ПРОЗІ А. БЕЛОГО

Анотація. Мета статті — виявити характерні для ідіостилу А. Белого синкретичні тропи, створені внаслідок інтеракції дієслівної метафори та дієслівної метонімії; описати семантичні механізми цієї інтеракції та «семантичні ефекти» в контексті художнього світогляду письменника. **Предмет** розгляду — складні тропи, що є результатом інтеракції дієслівної метафори та дієслівної метонімії. **Результат:** виявлено окремі типи синкретичних тропів у прозі А. Белого, описано механізми їхнього утворення. **Висновки.** Дієслівна метафора та дієслівна метонімія скеровані на «розхитування» різних рівнів мовної концептуалізації. У зв'язку з цим використання синкретичних тропів, що є сплетінням дієслівних метафори та метонімії, властиво, перш за все, експериментальним художнім текстам, зокрема А. Белого. Функціональне навантаження найбільш частотних політропів, що є результатом інтеракції метафори, первинної дієслівної метонімії та вторинної дієслівної метонімії, полягає в реалізації прийому одивлення.

Ключові слова: метафора, метонімія, складний троп, ідіостиль, значення дієслова.

Inna D. GAZHEVA,

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Slavic Philology, Ivan Franko National University of Lviv; 1, Universytetska St., Lviv, 79000, Ukraine; arsenjeva.in@gmail.com; tel.: +380962148357; ORCID ID: 0000-0003-0694-1672

THE INTERACTION BETWEEN TROPES IN THE PROSE OF A. BELY

Summary. The *purpose* of the article is to identify the syncretistic trails characteristic for the idiostyle of A. Bely, based on the interaction of the verbal metaphor and verbal metonymy; describe the semantic mechanisms of such an interaction. The *subject* of the discussion is the interaction of verbal metaphor and verbal metonymy and the formation of complex tropes. **Result:** separate types of syncretical paths in A. Bely's prose were revealed, mechanisms of their formation were described. **Conclusions.** Verbal metaphor and verbal metonymy are aimed at “undermining” different levels of linguistic conceptualization, so the use of syncretistic tropes, which are a tangle of verbal metaphors and metonymy, is characteristic primarily of experimental artistic texts, in particular, for the prose of A. Bely. The functional load of the complex trails in A. Bely lies in the realization of the reception of the elimination.

Key words: metaphor, metonymy, complex trope, idiostyle, meaning of the verb.

Статтю отримано 20.10.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.28.115841>

УДК 811.163.2'23'39:168.522:159.937.522(497.2)

КОЛЕСНИК Валентина Александровна,

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой болгарской филологии
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова,
Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина;
тел.: +38 050 2002039; e-mail: vakolesnik2@gmail.com

ПРОСТРАНСТВО В БОЛГАРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. *Цель* статьи — выявить языковые средства вертикального пространственного мировидения болгарина. *Объект* изучения — лексические и грамматические единицы болгарского языка пространственной семантики, *предмет* изучения — факторы, формирующие особенности восприятия пространства в болгарской картине мира. В *результате* проведённого исследования установлено, что оппозиция «верх-низ» для болгарина более значима, чем «вперед-назад». Самое интересное в этом плане — семантическое развитие слов *горе* и *долу*. Кроме своих непосредственных значений, в поэтических и разговорных текстах они могут означать 'туда-сюда', а также и 'приблизительно, более или менее, ничего'. Противопоставление верх-низ — одно из самых древних мифологических координат. Оно обнаруживает себя в устойчивых сочетаниях, загадках, анекдотах. **Выводы.** Балканское пространство своими географическими координатами, особенностями рельефа и природы формирует у народов, населяющих его, особое мировидение. Горный рельеф и жаркий климат в значительной степени определяют особенности материальной и духовной жизни болгар. Географические условия, особенности рельефа обусловили особое восприятие пространства и ориентации в нём. Территория Болгарии примечательна в вертикальном отношении. Особенности национального рельефа отражаются и в художественной литературе. Горы занимают особое место в болгарской картине мира. Горы — сквозной образ многих болгарских поэтов.

Ключевые слова: пространство, картина мира, национальный характер, оппозиция *верх-низ*, болгарский язык.

История каждого народа сложна и противоречива, специфика его характера складывается на протяжении многих веков под влиянием географических, климатических, социально-политических и иных факторов и обстоятельств. Эти факторы традиционно делят на две группы: природно-биологические и социально-культурные. Национальный характер и картина мира определяются прежде всего условиями жизни, в том числе природными.

Горный рельеф и жаркий климат в значительной степени определяют особенности материальной и духовной жизни болгар. Территория Болгарии примечательна в вертикальном отношении. Исследуя лингвистические основы балканской картины мира, учёные особо подчёркивают тот факт, что понятие «балканцы» и «балканский менталитет» во многом обусловлены особой пространственно-временной характеристикой Балкан. Балканское пространство своими географическими координатами, особенностями рельефа и природы формирует у народов, населяющих его особое мировидение. Полуостровной характер Балкан, небольшая по размерам территория, которая омывается семью морями, наличие высоких гор и глубоких долин порождают специфическую трактовку пространственных оппозиций [7, с. 72].

Географические условия, особенности рельефа обусловили особое восприятие пространства и ориентации в нём. Болгарин не любит прямой линии, боится пустоты. Для болгарина символ движения — это не дорога, уводящая в даль, а стебель, пронизывающий пространство вертикально [2, с. 11].

Языковые факты показывают, что оппозиция «верх-низ» для болгарина более значима, чем «вперёд-назад», «налево-направо». Самое интересное в этом плане — семантическое развитие слов *горе* и *долу*. Кроме своих непосредственных значений, лексемы *горе* и *долу* захватывают значительную часть смежного «семантического пространства». В поэтических и разговорных текстах они могут означать 'туда-сюда', а также и 'приблизительно, более или менее, ничего'. На вопрос *Как дела?* болгары обычно отвечают: *Горе-долу* 'так себе'. Интересно, что в некоторых болгарских переселенческих говорах мы встретили ответ *Ситне-древне* 'то мелкое, то крупное'.

Восклицание *Долу!* может означать 'дойлой'. При этом по-русски возглас *дойлой* сопровождается отстраняющим горизонтальным жестом руки, а болгарин однозначно указывает рукой вниз. Наречия *горе* и *долу* приобретают также значения 'вперёд' и 'назад'. Фраза *Минете две спирки на горе* означает 'Пройдите две остановки вверх, туда, в ту сторону'. Центр города находится обычно в низине, а окраина — на холме, поэтому *на горе* имеет значение 'туда, дальше, вперёд' [5, с. 12].

Противопоставление верх-низ — одно из самых древних мифологических координат, упорядочивающих всё мироздание. Оно обнаруживает себя в устойчивых сочетаниях, загадках, анекдотах: *Удари ме горния праг, та видях долния* — 'Ударился о верхний порог, а увидел нижний' говорят о человеке, наказанном за свою гордыню. *Който зяпа по небето, пада вкладенеца* 'Кто витает в облаках, может упасть в колодезь' — о заносчивом человеке. Оппозиция телесного верха и низа

представлена в пословицах: *Горе момичка, доле вдовичка* — 'Вверху девушка, внизу вдова'. *Горната глава мъдрува, а ма долната лудува* — 'Верхняя голова мудрствует, а нижняя сходит с ума'. *Главата се държи на краката* — 'Голова держится на ногах'. Самый верх для болгарина — это небеса, высшие инстанции, поэтому существуют выражения *горна земя* (когда говорят о рае) и *горният свят*.

Болгары с их вертикальной ориентацией в пространстве придумали даже шутку: *Квартирата ми е толкова малка, че моето куче, вместо да върти опашката си наляво и надясно, я размахва нагоре и надолу* — 'У меня квартира такая маленькая, что моя собачка вместо того, чтобы вертеть хвостом налево-направо, размахивает им вверх-вниз'.

Болгарский язык — один из тех, который сохраняет древнее неразграничение места и направления (то есть представлений *где и куда*). Это касается всех наречий. *Тук* имеет значение 'здесь' и 'сюда', *там* — 'там' и 'туда', *вътре* — 'внутри' и 'внутрь', *вън* — 'вне, снаружи' и 'наружу'. Сравните: в русском *Где ты сегодня вечером будешь? — Дома. // Ты куда идёшь? — Домой*. В болгарском: *Къде ще бъдеш довечера? — У дома. Къде отиваш. — У дома*.

Какое место занимают горы в болгарской картине мира? Можно ли считать, что жителям гор свойственна особая психология, особый взгляд на жизнь? Большинство деятелей болгарского национального возрождения происходят из горных селений: Васил Априлов, Петко Славейков, Георги Раковски, Любен Каравелов, Христо Ботев, Иван Вазов. Горы принимают непосредственное участие в формировании свободолюбивого духа болгар, закаляют их характер, воспитывают смелость и предприимчивость. Михаил Арнаудов так писал об этом: «*Планината и нейния суров климат, нейните опасности и нейните тежки условия за препитание държи бодър духа на българите, изолирани от гнета на завоевателя, прави ги смели и предприемчиви, подхранва любовта им към независимост и ги калява и развива в борбата за съществуване*» (Горы и их суровый климат, опасности и трудные условия жизни укрепляют бодрый дух болгарина, изолируя его от гнёта завоевателей, делают их смелыми и предприимчивыми, подпитывают их любовь к независимости, закаляют их в борьбе за существование) [1, с. 36].

Вспомним, что именно равнинный степной характер, по мнению многих исследователей, наложил отпечаток на историю восточных славян: равнина не терпит ничего, что могло бы подняться над ней. Разгильдяйство, нерациональность и радушие объясняются большими, огромными размерами нашей земли, неисчерпаемыми богатствами: есть всего много, ничего не жалко. Актуальной остаётся характеристика русского человека Фёдором Достоевским: «Русский человек слишком широк, не мешало бы его сузить, так как в нём одновременно уживаются и самые высокие и самые низкие желания». В романе «Преступление и наказание» имеется известное высказывание Свидригайлова: «Русские люди вообще широкие люди, Авдотья Романовна, широкие, как их земля, и чрезвычайно склонны к фантастическому, к беспорядочному».

Георги Гачев уделяет значительное место влиянию географических и геополитических факторов на формирование национального менталитета различных народов. В его трудах содержатся интересные заключения о роли пространственных факторов в формировании особенностей национального видения и построения модели мира. Об особенностях болгарского восприятия мира он пишет следующее: «Болгария — это чаша на Балканах вниз и вверх дном: чаша вниз дном — это котловины её земель между гор... А чаша вверх дном — «там, на Балкана», где гайдук и ветер свободы. В котловине же — земля и труд, культура и «кътца» (дом), семейство, быт... Вообще болгарская Психея симпатизирует маленькому: «оно родное» [2, с. 51].

Болгария — небольшая и преимущественно горная страна. Её протяжённость с запада на восток составляет около 500 км, с севера на юг — 300 км. Есть и равнины: Дунайская, Фракийская, Казанлыкская. На юго-западе находятся три горных массива: Рила (самая высокая горная вершина — Мусала), Пирин и Родопи. Через всю среднюю часть страны с запада на восток тянется цепь Балканских гор — *Стара планина*, чуть южнее — *Средна гора*. Это один из символов жизни болгарина, прибежище в трудные времена, место уединения и отдыха. В горах расположены многие монастыри, в горы уходили партизаны. Гора в болгарском языке называется *планина*, а лес — *гора* — типичный пример межъязыковой омонимии. Слово *планина* имеет много производных: *планински* (*въздух, пътека, село, пасища*), *планинец* — горец, *планинар* — альпинист, любитель ходить в горы, *планинарство* — массовое занятие *планинаров*.

Обобщённое название гор — Балканы, от которого образовано много производных: *балкански, балканец, балканджия, балканлия, балканлък*. *Хващам (улавям) балкана* — уходить в горы с целью стать гайдуком или партизаном. Важны для болгар и другие понятия, входящие в одну лексико-семантическую группу со словами *планина* и *Балканы*: *баир* (холм), *връх* (вершина); заимствованное из греческого существительное *клицура* (ущелье), из турецкого — *боаз* (ущелье, узкий горный проход), из французского — *дефиле* (дефиле, ущелье), *пещера, хижа* (домик, укрытие в горах), *чукар* (острая каменная вершина), *канара* (утёс, острая скала).

Какое место занимают горы в болгарской картине мира? Богатую этнокультурную информацию содержат паремии, которые объединяют в себе пословицы, поговорки, крылатые слова. *Планина-човек* — говорят о крупном, рослом и духовно богатом человеке. Некоторые из них есть и в других

славянских языках: *Златни планини обещаваат* — ‘обещать золотые горы’, *Падна планина от гърба ми (от плещите ми)* ‘упала гора с плеч’, *Сговорна дружина планинаповдига (премества)*. Но большинство из них национально специфичны: *Планина от сняг не се бои* — ‘Горы не боятся снега’. Ср. в русском: *Кашу маслом не испортишь*. *Напънала се планината, та родила мишка* — ‘Гора надулась, но родилась мышь’. *Планина с планина се не събира* — ‘Гора с горой не уживается’. *Вярата планина премества* ‘Вера горы сдвигает’ и др.

Пространственный фрагмент языковой картины мира в сознании носителей разных языков включает различный набор средств для своего выражения. В грамматической системе болгарского языка пространственные ориентиры отражены в системе артиклей и разветвлённой системе глагольных времён. Их в болгарском языке девять. Время отражаемой ситуации может соотноситься в болгарском языке не только с реальным моментом речи, но и с временем ещё какой-то ситуации, отражаемой в этом же или соседнем высказывании. Поэтому, кроме трёх обычных для нас времён: настоящего, будущего и прошедшего — болгарская грамматика описывает ещё три прошедших и три будущих времени со сложной ориентацией. Так, формы имперфекта обозначают действие, происходившее в какой-то период до момента речи, причём не указывается, было ли это действие закончено в тот период или же продолжалось и дальше. Следовательно, глагольное действие характеризуется как процесс, обладавший определённой протяжённостью во времени. Формы перфекта (минало неопределено време) обозначают действие, предшествовавшее моменту речи, но его не привязывают к какому-либо периоду на временной оси. Часто его формы обозначают состояние в настоящем времени, которое является результатом некоторого действия в прошлом. Формы плюсквамперфекта (прошедшего предварительного времени) обладают двойной ориентацией. Его формы свидетельствуют, что действие совершилось ранее момента речи и, вместе с тем, что оно прекратилось раньше некоторого другого момента, находящегося для говорящего тоже в прошлом.

Кроме простого будущего, болгарский язык располагает ещё целой системой относительных будущих времён со сложной ориентацией: будущее в прошедшем, будущее предварительное и будущее предварительное в прошедшем. Характерно, что при переводе на восточнославянские языки формы болгарских будущих времён со сложной ориентацией далеко не всегда передаются будущим временем — чаще им соответствуют в переводе формы прошедшего времени в специальных функциях. Так, формы будущего предварительного в прошедшем обозначают действие, которое предположительно должно было осуществиться в прошлом раньше некоторого другого момента, ср.: *Вчера преди обяд щяхме да сме свършили всичко, ако не ни беше попречил дъждът* — ‘Вчера до обеда мы бы всё закончили, если бы нам не помешал дождь’.

Сложная ориентация в пространстве отражена и в наличии нескольких форм артиклей в болгарских говорах. Так, в родопских говорах формы с артиклем *-ан, -он* указывают на пространственную удалённость предмета или лица, которое не находится в поле зрения коммуниканта (*Ей зга ша дойде доктуран*), формы с артиклем *-ос* — на пространственную близость (*И синос и дъштероса са жени*), а с артиклем *-от* — нейтральны в отношении пространства [3, с. 81].

Особенности национального рельефа отражаются и в художественной литературе. Горы — сквозной образ многих болгарских поэтов. Один из самых совершенных образцов болгарской прозы — «Старопланински легенди» Й. Йовкова. Горы связаны в сознании болгарина с конкретными событиями или легендами. *Рилски манастир* — это оплот болгарского духа и культуры — *българщини*. *Шипка* — место ожесточённых боёв русских войск и болгарских ополченцев с турками, символ дружбы, единства славянских народов. *Пирин* — излюбленное место *самодив* — прекрасных фантастических существ женского пола, в белых одеждах и с развевающимися волосами, воспетых Христо Ботевым в известном стихотворении «Хаджи Димитър».

Самобытность языка проявляется и в названиях гор. В одном случае существительное стоит во множественном числе, как бы подчёркивая расчленённость объектов (*Родопи*), в другом оно имеет собирательный характер (*Рила, Пирин, Стара планина*). При этом *Рила* — существительное женского рода и символизирует женское начало, *Стара планина* в народных песнях характеризуется как *майка*, а *Пирин* и *Балкан* — мужского рода, притягательный образ мужественности, воспетый известной болгарской поэтессой Е. Багряной в стихотворении «Пиринска песен» [5, с. 22].

Вертикальная ориентация в пространстве проявляется и в других интересных фактах. Как отмечает Георги Гачев, идея вертикальности мироустройства реализуется для болгарина в форме церквей и в колодцах. Пресной воды (болг. *сладка вода*) в Болгарии немного. Зато по всей стране устроены водохранилища — *язовири*. Роднику придают вид фонтанчика или каменной плиты с краником и раковиной — *чешма*: *На всяка крачка има чешма* — ‘На каждом шагу — родник’.

Следует обратить внимание также на некоторые особенности строения диалога между жителями гор и равнин. Жители сельских горных районов стараются держаться друг от друга на большем расстоянии, чем жители городов и равнинной местности. Горцы разговаривают громче — *високо, по-високо*, они не сокращают дистанции — для них совершенно неприемлемо потрогать, покрутить пуговицу, снять соринки с пиджака собеседника. При этом они нередко иронично, иногда презрительно называют жителей равнины *тиквеници*.

Концептуальное объяснение оппозиции *верх-низ* находим у Г. Гачева: оно во вращении, пускании крепких и разветвлённых корней закруглённого болгарского космоса. И проявляется оно и в специфике построения жилищ.

Дом и земля — важнейшие составляющие концептосферы болгарина, с ним связаны такие при-сущие ему качества, как хозяйственность и трудолюбие. По вертикали типичный болгарский дом должен быть трёхуровневым: над собственно жилыми помещениями должен быть *таван* — ‘чердак’, это же слово значит и ‘потолок’, а под ними — *мазе* ‘подвал’ или ‘погреб’. Такой микрокосмос болгарина отражает его представления о макрокосмосе. На потолке во всех домах эпохи Возрождения изображалось солнце — символ света, плодородия и здоровья [5, с. 33].

Говоря о модели мира болгарина, стоит вспомнить ещё и об одном моллюске. Это *охлюв* — ‘улитка’. Терпеливая и независимая, она таскает на себе свой домик-раковину. И уже этим она вызывает сочувствие и симпатию болгарина. По словам Г. Гачева, «улитка — сама себе тело и сама себе дом — это микроболгарин с его идеалом «къща» — закрытого пространства» [2, с. 30].

У Стояна Михайловского есть басня «Орел и охлюв», где орёл высокомерен (как и положено царю) и неумён, а улитка — скромна и достойна уважения: она сама, «ползком», зарабатывает себе место под солнцем. Для сравнения вспомним героев произведений М. Горького, где сокол — символ безумства храбрых, положительный герой, а уж — воплощение ограниченности и мещанства, отрицательный персонаж.

Выводы. Можно изучать культуру народа через фольклор и мифологию, через обычаи и верования, народный костюм и танцы. И всё же важнейшим воплощением народного духа, его менталитета, является язык. Именно в нём концентрируется многовековой опыт коллектива, его идеология и прежде всего — система концептов — важнейших понятий, определяющих весь жизненный уклад социума. Многие элементы концептосферы уходят корнями в область подсознательного, глубоко укрыты в народных традициях и верованиях, но они обязательно проявляются в языке и тем самым составляют предмет изучения для лингвистов. Язык составляет основу внутреннего мира народа. Язык не просто отражает действительность, но и определённым образом систематизирует, организует её в сознании человека.

Литература

1. Арнаудов М. Психология на литературното творчество / М. Арнаудов. — София, 1965. — 236 с.
2. Гачев Г. Национальные образы мира / Георги Гачев. — М. : Советский писатель, 1988. — 448 с.
3. Каневска-Николова Е. Тройното членуване в родопските говори / Елена Каневска-Николова. — Пловдив : УИ «Паисий Хилендарски», 2006. — 246 с.
4. Котова Н. Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком / Н. Котова, М. Янакиев. — М. : Изд-во МГУ, 2001. — 876 с.
5. Норман Б. Ю. Болгарский язык в лингвострановедческом аспекте : курс лекций / Б. Ю. Норман. — Минск : БГУ, 2005. — 131 с.
6. Норман Б. Ю. Болгарский язык / Б. Ю. Норман. — Минск : БГУ, 1980. — 288 с.
7. Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира / Т. В. Цивьян. — М. : Наука, 1990. — 207 с.

References

1. Arnaudov, M. (1965), *Psychology of Literary Creativity* [*Psikhologija na literaturnoto tvorchestvo*], Sofia, 236 p.
2. Gachev, G. (1988), *National images of the world* [*Natsional'nyye obrazy mira*], Sovetskij pisatel', Moscow, 448 p.
3. Kanevska-Nikolova, E. (2006), *Triple membership in the Rhodopes spoke* [*Tronoto chlenuvane v rodopskite govori*], Paisiy Hilendarskiy University Press, Plovdiv, 246 p.
4. Kotova, N., Yanakiev, M. (2001), *The grammar of the Bulgarian language for Russian speakers* [*Grammatika bolgarskogo jazyka dlia vladejushchikh russkim jazykom*], Moscow Lomonosov State Univ. Publ. House, Moscow, 876 p.
5. Norman, B. Yu. (2005), *Bulgarian language in the linguistic and cultural aspect : a course of lectures* [*Bolgarskij jazyk v lingvostranovedcheskom aspekte : kurs lekcij*], Belorussian State University Press, Minsk, 131 p.
6. Norman, B. Yu. (1980), *The Bulgarian language* [*Bolgarskij jazyk*], Belorussian State University Press, Minsk, 288 p.
7. Tsvivyan, T. V. (1990), *Linguistic foundations of the Balkan model of the world* [*Lingvisticheskie osnovy balkanskoj modeli mira*], Nauka, Moscow, 207 p.

КОЛЕСНИК Валентина Олександрівна,

доктор філологічних наук, професор, зав. кафедри болгарської філології
 Одеського національного університету імені І. І. Мечникова,
 Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна;
 тел.: +38 050 2002039; e-mail: vakolesnik2@gmail.com

ПРОСТІР У БОЛГАРСЬКІЙ КАРТИНІ СВІТУ

Анотація. *Мета* статті — виявити мовні засоби вертикального просторового світобачення болгарина. *Об'єктом* вивчення є лексичні та граматичні одиниці болгарської мови просторової семантики, *предметом* вивчення — фактори, що формують особливості сприйняття простору в болгарській картині світу. У *результаті* проведеного дослідження встановлено, що опозиція *верх-низ* для болгарина є значнішою, ніж *уперед-назад*. Найцікавішим у цьому плані є семантичний розвиток слів *горе* і *долу*. Крім своїх безпосередніх значень, у поетичних і розмовних текстах вони можуть означати *туди-сюди*, а також *приблизно, більш-менш, нічого*. Протиставлення *верх-низ* — одна з найдавніших міфологічних координат. Воно виявляє себе у сталих сполученнях, загадках, анекдотах. **Висновки.** Балканський простір своїми географічними координатами, особливостями рельєфу і природи формує у народів, що населяють його, особливе світобачення. Гірський рельєф і жаркий клімат значною мірою визначають особливості матеріального й духовного життя болгар, вони зумовили особливе сприйняття простору й орієнтації в ньому. Територія Болгарії примітна вертикальним ландшафтом. Особливості національного рельєфу відображено в художній літературі. Гори мають особливе місце в болгарській картині світу, вони є наскрізним образом багатьох болгарських поетів.

Ключові слова: простір, картина світу, національний характер, опозиція *верх-низ*, болгарська мова.

Valentina A. KOLESNIK,

Doctor in Philological Sciences, Professor, Head of the Bulgarian Philology Department
 of Odessa I. I. Mechnikov National University, 24/26 Francuzskij blvd., Odessa, 65058, Ukraine;
 mob.: +38 050 2002039; e-mail: vakolesnik2@gmail.com

SPACE IN THE BULGARIAN PICTURE OF THE WORLD

Summary. The *purpose* of the article is to identify the language means of the vertical spatial worldview of the Bulgarian. The *object* of study is the Bulgarian lexical and grammatical units of spatial semantics, the *subject* of study are the factors that shape the perception of space in the Bulgarian world picture. As a *result* of the conducted research it is fixed that the opposition “up and down” for the Bulgarian is more significant than “back and forth”. The most interesting in this regard is the semantic development of the words *gore* and *dole*. In addition to their immediate meanings, in poetic and colloquial texts they can mean “back and forth”, as well as “approximately, more or less, nothing.” Contrasting the top-bottom is one of the most ancient mythological coordinates. It finds itself in stable combinations, riddles, anecdotes. **Conclusions.** The Balkan space with its geographical coordinates, features of relief and nature forms among the peoples inhabiting its special worldview. Mountainous terrain and hot climate largely determine the features of the material and spiritual life of the Bulgarians. Geographical conditions, features of the relief have led to a special perception of space and orientation in it. The territory of Bulgaria is notable vertically. Features of the national relief are reflected in fiction. The mountains occupy a special place in the Bulgarian picture of the world. The mountains are a cross-cutting image of many Bulgarian poets. The Bulgarian language is also one of those that retains the ancient unbundling of place and direction. Rich ethnocultural information contains paremia and a way of building dwellings. Vertically, housing resembles a trinitarian division of space: the ceiling (the sky) — the space in which a person lives — sex (earth); “Top” forms a semantic series with “heaven,” “happiness,” “life.”

Key words: space, picture of the world, national character, opposition “up and down”, the Bulgarian language.

Статтю отримано 29.09.2017 р.

КОШКИНА Елена Геннадьевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка
 Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;
 ул. Мясницкая, 20, г. Москва, 101000, Россия; тел.: +7(495)7729590;
 e-mail: e-lena-koshkina@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-4463-9071

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА В ДИАХРОНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. *Цель* статьи — представить комплексный анализ языковой репрезентации концепта «пространство» в диахронии с позиции когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. *Объектом* исследования становится изменение ментального образа пространства под воздействием экстралингвистических факторов, имеющее выражение на вербальном уровне в лексико-семантической парадигме языковых единиц — репрезентантов концепта. *Предмет* исследования — семантическая структура вербализаторов концепта «пространство», элементы которой рассматриваются как когнитивные признаки, формирующие содержание рассматриваемого концепта и находящиеся по отношению друг к другу в иерархических отношениях (дифференциальные и классификационные признаки). В *результате* исследования были инвентаризованы языковые единицы двн., свн., рвн.¹, семантические компоненты которых репрезентируют когнитивные признаки, отражающие содержание концепта; проанализировано изменение системы этих признаков, выявлены наиболее и наименее ярко выраженные, на основании чего сделан вывод о коммуникативной релевантности, значимости, ценности концептуализируемого фрагмента / объекта действительности для человека определённой нации в рассматриваемый исторический период времени (дохристианская и христианская эпохи). *Практическое применение* результатов исследования возможно в рамках спецкурса или научного исследовательского семинара по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике (раздел «Методы и приёмы описания концептов»), а также при работе над темой «Становление и развитие словарного состава немецкого языка» в курсах по лексикологии и истории немецкого языка. *Основными научно-практическими методами* проведения анализа стали метод сплошной выборки (→ инвентаризация лексических единиц), семантико-этимологический анализ / семный анализ, сочетаемый с методом анализа словарных дефиниций (→ установление набора семантических компонентов единиц-репрезентантов концепта), метод семантико-когнитивного описания концепта (→ интерпретация результатов семантического анализа, перевод полученных данных на когнитивный уровень).

Ключевые слова: концепт «пространство»; лингвокультурный, лингвокогнитивный, семантико-когнитивный подходы; вербализация концепта; диахрония; дифференциальные и классификационные признаки; немецкий язык.

Постановка проблемы. Когнитивный подход к исследованию семантики слов (семантико-когнитивный подход к языку), к интерпретации семантических компонентов языковых единиц, объективирующих когнитивные дифференциальные и классификационные признаки концепта «пространство», определяет актуальность проведенного анализа. Его значимость видится нами в том, что рассмотрение способов вербальной объективации концепта осуществляется в диахронии (VIII—XVII вв., т. е. древне-, средне- и начало ранненововерхнемецкого периода в развитии немецкого языка).

Постановка задач исследования. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть способы языковой репрезентации концепта в диахроническом аспекте через выявление и описание его когнитивных дифференциальных и классификационных признаков. Представленное в статье исследование выполнено на примере языковых единиц номинативного поля концепта «пространство».

Выбор в качестве объекта исследования ментального образа пространства, сформированного когнитивным сознанием человека, продиктован тем, что пространство есть основополагающая категория бытия. Мы исходим из того, что все изменения, так или иначе затрагивающие духовную и материальную сферы жизни человека и общества, имеют определенное отражение на ментальном образе пространства. Это, в свою очередь, непременно отражается в языке. И быстрее всего на лексическом уровне, в лексико-семантической парадигме языковых единиц, вербализующих концепт. Для нашего анализа мы отобрали следующий ряд единиц его номинативного поля: полнзначные именные части речи, имена существительные, прилагательные, а также наречия (глаголы — только в качестве вспомогательного материала), которые в структуре своего значения имеют пространственную сему. По своим словообразовательным признакам отобранные номинанты являются как корневыми, так и производными и состоящими из нескольких основ лексемами. Для полноты картины привлекались также устойчивые выражения, включающие в свой состав рассматриваемые репрезентанты. Материал извлекался из лексикографических источников исторического, этимологического и фразеологического характера².

¹ Здесь и далее сокращение для древне-, средне- и ранненововерхнемецкого периода развития немецкого языка.

² Был проанализирован целый ряд словарей — исторических (С. Baufeld [27], J. Grimm, W. Grimm [32], F. Maurer, F. Stroh [28], M. Lexer [34], H. Paul [35], R. Schützeichel [36], E. Seebold [37], J. Splett [38]), этимологических (F. Kluge [33], W. Pfeifer [30] и др.) и фразеологических (Borhardt-Wustmann-Schoppe [29], A. Graf [31] и др.)

В соответствии с вышесказанным первоочередной задачей нашего исследования стала инвентаризация языкового материала и его последующий семантический и когнитивный анализ, в результате которого выявлялась совокупность когнитивных дифференциальных и классификационных признаков концепта. Последние, в свою очередь, ранжировались нами по принципу наиболее значимых, коммуникативно-релевантных, в рамках рассматриваемых эпох. Далее мы пытались проследить, как со временем будет меняться система этих признаков, какие из них будут утрачивать свою релевантность, а какие приобретать значимость и почему.

Связь с предыдущими исследованиями. Учёные-когнитивисты, делая попытки найти новый подход к пониманию нашего сознания, занимаясь проблемами языкового представления когниций (познавательной деятельности человека), стараются ответить на вопрос, какими типами знания и в какой форме обладает человек, в каком виде познание представлено в нашем сознании. Они интегрируются, как человек оперирует своим знанием, как передает другим, используя язык. Для анализа этих процессов в метаязыке когнитивной лингвистики используется понятие концепта. Являясь относительно новым термином, *концепт* обладает множеством дефиниций, ни одна из которых не претендует на исчерпывающее объяснение термина. В нашем исследовании мы опирались на два подхода к пониманию концепта. В первую очередь — это «квант хорошо структурированного знания, результат процесса концептуализации, протекающего в ходе познавательной деятельности человека», это «своеобразный фокус знаний о мире» [1; 3; 10; 20]. Это «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике [10, с. 89]. Описанное понимание концепта даёт лингвокогнитивный подход.

С лингвокультурологической позиции концепт рассматривается С. Г. Воркачёвым, В. И. Карасиком, В. А. Масловой, Ю. С. Степановым и др. [4; 9; 15; 21]. Согласно этому подходу, концепт представляет собой «коллективное содержательное ментальное образование, фиксирующее своеобразие культуры определенной эпохи». В данном определении акцент сделан на кумулятивную функцию языка, т. е. язык способен хранить и передавать накопленный народом опыт и его видение мира.

Остановимся также на структуре концепта и рассмотрим конституирующие его элементы. Здесь мы опираемся на теорию З. Д. Поповой и И. А. Стернина, которые предлагали описывать структуру концепта в единстве его когнитивных (дифференциальных и классификационных) признаков. Причём степень выраженности того или иного признака различна, что обуславливается экстралингвистически. Чтобы выявить структурирующие концепт когнитивные признаки, мы осуществили, во-первых, *семантико-этимологическое описание* вербализующих его единиц (по периодам развития языка). То есть мы попытались установить, какой набор сем определял в каждый период языкового развития значение выбранных для описания концепта лексем. Полученный набор семантических компонентов мы «проинтерпретировали» на когнитивном уровне, в результате чего были выявлены когнитивные дифференциальные признаки концепта. Вследствие обобщения однородных признаков этого вида, установили набор когнитивных классификационных признаков.

Изложение основного материала. Проиллюстрируем далее на конкретном языковом материале, как на практике работает описанная выше теоретическая модель анализа концепта.

Для более системного изложения мы позаимствовали из лингвокультурологии представление о пространстве в виде бинарных оппозиций¹: «верх-низ» и «внутренний-внешний». Последнюю можно представить совокупностью противопоставлений («закрытый — открытый», «близкий — далёкий», «свой — чужой» / «этот мир — иной мир», «хороший — плохой»). Опираясь на такое видение пространства, мы осуществили инвентаризацию соответствующих языковых единиц, представив их в виде семантико-парадигматических рядов.

Приступая к анализу оппозиций, мы, в первую очередь, остановились на противопоставлении «верх-низ». При этом мы опирались на понимание вертикали как наиболее значимой пространственной категории, как в физическом, так и в психологическом плане. В мифологическом сознании вертикаль представляла собой мировую ось, центр мира и соединяла нижний, средний и верхний миры². Видение верхнего пространства человеком было довольно сложным и в какой-то степени противоречивым. Оно несомненно мыслилось как место жительства Богов / Бога, было с одной стороны бесконечным, в с другой стороны, имеющим границы. Соответственно на концептуальном уровне это выразилось наличием в структуре концепта ряда дифференциальных признаков (см. схему 1:)

Установлению этого ряда дифференциальных признаков способствовал семантико-этимологический анализ таких единиц его номинативного поля (формирующих семантико-парадигматический ряд «верхнее пространство»), как двн. *himilríhhi*, свн. *himelríche*, двн. *gotesríche* «царство Божье», *diu ewige zelle* «вечное обиталище», двн. *himilring*, «небесный круг», двн. *himilhof*, *-hūs*, «небесные покои», двн. *himelture*, свн. *himelpforte* «небесные врата», *wunnigarto*, *zartkarto* «рай», где свн. *wunne* — «счастье,

¹ См. труды Т. В. Цивьян, Вяч. Вс. Иванова, В. Н. Топорова, Т. В. Топоровой и др. [25; 8; 24].

² В мифологической картине мира вертикальная ось представлялась в виде мирового древа (лат. *arbor mundi*, др.-герм. *uggdrasiss*, — дендроцентрическая модель мира) / священной горы (двн. *weraltberg*, *werltperg* — орологическая модель), мировой реки (гидроцентрическая модель).

радость, красота), *zart* — «прекрасный» и др. Обобщая представленные дифференциальные признаки, приходим к выводу, что в ментальном представлении пространства присутствуют такие его характеристики, как «аксиологическая значимость», «религиозная значимость», «характер пространства» и др. Они рассмотрены как когнитивные классификационные признаки концепта (далее — ККП).

Схема 1

Добавим также, что при анализе верхнего пространства нам пришлось столкнуться с многочисленными синонимами (свн. *Himelphat* / *himelstrâze* / *himelstic* «дорога / тропа, ведущая на небо») и случаями метафоры (двн. *sunnenparadîs*, свн. *Wunnigarto*, *zartkarto*, *der feurein himel*). Высокая степень вербальной экспликации представления о верхнем пространстве (высокая номинативная плотность) свидетельствует, на наш взгляд, о важности верхнего мира для сознания человека раннего Средневековья. К не менее интересным результатам приводит семантико-этимологический анализ единиц, вербально репрезентирующих ментальное представление о нижнем пространстве (потустороннем мире) (см. схему 2:)

Схема 2

Представленные на схеме дифференциальные признаки были установлены в ходе анализа таких единиц его номинативного поля (формирующих соответственно семантико-парадигматический ряд «нижнее пространство»), как двн., свн. *helle* «место, где можно спрятаться, укрыться», двн. *niderland*, двн. *hellagruoba*, двн. *portahella*, свн. *hellephat* / *hellestic* «путь в ад», двн. *niderris* «место для падших людей», *hellebrant* — «мучение огнём», «чистилище» др.

Обобщая дифференциальные признаки, можно заключить, что в представлении о нижнем пространстве присутствует негативная оценка (основывающаяся на чуждости, мучениях, страхе). Человек дистанцирует себя от этого места, считая его далеким, чужим, необжитым, местом, куда попадают, будучи наказанным. Эти характеристики можно условно принять за классификационные признаки нижнего пространства.

В качестве единиц, вербализующих представление о срединном пространстве, нами были рассмотрены лексемы двн. *mittilagart*, *mittingart* «земля, мир», двн. *mitta*, двн. *garto*, а также двн. парная формула *himil endi erda* «небо и земля». Их семантико-этимологический анализ позволяет выявить такие важные характеристики срединного пространства, как огороженный, замкнутый и защищенный от проникновения плохого из внешнего мира и др. Исходя из сказанного, основными дифференциальными признаками, конституирующими ментальное представление о срединном пространстве становятся следующие (см. схему 3):

Схема 3

От вертикального пространства переходим к рассмотрению ментального представления о горизонтальном пространстве. Для его анализа мы выбрали модель круга, которая лучше всего подходит для описания через оппозицию, именно противопоставление внутреннего пространства (внутри круга, центральной его части) внешнему, расположенному за пределами / за границей круга.

К мысли воспользоваться идеей круга нас подтолкнули такие наименования земли / земного мира, как двн. *uuertring*, *erdaring*, где *-ring* (двн. *(h)ring*, свн. *rinc*) — это круг. Так же у древних германцев именовалось собрание людей, на котором решались важные правовые вопросы (ср. также двн. *dinc*, герм. **pinga-z* «людское собрание», «суд», *zu ding und ring da sin*, *ring slân* «проводить собрание», *zu ding und ring gehen* «собраться на совет»). Эти примеры свидетельствуют о том, что идея круга для человека изначально имела особое значение, как в мировоззренческом, так и в правовом значении.

Оппозиция «внутренний — внешний», посредством которой мы описываем пространство, может быть интерпретирована как «свой — чужой» (с такой позиции оно рассматривается в работах Ю. М. Лотмана, Э. Бенвениста и др. [13; 2; 5; 17; 18]). И если свой — это в аксиологическом плане хороший, то *чужой* — мир плохой, чуждый, враждебный, неизведанный, таящий в себе угрозу.

Остановившись подробно на рассмотрении близкого пространства, установили следующие компоненты (дифференциальные признаки), конституирующие ментальное представление о нем (см. схему 4):

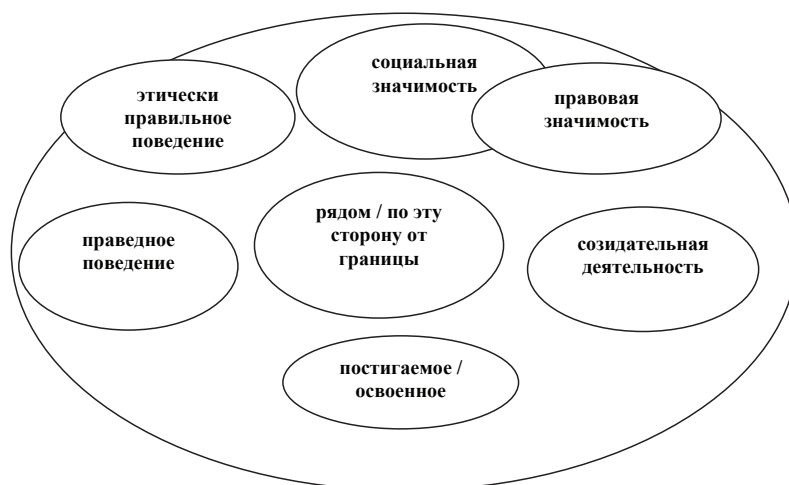

Схема 4

Приведённый ряд дифференциальных признаков был установлен на основе анализа единиц номинативного поля пространства, формирующих семантико-парадигматический ряд «близкое пространство»: двн. *nâch*, свн. *nâh*, от герм. **nâhwa-* «близкий», *in eina halba* «по эту сторону, здесь», двн. *(h)ring*, двн. *dinc* и др. Обобщая их, мы получаем классификационные признаки («центральное (рас)положение», «положение по эту сторону (границы)», «упорядоченность», «правильность»).

В ходе описания ментального представления своего пространства выяснили следующий интересный факт. В дохристианском сознании свое близкое пространство (ограниченное стенами, дверью, порогом своего жилища) противопоставлялось небытию, не-пространству. В этой связи большое значение получает граница, которая призвана отделить (и в большей степени обособить) своё (правильное) пространство от чужого хаотичного. Для христианского же сознания далёкое, лежащее за границей своего (пространство в пределах визуальной / физической досягаемости, которое населено людьми одной веры, культуры), не являлось полным небытием или чем-то иррациональным. Другое понимание получает и граница, обретая новый правовой статус.

Возвращаясь к отражению своего пространства на ментальном уровне, представим в дополнение к приведенным выше и служащим характеристиками близкого пространства, еще некоторые наиболее значимые КДП (см. схему 5:)

Схема 5

О наличии таких когнитивных дифференциальных признаков можно судить по результатам лексико-этимологического и последующего когнитивного анализа следующих вербальных репрезентантов: двн. *erdring*, *weraltring*, свн. *werltkreis* «мир / круг мира» (расположение / проживание в центре), двн. *stata* «место проживания», ср.: и.-е. **sta-*, **ste-* «стоять», двн. *heima*, свн. *heim*, ср.: и.-е. **kei-* «лежать», свн. *hûsen* «строить, оседать» (оседлый образ жизни), свн. *hert*, фразеологизм *ein eigener herd, ein braves weib sind gold und perlen werth*. (дом-очаг, перенесение огня в дом, его значимость для оседлого человека), двн. *heimôti*, свн. *heimuote* (родная сторона, окультуренность, мирное сосуществование).

Обобщив названные выше КДП, можно заключить, что в ментальном представлении своего близкого пространства присутствуют такие его характеристики, значимые для человека (собственно когнитивные классификационные признаки концепта), как «размер своего пространства», «образ жизни», «степень освоенности территории», «форма / способ (со)существования» и др.

Продолжая рассмотрение своего пространства, перейдём к характеристике ментального представления дома-жилища в ракурсе дохристианского и христианского мировоззрения. Прежде чем описать присутствовавшую на когнитивном уровне разницу в восприятии своего дома-жилища, представим схематично его основные когнитивные характеристики (КДП) (см. схему 6:)

В дохристианском сознании жилище — это временная постройка (вербально реализуется через: двн. *hutta*, двн., свн. *(ge)zêlt*, двн. *selida*, *herberge*) с ее основными функциями — защита, укрытие, сохранение в безопасности, обеспечение мирного существования с другими его обитателями (о чем свидетельствуют следующие единицы номинативного поля двн., свн. *hûs* от и.-е. **(s)kû-* «покрывать, накрывать», *j-n hûsen oder herbêrgen / j-n hûsen oder hoven oder schirmen* «защитить и дать кров / приютить», фразеологизм *Eintracht baut das Haus, Zwietracht reiſt es nieder*).

Актуальность названных КДП в сознании средневекового человека несколько изменяется, а значимость некоторых утрачивается. Одновременно с этим в структуре концепта появляются и новые признаки, яркость которых постепенно увеличивается, наблюдается их активное перемещение к ядру концепта. Это характерно, например, для КДП: «функционально разделенное жилище» (о высокой степени экспликации свидетельствуют многочисленные языковые единицы, репрезентирующие соответствующую область пространства: двн. *gimah*, свн. *gemach* «удобная отдельная (жилая) комфортабельная комната», двн. *eſgemach* «столовая», *ſchlafgemach* «спальня», *kinds gemach* «детская»,

двн. *keminâta*, свн. *keminâte* «отапливаемая комната», двн. *kellarî*, свн. *keller* «погреб»). Наряду с КДП «функционально разделённое жилище», большую значимость получают и когнитивные дифференциальные признаки «уют, (психологический) комфорт» (*Zu Hause ruht man am besten aus*), «семья» (двн., свн *hûs* «семья»), «домашнее хозяйство» и некоторые другие.

Схема 6

Изменения в актуальности и значимости дифференциальных признаков, дающих в своей совокупности характеристику пространства в дохристианский и христианский периоды, объясняются экстралингвистически: переменами в реальной исторической действительности, природными условиями и т. д. Дом, считавшийся первично временным укрытием, приобретает со временем функцию надёжной постоянной защиты, места физического и психологического комфорта, домашнего мира / покоя.

Интересен на данном этапе анализа тот факт, что такой КДП, как «сакральность», хотя и не теряет своей актуальности, но мыслится по-разному. Жилище язычника, возводимое в месте, указанном богами, сакрально а priori. Святым, а значит неприкосновенным, считает своё жилище и христианин, полагая, что Всевышний защищает и оберегает его от всякого чужого и несущего вред. А вот КДП «домашнее хозяйство» важен, конечно же, для христианского сознания. Здесь дом — это, прежде всего, семья, члены которой объединяются совместной деятельностью и стремятся к достижению общего благополучия.

Двигаясь в анализе ментального представления своего пространства от центра к периферии, опишем, как на ментальном уровне были представлены его нецентральные зоны, т. е. пространство своё, по эту сторону границы. Для этого отразим в привычном схематичном виде совокупность его дифференциальных признаков (см. схему 7:)

Схема 7

Представленные на схеме дифференциальные признаки концепта были установлены в результате семантико-этимологического анализ таких единиц его номинативного поля (формирующих соответственно семантико-парадигматический ряд «периферийные зоны своего пространства»), как двн.,

свн. *hof* «двор», «ограждение в форме круга», свн. *houc* «холм», двн. *frithof*, свн. *vrithof* «огороженное пространство вокруг храма / двора¹», двн. *burg*, свн. *burc* «укрепленная возвышенность», двн. *ackar*, свн. *acker*, устойчивое выражение *zi ackere gangan* «работать в поле», двн., свн. *rûm*, свн. *art*, (ср. двн. *arôn* «пахать») *artlant* «своя обрабатываемая (окультуренная) земля вблизи жилища», а также двн., свн. *lant* «область, на которую распространялось право владения».

Обобщая однородные (дифференциальные) признаки, можно заключить, что в представлении о периферийных зонах своего пространства, расположенных по эту сторону границы присутствует такие критерии характеристики этой пространственной области, как (ККП): особое расположение (вокруг дома — максимально близко к центру, на возвышенности, в пределах границы) в сочетании с религиозной значимостью, присутствие деятельности человека, получение права собственности. Таким образом, рассматриваемая пространственная область может быть описана в аксиологическом, деятельностно-правовом и функциональном аспекте.

Полученные результаты позволяют в итоге заключить, что периферийные зоны своего пространства рассматривались (в дохристианскую эпоху) как продолжение сакрального пространства дома. Осознание необходимости оберегать и защищать эту территорию усилило значимость ограды и в целом границы.

По мере увеличения интенсивности и усложнения характера хозяйственной деятельности произошло «расширение» периферийных зон «своего», что обусловило постепенную утрату рассматриваемым пространством его сакрального характера. В период формирования государственности и развития городов своё пространство — это территория населённого пункта, превращающегося постепенно в важный политико-правовой, экономический и культурный центр. На этом мы завершаем описание ментального представления своего пространства и его вербального выражения и переходим к анализу особенностей восприятия чужого пространства и его репрезентации в языке.

О том, что в дохристианскую и христианскую эпоху не-своё пространство отражалось в сознании человека неодинаково, свидетельствует вербализация разных когнитивных признаков концепта. К их числу относятся КДП (см. схему 8):

Схема 8

Выявлению совокупности дифференциальных признаков, характеризующих пространство как чужое, способствовал семантико-этимологический анализ языковых единиц соответствующего семантико-парадигматического ряда: двн. *nordan*, свн. *norden* «север, северная сторона» (от и.-е. **ner-* «вниз, внизу»), двн., свн. *wit*, двн. *ferro*, свн. *ver*, «далеко, вдалеке», двн. *fremidi*, свн. *fremede* «отдаление», двн. *enti*, свн. *ende* «конечный пункт», двн. *wituobele* «далекое пространство», нвн. *übel* «плохой, злой, неприятный», двн. *wild*, др.-сакс. *wildi* «пустынный», двн. *ôdi / einôti* «глухое место, пустыня», двн. *wuosti, wuostweldi*, свн. *wüeste*, зап.-герм. **wôsti-* «необработанная земля», двн. *absîte* «лежащая в стороне местность», *ensît* «по ту сторону, на другой стороне», двн., свн. *elilento* «за пределами страны, на чужой стороне», свн. *daz elende būwen* «жить в чужой земле», *ins elend fahren / gehen*, «отправляться на чужбину», двн., свн. *gast* «чужак», *j-m gast sîn* «быть далеко», «быть чужим, а также фразеологизм *Fern vom Haus ist nahe beim Schaden*».

Названные когнитивные дифференциальные признаки являются свидетельством резкой негативной оценки чужого пространства, которое расположено далеко относительно своего (возможно, под землёй) и характеризуется, в противоположность своему, бесструктурностью и в какой-то степени хаотичностью. Именно такое представление о не-своём пространстве имел человек дохристианской эпохи.

¹ Возможность сопоставить пространство храма (замкнутое, своё для членов одной социальной группы) и дома (замкнутое, своё для отдельного человека) позволяет рассматривать дом как пространство, обладающее святостью, сакральностью.

В христианском сознании это представление меняется, что, согласно нашему исследованию, связано помимо всего прочего с действием такого экстралингвистического фактора, как установление традиций гостеприимства (отражение этого на вербальном уровне можно проследить с помощью семантической трансформации — улучшение значения — лексемы двн., свн. *gast* «чужак» → «гость»). Появление этой традиции говорит о том, что человек перестал испытывать страх перед чужим пространством, оно перестало быть потусторонним антимиром, в котором господствует хаос и где каждый обречён на погибель. Таким образом, категорическое неприятие и негативная оценка чужого постепенно сменяются на нейтральное отношение к нему, а ещё позже — на определённого рода интерес и стремление к контакту.

После того, как было рассмотрено представление своего и чужого пространства, позволим себе остановиться на ментальном отражении границы (пограничного пространства) и его вербальной репрезентации. К её основным характеристикам, наиболее ярко выраженным когнитивным признакам, относятся следующие (см. схему 9):

Схема 9

Наличие когнитивных дифференциальных признаков «разделительная линия» (черта между своим, безопасным и враждебным, опасным и чужим, гармонически организованным и хаотичным; культурным, безопасным и враждебным, опасным; между миром живых и мёртвых), «лес», «препятствие», «соединяющая линия — принадлежность обеим пограничным культурам», «пограничная область», «целостность», «неприкосновенность», было установлено в процессе семантико-этимологического и когнитивного анализа таких единиц номинативного поля концепта, как ср. двн. *mark*, свн. *lantmarke*, свн. *erdmarka*, свн. *holzmarke*, фразеологизмов *alte Marksteine soll man nicht verrücken, ein Grenzstein verhütet viel Streit* и некоторых других.

Выявленные КДП свидетельствуют о том, что в дохристианском сознании граница мыслилась (трудно или практически непреодолимой) линией, разделяющей два диаметрально противоположных мира, один из которых был маркирован положительно, второй — отрицательно.

В связи с той огромной значимостью, которую имела граница легко объяснить стремление человека обозначить ее, пометить, где заканчивается своя и начинается чужая территория. На наш взгляд, «необходимость быть обозначенной, однозначно и понятию маркированной» также относится к дифференциальным признакам пограничной линии. Вербально этот признак отражён следующими лексемами — единицами номинативного поля концепта: свн. *marcboum / málbaum* «пограничное дерево», двн. *lâh*, свн. *lâche*, рвн. *lache* «надрез, зарубка на дереве», двн. *markstein / lâchstein / bietstein / málstein / tirmstein* «пограничный камень», двн. *marchoug* «или пограничный холм». Среди перечисленного особенно интересен репрезентант двн. *málbaum* (также — свн. *málstat* «место прохождения границы»), т. к. его первый компонент (двн. *mâl-*), восходящий к и.-е. **me-* «измерять» указывает на еще одну важную функцию границы — структурировать пространство, обозначить его количественно.

Отметим, что рассматриваемая нами в качестве первичной сакрально-структурирующая функция границы приобретает со временем другую интерпретацию. Основной задачей границы становится разделение по социальному национальному, конфессиональному признаку.

При описании границы своего пространства нельзя не проанализировать большую значимость, которую придавали границе собственного жилища, представленной дверями (воротами), стенами, окнами, крышей, порогом.

К когнитивным дифференциальным признакам, вербализованным лексикой с общим значением «граница дома» (двн., свн. *want* «стена с ее защитно-охранительной функцией», двн. *bodam*, свн.

bodem «пол как основа дома», двн. *dah*, свн. *dach* «крыша», двн. *fenstar*, свн. *venster* «окно», двн. *turi*, свн. *tür(e)* «дверь, отделяющая внутренний мир от внешнего», двн., свн. *zûn* «забор», двн. *fridu*, свн. *vride* «ограда», ср. нвн. *Frieden* «мир»), относятся следующие (см. схему 10):

Схема 10

На основе названных КДП можно также говорить о важной защитно-оберегающей функции границы дома, которые должны гарантировать его целостность и обеспечивать мирное протекание жизни.

Подходя к завершению изложения основных моментов проведённого исследования, обобщим основные особенности вербальной объективации концепта «пространство» в диахронии.

К когнитивным дифференциальным признакам, ставшим в дохристианском мировоззрении при восприятии и оценке пространства особенно значимыми и оказавшимся наиболее ярко эксплицированными в языке того периода, могут быть отнесены:

а) в качестве **основных / общих**: *отнесённость пространства к своему / чужому; расположенность относительно центра круга и его границ; сакральность / религиозная значимость; степень освоенности; аксиологическая значимость; (потенциальные) функциональные возможности / назначение (функционально-религиозное, правовое назначение);*

б) в качестве специфических: *этическая ценность; условия существования пространства; характер пространства; форма (со)существования; способ нахождения / существования социума в пространстве.*

Для христианского сознания наиболее значимыми оказались такие основные / общие КДП, как: *отнесённость пространства к своему / чужому; расположение относительно центра круга и его границ; аксиологическая значимость; функциональное назначение* и ряд специфических КДП, которые связаны с религиозно-правовой сферой, напр.: *целостность, неприкосновенность* (своего, границы) и т. п.

Идентичность некоторых общих КДП обоих периодов свидетельствует о том, что они являются теми универсальными характеристиками пространства, которые в первую очередь принимают участие в создании ментального образа окружающей действительности и подвергаются языковому овнешнению, тогда как специфические признаки отражают в своей совокупности особенности восприятия пространства сознанием конкретной эпохи.

Выводы. Таким образом, в данном исследовании мы руководствовались гипотезой о том, что развитие способов вербального овнешнения рассматриваемого концепта в диахронии обусловлено изменением совокупности когнитивных дифференциальных признаков, структурирующих концепт и являющихся коммуникативно-релевантными и значимыми при восприятии пространства. Данное восприятие детерминировано экстралингвистически и зависит во многом от господствующего в конкретную эпоху мировоззрения.

Изменение набора КДП, связанное с *изменением ментального отображения пространственных реалий* и их оценки, приводит к *семантическим трансформациям* соответствующих языковых единиц. К наиболее ярким и значимым случаям семантической трансформации языковых репрезентантов относятся такие: утрата одного из значений с последующей нейтрализацией полисемии (значение «своя обрабатываемая земля» утрачивается у свн. *rîm*); появление нового значения в семантической структуре слова (у двн. *heima* появляется значение «дом-семья»); потеря значимости какой-либо семы (у двн., свн. *hof* утрачивается сема «возвышенность»); перенос наименования с одного денотата на другой, основанный на метафоре (двн. *elilento* «на чужой стороне» и нвн. *elend* «нужда», рнвн. *hûsgemach* «домашний комфорт, уют», затем «комната») или метонимии (двн. *zimbar*, свн. *zimber* изначально «строительный материал», затем — «дом» и «комната»); улучшение значения (свн. *heime suchen* «проникать в дом с враждебными намерениями» → нвн. *heimsuchen* «посещать»); ухудшение значения слова (двн. *karkâri*, свн. *kerker* «ограждение» → свн. *kerkâere* «тюрьма»); устаревание лексемы вследствие потери денотатом актуальности (двн. *mâlbaum* «пограничное дерево»).

Результаты исследования позволяют заключить, что в основе концептуализации пространства лежит процесс выделения когнитивным сознанием человека значимых коммуникативно-релевантных

дифференциальных признаков. Диахронический ракурс нашей работы даёт возможность увидеть, что концептуализация в разные временные периоды протекает по-разному. Сознание носителей языка приспособливает в связи с этим определённые способы вербальной объективации когнитивных признаков. На их основе и производится описание особенностей вербальной репрезентации рассматриваемого концепта.

Л и т е р а т у р а

1. *Бабушкин А. П.* Типы концептов в лексико-фразеологической системе языка / А. П. Бабушкин. — Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1996. — 104 с.
2. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов : пер. с фр. / [общ. ред. и вступ. Ю. С. Степанов] ; Э. Бенвенист. — М. : Прогресс-Универс, 1995. — 456 с.
3. *Болдырев Н. Н.* Концепт и значение слова / Н. Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / ред. И. А. Стернин. — Воронеж : ВГУ, 2001. — С. 25–36.
4. *Воркачёв С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачёв. — М. : Гнозис, 2004. — 192 с.
5. *Выходцева И. С.* Концепт «свой-чужой» в советской культуре (20–30-е гг.): дис. ... канд. филол. наук / И. С. Выходцева. — Саратов, 2006. — 187 с.
6. *Гудимова С. А.* Символы культур : сб. статей / РАН; ИНИОН. Центр гуманитарных науч. информ. Исследований / отв. ред. И. Л. Галинская. — М., 2002. — 220 с.
7. *Евтушенко Е. Н.* Концепт «пространственная ориентация» в английской и русской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Евтушенко. — Волгоград, 2004. — 167 с.
8. *Иванов Вяч. Вс.* Славянские, языковые, моделирующие семиотические системы (Древний период) / Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. — М. : Наука, 1965. — 134 с.
9. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — М. : Гнозис, 2004. — 390 с.
10. *Краткий словарь когнитивных терминов* / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. — 167 с.
11. *Кубрякова Е. С.* О ментальном лексиконе : лексикон как компонент языковой способности человека / Е. С. Кубрякова // Актуальные проблемы современной лингвистики ; сост. Л. Н. Чурилина. — М. : Флинта : Наука, 2006. — 416 с.
12. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада / пер. с фр. под общ. ред. В. А. Бабинцева; посл. А. Я. Гуревича ; Ж. Ле Гофф. — Екатеринбург : У-Фактория, 2005. — 560 с.
13. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история / Ю. М. Лотман. — М. : Языки русской культуры, 1999. — 464 с.
14. *Маслова В. А.* Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие / В. А. Маслова. — М. : Флинта : Наука, 2004. — 296 с.
15. *Маслова В. А.* Лингвокультурология : учеб. пособие. — 3-е изд., испр. / В. А. Маслова. — М. : Академия, 2007. — 208 с.
16. *Никитин М. В.* Развёрнутые тезисы о концептах / М. В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. — Тамбов : ТГУ, 2004. — № 1. — С. 53–64.
17. *Пеньковский А. Б.* О семантической категории «чуждости» в русском языке / А. Б. Пеньковский // Проблемы структурной лингвистики. — М. : Наука, 1989. — С. 54–82.
18. *Петроченко М. Н.* Семантический компонент «свой-чужой» в фольклорном и диалектном бытовых текстах : дис. ... канд. филол. наук / М. Н. Петроченко. — Томск, 2005. — 230 с.
19. *Пименова М. В.* Введение в концептуальные исследования : учеб. пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева; ГОУ ВПО «Кемеровский гос. ун-т». — Кемерово : Кузбассвузизд, 2006. — 179 с.
20. *Попова Э. Д.* Когнитивная лингвистика / Э. Д. Попова, И. А. Стернин. — М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. — 314 с.
21. *Степанов Ю. С.* Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — М. : Академический Проект, 2001. — 992 с.
22. *Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи / [научн. ред. Э. Д. Попова] ; И. А. Стернин. — Воронеж : Воронежский ун-т, 1985. — 172 с.
23. *Стернин И. А.* Типы и концепты // Концептуальное пространство языка : сб. науч. тр., посв. юбилею Н. Н. Болдырева / [ред. Е. С. Кубрякова] ; И. А. Стернин. — Тамбов, 2005. — С. 257–282.
24. *Топорова Т. В.* Семантическая структура древнегерманской модели мира / Т. В. Топорова. — М. : Радикс, 1994. — 192 с.
25. *Цивьян Т. В.* Модель мира и ее лингвистические основы / Т. В. Цивьян. — М. : Ком Книга, 2005. — 280 с.
26. *Элиаде М.* Священное и мирское / Мирча Элиаде. — М. : Изд-во МГУ, 1994. — 144 с.
27. *Baufeld Ch.* Kleines frühneuhochdeutsches Wörterbuch. Lexik aus Dichtung und Fachliteratur des Frühneuhochdeutschen / Christa Baufeld. — Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1996. — 264 S.
28. *Deutsche Wortgeschichte* / hrsg. F. Maurer, F. Stroh. — Berlin : Walter de Gruyter & Co, 1959. — Bd. I–III.
29. *Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmund nach Sinn und Ursprung erläutert* / Borhardt-Wustmann-Schoppe. — Leipzig : Brockhaus Verlag, 1955. — 539 S.
30. *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen* / Wolfgang Pfeifer. — Berlin : Akademie-Verlag, 1989. — Bd. I–III.
31. *Graf A.* 6000 deutsche und russische Sprichwörter / A. Graf. — Halle (Saale) : VEB Max Niemeyer Verlag, 1956. — 297 S.
32. *Grimm J.* Deutsches Wörterbuch : im 16 Bd. / J. Grimm, W. Grimm. — Leipzig : Verlag von s. Hirzel, 1854–1971. — 34824 S.
33. *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / Friedrich Kluge. — Berlin, New York : de Gruyter, 2002. — 1024 S.
34. *Lexer M.* Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch / Matthias Lexer. — Leipzig, 1956.
35. *Paul H.* Deutsches Wörterbuch / Hermann Paul. — Halle (Saale) : Max Niemeyer Verlag, 1954. — 784 S.
36. *Schützeichel R.* Althochdeutsches Wörterbuch / Rudolf Schützeichel. — Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2006. — 444 S.

37. Seebold E. Chronologisches Wörterbuch des deutschen Wortschatzes. Der Wortschatz des 8. Jahrhundert (und früher Quellen) / Elmar Seebold. — Berlin, New York : Walter de Gruyter, 2001. — 532 S.

38. Splett J. Althochdeutsches Wörterbuch. Analyse der Wortfamilienstrukturen des Althochdeutschen, zugleich Grundlegung einer zukünftigen Strukturgeschichte des Deutschen Wortschatzes / Jochen Splett. — Berlin, New York : Walter de Gruyter, 1993. — Band I, II.

Использованные сокращения

герм. — германские языки	КДП — когнитивный дифференциальный признак
гот. — готский язык	ККП — когнитивный классификационный признак
греч. — греческий язык	лат. — латинский язык
двн. — древневерхненемецкий период	лит. — литовский язык
др.-герм. — древнегерманский язык	нвн. — нововверхненемецкий период
др.-сакс. — древнесаксонский язык	рнвн. — ранненововверхненемецкий период
др.-слав. — древнеславянский язык	рус. — русский язык
зап.-герм. — западногерманские языки	свн. — средневерхненемецкий период
и.-е. — индоевропейский язык	южн.-нем. — южнонемецкий ареал

References

- Babushkin, A. P. (1996), *Concepts' types in the lexical and phraseological language systems* [Typy konceptov v leksiko-frazeologicheskoj sisteme jazyka], Voronezh State Univ., Voronezh, 104 p.
- Benvenist, E., ed. (1995), *Dictionary of Indo-European social terms* [Slovar' indoeuropejskikh social'nykh terminov], Progress-Univers, Moscow, 456 p.
- Boldyrev, N. N. (2001), "Concept and words' meaning", *Methodological issues of cognitive linguistics* ["Koncept i znachenie slova"], *Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki*, Voronezh State University, pp. 25–36.
- Vorkachev, S. G. (2004), *Happiness as a lingual and cultural concept* [Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept], Gnozis, Moscow, 192 p.
- Vykhodceva, I. S. (2006), *Concept «svoj-chuzhoj» in the Soviet culture (in the 20's-30's) : Thesis* [Koncept «svoj-chuzhoj» v sovetskoj kul'ture (20–30 –e gg.) : dis.... kand. filol. n.: 10.02.04], Saratov, 187 p.
- Gudimova, S. A. (2002), *Cultural symbols* [Simvolj kul'tur], Moscow, 220 p.
- Evtushenko, E. N. (2004), *Concept "Space orientation" in the Russian and English linguocultures : Thesis* [Koncept «prostranstvennaja orientacija» v anglijskoj i russkoj lingvokul'turakh : dis.... kand. filol. nauk: 10.02.04], Volgograd, 167 p.
- Ivanov, Vjach. Vs., Toporov, V. N. (1965), *Slavonic language semiotic systems (Ancient times)* [Slavjanskije, jazykovye, modelirujushhie semioticheskie sistemy (Drevnij period)], Nauka, Moscow, 134 p.
- Karasik, V. I. (2004), *Language circle: personality, concepts, discourse* [Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs], Gnozis, Moscow, 390 p.
- Kubryakova, E. S., Dem'jankov, V. Z., Pankrac, Ju. G., Luzina, L. G. ed. (1996), *A shorter dictionary of cognitive terms* [Kratkij slovar' kognitivnykh terminov], Moscow, 167 p.
- Kubryakova, E.S. (2006), "About mental lexicon: lexicon as a component of language human language capacity", *Contemporary issues of modern linguistics* ["O mental'nom leksikone: leksikon kak komponent jazykovoju sposobnosti cheloveka"], *Aktual'nye problemy sovremennoj lingvistiki*, Flinta, Nauka, Moscow, 416 p.
- Le Goff, Zh. (2005), *Civilization of the mediaeval West* [Civilizacija srednevekovogo Zapada], U-Faktorija, Ekaterinburg, 560 p.
- Lotman, Ju. M. (1999), *Within thinking worlds. Human-text-semiosphere* [Vnutri mysljashchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istorija], Jazyki russkoj kul'tury, Moscow, 464 p.
- Maslova, V. A. (2004), *Introduction in cognitive linguistics* [Vvedenie v kognitivnuju lingvistiku], Flinta, Nauka, Moscow, 296 p.
- Maslova, V. A. (2007), *Linguocultural studies* [Lingvokul'turologija], Akademija, Moscow, 208 p.
- Nikitin, M. V. (2004) "Abstracts about concepts", *Issues of cognitive linguistics* ["Razvernutyje tezisy o konceptakh"], *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, Tambov State University Press, Tambov, vol. 1. pp. 53–64.
- Pen'kovskij, A. B. (1989) "About category «strange» in Russian", *Issues of structural linguistics* ["O semanticheskoi kategorii «chuzhdosti» v russkom jazyke"], *Problemy strukturnoj lingvistiki*, Nauka, Moscow, pp. 54–82.
- Petrochenko, M. N. (2005), *Semantic opposition „svoj-chuzhoj“ in folkloristic and common texts : Thesis* [Semanticheskij komponent «svoj-chuzhoj» v fol'klornom i dialektnom bytovykh tekstakh : dis.... kand. filol. nauk : 10.02.04], Tomsk, 230 p.
- Pimenova, M. V., Kondrat'eva O. N. (2006), *Introduction in conceptual researches* [Vvedenie v konceptual'nye issledovanija], Kemerovo Kuzbassvuzizd, Kemerovo, 179 p.
- Popova, Z. D., Sternin I. A. (2007), *Cognitive linguistics* [Kognitivnaja lingvistika], Vostok–Zapad, Moscow, 314 p.
- Stepanov, Ju. S. (2001), *Konstants : dictionary of Russian culture* [Konstanty : slovar' russkoj kul'tury], Akademicheskij Proekt, Moscow, 992 p.
- Sternin, I. A. (1985), *Lexical meaning of words in the speech* [Leksicheskoe znachenie slova v rechi], Voronezh State University Press, Voronezh, 172 p.
- Sternin, I.A. (2005), "Typs and concepts", *Conceptual space of language* ["Tipy i koncepty", *Konceptual'noe prostranstvo jazyka*], Tambov, pp. 257–282.
- Toporova, T. V. (1994), *Semantic structure of the Old-German world model* [Semanticheskaja struktura drevnegermanskoj modeli mira], Radiks, Moscow, 192 p.

25. Civ'jan, T. V. (2005), *World model and its linguistic ground [Model' mira i jejo lingvisticheskie osnovy]*, Kom Kniga, Moscow, 280 p.
26. Eliade, M. (1994), *Sacramental and worldly [Svjashhenoe i mirskoe]*, Moscow State University Publ. House, Moscow, 144 p.
27. Baufeld, Ch. (1996), *Kleines frühneuhochdeutsches Wörterbuch. Lexik aus Dichtung und Fachliteratur des Frühneuhochdeutschen*, Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 264 p.
28. Maurer, F., Stroh, F., ed. (1959), *Deutsche Wortgeschichte* : im 3 Bd., Walter De Gruyter & Co., Berlin.
29. Borhardt-Wustmann-Schoppe, ed. (1955), *Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmund nach Sinn und Ursprung erläutert*, Brockhaus Verlag, Leipzig, 539 S.
30. Wolfgang, P., ed. (1989), *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*, Akademie-Verlag, Berlin, Bd. I–III.
31. Graf, A. (1956), *6000 deutsche und russische Sprichwörter*, VEB Max Niemeyer Verlag, Halle (Saale). 297 p.
32. Grimm J. und W. (1854–1971), *Deutsches Wörterbuch : im 16 Bd.*, Verlag von s. Hirzel, Leipzig, 34824 p.
33. Kluge, F. (2002), *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*, Berlin, New York : Walter de Gruyter, 1024 p.
34. Lexer, M. (1956), *Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch*, Leipzig.
35. Paul, H. (1954), *Deutsches Wörterbuch*, Max Niemeyer Verlag, Halle (Saale), 784 p.
36. Schützeichel, R (2006), *Althochdeutsches Wörterbuch*, Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 444 p.
37. Seebold, E. (2001), *Chronologisches Wörterbuch des deutschen Wortschatzes. Der Wortschatz des 8. Jahrhundert (und frühere Quellen)*, Walter de Gruyter, Berlin. New York, 532 p.
38. Splett, J. (1993), *Althochdeutsches Wörterbuch. Analyse der Wortfamilienstrukturen des Althochdeutschen, zugleich Grundlegung einer zukünftigen Strukturgeschichte des Deutschen Wortschatzes*, Walter de Gruyter, Berlin, New York, Bd. I, II.

КОШКІНА Олена Геннадіївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри німецької мови
Національного дослідницького університету «Вища школа економіки»;
вул Мясницька, 20, м. Москва, 101000, Росія; тел.: +7 (495) 7729590;
e-mail: e-lena-koshkina@yandex.ru; ORCID ID: 0000–0002–4463–9071

ДО ПИТАННЯ ПРО СПОСОБИ МОВНОЇ РЕПРЕЗЕНТАЦІЇ КОНЦЕПТУ В ДІАХРОНІЇ (НА МАТЕРІАЛІ НІМЕЦЬКОЇ МОВИ)

Анотація. *Meta* статті — подати комплексний аналіз мовної репрезентації концепту «простір» в діахронії з позиції когнітивної лінгвістики і лінгвокультурології. *Об'єктом* дослідження є зміна ментального образу простору під впливом екстралінгвальних чинників, яка виражена на вербальному рівні в лексико-семантичній парадигмі мовних одиниць, що репрезентують концепт. *Предмет* дослідження — семантична структура вербалізаторів концепту «простір», елементи якої розглянуто як когнітивні ознаки, що формують зміст цього концепту і перебувають у ієрархічних відносинах (диференційні та класифікаційні ознаки) стосовно один одного. Результатом дослідження стала інвентаризація мовних одиниць двн., свн., рвнн., семантичні компоненти яких репрезентують когнітивні ознаки, що відображають зміст концепту. Проаналізовано зміни в системі цих ознак, виявлено найбільш і найменш яскраво виражені ознаки. На підставі цього зроблено висновок про комунікативну релевантність, значущість, цінність концептуалізованого фрагмента / об'єкта дійсності для людини певної нації в розглянутий історичний відрізок часу (дохристиянська і християнська епохи). *Практичне застосування* результатів дослідження є можливим у спецкурсах або науково-дослідних семінарах із лінгвокультурології та когнітивної лінгвістики (розділ «Методи та прийоми опису концептів»), а також під час роботи над темою «Становлення та розвиток словникового складу німецької мови» в курсах з лексикології та історії німецької мови. Основними науково-практичними *методами* проведення аналізу стали метод суцільної вибірки (→ інвентаризація лексичних одиниць), семантико-етимологічний аналіз / семний аналіз, поєднаний з методом аналізу словникових дефініцій (→ встановлення набору семантичних компонентів одиниць-репрезентантів концепту), метод семантико-когнітивного опису концепту (→ інтерпретація результатів семантичного аналізу, переклад отриманих даних на когнітивний рівень).

Ключові слова: концепт «простір»; лінгвокультурний, лінгвокогнітивний, семантико-когнітивний підходи; вербалізація концепту; діахронія; диференційні та класифікаційні ознаки; німецька мова.

Elena G. KOSHKINA,

Ph.D. in Philological Sciences, associate professor of Foreign Languages Department,
Chair for German as a foreign language, Higher School of Economics;
20 Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russia; tel.: +7(495)7729590;
e-mail: e-lena-koshkina@yandex.ru; ORCID ID: 0000–0002–4463–9071

THE ISSUE OF METHODS FOR LANGUAGE REPRESENTATION OF THE CONCEPT IN DIACHRONY (BASED ON THE MATERIAL OF THE GERMAN LANGUAGE)

Summary. *The purpose* of the article is to represent complex analysis of language representation of the concept “space” in diachrony from the perspective of Linguistics and Cultural Linguistics. *The object* of the research is the change of a mental image of space under the influence of extra-linguistic factors; the change is represented on verbal level in lexico-semantic paradigm of language units, represents of the concept. *The subject* of the research is the semantic structure of verbalisators of the concept “space”; elements of this structure are viewed as cognitive features formulating the content of the concept and structured in hierarchic relationship with each other (distinctive and qualification features).

The following theoretical results are achieved: inventory of language units of OHG, MHG and ENHG¹, whose semantic components represent cognitive features reflecting the content of the concept; analysis of changes in the system of these features, revealing of the least and the most evident ones, and a conclusion about communicative relevancy and significance of the conceptualized fragment / the extension for the representative of a certain nation in the viewed period of history. The theoretical results *can be applied* in training as a part of a special course or of a scientific-research seminar in Cultural Linguistics and Cognitive Linguistics (Part “Methods and techniques for concept description”), and while working on the topic “Development of German lexis” in Lexicology and History of German. *The major scientific and practical methods* of analysis are continuous sampling (→ inventory of lexical units), semantic-etymological analysis / componential analysis combined with a method of analysis of lexical definitions (→ revealing a pattern of semantic components of units representing the concept), a method of semantic-cognitive description of the concept (→ interpretation of the results of semantic analysis and of received data on cognitive level).

Key words: concept “space”; lingual-and-cultural; semantic-and-cognitive approach; verbalization of the concept; diachrony; distinctive and qualification features; the German language.

Статтю отримано 24.02.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.28.115849>

УДК 811.161.2'373:821.161.2-311.6

НЕМИРОВСЬКА Олександра Федорівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри української філології і методики навчання фахових дисциплін Південноукраїнського національного педагогічного університету імені К. Д. Ушинського, вул. Старопортофранківська, 26, м. Одеса, 65020, Україна; тел.: +38 067 9681993; +38 048 7060843; e-mail: lauma-59@ukr.net; agnia9886@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-9638-152X

ХРОНОТОП ДОРОГИ В ЖАНРІ ІСТОРИЧНОЇ ПРОЗИ

Анотація. У статті розглянуто специфіку творення хронотопу дороги як одного з чинників утворення жанру історичної прози. **Предметом** аналізу є функціональне навантаження, особливості вживання, стилістичні конотації, образний потенціал, варіативність лексем на позначення руху. Дорога тісно пов'язана з художнім локусом і пронизує найрізноманітніші шари тексту, сполучається з іншими художньо-образними засобами і організовує весь текст. Кожне вживання лексеми на позначення руху є чітко продуманим: воно ілюструє широкий спектр образних і експресивних трансформацій, а також тісну взаємодію з іншими лінгвістичними й екстралінгвістичними факторами. **Результати** дослідження хронотопу дороги демонструють його прагматичну спрямованість у контексті, свідчать про наявність значного конотативного потенціалу з активованим стилістичним, експресивним компонентом, що максимально поглиблює експресію лексем на позначення руху, їхнє значення для створення хронотопу дороги. Основний **висновок** полягає в тому, що лексеми на позначення руху виконують текстоутворюючу, хронотопічну, експресивну, виразову функції, сприяють розкриттю авторської концепції.

Ключові слова: дорога, шлях, путь, власна назва, дромонім, художній хронотоп, історична проза.

Постановка проблеми. Художній простір (ХП) є одним із ключових компонентів літературно-художнього твору (ЛХТ). Він стає виразником авторської концепції, етико-естетичної оцінки та моральної характеристики героїв. Фактор просторовості визначає численні компоненти художньої системи, моделює часові, локальні, соціальні, етичні, національні та ін. параметри. Розгортання сюжету, поведінка персонажів нерозривно пов'язані із простором, в якому відбувається дія. ХП може бути природним і побутовим, може бути відкритим, безмежним і обмеженим; динамічним з цілеспрямованим рухом і статичним, застиглим. Спрямований рух у ЛХТ зумовлює появу однієї з домінуючих просторових категорій — образу *дороги* в її різноманітних проявах і варіаціях.

Дорога є тією точкою, де зав'язуються і вивершуються події, де відбувається розгортання сюжету, де час немовби «вливається» в простір і «тече» в ньому, творячи різні дороги. Саме лінійний, спрямований простір, уособленням якого є дорога, стає підґрунтям для образного переосмислення, метафоризації шляхів-доріг (*життєва путь, обрати іншу дорогу, творчий шлях*), а також для моделювання темпоральних категорій («дорога» як засіб розгортання характеру в часі) [5, с. 253].

Зв'язок проблеми з попередніми дослідженнями. Будучи найменш дослідженим аспектом ЛХТ (існують лише поодинокі мовознавчі і літературознавчі розвідки [2; 10; 12], хронотоп дороги (ХД) заслуговує особливої уваги, оскільки він може стати домінують простору, що організовує весь текст. «...концепт *шлях* є одним з найважливіших «працюючих» концептів у площині «людина — простір», а семантика лексем, що становлять поле *шляху*, відображає численні аспекти взаємодії людини з близькими або віддаленими, видимими чи уявними просторовими сферами» [10, с. 17]. Неподільно

¹ Hereinafter an abbreviation for Old High German, Middle High German and Early New High German.

пов'язана з художнім локосом, *дорога* проймає собою найрізноманітніші шари тексту, сполучається з іншими художньо-образними засобами, створюючи літературні шедеври. Особливо цікавою є побудова ХД у творах на історичну тематику, де він є одним із провідних моментів художньої виразності, побудови сюжету, реалістичності у зображенні подій. Саме це зумовлює **актуальність** представленої розвідки.

Отже, **темою** нашого дослідження є лексичні і стилістичні засоби виокремлення ХД в жанрі історичної прози. **Матеріалом** розвідки послужили окремі історичні романи різних митців (Р. Іванчук, «Черлене вино»; О. Назарук, «Роксоляна»; І. С. Нечуй-Левицький «Гетьман Іван Виговський»), що відтворюють різні, з т. з. часу, історичні події, і є досить цікавими у плані функціонування ХД. **Об'єктом** дослідження є історична проза Р. Іванчука, О. Назарука, І. Нечуя-Левицького. Ми поставили за **мету** на прикладі романів зазначених авторів визначити мовностилістичні засоби актуалізації ХД в жанрі історичної прози. Поставлена мета зумовила низку **завдань** — проаналізувати тематичне поле *дороги*, виявити варіації та описові конструкції, що містять відповідні лексеми, з'ясувати їхню стилістичну роль як засобу виокремлення ХД.

Тематичне поле *дороги* у всіх творах побудоване відповідно до теми та ідеї твору і представлене, перш за все, дромонімами: *Черкаський шлях* [7]; *Берестька дорога, Бродівська дорога, Пушкарська дорога, Сокільницька дорога, Бродівський шлях, Волинський шлях, Татарський шлях / Татарський торговий шлях* [4]; *Чорний Шлях, Шлях Фараонів* [6]. Кожен дромонім уживається у відповідному ключі, узгоджується з авторським задумом. «Створюючи текст, автор проводить селекцію знакових форм і відбирає з них ті, які (...) максимально повно й адекватно відображають і виражають задум» [11, с. 110]. Взагалі, незважаючи на невелику частотність уживань, дромоніми у зазначених творах перетворюються на місткі, конотеми: «...семантично збагачені оніми є носіями емоційно-експресивних конотацій» [9, с. 122].

Так, у романі І. С. Нечуя-Левицького «Гетьман Іван Виговський» зафіксовано лише один дромонім — *Черкаський шлях*. Перший раз — у розповіді про очікування *Маринки* на повернення *Зінька*: «Вона щогодини виходила на гору і очі виживляла, поглядаючи на *Черкаський шлях* за річкою...» [7].

В іншому контексті дромонім *Черкаський шлях* разом із лексемами *полум'я, пожежа, вогонь, дим, жар, червона, чорний* створює яскравий опис початку козацького повстання і водночас стає символом народного обурення проти *Виговського*: «*Маринка* вгляділа, що (...) на широкому *Черкаському шляху* неначе спалахнуло полум'я, а над полум'ям піднявся ніби дим (...) В пісках схопилася неначе *пожежа, видко вогонь і чорний дим!* (...) *Старий* кинув оком на *Черкаський шлях*. Між крутими білими горбами неначе текла *червона, як жар, річка*(...) *Зверху над пісками піднявся справді неначе густий дим*» [7].

У романі «Черлене вино» найчастотнішим є дромонім *Волинський шлях*. Дистанційні повтори його разом із різними мовними засобами пронизують наскрізними зв'язками весь контекст роману, створюючи різні стилістичні ефекти: 1) невизначеності подальшого життя *Осташка Каліграф*: «*Тож пішов Волинським шляхом* навмання і на другу ніч зупинився в *Олеську*»; 2) розгубленості, відчаю і люті *Арсена*: «— Немає в мене ні землі, ні віри, — змахнув рукою *Арсен*, обминув *Осташка* і подався *Волинським шляхом*»; «*Ішов* просохлим на весняному сонці *Волинським шляхом* і дивувався, що від люті глухне біль»; 3) відбиття міських реалій тогочасного Львова: «*Над самим Волинським шляхом* високим підмурівком звелася паперть *Миколаївської церкви* — *десь недалеко, тут, повинна стояти корчма «Брага»*. *Волинським шляхом* крокує польське військо, наступуючи на останню твердиню *Галицької Русі* — *Олеський замок*; цим же шляхом їде до господаря замку *Івашка Преслужича* зрадник *Давидович*; *королівський вершник*, вирвавшись із облоги, галопує *Волинським шляхом* до *Львова*, щоб сповістити про поразку. Отже, дромонім у сполученні з різними мовними засобами, виявляє яскравий стилістичний потенціал.

Уживання інших дромонімів у контексті є значно меншим — по 1–2 рази, проте вони теж уживаються з певними настановами, сполучаючись з іншими онімними засобами: «*Першого дня погідного вересня* виїхав на *Берестьку дорогу* критий ридван»; «*Осташко* вертався *Бродівською дорогою* до *Олеська*»; «*Вийдете* біля *Теребіжа*, за *Бродівським шляхом*»; «*Задала й Орися* похилу *постать Арсена*, що віддалялася за *частоколом Пушкарською дорогою*»; «*Власник* (...) *пив'ярні, що сиротіла за Латинською хвірткою* біля *Сокільницької дороги*, *перехилився* через шинківас»; «*Від Латинської хвіртки* рвонула крита бричка, промчала повз корчму *Кноффеля* через міст на *Сокільницьку дорогу* — *брати Одровонжі* втікали в *Городок*»; «...*та вже недалеко* кінець *Татарського шляху* (...) *Так думав караван-баша Богуш Ованесян*, *під'їжджаючи Татарським шляхом* до *Теребовлі*». Експресію трагізму, приреченості спостерігаємо при описі останньої битви захисників *Олеського замку*: «*Йшли* *ратоборці* через *дитинець* на *Бродівську дорогу* — до *Брами*, *де стоятимуть до останнього подиху*».

Провідним у романі О. Назарука «Роксоляна» є дромонім *Чорний Шлях* та синоніми — власні назви (ВН) *Злий Крок, Шлях Незримий* (фольклорні назви цього шляху). Незважаючи на невелику частотність уживань та невелику кількість варіацій — *Чорний Шлях килиймський; Чорний Шлях ординський; Чорний шлях степовий*; метафоризоване *Чорний Шлях думки; Керван-Йоли*

(турецьке); *шлях сей; той шлях; сам той шлях* — зазначений дромонім, завдяки потужній експресії, буквально з перших разів уживання, персоніфікується, перетворюється на символ всенародного горя, страждань полонених. Наростання експресії сприяє також підсилювальний повтор якісного прикметника *чорний* у наступних контекстах: «**Чорний шлях**, званий також **Злим Кроком** або **Шляхом Незримим**. **Чорним** називався він з різних причин. Ходило по нім **чорне нещастя**, **убивство**, **грабіж** і **чорна смерть** — **чума**. Йшли ним століттями **чорні** від бруду орди монгольські й **почорнілі** від нужди бранці-невольники. І земля тут з природи **чорна**, а татарські коні, стоптавши траву, значили на ній **чорне пасмо переходу** (...) Татаре мали звичайно три дороги, якими в своїх наїздах розливалися по Україні (...) Кожний з цих шляхів народ ще сьогодні називає **чорним** і ще сьогодні оспівує трагедії, які діялися на тих **чорних шляхах татарських**»; «Тоді уперто переслідував її привид **Чорного Шляху**, хоч замикала очі. В її уяві йшла тоді тим шляхом **чорна смерть**, **чума**. Йшла висока, аж до хмари, вся **чорна**, як оксамит, з **чорною** коною в руці...»; «**Настуня** вже освоїлася з думкою про все, навіть про **чорну смерть** на **Чорнім Шляху**»; «**А чорна галера** торговців живим товаром плила і плила на захід сонця...».

«У слові та його значенні закладена потенційна можливість виходити за межі усталених в ньому лексико-семантичних варіантів завдяки узагальнюючій природі слова» [3, с. 232]. Отже, уживання лексеми *чорний*, неодноразові її повтори і сполучення з іменниками (*чорне нещастя*, *чорна смерть*, *почорнілі бранці-невольники*, *чорні шляхи*, *чорна дорога*, *чорна коса*, *чорна галера*) розширює семантичну структуру кольороназви, надає їй ознак метафоричності і, таким чином, підсилює відповідні конотації дромоніма *Чорний Шлях*, перетворюючи його на виразну стилістему.

Дистанційні повтори ВН *Чорний Шлях*, іноді в різних варіаціях і у сполученні з іншими мовними засобами пронизують наскрізними зв'язками весь контекст, утворюючи яскраві стилістичні ефекти: 1) трагізму: «*Більше відчула, чим зрозуміла, що знаходиться на Диких полях, на однім із страшних татарських шляхів* (...) Припускала, що на *Чорнім Шляху*»; «*Снилося матері, що її Настя, дочка-одиначка, йде Чорним Шляхом килиїмським і Диким полем ординським* (...) *А в тім часі далеко від неї, на Чорнім Шляху килиїмським, на Дикім Полі ординським молоденька Настя серцем материнську журбу відчувала...*»; 2) тривогу і душевні страждання *Насті*: «*Всім серцем відчула дивну руку Господню, котра привела її аж сюди — Чорним Шляхом ординським*»; «*А в тім часі в гаремі клячала на долівці бліда чужинка з далекої країни, невольниця Хуррем, «знайда з Чорного Шляху», званого Злим Кроком або Шляхом Незримим*»; «*І від тих думок була така бліда молода чужинка з далекої країни, що прийшла Чорним Шляхом на землю Османів...*»; «*Там був і кривавий платочок, котрим свою зранену ніжку на Чорнім Шляху, на Дикім Полі обтирали, коли йшла степами по чорних мажах як татарська бранка...*»; 3) приреченості, фатуму: «*А тоді червоний кришталь влади турецьких султанів зачав переходити в руки його жінки* (...) *що прийшла Чорним Шляхом ординським і Диким Полем килиїмським з далекої країни* (...) *То не жінка прийшла, то прийшов кісмет Османів* (...) *прегарний кісмет, присланий незабгненою волею Аллаха — Чорним Шляхом степовим і Чорним морем бурливим...*».

Поступово семантика ВН *Чорний Шлях* розширюється. Так, у передостанньому розділі повісті дромонім символізує морок і чорноту в душі головної героїні, створює стишену негативну перспекцію: «*Плила страшним, Чорним Шляхом думки...*»; «*... зазнала такої муки* (...) *якої не знала навіть тоді, коли її гнали в неволю сирими батогами Диким Полем килиїмським і Чорним Шляхом ординським. Бо є в душі людини також дикі поля і чорні шляхи*».

Виразним контрастом на тлі численних переосмислень *Чорного Шляху* постає уживання його турецької назви — *Керван-Йолі* у відповідному контексті при отриманні *Настею* «подарунка» від суперниць по гарему: «*Калим знайди з Керван-Йолі*». Автор закономірно вводить турецький варіант ВН у мовлення мешканок гарему — туркен з походженням; це створює національну, територіальну маркованість, хоча сама ВН позбавлена додаткових конотацій.

Отже, дромонім *Чорний Шлях* разом із його модифікаціями виявляє багатство семантики, різноманітний стилістичний потенціал і поступово перетворюється у виразну стилістему. «Складні семантичні зрушення» [1, с. 14] призводять до трансформації первісної семантики, виникнення нових відтінків значень, які доповнюють і збагачують основні значення.

В іншому ключі, при описі паломництва *Роксоляни* до мусульманських святинь, п'ять разів у прямому значенні уживається дромонім *Шлях Фараонів* (*старий шлях фараонський; той шлях*). *Шлях Фараонів* стає яскравою регіональною і темпоральною конотемою, підсилює ефект правдивості зображуваного: «*...знов їхали старинним Шляхом фараонів, котрим Ізраїль мандрував перед віками...*»; «*Іхали даліше мовчки Шляхом Фараонів. Кусні острого креміння* (...) *лежали вздовж того шляху в пісках* (...) *овочі, подібні до малих помаранч, лежали засхлі вздовж Шляху Фараонів між листям...*»; «*А третього дня старий шлях фараонський перейшов у майже бездоріжну, кам'янисту стежину*» (О. Назарук. Роксоляна).

Та найбільше семантико-стилістичне навантаження припадає у контекстах усіх творів на апаративні лексеми. Саме вони в більшості випадків утворюють просторову площину, що пов'язана із розгортанням сюжету. Семантика кожної з лексем є вагомою для доречного уживання в контексті, синтагматичних зв'язків. Так, «...лексема *дорога* має абсолютний пріоритет при описі ситуації про-

сування вперед і перешкод, що стрічаються на путі» [10, с. 23]. У романі І. С. Нечуя-Левицького згадана лексема уживається 33 рази і є щільно пов'язаною з композиційною будовою твору, долею персонажів. Це *дорога на Ніжин*, якою повертаються московські посланці додому з Києва; *дорога*, якою їде *Виговський* до села Мокрани за *Олеєю* і якою вони разом повертаються до Києва; *трусська поліська дорога*; *важка та далека дорога*; *нехай нас Бог напутить в дорогу*; *чимала в'їжджена дорога*; *далека дорога*; *втерта лісова дорога*; *довга труська дорога*; це *важка далека дорога* до Богдана Хмельницького, яку витримав *Юрій Немирич*; *збиратися, лаштуватися в дорогу* при від'їзді гостей *Олеси* з Чигирина; *дорога в степи*, якою їздить *Зінько* у Чигирин і Суботів на побачення; *проста дорога*, *дорога життя Маринки Павловської* та *Зінька Лютая*; *далека дорога*, *небезпечна дорога*, якою *Зінько* їде на війну.

Один раз лексема *дорога* уживається у мові *Богдана* у складі порівняльно-описової конструкції, що створює трагічну тональність, асоціації з покинутою, беззахисною батьківщиною: «*Україна була як чайка в степу, що вивела діток при дорозі. Я мусив віддати Україну цареві, бо не було де дітись*» [7].

Наступною у порядку уживання йде лексема *шлях*, що уживається в контексті роману 9 разів; один раз вона уживається у множині — *шляхи* і «...активно репрезентує концепт, що перебуває в динамічному стані» [10, с. 26]. П'ять разів лексема уживається у складі словосполучення з прикметником-означенням: *утертий шлях*, яким *Виговський* повертається з Києва у Чигирин; *простий шлях*; *поліський бакаюватий шлях*, яким *Виговський* з *Олеєю* збираються їхати до Києва; *київський шлях*, на якому новий *гетьман Іван Виговський* зустрічає поїзд дружини; *битий шлях*, яким *Зінько* скаче конем до *Маринки*. Двічі уживається зменшена форма — *вузький лісовий шляшок*, причому прикметник-означення *вузький* підкреслює семантику зменшеності; *цей лісовий шляшок*, яким утікають з Мокран *Олеся* з *Виговським*. Нагромадження лексем на позначення руху, уживані в мові *Виговського* лексеми *шлях* і *стежка* у формі множини створюють тематичне поле ХД: «*Ти тут знаєш усі шляхи й стежки (...) я буду скакати слідком за тобою. Олеся збочила на вузький лісовий шляшок (...) Довго вони їхали цим лісовим шляшком, неначе тунелем, і незабаром виїхали на чималу в'їжджену дорогу. Довго вони їхали цією дорогою*» [7].

При описі розставання *Маринки* й *Зінька* лексема *шлях* створює трагічну експресію: «*Скажи ж мені, милий, куди од'їжджаєш, щоб я знала, звідкіля тебе виглядати, з котрого шляху...*» [7].

Лексема *стежка* уживається в контексті роману 3 рази. Перший раз — у прямому значенні при описі відвідин *Олеєю* й *Якилиною* сусідки, родички Івана *Виговського*: «*Вони простували стежкою, протоптаною в снігу*». Обидва наступні рази лексема уживається у складі фразеологічних сполучень при описі кохання *Маринки* й *Зінька*: «*Дурнісінько ти топчеш до неї стежку*»; «*Марина вернулася до хати, поливаючи стежку сльозами*».

Отже синонімічні лексеми-іменники на позначення руху, переміщення у просторі закономірно уживаються у жанрі історичного роману у прямому значенні, створюючи ХД, який повністю узгоджується з сюжетом твору.

У контексті роману Р. Іваничука «*Черлене вино*» семантика кожної з апелювативних лексем також є вагомим для доречного уживання у контексті, синтагматичних зв'язків. Так, лексема *дорога* уживається у контексті 27 разів, з них 6 — у складі словосполучень і речень. *Дорога* щільно пов'язана із композицією твору, долею головних та інших персонажів. Це *дорога* литовського князя *Свидригайла* до великого князя *Вітовта*; *дорога* жebraків, з якими певний час мандрує *Арсен*; *дорога* *Осташка Каліграфа* до *Одеського замку*, його ж *дорога* до *Литви* й назад; *дорога*, якою у відчай мандрує *Арсен*; *цією брукуваною твердою дорогою* він їде у невідомість; *дорога*, якою гордо крокує *Марія*; *дорога*, якою виїждять назустріч королю *Ягайлу*; *дорога* біженців, що туляться до *Одеського замку*; *дорога* якою тікають із *Львова* від мору; висрібленою місяцем *доріжкою* втікає князь *Свидригайло* від помсти *Семена Гольшанського*. Уживання лексеми *дорога* у множині зустрічається тричі — при описі підготовки конгресу правителів в *Одеську*: «*дорогами* щодня тягнуться сонні валки»; при описі місцевості: «*До замку (...) ведуть дві обсажені липами дороги: зі сходу — до Бродівської брами, із заходу — до Львівської. Перед нижнім валом дороги обриваються*»; *дорога*, яку прорубав у пущі князь *Вітовт*, йдучи на *Новгород*; на *довгих дорогах* *Арсена* супроводжував *слизький страх*, який відступає перед необхідністю захистити рідний край від ворожого нашествия. Два рази лексема *дорога* зазнає переосмислення: 1) при описі мандрів *Осташка*: «... у *дорозі* треба жити стримано»; 2) у контексті розмови *Осташка* з володарем замку — *Каліграф* вірить, що «*прокладеною дорогою, хоча б початком її, підуть інші*», здобуваючи перемогу й торжество справедливості.

Зловісної експресії, що пов'язана із майбутньою трагедією *Одеського замку*, набуває у контексті словосполучення *биті дороги*: «*Опустіє земля (...) і вітри не повіють, і биті дороги опустіють*».

Лексема *шлях*, що є наступною в порядку частотності в романі, двічі вживається з означенням *битий*, причому топоніми підсилюють достовірність оповіді: 1) у контексті роздумів князя *Свидригайла* про майбутній тріумф: «... увійду у *Владичу вежу*, а звідти *битим шляхом* до *Вільнюса* і *Тракая*»; 2) при описі мандрівки *Осташка Каліграфа*: «... багато ж люду (...) мандрувало *битим шляхом*, що проліг з *Угерів* на *Волинь*». Отже, лексема *шлях* постає у романі «*Черлене вино*» як

частина певного простору; на відміну від неї, лексема *дорога* позначає неодмінне просування вперед. Проте *шлях* завжди виводить людину за межі цього простору, у нові виміри.

Лексема *стежка* / *стежки* зустрічаються у контексті роману 4 рази: три рази — в прямому і один раз — у переносному значенні, причому її також супроводжують реальні топоніми: «*Осташко подякував старості і подався протоптаною у снігу стежкою на Циків, за яким бовваніла Біла гора*»; «*Осташко (...) подався звивистою стежкою з Білої гори до передмістя за Брамою*»; «*хай тільки-но стежки підсохнуть, щоб вибратися на торги*». Уживання поряд лексем *дорога*, *стежки*, *поле* при описі втечі біженців від нашествия ворогів утворює виразну трагічну тональність; завдяки стилістичному прийому градації крещендо наростає з кожною новою лексемою: «*дорогою, стежками, полем потяглися ключі жінок і дітей — з торбами і голіруч, залюднювався город*» [4].

Один раз у контексті роману зустрічається лексема *тракт*, що має значення «велика проїзна дорога, шлях» [8, с. 601]. Контекст містить словосполучення *безмостова дорога*, а також топонімічний масив, завдяки якому автор досягає граничної точності при описі місцевості: «*До замку зусібіч тулиться багатолюдний Луцьк, відгороджений від лядського боку непрохідними багнами над Стиром і Сапалаївкою; вийти з нього безмостовою дорогою можна тільки трактом, що йде від Владичої вежі за Литву*». Обмеженість уживання цієї лексеми пов'язана із семантичною специфікою і можливістю уживання лише у прямому значенні.

Найбільшого семантико-стилістичного та експресивного навантаження апелюватимуть лексеми, пов'язані із ХД, набувають у романі О. Назарука «Роксоляна». Це пов'язане із темою, ідеєю та в декількій мірі «дорожнім» сюжетом твору. Так, лексема *дорога* уживається 67 разів, з них 16 — у складі словосполучень і речень. *Дорога* є щільно пов'язаною із композицією твору, долею головної героїні та інших персонажів. Це *порошня дорога*, на яку падає *Настя* від жаху перед татарами; *чорна дорога*, якою женуть у полон бранців; *дальша дорога* болю і страждань; *довга дорога*, яку відбула *Настя* з іншими невільницями до *Царгорода*; *дорога життя*, яку Господь накреслив *Роксоляні*; *далека дорога* у невідоме майбутнє *Настуні*; *далека дорога* венеціанських послів до *Царгорода* та їхня *поворотна дорога* додому; *далека дорога*; *така далека дорога* *Настині* матері до *Царгорода*; *зла дорога*, якою іноді ступає людина. Два рази автор уживає демінутивні лексеми і словосполучення: *втоптана доріженька* з пісні, яку співають молодята напередодні свого страшного весілля; *доріжка*, якою сходить *Роксоляна* на святу гору *Мойсея* під час паломництва. Отже, лексема *дорога* у складі словосполучень уживається поперемінно в прямому і переносному значеннях, причому метафоризуються саме словосполучення, пов'язані із страдницькою долею *Насті*, різкими поворотами в її житті. Лише один раз *дорога* створює зловісну експресію — при обмірковуванні *Роксолянню* своїх намірів: «*На дорозі стоять Кассім і Мустафа. Мусять бути усунені*» [6].

Лексема *шлях*, як і в попередніх творах, є наступною в порядку частотності уживання — вона зустрічається 40 разів, із них 22 — у складі словосполучень; 16 разів — у множині (10 — у складі словосполучень). Дана лексема пов'язана з другим розділом, що має відповідний заголовок — «*Ой, битим шляхом килийським, ой, Диким Полем ординським*», в якому йдеться про стражденню путь невільників до Криму, і дистанційні повтори лексем *шлях* / *шляхи* у прямому значенні підсилюють експресію трагізму: *один їх шлях*; *сам той шлях*; *шлях сей*; *страшний шлях*; *страшний шлях ординський*; *один із страшних татарських шляхів*; *страшний шлях, яким везли її в незнані землі*; *ті чорні шляхи татарські*; *ті три шляхи*; *кожний з цих шляхів*. У цьому ж контексті лексема *шлях* уживається у контексті авторських роздумів: «*Шлях сей ішов майже по тій самій лінії, по якій сьогодні йде торговельний шлях до Одеси. Туди і колись давно ішов сухопуттям торговельний і воєнний шлях староукраїнських князів*» [7]. Сумну експресію підсилює уживання першої частини заголовка у невластивій мові *Насті*, у її роздумах про трагедію рідного краю: «*Не розуміла, чому в пісні співається: «Ой, битим шляхом килийським...» Бо се не був ні шлях, ні битий... Хіба били його своїми пораненими ногами бідні бранці-полонені та копита некованих татарських коней*» [6].

В інших розділах лексема *шлях* також утворює різні художні ефекти: 1) опис грабіжництва морських піратів: «*В тих часах моря були рівно небезпечні, як сухопутні шляхи*»; «*вийшов з каюти Хайреддін (...) пострах всіх людей, що плили морськими шляхами*»; 2) *порошний шлях*, яким їде весільний кортеж до *Насті*; 3) *білий шлях* до Львова, що ввижається *Насті* у мріях про повернення додому; 4) *важкий шлях* пустині, яким має пройти султанський караван до Мекки; 5) *на цім шляху* (шлях до Медини); 6) *кам'яний шлях* до святині Кааба; 7) *шлях* до Синайського монастиря.

У мікроконтекстах, пов'язаних із життєвим шляхом *Насті*, її намірами та сподіваннями, лексема *шлях* знає метафоризації: «*Нехай Бог дасть частя дитині твоїй на тім шляху*»; «*Будь же добра й ти — на тім шляху високім*»; *шлях твоїй*; *шлях життя*; *дальший шлях життя*; *будущий шлях її життя*; *шлях життя людини*; *шлях до престолу султанів*; *шлях Господній*; *правий шлях Алаха*. Таке переосмислення тісно пов'язане із розгортанням оповіді про нелегкий шлях *Роксоляни* на вершину влади.

Лексема *стежка* у різних модифікаціях зустрічається у контексті 11 разів у однині і 7 — у множині і також уживається в прямому і переносному значеннях. Це *стежки* монастирського городу; *святі стежки* Афону, якими ступає *Настя* під час прощі; *стежка*; *стрімка стежка*; *стежина*; *одинокі стежина*; *кам'яниста стежина*, якою крокує султанка через Аравійську пустелю. Метафоризова-

на лексема уживається у значеннях: *стежка буття*; *крута стежина думки*; *дивна стежина життя* Насті; довга і крута *стежка* прохань Ахмеда-баші; *стежки*, які обирає людина; *стежки твої*; *порожні стежки* людини без Бога. Отже, індивідуально-авторські метафоризації лексем *дорога*, *шлях*, *стежка* відбуваються в ідентичному ключі.

Виразну експресію утворюють всі три лексеми, уживаючись при описі афонського повір'я; тут спостерігається прийом градації: «*Мати Божа Воротарниця (...) сходить з-понад брами на стежки колючі, на шляхи розстайні, на кам'яні дороги...*». Крепендо наростає з кожним новим словосполученням, а фольклорний мотив надає оповіді особливого забарвлення.

Лексема *путь* використовується у «Роксолянці», в основному, як засіб експресії; 4 рази вона уживається у прямому і 1 раз — у переносному значенні. Це *дальша путь додому Стефана* після втечі з полону; *путь султанського каравану* до Мекки; *Божа путь*, у яку пустилася *стара мати Насті* до *Царгорода*. Обмеженість уживання цієї лексеми пов'язана з відсутністю просторових параметрів, непередметністю значення для окреслення частини природної сфери і простору для руху. Тому «використання лексеми *путь* у предметному значенні пов'язане із (...) входженням в експресивні контексти» [10, с. 20] в історичному романі «Роксолянка», де переважає «дорожній» сюжет.

Висновки. Таким чином, для створення ХД автори історичних романів використовують різноманітні мовні засоби. Особливості використання зазначених лексем пов'язані, перш за все, з авторськими настановами, темою та ідеєю конкретного твору, проте у усіх досліджених романах простежуються певні закономірності побудови ХД. Перш за все, ще використання ВН — дромонімів, далі йдуть ключові апелятивні лексеми — *дорога*, *шлях*, *стежка*, *путь*, *тракт*, серед яких за частотністю уживання пріоритетне місце посідає *дорога*. За нею стоять лексеми *шлях* і *стежка* / *стежки*. Зафіксовано також поодинокі випадки уживання лексем *тракт* і *путь*, причому остання лексема сприяє утворенню виразної експресії у «Роксолянці». До зазначених мовних засобів приєднуються різноманітні стилістичні прийоми — топонімічні масиви, повтори, градації, які в кожному окремому творі вибудовують ХД, що неподільно пов'язаний із художнім локосом в усіх його проявах. ХД наскрізними зв'язками пронизує текст, гармонійно сполучається з іншими мовними засобами, що підпорядковуються єдиній меті — правдивому відображенню історичних подій, розкриттю авторської точки зору на українську історію.

Л і т е р а т у р а

1. Бабій І. М. Колірна номінація і художній текст / І. М. Бабій // Ну що б, здавалося, слова... (На пошану доктора філологічних наук, професора Надії Миколаївни Сологуб). — К., 2005. — С. 13–16.
2. Давидова О. В. Міфологема дороги в українських народних баладах як стрижнева вісь ритуалу переходу / О. В. Давидова // Вісник Запорізького державного університету : зб. наук. статей. Філологічні науки. — Запоріжжя : ЗДУ, 2001. — Вип. 4. — С. 47–51.
3. Звегинцев В. А. Семасиология / В. А. Звегинцев. — М. : МГУ, 1957. — 322 с.
4. Іваничук Р. Черлене вино. Манускрипт з вулиці Руської / Р. Іваничук. — Харків : Фоліо, 2006. — 381 с.
5. Лотман Ю. М. В школі поетического слова : Пушкин. Лермонтов. Гоголь : Кн. для учителя / Ю. М. Лотман. — М. : Просвещение, 1988. — 352 с.
6. Назарук О. Роксолянка : Історична повість / Осип Назарук. — К. : Школа, 2008. — 336 с.
7. Нечуй-Левицький І. С. Кайдашева сім'я. Гетьман Іван Виговський / І. С. Нечуй-Левицький. — Харків : Ранок, 2003. — 432 с.
8. Новий словник іншомовних слів : близько 40 000 слів і словосполучень. — К. : Арії, 2008. — 672 с.
9. Отин Е. С. Типология коннотативных онимов и их производных / Е. С. Отин // Українська пропріальна лексика : зб. наук. праць. — К. : Кий, 2000. — С. 122–128.
10. Радзівська Т. Концепт шляху в українській мові : поєднання ідей простору та руху / Т. Радзівська // Мовознавство. — К., 1997. — № 4–5. — С. 17–26.
11. Серажим К. С. Текст як комунікаційне вираження дискурсу / К. С. Серажим // Вісник Запорізького державного університету : зб. наук. статей. — Запоріжжя : ЗДУ, 2001. — Вип. 1. — С. 109–115.
12. Чернявська Л. В. Образи руху в системі хронотопу поезії О. Ольжича / Л. В. Чернявська // Вісник Запорізького державного університету : зб. наук. статей. Філологічні науки. — Запоріжжя : ЗДУ, 2001. — Вип. 4. — С. 150–152.

References

1. Babij, I. M. (2005), “Coloring nomination and artistic text”, *Well, what seemed to be the words... (In honor of the doctor of philological sciences, professor N. Sologub)* [“Kolirna nominacija i khudozhnij tekst”, *Nu shcho b, zdavalosia, slova... (Na poshanu doktora filolohichnykh nauk, profesora Nadii M. Solohub)*], Kyiv, pp. 13–16.
2. Davydova, O. V. (2001), “Mythologema of the road in Ukrainian folk ballads as a pivot axis of the transition ritual”, *Bulletin of Zaporizhzhya State University. Philological Sciences* [“Mifolohema dorohy v ukrains'kykh narodnykh baladakh jak stryzhneva vis' rytualu perekhodu”, *Visnyk Zaporiz'koho derzhavnoho universytetu. Filolohichni nauky*], Zaporizhzhya, vol. 4, pp. 47–51.
3. Zvegintsev, V. A. (1957), *Semasiology [Semasiologija]*, Moscow State University Publishing house, Moscow, 322 p.

4. Ivanychuk, R. (2006), Chereny wine. Manuscript from Russian Street [*Cherlene vyno. Manuskrypt z vulyci Rus'koji*], Folio, Kharkiv, 381 p.
5. Lotman, Yu. M. (1988), *At the school of poetic word : Pushkin. Lermontov. Gogol* [V shkole poeticheskogo slova : Pushkin. Lermontov. Gogol' : Kniga dlia uchitelja], Prosveshchenie, Moscow, 352 p.
6. Nazaruk, O. (2008), *Roksohiana : Historical Novel* [*Roksoliana : Istorychna povist*], Shkola, Kyiv, 336 p.
7. Nechuj-Levytskyj, I. S. (2003), *Kaidasheva family. Hetman Ivan Vyhovsky* [*Kajdasheva simja. Het'man Ivan Vyhov'skyj*], Ranok, Kharkiv, 432 p.
8. *New dictionary of foreign words : about 40 000 words and phrases* (2008), [*Novyj slovnyk inshomovnykh sliv : blyz'ko 40 000 sliv i slovospoluchen'*], Ariy, Kyiv, 672 p.
9. Otin, E. S. (2000), "A typology of connotative onyms and their derivatives", *Ukrainian Proprietary Vocabulary : collection of sciences works* ["Tipologija konnotativnykh onimov i ikh proizvodnykh", *Ukrajins'ka proprial'na leksyka : zb. nauk. prac'*], Kij, Kyiv, pp. 122–128.
10. Radzievs'ka, T. (1997), "Concept of the Way in the Ukrainian Language : Combination of the Ideas of Space and Movement", *Linguistics* ["Kontsept shlyakhu v ukrajins'kij movi : pojednannia idej prostoru ta rukhu", *Movoznavstvo*], Kyiv, No 4–5, pp. 17–26.
11. Serazhim, K. S. (2001), "Text as a Communication Expression of Discourse", *Bulletin of the Zaporizhzhya State University. Philological Sciences* ["Tekst jak komunikacijne vyrazhennia dyskursu", *Visnyk Zaporiz'koho derzhavnogo universytetu. Filolohichni nauky*], Zaporizhzhya, vol. 1, pp. 109–115.
12. Chernjav's'ka, L. V. (2001), Images of movement in the system of the chronotope of poetry by O. Olzhych", *Bulletin of Zaporizhzhya State University. Philological Sciences* ["Obrazy rukhu v systemi khronotopu poezii O. Ol'zhycha", *Visnyk Zaporiz'koho derzhavnogo universytetu. Filolohichni nauky*], Zaporizhzhya, vol. 4, pp. 150–152.

НЕМИРОВСКАЯ Александра Фёдоровна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии и методики преподавания специальных дисциплин Южноукраинского национального педагогического университета имени К. Д. Ушинского; ул. Старопортофранковская, 26, г. Одесса, 65020, Украина; тел: +38 067 9681993; 048 7060843; e-mail: layma-59@ukr.net; agnia9886@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-9638-152X

ХРОНОТОП ДОРОГИ В ЖАНРЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей построения хронотопа дороги в жанре исторической прозы. **Предмет** анализа — функциональная нагрузка, особенности употребления, стилистические коннотации, образный потенциал, вариативность лексем, обозначающих движение. Дорога тесно связана с художественным локусом, пронизывает разнообразные слои текста, сочетается с другими художественно-образными средствами и организует весь текст. Каждое употребление «дорожной» лексемы четко продумано: оно показывает широкий спектр образных и экспрессивных трансформаций, а также тесное взаимодействие со всеми лингвистическими и экстралингвистическими факторами. **Результаты** исследования хронотопа дороги демонстрируют его прагматическую направленность в контексте произведения, свидетельствуют о наличии значительного коннотативного потенциала с активированным стилистическим, экспрессивным компонентом, что максимально углубляет экспрессию лексем, обозначающих движение, их значение для построения хронотопа дороги. Основные **выводы** состоят в том, что данные лексемы выполняют текстообразующую, хронотопическую, экспрессивную, выразительную функции, способствуют раскрытию авторской концепции.

Ключевые слова: дорога, путь, имя собственное, дромоним, художественный хронотоп, историческая проза.

Alexandra F. NIEMIROVSKAJA,

Candidate of Philological Science, Associate Professor at the Chair of Ukrainian Philology and Methods of Teaching of Special Subjects, South-Ukrainian K. D. Ushynsky National University; 26 Staroportofrankovskaja str., Odessa, 65020, Ukraine; e-mail: layma-59@ukr.net; agnia9886@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-9638-152X

THE CHRONOTOPE OF ROAD IN THE GENRE OF HISTORICAL PROSE

Summary. In this article investigated the function of the chronotope of the road as on the ways building of the genre of historical prose. Ukrainian writer's historical novels researched. It is analyzed the lexemes of the different perks of the speech for reflecting moving, described their character in context and their role in creating of the fiction chronotope. In the chronotope of the road carries a special expressive, semantic and stylistic load plays a role in the building of the belle-letter chronotope. It is demonstrated their connotative abilities and stylistically role in forming different associations, contrast oppositions in the building of the fiction work and the large spectrum of figurative and expressive transformations and close cooperation with all linguistic and extralinguistic factors. The result of the study establishes about its pragmatic orientation and great connotative potential, which contains activate stylistic and expressive component. That extends expression of the lexemes named moving, its importance for create the artistic chronotope. The main **findings** of the research are that the lexemes named moving performs text-forming, chronotopic (time and space showing), characterizing, and expressive functions, which facilitate revealing the general met message and the artist's intention of the text.

Key words: the way, the road, the chronotope, of the road, the dromonym, the historical prose.

Статтю отримано 12.09.2017 р.

ПИТАННЯ ЛЕКСИКОЛОГІЇ, СЛОВОТВОРУ ТА ГРАМАТИКИ

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.28.112484>

УДК 81'366.533+81'373.2

БЕРБЕР Наталя Миколаївна,

кандидат філологічних наук, викладач кафедри суспільних наук Одеського національного медичного університету; Валіховський пров., 2, Одеса, 65082, Україна; тел.: +38 066 1450772; e-mail: natalyaberber@ukr.net; ORCID ID: 0000-0002-0700-4202

ТОПОПОЕТОНІМІКОН РОМАНУ МАРІЇ МАТІОС «МАЙЖЕ НІКОЛИ НЕ НАВПАКИ»: ФУНКЦІЙНО-СТИЛІСТИЧНИЙ АСПЕКТ

Анотація. *Мета* статті — здійснити функційно-стилістичний аналіз топопоетонімопростору роману Марії Матіос «Майже ніколи не навпаки». *Предметом* безпосереднього вивчення є стилістично марковане функціонування топопоетонімів як компонентів художньо-образної системи твору. *Провідними методами* є контекстуально-інтерпретаційний та метод лінгвостилістичного аналізу. *У результаті* дослідження визначено роль топопоетонімів у формуванні хронотопу і змістово-сислової структури художнього тексту, у вираженні авторської позиції та оцінки; виявлено особливості буквиноцентричної топопоетонімії М. Матіос, що є прикметною рисою ідіолекту письменниці.

Висновки. Жанрова специфіка роману «Майже ніколи не навпаки» детермінує вибір топопоетонімів, які в художньому тексті називають реальні об'єкти фізичного простору, надаючи документального звучання відтвореним історичним подіям. Переважна кількість топопоетонімів є малоекспресивними одиницями, що служать засобом моделювання хронотопічного континууму художнього тексту, *просторової локалізації дії*. У трилогії, що розкриває духовний світ персонажів, топопоетоніми стають факультативним засобом їхнього окреслення. *Практичне використання* результатів проведеного дослідження полягає в лексикографічному опрацюванні індивідуально-авторської поетонімії. Досліджені пропріативи уміщено до нашого «Словника поетонімів художньої прози М. Матіос».

Ключові слова: поетонім, топопоетонім, поетонімопростір, пропріатив, функційно-стилістичний аналіз, ідіолект, Марія Матіос.

Постановка проблеми. Особливий інтерес останнім часом викликає проблема опису ідіолекту письменника, зокрема функціонування поетонімів як виражальних стилістично маркованих мовних одиниць, що вербалізують особливе індивідуально-художнє осмислення світу митцем. В. Кононенко зауважує, що, входячи у текст як функціонально насичені найменування, ВН стають виразниками Я-концепції наратора [7, с. 17].

Зв'язок проблеми з попередніми дослідженнями. Топопоетоніми як один із центральних розрядів поетонімопростору художнього тексту досліджуються досить часто. Так, проаналізовано зазначену лексичну групу у прозі В. Винниченка (Е. В. Боева [2]), Б. Грінченка (Е. В. Боева [3]), О. Забужко (І. П. Левчук [7]), В. Кожелянка (М. В. Максимюк [8]), Ю. Яновського (Г. В. Шотова-Ніколенко [10]) та ін.

Аналіз останніх досліджень. Безупинний інтерес науковців викликає творчий доробок М. Матіос. Так, серед низки мовознавчих студій, присвячених переважно вивченню апеллятивної лексики (С. А. Бузько, І. Тимченко, Н. Шарманова), фіксуємо лише поодинокі поетонімологічні дослідження художньої прози письменниці (З. П. Бакум, А. І. Вегеш, Г. П. Лукаш), чим зумовлено **актуальність** цієї розвідки. Різномасштабний лінгвостилістичний аналіз поетонімії прози М. Матіос подано у нашій роботі [1].

Постановка завдання. Метою статті є функційно-семантичний аналіз топопоетонімів, ужитих М. Матіос у романі «Майже ніколи не навпаки», висвітлення прийомів використання пропріативів як стилістично маркованих одиниць. Реалізація поставленої мети передбачає вирішення таких завдань: здійснити систематизацію, денотатно-номінативну класифікацію топопоетонімів, ужитих у романі М. Матіос «Майже ніколи не навпаки»; виявити, типологізувати й описати мовні засоби виразності топопоетонімів; визначити роль топопоетонімів у формуванні хронотопу і змістово-сислової структури художнього тексту, у вираженні авторської позиції та оцінки.

Виклад основного матеріалу. Топопоетоніми є виразною складовою ідіолекту М. Матіос. Вони формують індивідуально-авторську просторову картину світу. Письменниця зауважує, що «Солодка Даруся», «Нація», «Майже ніколи не навпаки» і «Життя коротке» є світосприйняттєві до прискороного серцебиття; у цих книгах — її месиджи, її коди, її ментальність [4].

Слушно підмічає Г. Л. Дев'ятайка, що з топонімами у текст художнього твору вводиться категорія історичного часу і подієвості [5, с. 28]. Провідною функцією топопоетонімів у романі М. Матіос

є хронотопічна. Прагненням письменниці до максимальної об'єктивності та панорамності оповіді зумовлено введення дистантних топопоетонічних масивів, що не лише позначають реальний простір, а й підсилюють достовірність зображуваних подій, є засобом національної стилізації. Це, насамперед, топопоетоніми-назви Західної України: *Бочків (12 вж.)*, *Луки (7)*, *Яма (4)*, *Бозна (3)*, *Іванцеве поле (2)*, *Погар (1)*, *Трепет (1)*, *Посіч (1)*, *Млини (1)*, *(горб) Кісний (1)*, *Магура (гора) (1)*, серед яких, зокрема, мала Батьківщина Матіос — Буковина — представлена топопоетонічними масивами маршруту, що також створюють враження динамічності зображуваного руху, — *Тисова Рівня (23)*, *Вишниця (11)*, *Шеніт (2)*, *Випчина (1)*, *Бергомет над Сіретом (1)*, *Підзахаричі (1)*, *Чернівці (1)*, *Вашиківці (1)*, а також гідропоетонімами *Черемош (1)*, *Сірет (1)*. Непоіменовано найдаліший хутір *Тисової Рівні (1)*.

Соціально-символічну функцію реалізує регіопоетонім *Сибір*, що, вжитий із займенниками *якийсь*, *їхній*, вербалізує опозицію «свій — чужий»: *У полоні в русаків у якомусь їхньому Сибірі довийовує* [9, с. 100] — «чужий край».

Меморіальна функція топопоетонімів реалізується у процесі акумуляції історичної інформації про названий об'єкт, що призводить до актуалізації потенційних сем у семантиці пропріальної одиниці: *Саме третього грудня я перебував у Бухаресті. На з'їзді нотаріусів* [9, с. 59] (*Бухарест — 'діловий, культурно-просвітницький центр'*); *Мене у Вишниці протоколювали на письмо. Я добре письменний* [9, с. 56] (*Вишниця — 'центр лінгвістичної освіти'*).

Крім того, фонові топопоетоніми подають інформацію про персонажа: *На тій гойданці в Бочкові Маринька й вішалася* [9, с. 133]; *З Кирилом Чев'юком Іван випив добрий могорч за поміч, а на прощання подарував надцербнутий кулею в далекій Сербії австрійський бінокль* [9, с. 18].

Комопоетоніми *Тисова рівня* і *Підзахаричі* виступають опосередкованим засобом характеристики персонажа Настуні: *Настуня тепер обходить та облюбовує Андрійчика замість мами. Загладжує милуваннями-любваннями своє ріденське віно, з яким прийшла в невістки. / Нібито не було в Тисовій Рівні для Андрія багачки, то привів з Підзахаричів таке діряве добро* [9, с. 44]. Експресивність та конотативна наснаженість пропріативів зумовлена паралельним введенням антонімічної пари *багачка — діряве добро*, семантика компонентів якої екстраполюється на вказані топопоетоніми. Як наслідок, компоетоніми теж вступають в антонімічні відношення: *Тисова рівня ('заможне село') — Підзахаричі ('убоге село')*. Введення оказіонального виразу оксюморонного характеру *діряве добро* надає більшій емоційності антропоетоніму *Настуня*. Черемош постає як могутня водна артерія для сплаву лісу в дарабах: *І коли їй приходиться хіть, лишає господарку, діти й валандається з тими, що плоти-дараби по Черемошу гонять* [9, с. 42], служить додатковим засобом характеристики узагальненого образу сплавників, охочих до жінки, та хтивої, розгульної Настуні.

Фоновий астіопоетонім *Чернівці*, астіопоетоніми деривати *чернівецькі*, *віденські* передають ностальгію оповідача за часами, коли Північна Буковина перебувала у складі Австро-Угорщини, що дуже прихильно ставилась до Буковини. Контекст формує конотативний ореол цих пропріативів: *Тисова рівня — 'постачальник гастрономічних шедеврів для заможних австрійців'*, *Чернівці — 'торгівельне місто'*, *'комерційний перевалочний пункт буковинських продуктів харчування'*; *Відень — 'продовольчий рай'*, *'центр економічного та культурного життя Австрійської імперії'*: *Розкішні фіакри, зазвичай призначені для прогулянок маєтного панства, в упряжі з двома гарцьовитими кіньми-зм'яма, в Тисовій Рівні набивали ковбасами-сальтисонами, і неслися вони, немов навіжені, до чернівецьких ресторацій; / а рум'яні, ніби присоромлені, шинки й солонини, що їх можна було самими губами їсти, так само обкладені зусіб'ч кропивою чи льодами, щодуху летіли з Чернівців у вантажних вагонах швидкісних потягів до віденських крамниць і ринків, театральних буфетів та в маєтки особливо заможних громадян неозорої Дунайської монархії* [9, с. 80]. Універсальним засобом виразності тексту є топопоетонім-перифраз, що вказує на ознаку, характерну для географічної назви. В семантиці перифраза *неозора Дунайська монархія (Австрійська імперія)*, включеного у контекст, відбито культурно-історичну інформацію про об'єкт, вміщено конотації, що формують образ: «велика», «заможна», «монархічна держава».

Австрійський та румунський періоди Буковини осмислюються автором як ліберальний та колоніальний відповідно. Авторська точка зору знаходить своє вираження у топопоетонічному плані. Антонімія *Австрія — Румунія* носить імпліцитний характер, оскільки суверенопоетонім *Австрія* не подано у контексті, проте на системний характер між топопоетонімами вказує антонімічна пара із темпоральним значенням *були — зараз*, що не лише протиставляє два часи правління, але й характеризує їхніх правителів. Уникнення топопоетоніма *Австрія* в мовленні директора нотаріальної контори Гольштейна виступає засобом негативної характеристики його як пристосуванця під поточний державний устрій, що влучно передає фраза «Не знаю. Забув, точніше сказати»: — *Можливо, коли ви були підданими цісаря, закон не вимагав покари за образу того, хто служить державі. Не знаю. Забув, точніше сказати. Але зараз... Зараз, коли немає більш законослухняного, аніж його Величність король Великої Румунії... Зараз, пане Чев'юк молодший, закони обов'язко-о-ові для виконання. І для вас також, перепрошую. Інакше мені доведеться звернутися по допомогу до поліції* [9, с. 63].

Використання у художньому тексті топопоетонімів-історизмів є засобом створення темпорального простору, яким забезпечено історичну стилізацію оповіді: *Бочків* (нині — *Великий Бичків*, до 1946 р. — *Великий Бочків*) *Тисова Рівня* (первинна назва *Розтоків*).

Стилістичну маркованість набувають топопоетоніми та їх деривати у складі стилістичних фігур: 1) синекдохи: *австрійська корона — Австрія*; 2) метонімії «місце — люди», внаслідок чого у семній структурі семантики пропріатива з'являється оказіональна сема 'істота': — *Мирні політичні стосунки між австрійською короною й Сербією доходять краю. Цісарський уряд змушений був виставити Сербії ультиматум. На нашому з Росією кордоні також спостерігається напруження. З боку Росії можливі недружні, в тому числі, воєнні дії* [142]. Найбільш часто метонімічно вжито у романі персоніфікований комопоетонім *Тисова Рівня* (5 вж.), що є центром описуваних подій: *Маринька звично погойдалася б на гойданці сама, поки ще Тисова Рівня пореється коло худоби <...>* [9, с. 129]; *УЖЕ ТИСОВА РІВНЯ мовчки змирилася з третім, але таким самим насабним від початку війни пришестьям кукаційного війська на свою землю <...>* [9, с. 152]; *Свідків було половина Тисової Рівні* [9, с. 64].

Не слабшає увага М. Матіос і до історії походження географічних назв: *З вікна виднілися горби, а найдальший горб, круглий, як місяць уповні, називався Кісний. Бо добра й груба з року в рік косовиця була там* [9, с. 27].

Образний потенціал топопоетонімів та їх дериватів виявляється у реченнях із компаративними конструкціями: *та Тисова Рівня така довга, як жіночий язик!* [87]; *лютий, як справжня йорданська студінь, Варварчуччин бик* [9, с. 16].

Національно-мовного колориту надають зразки живого мовлення буковинців, серед яких — вживання топопоетонімів у якості хронопоетонімів: *ще за небіжки Австрії* [9, с. 38]. Апелятив *небіжка* не лише експресивізує пропріатив, а й експлікує у ньому факультативну сему 'державна, що занепаля'.

Висновки і перспективи дослідження. Жанрова специфіка роману «Майже ніколи не навпаки» детермінує вибір топопоетонімів, які у художньому тексті називають реальні об'єкти фізичного простору, надаючи документального звучання відтвореним історичним подіям. Переважна кількість топопоетонімів є малоекспресивними одиницями, що служать засобом моделювання хронотопічного континууму художнього тексту, **просторової локалізації дії**. У трилогії, жанрово означеній письменницею «сімейна сага у новелах», що розкриває духовний світ персонажів, топопоетоніми стають факультативним засобом їхнього окреслення. Перспективним вважаємо комплексний аналіз поетонімопростору роману М. Матіос «Майже ніколи не навпаки», що, зокрема, передбачає виявлення системних зв'язків між пропріальними одиницями в художній тканині твору.

Л і т е р а т у р а

1. Бербер Н. М. Поетонімія в структурі ідіостилю Марії Матіос : дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 — українська мова / Н. М. Бербер. — Одеса, 2017. — 243 с.
2. Боева Е. В. Реальна топонімія як засіб образності в художньому дискурсі В. Винниченка Е. В. Боева // Філологічні науки : зб. наук. праць. — Суми : Вид-во СумДПУ ім. А. С. Макаренка, 2009. — С. 8–14.
3. Боева Е. В. Топонімія в художньому просторі прозових творів Б. Д. Грінченка / Е. В. Боева // Українська пропріальна лексика : Матеріали наукового семінару (13–14 вересня 2000 р.). — К. : Київ, 2000. — С. 12–19.
4. Бондаренко С. Между законами сердца и Чести [Електронний ресурс] / С. Бондаренко // «Ведомости». — 2008. — Режим доступу: <http://www.kv.com.ua/archive/12134/culture/12177.html>.
5. Девятайкина Г. Л. Топоніми в поезитке «Уральских рассказов» Д. Н. Мамина-Сибиряка / Г. Л. Девятайкина // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. — 2007. — № 53. — С. 27–35.
6. Кононенко В. Поетичні антропоніми в образному мовомисленні / Віталій Кононенко // Вісник Прикарпатського національного університету ім. Василя Стефаника. Філологія. — Івано-Франківськ: Вид-во Прикарпатського національного університету, 2011. — Вип. XXIX–XXXI. — С. 16–21.
7. Левчук І. Топонімікон роману Оксани Забужко «Польові дослідження з українського сексу» / І. Левчук, Т. Шепелюк // Волинь філологічна: текст і контекст. — 2012. — Вип. 14. — С. 105–111.
8. Максимюк М. В. Особливості функціонування топонімів у романі В. Кожелянка «Дефіляда в Москві» / М. В. Максимюк // Логос ономастики. — 2006. — № 1. — С. 97–103.
9. Матіос М. Майже ніколи не навпаки : [сімейна сага в новелах] / Марія Василівна Матіос. — Львів : ЛА «Піраміда», 2007. — 176 с.
10. Шотова-Ніколенко Г. В. Онімний простір романів Ю. І. Яновського : монографія / Ганна Василівна Шотова-Ніколенко. — Одеса: Астропринт, 2007. — 168 с.

References

1. Berber, N. M. (2017), *Poetonymy in Maria Matios' idiostyle* [Poetonimija v strukturі idiostylju Marii' Matios : dys. ... kand. filol. nauk], Odessa, 243 p.
2. Bojeva, E. V. (2009), "Real toponymy as a means of imagery in the artistic discourse of V. Vynnychenko", *Philological Sciences* ["Real'na toponimija jak zasib obraznosti v hudozhn'omu dyskursi V. Vynnychenka", *Filologichni nauky : zb. nauk. prac'*], Vyd-vo SumDPU im. A. S. Makarenka, Sumy, pp. 8–14.

3. Bojeva, E. V. (2000), "Toponymy in the artistic space of prose works B. D. Grinchenko", *Ukrainian propriat vocabulary: Materials of the scientific seminar* ["Toponimija v hudozhn'omu prostori prozovykh tvoriv B. D. Grinchenka", *Ukrai'ns'ka propriat'na leksyka: Materialy naukovogo seminaru*], Kyj, Kyiv, pp. 12–19.
4. Bondarenko, S. (2008), *Between the laws of heart and honor* [*Mezhdz zakonami serdca i Chesti*], available at: <http://www.kv.com.ua/archive/12134/culture/12177.html> [Accessed 18 Oct. 2017].
5. Devjatajkina, G. L. (2007), "Toponyms in the poetry of Ural Stories by D. N. Mamin-Sibirjak", *Izvestia of the Ural federal university. Series 2. Humanitarian sciences* ["Toponimy v pojetike «Ural'skih rasskazov» D. N. Mamina-Sibirjaka", *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki*], Ekaterinburg, vol. 53, pp. 27–35.
6. Kononenko, V. (2011), "Poetic anthroponyms in figurative thinking", *Precarpathian University Newsletter. Philology* ["Poetychni antroponimy v obraznomu movomyssleni", *Visnyk Prykarpats'kogo nacional'nogo universytetu im. Vasylja Stefanyka. Filologija*], Vyd-vo Prykarpats'kogo nacional'nogo universytetu, Ivano-Frankivs'k, vol. 29–31, pp. 16–21.
7. Levchuk, I. (2012), "Toponymy of the novel by Oksana Zabuzhko «Field studies on Ukrainian sex»", *Volyn philological: text and context* ["Toponimikon romanu Oksany Zabuzhko «Pol'ovi doslidzhennja z ukrai'ns'kogo seksu»", *Volyn' filologichna: tekst i kontekst*], Luc'k, vol. 14, pp. 105–111.
8. Maksymjuk, M. V. (2006), "Peculiarities of the functioning of toponyms in V. Kozhelanka's novel «Defilade in Moscow»", *Logos onomastyky* ["Osoblyvosti funkcionuvannja toponimiv u romanu V. Kozheljanka «Defiljada v Moskvi»", *Logos onomastyky*], Donec'k, vol. 1, pp. 97–103.
9. Matios, M. (2007), *Hardly ever other wise* [*Majzhe nikoly ne navpaky*], Piramida, L'viv, 176 p.
10. Shotova-Nikolenko, A. V. (2007), *Onomastic space of Yu. I. Yanovsky's novels* [*Onimnyj prostir romaniv Ju. I. Janovs'kogo*], Astroprint, Odessa, 168 p.

БЕРБЕР Наталья Николаевна,

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры общественных наук
Одесского национального медицинского университета;
Валиховский пер., 2, Одесса, 65082, Украина; тел.: +38 066 1450772;
e-mail: natalyaberber@ukr.net; ORCID ID: 0000-0002-0700-4202

ТОПОПОЭТОНИМИКОН РОМАНА МАРИИ МАТИОС «ПОЧТИ НИКОГДА НЕ НАОБОРОТ»: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. *Цель* статьи — осуществить функционально-стилистический анализ топопоэтонимопространства романа Марии Матиос «Почти никогда не наоборот». Предметом непосредственного изучения является стилистически маркированное функционирование топопоэтонимов как компонентов художественно-образной системы произведения. *Ведущими методами* являются контекстуально-интерпретационный и метод лингвостилистического анализа. *В результате* исследования определена роль топопоэтонимов в формировании хронотопа и содержательно-смысловой структуры художественного текста, в выражении авторской позиции и оценки; выявлены особенности буквиноцентрической топопоэтонимии М. Матиос, что является отличительной чертой идиолекта писательницы.

Выводы. Жанровая специфика романа «Почти никогда не наоборот» детерминирует выбор топопоэтонимов, которые в художественном тексте называют реальными объектами физического пространства, придавая документальное звучание воспроизводимым историческим событиям. Подавляющее количество топопоэтонимов является малоэкспрессивными единицами, которые служат средством моделирования хронотопического континуума художественного текста, пространственной локализации действия. В трилогии, раскрывающей духовный мир персонажей, топопоэтонимы становятся факультативным средством их создания. Практическое использование результатов проведенного исследования состоит в лексикографической обработке индивидуально-авторской поэтонимии. Исследованные проприативы помещены в наш «Словарь поэтонимов художественной прозы М. Матиос».

Ключевые слова: поэтоним, топопоэтоним, поэтонимопространство, проприатив, функционально-стилистический анализ, идиолект, Мария Матиос.

Natalya M. BERBER,

candidate of Philology (Phd), Assistant Professor of the Department of Social Sciences
in Odessa National Medical University; Valichovsky lane, 2, Odessa, 65082, Ukraine; phone: +38 066 1450772;
e-mail: natalyaberber@ukr.net; ORCID ID: 0000-0002-0700-4202

ТОПОПОЭТОНИМИКОН РОМАНА МАРИИ МАТИОС «ПОЧТИ НИКОГДА НЕ НАОБОРОТ»: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Summary. *The purpose* of the article is to carry out a functional-stylistic analysis of the topoetonymic space of the novel by Maria Matios "Almost never the other way round". *The subject* of direct study is the stylistically marked operation of topoetonyms as components of the artistic-figurative system of the work. *The leading methods* are contextual-interpretation and the method of linguistic-stylistic analysis. As a *result* of the research, the role of topoetonyms in the formation of the chronotope and the content-semantic structure of the artistic text, in the expression of the author's position and assessment; the features of the Bukovinian-centric topoetonymics of M. Matios are revealed, which is an outstanding feature of the writer idiolect.

Conclusions. Genre specificity of the novel "Almost never the other way round" determines the choice of topoetonyms, which in the artistic text refer to real objects of the physical space, providing documentary sound to the reproduced historical events. The preponderance of topoetonyms are non-expressive units, which serve as a means of modeling the chronotopic continuum of artistic text, spatial localization of action. In a trilogy that reveals the spiritual world of characters, topoetonyms are an optional means of defining them. *The practical use* of the results of the study is in the

lexicographic elaboration of the individual author's poetonyms. Investigated propriatives are placed in our "Dictionary of poetonyms of artistic prose M. Matios".

Key words: poetonym, poetonymic space, topoetonym, propriative, functional-stylistic analysis, idiolect, Maria Matios.

Статтю отримано 11.09.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.28.115835>

УДК 811.161.1'373.611

ДЬЯЧОК Наталья Васильевна,

доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славянского языкознания
Днепропетровского национального университета им. Олеся Гончара; пр. Гагарина, 72, г. Днепр, 49000, Украина;
тел.: (050) 953-25-81; e-mail: dyachoknatalya@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3949-3423

ПРИНЦИПЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НОМИНАТЕМЫ КОМПЛЕКСНОГО ТИПА

Аннотация. *Цель* статьи — определение классификационных параметров номинатем комплексного типа. *Объект* анализа — процессы речевой и языковой номинации в их разнообразии. *Предмет* исследования — номинатемы, модели модификации которых представляют собой комплекс речевых и текстовых реализаций, тем самым отличаясь от более частотных двухкомпонентных моделей. В работе использованы описательный и структурный *методы*. *Результат* исследования — выявление номинатем комплексных типов, описание их реализаций различных видов. *Выводы.* Соответствия «словосочетание — аббревиатура — эллиптический универб», «словосочетание — композит — эллиптический универб», «словосочетание — словосочетание юкстапозитно-аббревиатурного типа — эллиптический универб», «словосочетание — эллиптический универб — эллиптема (главное слово) — композит», «словосочетание — эллиптический универб — эллиптема (зависимое слово)», «словосочетание — композит аббревиатурного типа — аббревиатура — эллиптический универб» являются формами абстрактной номинативной единицы, именуемой номинатемой комплексного типа, которая характеризуется целым рядом формальных и семантических особенностей, присущих только этим лексическим структурам. *Практическое применение* результатов исследования может воплотиться в составлении словаря номинатем русского языка.

Ключевые слова: номинатема, номинация, слово, словосочетание, универб, аббревиатура, композит.

Постановка проблемы. Вопрос об определении языковых единиц остается, пожалуй, самым важным в области лингвистического описания. С ним непосредственно сопряжен «вопрос об иерархии лингвистического описания» [1, с. 66].

Связь с предыдущими исследованиями. Существует два подхода к идентификации языковых единиц. Первый — словоцентрический — «основан на том, что главной единицей языка считается слово и анализ начинается с выделения слов, от которых и происходит переход к выделению как более кратких (морфем), так и более протяжённых (словосочетаний, иногда и предложений) единиц языка» [1, с. 66].

Постановка задач исследования. Целью статьи является определение классификационных параметров номинатем комплексного типа, что способствует наиболее полному описанию семантико-формальных особенностей номинатем как абстрактных языковых сущностей. Предмет исследования представлен рядом номинатем, модели модификации которых воплощены в комплексе речевых и текстовых реализаций и тем самым отличаются от более частотных двухкомпонентных моделей.

Изложение основного материала. Основоположником несловоцентрического подхода считают И. А. Бодуэна де Куртенэ, который в своей работе «Язык и языки» предложил выделение единиц языка на примере членения русского предложения. Сущность подхода заключалась в последовательном выделении более мелких единиц из более крупных. Несколько позже сущность несловоцентрического подхода сформулировал Л. Блумфилд, обозначивший в качестве основных единиц языка единицы, названные им формами. При этом минимальной формой в его концепции считалась морфема. Далее последовательно выделялись слово, словосочетание и предложение. «При несловоцентрическом подходе, — констатирует В. М. Алпатов, — слово уже не занимает того места, как в словоцентрических концепциях» [1, с. 67]. В данном случае исследователь избирает путь от более протяженных единиц к более кратким или от наиболее кратких к сложным по своей структуре и семантике. При этом слово не считается первичной и главной единицей, оно находится в одном ряду с другими единицами языка и может даже не выделяться вообще.

Проявлением несловоцентрического подхода является и представление о номинативности словосочетаний, которая вполне объясняется тезисом А. П. Загнитко: «основная функция словосочетания — номинативная» [2, с. 53]. При этом «комбинация слов и словосочетание репрезентируют уже соединение некоторых отдельных значений-сигнификатов, в результате чего образуется новая

номинативная единица, идентификация и понимание которой зиждется на адекватном воспроизведении некоторого реального единства предметов, явлений и их свойств (сочетание предмета и признака, сочетание предметов, сочетание действий и т. д.)» [7, с. 123].

По мнению В. И. Теркулова, к принципам словоцентрического подхода следует относиться критически, поскольку 1) словоцентрические теории «не могут определить слово как целостную единицу — каждый раз, говоря о слове, мы должны уточнять, какое слово имеется в виду — фонетическое, лексическое, морфологическое; при этом даже такой подход не снимает противоречий <...> — и при определении уровневых слов существуют периферийные зоны, для которых трудно установить, что же перед нами, слово или другая единица»; 2) эти теории также не могут «определить слово и как языковую универсалию, так как оно часто имеет разные параметры существования в разных языках» [5, с. 55].

Несловоцентрический подход представляется универсальным и поэтому имеет преимущества перед словоцентрическим подходом. Об этом говорит В. М. Алпатов: «... наряду с психологически адекватными моделями должны строиться и модели, которые могли бы описывать языки мира на единичных основаниях. Подобные модели необходимы для <...> выявления универсальных свойств языка. Для этих целей, которыми не исчерпывается языкознание, несловоцентрические модели <...> удобнее словоцентрических» [1, с. 62].

Нельзя не согласиться, что «противопоставление языковой и речевой номинации — это, в первую очередь, и есть противопоставление языковой (инвариантной) и речевой (вариантной) единиц и установление механизма реализации первой во второй. В этой ситуации, следовательно, уместно **синкретичное** использование термина «номинация», дающее возможность объединить процесс и результат в единый статико-динамический комплекс» [5, с. 33].

В традиционной лингвистике все-таки прослеживается тенденция к выделению словосочетаний и других единиц, наряду со словами, как обладающих семантической, а значит и номинативной целостностью. Таким образом, можно прийти к выводу, что слово является не столько базовой, сколько формальной разновидностью номинативных единиц. Базовыми разновидностями номинативных единиц можно считать результаты речевой номинации (слова-синтагмы, глоссы простые и комплексные, модификации соответствующих номинатом — в разных терминологических системах), а базовой единицей языковой номинации — номинатому.

Так или иначе, определение основной единицы языка (или основной номинативной единицы) представляет собой выделение единицы, сосредоточивающей в себе основную — номинативную — функцию.

Номинативный инвариант может быть определен как «абстрактная единица, отвлеченная от своих конкретных реализаций, которая представляет собой то общее, что в той или иной степени присутствует в ряде однородных конкретных единиц, имеющих статус ее вариантов или дублетов» [4, с. 47]. Инвариант всегда реализуется в своих модификациях.

Критерии тождества исследуемого инварианта можно представить следующим образом.

1. Номинатема как единица языка способна вбирать в себя множество дифференциальных признаков, не нарушающих представления о его единстве.

2. Номинатема реально функционирует в речи в одной из своих модификаций (дублетов); поэтому модифицирование номинатомы — это форма ее существования.

3. Тождество номинатомы предполагает дублетное модифицирование, которое заключается в полной семантической идентичности противочленов. При дублетном модифицировании противочлены (дублеты) всегда совпадают как в лексическом отношении, так и в грамматическом плане.

4. Семантико-грамматическая цельнооформленность номинатомы, то есть совокупность тексто-речевых реализаций конкретной номинатомы, потенциально ей свойственных.

Согласно представленной теории принято выделять номинатомы с доминантой-словом (словесной доминантой) и номинатомы с доминантой словосочетанием.

Под структурными разновидностями номинатомы со словесной доминантой понимаются все семантически тождественные единицы, отождествляемые на уровне слова, а именно:

1) собственно слово во всех контекстах, где его семантика эквивалентна ему самому (*она нарядилась в платье*, где, например, слово *платье* эквивалентно самому себе, поскольку его семантика реализуется без привлечения семантики других слов из его контекста);

2) сочетание полнозначного слова с предлогом (*платье — в платье*, поскольку в данном случае отмечается тождество семантики и первого слова и второго сочетания);

3) слово, распространенное зависимой полнозначной лексемой, выполняющей функцию семного конкретизатора (*красивое платье*, где прилагательное *красивое* выполняет функцию семного конкретизатора, то есть сужает, конкретизирует лексическое значение существительного *платье*).

Под структурными разновидностями номинатомы с доминантой-словосочетанием понимаются все семантически тождественные единицы, отождествляемые на уровне словосочетания, а именно:

1) идиоматизированное словосочетание, то есть коллокация, которая видится как «лексико-семантический тип словосочетания, по своей внутренней семантической структуре стоящий между свободным и фразеологическим сочетанием» [8, с. 97] (*железная руда, магнитный железняк, грудная жаба*);

2) фразеологизированное словосочетание, возникновение которого обусловило идиоматизированное словосочетание и которое представляет собой «постоянное и повторяемое употребление

свободного сочетания слов не в прямом, а в обобщенном, образно-переносном значении» [6, с. 92] (*красная строка, сизифов труд, темна вода во облацех*);

3) сочетание со служебным словом (*с Красной армией*) и аналитические лексико-семантические варианты (*знаменитая красная армия*);

4) универбализованный (вербальный) эквивалент словосочетания — слово, возникшее в результате вербальной модификации словосочетания, тождественно словосочетанию в лексико-грамматическом аспекте, то есть демонстрирует тождество лексического, грамматического значений и синтаксической функции.

Последняя структурная разновидность номинатемы, в свою очередь, представлена следующей видовой иерархией.

1. Случаи, в которых словесная интерпретация номинатемы с коллокативной доминантой «создается путем эллипсиса, сокращения сочетания слов в слово, которое по своей природе является его компонентом» [3, с. 135]:

а) эллипсис в направлении зависимого слова (*рабочий человек — рабочий, гостиная комната — гостиная*);

б) эллипсис в направлении главного слова (*электрическая плитка — плитка, детская площадка — площадка*);

в) эллиптическая универбация (*мобильный телефон — мобильник, молотильная машина — молотилка, жена генерала — генеральша, укладывает асфальт — асфальтировать*).

2. Случаи, когда «словесный дублет номинатемы с коллокативной доминантой создается путем композитной компрессии словосочетания» [3, с. 135]:

а) аббревиация (*собственный корреспондент — собкор, Горловский государственный педагогический институт иностранных языков — ГГПИИЯ*);

б) собственно формальная компрессия, при которой наблюдается простое интерпретирование коллокации как слова (*долго играющий — долгоиграющий, вяло текущий — вялотекущий*);

в) компрессионная универбация, при которой компрессия сопровождается имитацией словообразования (*широкий в плечах — широкоплечий*).

Ранее мы подробно исследовали лишь эллиптическую универбацию как один из подтипов третьей структурной разновидности номинатемы с доминантой-словосочетанием, где семантически тождественная единица, отождествляемая на уровне словосочетания, представлена универбализованным (вербальным, словесным) эквивалентом соответствующего словосочетания.

Однако языковой материал демонстрирует наличие и других типов номинатем с доминантой-словосочетанием. Причем речевая база этих номинатем является трёх- и даже четырёхкомпонентной.

1. Номинатема типа «словосочетание + аббревиатура + эллиптический универб», представленная следующей структурой:

	WCom (<i>день рождения</i>)	
Nom (<i>день рождения</i>)		Abbr (<i>др</i>)
	U (<i>днюха</i>),	

где **Nom** — номинатема с доминантой-словосочетанием, **WCom** — ее модификация-словосочетание, **Abbr** — ее модификация-аббревиатура, **U** — ее модификация-универб. Например: *Северная столица отметила 311-й день рождения масштабным оперно-балетным гала-концертом Санкт-Петербург закрепил свежую благородную традицию, проведя гала-концерт высокой музыки в День города: впервые пространство Дворцовой площади было доверено не рок-звездам, а оперным певцам в прошлом году* (Ярослав Тимофеев. Элина Гаранча и Массимо Джордано спели гимн Ленинграду // Известия, 2014.05.27) — *У неё на ДР первый раз была компания не из класса и она осталась тем не менее очень довольна* (Наши дети: Подростки (2004)) — *У нашей Светки сегодня днюха, подваливайте!* (Александр МИЛКУС. Студенческая общага: китайцы, кавказцы и гастарбайтеры... // Комсомольская правда, 2004.12.01); *С днюхой, Наталья!*)) *Удач, счастья и всего по жизни*)) (Женщина + мужчина: Секс (форум) (2004).

2. Номинатема типа «словосочетание + композит + эллиптический универб», представленная следующей структурой:

	WCom (<i>химическая терапия</i>)	
Nom (<i>химическая терапия</i>)		Comp (<i>химиотерапия</i>)
	U (<i>химия</i>),	

где **Nom** — номинатема с доминантой-словосочетанием, **WCom** — ее модификация-словосочетание, **Comp** — ее модификация-композит, **U** — ее модификация-универб. Например: *Уменьшая риск*

болезней пожилого возраста, поспешное внедрение массовой **химической терапии**, подогреваемое коммерческой рекламой, увеличило риск хронических и пока неизлечимых болезней более позднего возраста (Жорес Медведев. Холестерин: наш друг или враг? (2006) // «Наука и жизнь», 2008) — Конечно, **химиотерапия** применяется только в случае тяжелейших заболеваний, но где гарантия, что подобным побочным эффектом лекарства не воспользуются те, кому нужно в буквальном смысле стереть свои отпечатки? (ЕКАТЕРИНА ЛЮЛЬЧАК. Диагностические отпечатки // РБК Daily, 2009.06.19) — У Саши острый лейкоз, он получает **лечение химией**, а это значит, что иммунитета у мальчика нет вообще и ему нельзя ездить в электричке (Ярослава ТАНЬКОВА. Помогите выжить малышам из многодетных семей // Комсомольская правда, 2006.10.23).

3. Номинатема типа «словосочетание + словосочетание юкстапозитно-аббревиатурного типа + эллиптический универб», представленная следующей структурой:

	WCom (микроволновая печь)	
Nom (микроволновая печь)	U (микроволновка),	WCom-Abbr-Jukst (МВ-печь)

где **Nom** — номинатема с доминантой-словосочетанием, **WCom** — ее модификация-словосочетание, **WCom-Addr-Jukst** — ее модификация-словосочетание юкстапозитно-аббревиатурного типа, **U** — ее модификация-универб. Например: Основными потребителями электрической энергии в быту являются: электроплита; холодильник; освещенные; электрочайник; **микроволновая печь**; утюг; пылесос; фен; радиоэлектронная аппаратура (Виталий Шемакин. Уходя, гасите свет! // «Наука и жизнь», 2009) — суперЭВМ, микроГЭС, УКВ-передатчик, **МВ-печь**, ДНК-содержащий (В. Лопатин. О новом академическом справочнике по русскому языку // «Наука и жизнь», 2008) — Электроприборов у нас немало, особенно напичкана кухня: посудомойка, холодильник с морозильной камерой, **микроволновка**, хлебопечка, вытяжка, мультиварка, аэрогриль, чудо-печь, еще телевизор, ну и по мелочи: кофемолка, тостер, вафельница (Елена АРАКЕЛЯН, Татьяна АРОНОВА («КП» — Красноярск), Ольга КНЯЗЕВА («КП» — Нижний Новгород), Александр СТЕПАНОВ («КП» — Ростов. Тариф «Лучина»: Постой, пылесос, не спеши! Есть вопросы... // Комсомольская правда, 2013.10.28).

4. Номинатема типа «словосочетание + эллиптический универб + эллиптема (главное слово) + композит», представленная следующей структурой:

	WCom (электрическая печка)	
Nom (электрическая печка)	U (электричка)	Comp (электропечка)
	E(m) (печка),	

где **Nom** — номинатема с доминантой-словосочетанием, **WCom** — ее модификация-словосочетание, **Comp** — ее модификация-комполит, **U** — ее модификация-универб, **E(m)** — ее модификация-эллиптема — результат эллипсиса в направлении главного слова. Например: Чтобы согреться, мигранты и использовали **электрические печки** (КПВУ, 04.04.2012) — Яйца час закипали на **электропечке**, очень неудобно, — жалуются женщина (КПВУ, 28.03.2017) — Согласитесь, одна спиральная **электричка** на 14 номеров это как-то по-жлобски (Белосарайская коса 2017, <https://rest.guru.ua/belosaraika/comm/page/149>) — А вместе с поваром «гастролируют» конвекционные **печки**, в коих будут готовиться кулинарные изыски для англичан (КПВУ, 05.11.2016).

5. Номинатема типа «словосочетание + эллиптический универб + эллиптема (зависимое слово)», представленная следующей структурой:

	WCom (столовая комната)	
Nom (столовая комната)	U (столовка)	
	E(d) (столовая),	

где **Nom** — номинатема с доминантой-словосочетанием, **WCom** — ее модификация-словосочетание, **U** — ее модификация-универб, **E(d)** — ее модификация-эллиптема — результат эллипсиса в направлении зависимого слова. Например: После чтения цитат всех присутствующих проведут по музею, покажут новые экспонаты из выставки «Война и мир» в **столовой комнате** Булгаковых-Турбиных (КПВУ, 07.05.2014) — После этого случая я больше в **столовке** не ела (КПВУ, 28.01.2017) — Но на переменах, в **столовой** дети-инвалиды смогут жить обычной школьной жизнью, общаться с обычными детьми (КПВУ, 04.08.2017).

6. Номина тема типа «словосочетание + композит аббревиатурного типа + аббревиатура + эллиптический универб», представленная следующей структурой:

WCom (заграничний паспорт)
Nom заграничний паспорт
ComAbbr (загранпаспорт)
Abbr (загран)
U (загранник),

где **Nom** — номина тема с доминантой-словосочетанием, **WCom** — ее модификация-словосочетание, **U** — ее модификация-универб, **ComAbbr** — ее модификация-композит аббревиатурного типа, **Abbr** — ее модификация-аббревиатура. Например: *Въезд в шенгенскую зону без визы будет доступен только для владельцев заграничных биометрических паспортов. — Согласно правилам безвизового режима с ЕС, каждый путешествующий, не зависимо от возраста, оформляет свой личный биометрический загранпаспорт. — По достижению этого возраста срок действия биометрического загра на возрастает до 10 лет.* (<http://www.amn.com.ua/podiyi/byometrycheskyj-zagranpasport-hto-dolzhen-znat-kazhdyj-ukraynets/>).

Материал исследования показал, что номина темы могут быть контекстуально представлены не только двумя, но и тремя, и четырьмя дублетами. Такие номина темы мы определяем как комплексные инварианты, которые относятся к разряду номина тем с доминантой-словосочетанием, конкретнее — являются номина темами типа 1) «словосочетание + аббревиатура + эллиптический универб», 2) «словосочетание + композит + эллиптический универб», 3) «словосочетание + словосочетание юкстапозитно-аббревиатурного типа + эллиптический универб», 4) «словосочетание + эллиптический универб + эллиптема (главное слово) + композит», 5) «словосочетание + эллиптический универб + эллиптема (зависимое слово)», 6) «словосочетание + композит аббревиатурного типа + аббревиатура + эллиптический универб».

Л и т е р а т у р а

1. Алпатов В. М. О двух подходах к выделению основных единиц языка / В. М. Алпатов // Вопросы языкознания. — М., 1982. — № 6. — С. 66–74.
2. Загнітко А. П. Основи українського теоретичного синтаксису : навч. посібник [для студентів вищих навчальних закладів] / А. П. Загнітко. — Горлівка : Вид-во ГДПІМ, 2003. — Ч. 1. — 228 с.
3. Теркулов В. И. Еще раз об основной единице языка / В. И. Теркулов // Вісник Луганського національного педагогічного університету ім. Т. Г. Шевченка : «Філологічні науки» : зб. наук. праць. — Луганськ : Альма-матер, 2006. — № 11 (106). — С. 127–137.
4. Теркулов В. И. Слово и номина тема: опыт комплексного описания основной номинативной единицы языка / В. И. Теркулов. — Горловка : ГГПІІЯ, 2007. — 240 с.
5. Теркулов В. И. Номина тема: опыт определения и описания / В. И. Теркулов. — Горловка : ГГПІІЯ, 2010. — 228 с.
6. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка : учебн. пособие [для студ. пед. ин- тов по спец. «Русский язык и литература»] / Н. М. Шанский. — М. : Высшая школа, 1996. — 160 с.
7. Языковая номинация : общие вопросы / [под ред. Л. Л. Уфимцевой, Б. Л. Серебренникова]. — М. : Наука, 1977. — 360 с.
8. Jackson H. Words and their Meaning / H. Jackson. — London and New York : Longman, 1995. — 279 p.

References

1. Alpatov V. M. (1982), “On two approaches to distinguishing the basic units of language”, *Topics in the study of language* [“O dvukh podkhodakh k vydeleniyu osnovnykh yedinitz yazyka”, *Voprosy yazykoznaninya*], No 6, pp. 66–74.
2. Zahnitko A. P. (2003), *Fundamentals of Ukrainian Theoretical Syntax* [Osnovy ukrayins'koho teoretychnoho syntaksysu], Gorlovka, 228 p.
3. Terkulov V. I. (2006), “Once more about the main unit of linguistics”, *Philological sciences* [“Jeshche raz ob osnovnoj yedinitse jazyka”, *Filologicheskije nauki*], No 11 (106), pp. 127–137.
4. Terkulov V. I. (2007), *Word and nominatheme: the experience of a complex description of the main nominative language unit* [Slovo i nominatema: opyt kompleksnogo opisaniya osnovnoy nominativnoy yedinitzy yazyka], Gorlovka, 240 p.
5. Terkulov V. I. (2010), *Nominatheme: the experience of defining and describing* [Nominatema: opyt opredeleniya i opisaniya], Gorlovka, 228 p.
6. Shansky N. M. (1996), *Phraseology of the modern Russian language* [Frazеologiya sovremennogo russkogo yazyka], Moscow, 160 p.
7. Language (1977), *Language nomination: general questions* [Yazykovaya nominatsiya : obshchiye voprosy], Moscow, 360 p.
8. Jackson H. (1995), *Words and their Meaning*, London and New York, 279 p.

ДЬЯЧОК Наталя Василівна,

доктор філологічних наук, професор кафедри загального та слов'янського мовознавства
Дніпропетровського національного університету ім. Олеса Гончара;
пр. Гагаріна, 72, м. Дніпро, 49000, Україна; тел.: (050) 953-25-81;
e-mail: dyachoknatalya@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3949-3423

ПРИНЦИПИ ВИЗНАЧЕННЯ НОМІНАТЕМИ КОМПЛЕКСНОГО ТИПУ

Анотація. *Метою* статті є визначення класифікаційних параметрів номінатем комплексного типу. *Об'єкт* аналізу — процеси мовленнєвої й мовної номінації в їхній різноманітності. *Предмет* дослідження — номінатемами, моделі модифікації яких є комплексом мовленнєвих і текстових реалізацій, відрізняючись від традиційних двохкомпонентних моделей. В роботі використано описовий і структурний *методи*. *Результатом* дослідження є виявлення номінатем комплексних типів, опис їх реалізацій різних видів. **Висновки.** Відповідності «словосполучення — композит — універб», «словосполучення — аббревіатура — універб», «словосполучення — словосполучення юкстапозитно-аббревіатурного типу — універб», «словосполучення — універб — еліптема (головне слово) — композит», «словосполучення — універб — еліптема (залежне слово)», «словосполучення — композит аббревіатурного типу — аббревіатура — універб» є формами абстрактної мовної одиниці — номінатемами комплексного типу, — яка має цілу низку формальних та семантичних особливостей. **Практичне застосування** результатів дослідження може бути втілено в укладанні словника номінатем російської мови.

Ключові слова: номінатема, номінація, слово, словосполучення, універб, аббревіатура, композит.

Natalia V. DIACHOK,

Doctor of Science, Philology, Professor of the Department
of General and Slavonic Linguistics of Oles Honchar Dnipropetrovsk National University;
Gagarin Avenue, 72, Dnipro, 49000, Ukraine; tel.: (050) 953-25-81;
e-mail: dyachoknatalya@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3949-3423

PRINCIPLES OF DEFINITION OF THE NOMINATHEMES OF COMPLEX TYPE

Summary. *Object* of the paper is to define formal peculiarities of nominathemes of complex type. *Object* under analysis is processes of speech and language nomination in the context of their diversity. *Subject* under analysis is a variety of nominathemes which modification model differs from more frequency models. The paper applies descriptive *method* and structural one. *Results* of the analysis are definition of nominathemes of complex types and description their realizations. **Conclusions.** “Word combination — composite — univverb”, “Word combination — abbreviation — word”, “Word combination — abbreviated word combination — univverb”, “Word combination — composite of abbreviation type — univverb”, “Word combination — univverb — ellipse (dependent word)”, “Word combination — univverb — ellipse (main word)” parallels are forms of abstract lexical unit called nominatheme characterizing by a number of formal peculiarities and semantic ones typical for the lexical structures only. **Application** of the analysis results can be implemented in a dictionary of Russian language nominathemes making.

Key words: nominatheme, nomination, word, word combination, univverb, abbreviation, composite.

Статтю отримано 20.08.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.28.115850>

УДК [811.161.1+811.163.41]’371’373.2

НОВАК Ольга Николаевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и славянского языкознания
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова;
Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65082, Украина; тел.: +38 048 7760442;
e-mail: olganovak2@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-6793-6012

**АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКОГО ОБЪЁМА ЛЕКСЕМ ЦЕННОСТЬ / ВРЕДНОСТЬ
В РУССКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ**

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимосвязи аксиологии, культурологии и лингвистики. *Объектом* изучения являются аксиономы, характеризующие глубинные человеческие потребности, ценностную картину мира. *Предметом* исследования является семантический объём лексем-гиперонимов *ценность / вредность* в русском и сербском языках. *Цель* исследования состоит в сравнительном анализе структуры и объёма значения аксиономов *ценность / вредность* в аксиологическом и переводческом аспектах. Исследованию подлежали равноуровневые языковые

единицы и явления, связанные с лексикой, словообразованием, фразеологией сербского и русского языков, а также культурная коннотация исследуемых единиц. В качестве материала исследования также использовались и данные толковых, этимологических и ассоциативных словарей. **Выводы:** проведя сравнительный анализ семантического объема лексем *вредност* и *ценност*, мы выявили, что исследуемые лексемы не являются полными эквивалентами и имеют различный семантический и деривационный потенциал. Сербская лексема *'вредност'* имеет значительно больший семантический объем, чем лексема *'ценност'* в русском языке, кроме сем «ценност» и «стоимость», включает в себя и семы «полезност», а также «положительные качества личности», «трудолюбие», «старательност» и др. **Практическое применение** результатов исследования связано с возможностью их использования в практике преподавания сербского языка как иностранного.

Ключевые слова: ценность, семантический объем, лингвокультура, аксиологическое значение, сербский язык.

Постановка проблемы. Проблема корреляции языка и культуры, изучение абстрактных аксиологических номинаций как в отдельных языках, так и в сопоставлении с другими языками, является одним из наиболее интенсивно разрабатываемых полей гуманитарных и лингвистических исследований. Особую значимость имеют номинации, служащие для именования основополагающих аксиологических феноменов. Изучение ценностных доминант даёт возможность интегрировать данные культурологии, лингвострановедения, прагмалингвистики; особенно важны такие исследования для преподавания языка, практики перевода, а также для оптимизации межкультурного общения.

Связь с предыдущими исследованиями. Лингвистическое описание национальных ценностей представлено во многих работах последних лет (С. Г. Воркачѳ, В. И. Карасик, Д. Айдачич, Т. А. Космеда, Т. В. Сорока и др.). Этнолингвистический подход к изучению ценностей как компонентов картины мира в славянских и, шире, европейских культурах представлен в работах основателя люблинской этнолингвистической школы Ежи Бартминьского, являющегося также инициатором компаративных исследований ценностей в славянских языках и культурах.

Постановка задач. Объектом нашего внимания являются аксиономены, характеризующие глубинные человеческие потребности. В связи с этим, нам представляется важным и актуальным исследование в сравнительно-сопоставительном аспекте семантического объема ключевой лексемы-гиперонима. На основе анализа структуры и объема семантического поля *ценност* / *вредност*, деривационного потенциала лексем и особенностей сочетаемости можно определить общее и различное в сербской и русской лингвокультурах, а также выработать рекомендации для адекватного перевода, тем более, что *вредност* и *вредно* входят в корпус межъязыковых омонимов или «ложных друзей переводчика».

В предыдущих работах мы сосредоточили внимание на анализе аксиологем ДУША [5] и ЛЕПОТА [4] в сербской лингвокультуре. В настоящей статье продолжаем исследование аксиономенов в сопоставительном и переводческом аспектах.

Изложение основного материала. Основное значение лексемы *вредност*, являющейся, как показывает корпус сербского языка, активно употребляемой и полифункциональной, определяется в толковом словаре (Речник српскохрватског књижевног језика. Матица Српска) как *'свойство того, что ценно, нечто стоящее'*, т.е. через лексемы *вредно, вреди*:

- 1) *својство онога што је вредно, што је на цени;*
- 2) *оно што вреди* [7, т. 1, с. 431].

Кроме того, в словаре представлены такие значения:

- 3) *важност, значај;*
- 4) *ваљаност, пуноважност;*
- 5) *величина, знатност; дар, способност;*
- 6) *математ. количина* [7, т. 1, с. 431].

Соответственно, *вредно* (в ийекавском варианте *вриједно*) — *'корисно, потребно'* (рус. *'полезно, необходимо'*) [там же].

В «Сербскохорватско-русском словаре» И. И. Толстого лексема *'вредност'* переводится русскими эквивалентами *'стоимость'* и *'ценность'*, например, серб. *'хартине од вредности'* — рус. *'ценные бумаги'*, серб. *'вишак вредности'* — рус. *'прибавочная стоимость'* [10, с. 80].

Интересно, что в дефиниции семантического значения прилагательного *'вредан'* первым, основным, значением уже является *'марљив, радан'*, что соответствует рус. *'старательный, усердный, прилежный, трудолюбивый'*, и только второе значение определяется как *'стоящий, имеющий цену, достойный'*, в этом значении, например, серб. *хвале вредан* — рус. *достойный похвалы* [7, т. 1, с. 431].

В сербском языке семантико-деривационное гнездо с вершиной *вредно* представлено такими словами как *вредан, вредети, вреднота, вредностан, вредносница, вредник, вредница, вредноћа, вреднованье, вредновати* и др. Как видим, в большинстве слов основной семой является *'трудолюбие, усердие'*. Существительные, обозначающие лицо, — маскулитив *вредник* и феминитив *вредница* — имеют ярко выраженную положительную коннотацию и означают *'трудолюбивый, прилежный, старательный человек'*, *вредњакoвић* соответствует русскому *'трудяга'*. Глагол *'вредети'* кроме значения *'стоить, быть в цене'* имеет значение *'годиться, быть в силе, быть действительным'*. Так, например, серб. *'ова исправа више не вреди'* соответствует рус. *'этот документ уже недействителен'* [10, с. 80].

При обучении русскоговорящих студентов сербскому языку как иностранному необходимо уделять особое внимание словам, которые принято называть ложными друзьями переводчика. Как известно, это достаточно большой корпус слов в славянских языках. Причины и пути возникновения этих языковых единиц, а также их типология и классификация выходят за рамки проблематики данной статьи, однако заметим, что нераспознавание межъязыковых омонимов является частой ошибкой, приводящей к неадекватному переводу и нарушению коммуникации. В частности, сложности вызывает энантиосемия в сербском и русском языках лексемы основного словарного фонда и общеславянского происхождения «вредно». Так, серб. *'вредно'* соответствует рус. *'полезно, стоит'*; например, серб. *'То је вредно урадити'* — рус. *'Это стоит сделать'*, серб. *'вредно радити на нечему'* — рус. *'старательно трудиться (работать) над чем-то'*.

В «Словаре синонимов» Павле Чосича («Речник синонима и тезаурус српског езика») представлены такие синонимы лексемы *'вредност'* как *важност, величина, вредноћа, драгоценост, знаменитост, значај, значење, истакнутост, комплексност, важење, валидност*, объединенные семантикой «ценность, стоимость», а синонимичный ряд прилагательного *'вредан'* сформирован наличием семы «положительная оценка лица» — *марљив, предан, пожртван, маран, неуморан, активан, ревностан, запослен, савестан, брижљив, делатан као мрав* [11, с. 110].

Семантический объём лексемы «ценность» в русском языке определяется таким образом:

- 1) *выраженная в деньгах стоимость чего-либо, цена;*
- 2) *важность, значимость чего-либо;*
- 3) *то, что имеет высокую стоимость, ценный предмет* [8, т. 4, с. 640].

В качестве аксиономена можно рассматривать значение 2, поскольку оно представляет абстрактную номинацию; это значение чаще всего реализуется в словосочетаниях и идиоматических выражениях, например, *моральные ценности, семейные ценности, культурная ценность*.

Деривационный потенциал слова весьма велик, в «Словообразовательном словаре» зафиксировано около 30 дериватов, однако, большинство из них содержат семы первого и третьего значения, например, *оценщик, расценка, уценить, прицениться* и др. Сема «важность, значимость» сохраняется в дериватах *ценитель, обесценить, расценивать*, но таких производных в исследуемом словообразовательном гнезде значительно меньше [9, т. 2, с. 40].

Семантика прилагательного *ценный* в русском языке также представлена тремя значениями:

- 1) *имеющий цену, обладающий стоимостью;*
- 2) *стоящий больших денег, дорогой;*
- 3) *имеющий важное, существенное значение* [8, т. 4, с. 640].

Как видим, абстрактное аксиологическое значение лексемы является в русском языке неосновным, в отличие от сербского языка, где позитивная оценка лица / объекта закрепилась в качестве основного значения лексем с корнем -вред- (*вредност, вредан, вреди*), а для выражения семы 'иметь цену, стоимость' используется глагол *'коштати'*, например, *'Ова хајлина кошта две хиљаде'* (рус. 'этот товар стоит две тысячи'), *'ово тебе коштати здравља'* (рус. 'это тебе будет стоить здоровья', дословно «заплатишь здоровьем»), но *'ово не вреди радити'* (рус. 'это не стоит делать'). Значение 'ничего не стоящий — бесполезный, бессмысленный' (серб. 'бити потпуно безвредан') выражается эквивалентами *'не вреди'* и *'не ваља'* — *не вредети (не ваљати) ни пола гроша, ни ђавола, ни пребијене паре, ни пишљива боба, ни луле дувана*. [6, с. 125].

Синонимом *вредан* в определенном контексте может выступать лексема *достојан*. Д. Оташевич фиксирует идиомы с этими компонентами как полные эквиваленты, например, значение 'бити безначајан у односу на некога, у сваком погледу нижи од некога' выражается идиомами *не бити вредан (достојан) некоме обућу одрешити, прах с обуће отрти* [6, с. 125].

Выводы. Таким образом, проведя сравнительный анализ семантического объема лексем *вредност* и *ценность*, мы пришли к выводу, что эти лексемы не являются полными эквивалентами и имеют различный семантический и деривационный потенциал. Сербская лексема *'вредност'* имеет значительно больший семантический объем, чем лексема *'ценность'* в русском языке; кроме совпадающих со значением в русском языке сем «ценность» и «стоимость», включает в себя семы «полезность», а также «положительные качества личности», «трудолюбие», «старательность» и является одним из центральных аксиономенов сербской лингвокультуры.

Л и т е р а т у р а

1. Бартминьский Е. Языковой образ мира : очерки по этнолингвистике / пер. с польск.; сост. и отв. ред. С. М. Толстая ; Е. Бартминьский. — М. : Индрик, 2005. — 527 с.
2. Драгићевић Р. Вербалне асоцијације кроз српски језик и културу / Р. Драгићевић. — Београд : Чигоја штампа, 2010. — 248 с.
3. Лингвистика и аксиология : этносемиотрия ценностных смыслов : коллективная монография. — М. : ТЕЗАУРУС, 2011. — 352 с.
4. Новак О. Н. Аксионим *лепота* в сербской лингвокультуре / О. Н. Новак // Мова. — Одеса : Астропринт, 2016. — № 26. — С. 47–51.

5. *Пейчева О. М.* Аксіологема *душа* в сербській лінгвокультурі / О. М. Пейчева // Слов'янський збірник : зб. наук. праць / ОНУ ім. І. І. Мечникова. — Чернівці : Букрек, 2015. — Вип. 19. — С. 26–32.
6. *Оташевіч Ђ.* Фразеолошки речник српског језика. Око 25 000 чл. / Ђ. Оташевіч. — Нови Сад : Прометеј, 2012. — 1045 с.
7. *Речник српскохрватског књижевног језика. Матица Српска* / [уређивачки одбор Михаило Стевановић и др.]. Око 150 000 речи. — Нови Сад—Загреб, 1967–1976. — I–VI.
8. *Словарь русского языка* : в 4 т. / ред. А. П. Евгеньева. — М. : Рус. яз., 1981–1984. — Т. 4. — 794 с.
9. *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. — М. : Рус. яз., 1985. — Т. 2 (Словообразовательные гнезда). — 886 с.
10. *Толстой И. И.* Сербскохорватско-русский словарь / И. И. Толстой. — М. : Рус. яз., 1976. — 735 с.
11. *Јосиф П.* Речник синонима и тезаурус српског језика / П. Јосиф. — Београд : КОРНЕТ, 2008. — 683 с.

References

1. Bartmin'skij, E. (2005), *Language image of the world: essays on ethnolinguistics* [*Jazykovej obraz mira : ocherki po etnolingvističce* / per. s pol'sk.; sost. i otv. red. S. M. Tolstaja], Indrik, Moscow, 527 p.
2. Dragičević, R. (2010), *Verbal associations through Serbian language and culture* [*Verbalne asocijacije kroz srpski jezik i kulturu*], Chigoja shtampa, Beograd, 248 p.
3. *Linguistics and axiology : ethnosemiometry of value meanings : a collective monograph* (2011), [*Lingvistika i aksiologija : etnosemiometrija cennostnykh smyslov : Kollektivnaja monografija*], TEZAURUS, Moscow, 352 p.
4. Novak, O. N. (2016), "Axionym of lepota in Serbian lingual culture", *Mova* ["Aksionim lepota v serbskoj lingvokul'ture", *Mova*], Astroprint, Odessa, vol. 26, pp. 47–51.
5. Pejcheva, O. M. (2015), "Aksiologeme dusha (soul) in Serbian lingual culture", *The Slavic collection* ["Aksiologema dusha v serbs'kij lingvokul'turi", *Slov'jans'kij zbirnik*], Bukrek, Chernivci, vol. 19, pp. 26–32.
6. Otashevič, Ђ. (2012), *Phraseological Dictionary of the Serbian Language. About 25 000 articles* [*Frazeoloshki rečnik srpskog jezika. Oko 25 000 čl.*], Prometej, Novi Sad, 1045 p.
7. *Dictionary of Serbo-Croatian literary language. Matica Srpska. About 150 000 words*, (1967–1976), [*Rečnik srpskohrvatskog književnog jezika. Matica Srpska. Oko 150 000 reči*], Novi Sad–Zagreb, vol. I–VI.
8. *Dictionary of the Russian language: in 4 vol.* (1981–1984), [*Slovar' russkogo jazyka : v 4 t.*], Russkij jazyk, Moscow, vol. 4, 794 p.
9. Tikhonov, A. N. (1985), *Derivative dictionary of the Russian language* [*Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka : v 2 t.*], Russkij jazyk, Moscow, vol. 2, 886 p.
10. Tolstoj, I. I. (1976), *Serbian-Croatian-Russian dictionary* [*Serbskohorvatsko-russkij slovar'*], Russkij jazyk, Moscow, 735 p.
11. Јосиф, Р. (2008), *Dictionary of the synonyms and thesaurus of the Serbian language* [*Rečnik sinonima i tezaurus srpskog jezika*], KORNET, Beograd, 683 p.

НОВАК Ольга Миколаївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри загального та слов'янського мовознавства
Одеського національного університету імені І. І. Мечникова;
Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; тел.: +38 048 7760442;
e-mail: olganovak2@gmail.com; ORCID ID: 0000–0001–6793–6012

АНАЛІЗ СЕМАНТИЧНОГО ОБСЯГУ ЛЕКСЕМ *ЦЕННОСТЬ* / *ВРЕДНОСТ* У РОСІЙСЬКІЙ ТА СЕРБСЬКІЙ МОВАХ

Анотація. У статті досліджено проблему взаємозв'язку аксіології, культурології та лінгвістики. **Об'єктом** вивчення є аксіономени, що характеризують глибинні людські потреби, ціннісну картину світу. **Предметом** дослідження є семантичний обсяг лексем *ценность* / *вредност* у російській та сербській мовах. **Мета** дослідження полягає у порівняльному аналізі структури та обсягу значення аксіономенів *ценность* / *вредност* у аксіологічному та перекладацькому аспектах. Дослідженню підлягали різнорівневі мовні одиниці і явища, що пов'язані з лексикою, словотвором, фразеологією, а також культурна конотація досліджуваних одиниць. **Висновки:** у результаті проведеного порівняльного аналізу семантичного обсягу лексем *вредност* та *ценность* ми виявили, що досліджувані лексеми не є повними еквівалентами та мають різний семантичний і дериваційний потенціал. Лексема *вредност* у сербській мові має значно більший семантичний обсяг, ніж лексема *ценность* у російській мові, окрім сем «цінність», «вартість» має ще семи «корисність», а також «позитивні риси особи», «працелюбність», «старанність». **Практичне застосування** результатів дослідження пов'язане з можливістю їх використання у практиці викладання сербської мови як іноземної.

Ключові слова: цінність, семантичний обсяг, лінгвокультура, аксіологічне значення, сербська мова.

Olga N. NOVAK,

Candidate of Philological Sciences (PhD), Associate Professor
of the General and Slavic Linguistics Department, Odessa I. I. Mechnikov National University;
24/26 Francuzskij blvd., Odessa, 65058, Ukraine; tel.: +38 048 7760442;
e-mail: olganovak2@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-6793-6012

THE ANALYSIS OF THE SEMANTIC VOLUME OF LEXICAL ITEMS *TSENNOST'* / *VREDNOST* ("VALUE") IN THE RUSSIAN AND THE SERBIAN LANGUAGES

Summary. The article deals with the interrelation of axiology, cultural studies and linguistics. The *object* of the study is the axionyms which characterise basic human needs and an evaluative (axiological) worldview. The *subject* of the research is the semantic volume of the lexemes-hyperonyms *value* in Russian and Serbian languages. The *purpose* of the study is to analyze the structure and the volume of meaning of the axionyms *tseinnost' / vrednost (value)* in the axiological and interpreting aspects. Multilevel linguistic units and phenomena associated with the vocabulary, word formation, phraseology of Serbian and Russian languages and cultural connotation of the studied units were investigated. The data from thesaurus, etymology dictionary, dictionary of associations were analysed in the research. **Finding** of research: having conducted a comparative analysis of the semantic volume of the lexemes *value* in Russian and Serbian languages, we found out that the examined lexemes are not complete equivalents and have different semantic and derivational potential. The Serbian lexeme "vrednost" has wider semantic volume than the lexeme "value" in Russian, besides semes "value" and "price" it includes semes "usefulness", "positive characteristics of a person", "being hardworking", "diligence" etc. The *practical value* of the research is to use the results of it to optimize the processes of teaching Serbian as a foreign language.

Key words: value, semantic volume, linguaculture, axiological meaning, Serbian language.

Статтю отримано 16.09.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.28.115865>

УДК 811.161.1/.2'373.222/.421/.46: 639.2.052(477)

ШУМАРИНА Татьяна Федоровна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова;
Французский бульвар, 24/26, Одесса, 65058, Украина; e-mail: shumarina2010@mail.ru;
тел.: +38(048)683539; моб.: +38 067 3779936; ORCID ID: 0000-0001-7383-7707

НОМЕНКЛАТУРНЫЕ СИНОНИМЫ И ВАРИАНТЫ ТАКСОНОВ В ИХТИОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМАТИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ РЫБ УКРАИНЫ)

Аннотация. В статье описана терминологическая лексика, используемая в современной украиноязычной и русскоязычной ихтиологической систематике. **Цель** данной статьи — выявить современные языковые тенденции в национальных (русской и украинской) таксономиях. **Объектом** изучения в предлагаемой работе стала биологическая номенклатура. **Предмет** исследования — номенклатурные номинации таксонов рыб Украины. В работе используются описательный и сравнительный **методы**. В **результате** исследования определены варианты и синонимы терминов, сходство и отличия в вернакулярных номинациях рыб. **Выводы.** Наличие абсолютной и частичной синонимии, а также вариантности в обоих языках обусловлено экстралингвистическими и интралингвистическими факторами. Современный процесс унификации и стандартизации названий рыб осложняется вследствие наличия двух противоречащих друг другу тенденций. Ономастологические тенденции в национальных ихтиологических терминосистемах противоречивы: с одной стороны — это тяготение к аналитическому словообразованию, а с другой — к экономии языковых средств и упрощению семантической и структурной организации ихтионимов. **Практическая ценность** результатов исследования заключается в возможности их использования в практической и теоретической систематике ихтиофауны Украины.

Ключевые слова: номенклатура, термин, ихтионим, вариант, синоним.

Постановка проблемы. Номенклатурные номинации таксонов ихтиофауны Украины крайне редко оказываются в поле зрения специалистов в области лингвистики. Закономерности образования родовых и видовых названий, ведущие тенденции в области терминологической деривации, критерии унификации ихтионимов определяются единственно специалистами-биологами. Анализ номенклатурного обозначения рыб, населяющих водоёмы Украины, проведённый на материале многочисленных научных источников, позволяет усомниться в достижениях современной систематики.

Как известно, интернациональная ихтиологическая система терминов регулируется Международным кодексом зоологической номенклатуры (2003), принципы которой обеспечивают свободу терминосистем от негативного воздействия полисемии, омонимии, синонимии. Единая латинская

биологическая номенклатура обеспечивает универсальность и стабильность терминологических номинаций рыб. Иным представляется состояние национальных систематик. Сопоставление фактов даёт основание утверждать наличие многообразия видов языковой вариантности и синонимии в национальных, как русских, так и украинских, терминологических системах. Как представляется, сравнительный подход к современной русской и украинской ихтиологической номенклатуре даст возможность выявить наличествующие немотивированные случаи синонимии, продемонстрировать сходство и отличия в вернакулярных (национальных) номинациях рыб, определить лингвистические тенденции в национальных таксономиях.

Постановка задач. Цель данной статьи — выявить современные языковые тенденции в национальных (русской и украинской) таксономиях. Объектом изучения в предлагаемой работе стала биологическая номенклатура. Предмет исследования — номенклатурные номинации таксонов рыб Украины. В работе используется описательный и сопоставительный методы. Основные задачи исследования заключаются в определении вариантов и синонимов терминов-ихтионимов, установлении сходства и отличий в вернакулярных номинациях рыб.

Изложение основного материала. Синонимия и вариантность в области ихтионимии может быть представлена дихотомично: в интралингвальной и интерлингвальной плоскостях.

Абсолютная и частичная синонимия в области русских ихтионимов ввиду длительности своего существования обросла не только парами, но и синонимическими рядами: *румынский пескарь* — *белоперый пескарь*, *колхидский осётр* — *черноморско-азовский осётр*, *черноморско-каспийская тюлька* — *черноморско-азовская тюлька* и даже *минога карпатская*, *венгерская*, *дунайская* и под. Аналогичное явление наблюдается и в украинской терминосистеме: *плахур* — *скат*, *морський кіт* — *хвостокол звичайний*, *шип* — *виз*, *оселедець чорноморський* — *оселедець-куцак*, *карась звичайний* — *карась золотий*, *хариус європейський* — *перій*, *форель райдужна* — *пструг райдужний*, *бичок прозорий* — *афія*, *бичок-бабка* — *бичок-пісочник* и, наконец, *морська лисиця* — *плахур шипуватий* — *скат шипуватий*.

Особое внимание с учётом глобальной проблемы синонимии и вариантности следует обратить на украинскую систему ихтионимов как относительно молодую, постоянно совершенствуемую и отягощённую терминологическими деривационными процессами. Так, парадигма украинских вариантов видового ихтионима *Zosterisessor orphiocephalus* составляет четыре компонента: *бичок-зеленчак*, *бичок трав'яний*, *бичок-трав'яник*, *бичок-трав'яник змієголовий*; *головешка-ротан* — шестью структурно-орфографическими вариантами: *ротань-головешка*, *головешка ротань*, *головешка Глена*, *головешка амурська*, *ротань*, *ротан*. Степень устойчивости данного явления в системе достаточно высока, поскольку варианты отмечаются на большинстве языковых уровней.

Фонематические (орфографические) варианты. *Neogobius surman* представлен в украинской систематике следующими вариантами: *бичок сірман*, *бичок-ширман* и *бичок-сурман*. В соответствии с латинской транскрипцией, предпочтение следует отдать одному из первых двух вариантов, а точнее, второму, поскольку эффект омофонии, создаваемый первым, — *сірман-сурман* — может привести к неразличению видов (*бичок-сурман* иногда относят к иному виду бычковых). Неудачным, на наш взгляд, является предпочтение варианта *сурман*, как и ложноэтимологическая мотивация термина, предлагаемая биологами: «Однією з характерних рис *Ponticola surman* є чорні (насурмлені) смужки над очима, подібні на брови, звідки й могла виникнути назва „сурман”, яку випадково записали латиною як *surman*. Отже, назву „бичок-сурман” пропонуємо використовувати саме для виду *Ponticola surman*, оскільки вона відповідає забарвленню риби, а назва латиною є похідною від української» [1, с. 205].

Выбирая из двух вариантов: *бичок-ратан* — *бичок-ротан* (*бичок-ротань*), — специалисты склоняются к транслитерированной форме с [a], что является лингвистически мотивированным. Возникновение вариантной формы, думается, обусловлено законом аналогии, по которому, вследствие семантико-звуковых ассоциаций с названием рыбы другого, хотя и родственного семейства головешковых — *головешка-ротан* — возникла омонимичная номинация. Однако решение этого вопроса следует отнести к дискуссионным, поскольку сторонники второй вариантной формы — *ротан* — предлагают свои доводы в пользу формы с [o]: «Назва „бичок-ротань”, яку вживали стосовно цього виду... Можливо, назву вид отримав завдяки забарвленню, яке нагадує кольори ротангу» [1, с. 204].

Кроме вышеназванных причин, как то: ложноэтимологических номинаций, омонимии, закона аналогии, — наличие орфографических вариантов может быть следствием неупорядоченности орфографии (ср. *бичок-цуцик*, *бичок-кнут*, *бичок-кругляк*, *бичок-пуголовок*, *бичок-пуголовочок*, *бичок-лисун*, *бичок-трав'яник* и *бичок цуцик*, *бичок ратан*, *бичок головач*, *бичок губань*, *бичок рижик*, *бичок кругляк*, *бичок гонець*, *бичок сірман*, *бичок пісочник*, *бичок кругляш*, *бичок рись*) либо примитивного игнорирования норм правописания, как, например, в названии рыбы *пузанок озівський* вместо *азовський*.

Грамматические варианты представлены прежде всего в сфере родовых форм: *бичок-пуголовочок* и *пуголовочка*, *бичок-пуголовок* и *пуголовка*; по этой же модели оформляются и видовые обозначения, тем самым увеличивая число вариантных единиц в украинской таксономии: *бичок-пуголовок зірчастий* — *бичок-пуголовка зірчаста*.

В сфере падежных форм отмечается вариантность эпонимных обозначений. Латинские формы на -ia (Кніповісчія, Сабанеєвія) в украинской терминосистеме выступают в двух вариантах — именительном и родительном падежах (с тенденционным доминированием последнего): *бичок* — *кніповіччя*, *щипавка Сабанеєвія*. Этот процесс идёт параллельно с наличием традиции сохранения без изменения терминов-эпонимов: *бичок Кесслера*, *бичок-пуголовоч Браунера*, *марена Валецького*, *морський собачка Звонимира* и т. д. Единственным логичным объяснением наметившегося явления может быть перевод видового названия в однокомпонентное родовое без указания на принадлежность к семье: *Кніповіччя*, *Сабанеєвія*.

Возникновение лексических вариантов в украинской ихтиологической терминосистеме может быть обусловлено чисто субъективными факторами. Достаточно пронаблюдать за темпоральным и функциональным разнообразием названий игловых в украинской научной литературе: *голки-риби* (Російсько-український словник В. Жайворонка (2003) [4], *голкові* («Фауна України» (1980), *голкові*, *морські голки* (Ю. В. Мовчан. «Рибі України» (2011) [3], *іглицеві*, *іглиця* в ихтиологической номенклатуре как советского [2], так и постсоветского периода [1]. В современных ихтиологических работах преимущественно используется специфическое украинское терминологизированное слово, хотя и от лексемы *голка* терминосистема не отказалась, отведя ей место в составе словосочетаний, например, *триголокова колючка*, *багатоголкова колючка*.

Лексическая вариантность проявляется и в массиве заимствованных терминов-варваризмов. Ихтионимы, как правило, адаптируются в двух формах — либо графической, либо словообразовательной и, как исключение, в виде вариантов (*бичок-паганельюс* и *бичок-паганель*). Подобное вариантное выражение может быть обусловлено воздействием закона аналогии, а поскольку и графическое, и словообразовательное освоение в украинской систематике представлено широко, причём не только на уровне рода, но и вида (*паганель*, *пагель*; *мезогобиус*, *неогобиус*, *парабленниус*), то и вариантность подобного типа пока труднопреодолима. Столь же многотрудна и борьба с абсолютными синонимами. Эта проблема (о ней уже упоминалось выше) относится к числу актуальных задач, стоящих в равной мере как перед украиноязычной, так и перед русскоязычной терминологической системой.

Анализ интерлингвальных (украинских и русских) ихтионимов позволил выделить три основных способа проявления вариантности на межъязыковом уровне. Первый из них — варианты-корреляты. Под термином «корреляты» мы будем понимать ихтионимы, которые имеют одинаковый (эквивалентный) набор лексем-компонентов, вне зависимости от порядка следования частей: *буффало малоротий* — *малоротый буффало*, *хариус европейський* — *европейский хариус*.

Дивергенты полные — это специфические терминологические номинации в каждом отдельно взятом языке, явление, характерное для любой национальной терминосистемы: *близна* — *жерех*, *верховка* — *уклейка*, *кльпець* — *белоглазка*, *меньок* — *налим*, *бабець-головач* — *подкаменщик*, *марена звичайна* — *усач*.

В плане сопоставления особый интерес представляют ихтионимы, являющиеся частичными дивергентами. К их числу следует отнести структурно-лексические русско-украинские варианты. Биномы, представленные в данной группе, могут быть сгруппированы по принципу родовой или видовой оппозиции.

Первый признак, характеризующий дивергенты по видовому компоненту, — это «наличие / отсутствие» видовой номинации в одном из языков: *бычок* — *травяник* (русс.) — *бичок* — *трав'яник змієголовий* (укр.), *бычок-цуцик* (русс.) — *тупоносий бичок-цуцик* (укр.). Объединение двух видов *финта атлантическая* и *финта средиземноморская* привело к созданию в русской терминологии компрессивной формы *финта*, в украинской — сохранилось видовое уточнение: *фінта європейська*. Как видим, детализированные номинации оказались частотнее в украинской терминологии, обратное же явление нехарактерно, отмечаются лишь единичные случаи, например, *рибець чорноморсько-азовський* (русс.) — *рибець* (укр.).

Видовой компонент может отличаться в двух языках и в семантическом отношении, хотя и в рамках описанного принципа стремления к уточнению понятия. Так, *американський веслонос* в украинской терминологии обозначается термином, уточняющим его локализацию: *веслонос північноамериканський*.

Ещё одним способом усилить информативность термина в украинской терминосистеме является контаминация. То, что русскоязычной терминологии функционирует как частичные синонимы, в украинской порой принимает вид трёхкомпонентной единицы. Данное явление распространяется на значительное число таксономических номинаций: *атлантический угорь*, *морской угорь* (русс.) — *морський вугор атлантичний*; *европейский угорь*, *речной угорь* — *річковий європейський вугор*; *бычок-цуцик*, *тупоносый бычок* (русс.) — *тупоносий бичок цуцик* (укр.).

Лексические варианты видового компонента — результат национально-специфического видения мира. Данный тип соответствия точнее может быть определен как частичные синонимы, так как объекты называются по разным их признакам: *сомик коричневий* (укр.) — *сомик американський* (русс.); *пузанок дунайський* (укр.) — *пузанок чорноморський* (русс.); *бичок хвостач* (укр.) — *бичок Кніповіча* (русс.).

Однако следует отметить, что объективные результаты при анализе терминологической синхронии, можно получить лишь с подключением диахронического исследования. Несмотря на устойчивую в украинской систематике приверженность к многокомпонентным терминам, последние рекомендации для научных работников упрощают структуру ихтионима: «Видова назва не обов'язково включає в себе повну назву роду. Так, доцільними є назви видів роду Золотиста щипавка (*Sabanejewia*) з використанням лише слова „щипавка”: щипавка балканська (*S. balcanica*), щипавка болгарська (*S. bulgarica*), щипавка північна (*S. baltica*), оскільки ці назви не повторюють назв видів роду Щипавка (*Cobitis*). Те саме стосується кількох родів родини Собачкових (*Blenniidae*)» [1]. Если ранее термин включал сложное слово с уточняющим компонентом-пелагонимом: *пузанок азовсько-чорноморський*, — то теперь термин упрощается: *пузанок азовський*. Трёхкомпонентный термин становится двухкомпонентным, а двухкомпонентный однокомпонентным (*бичок мезогобіус жабоголовий* — *бичок-жаба*).

Выводы. Итак, анализ синонимии и вариантности в ихтиологической систематике названий рыб Украины позволяет заключить, что наличие абсолютной и частичной синонимии в обоих языках вызвано объективными, однако различными по характеру причинами: в русскоязычной биологической терминосистеме — вследствие длительности функционирования, в украиноязычной — в силу незавершенности фазы становления и активности терминогенеза.

Лингвистический анализ любой национальной ихтиологической терминосистемы должен проводиться в неразрывном единстве синхронического и диахронического подхода к материалу. Диахронический аспект изучения украинской ихтиологической терминологии позволяет утверждать, что современный процесс унификации и стандартизации названий рыб осложняется вследствие наличия двух противоречащих друг другу тенденций: с одной стороны, это стремление к информационной насыщенности терминологических номинаций и тяготение к аналитическому словообразованию, а с другой, — к экономии языковых средств и упрощению семантической и структурной организации ихтионимов.

Литература

1. Куцоконь Ю. Українські назви міног і риб фауни України для наукового вжитку / Ю. Куцоконь, Ю. Квач // Біологічні студії. — 2012. — Т. 6. № 2. — С. 199–220.
2. Маркевич О. Російсько-українсько-латинський зоологічний словник : термінологія і номенклатура / О. Маркевич, К. Татарко. — К. : Наук. думка, 1983. — 411 с.
3. Мовчан Ю. В. Риби України / Ю. В. Мовчан. — К. : Золоті ворота, 2011. — 444 с.
4. Російсько-український словник / [за ред. В. В. Жайворонка]. — К. : Абрис, 2003. — 1424 с.

References

1. Kutsokon', Yu., Kvach, Yu. (2012), "Ukrainian names of lampreys and fishes of the fauna of Ukraine for the scientific use", *Studia Biologica* [Ukrains'ki nazvy minog i ryb fauny Ukraïny dlia naukovoï vzhytku, *Biologichni studii*], Lvov Franko National University, Lvov, vol. 6, No 2, pp. 199–220.
2. Markevich, O., Tatarko, K. (1983), *Russian-Ukrainian-Latin zoological dictionary : terminology and nomenclature* [Rosijs'ko-ukraïns'ko-latyns'kyj zoologichnyj slovnyk : terminologija i nomenklatura], Naukova Dumka, Kyiv, 411 p.
3. Movchan, U. V. (2011), *Fishes of Ukraine* [*Ryby Ukraïny*], Zoloti vorota, Kyiv, 444 p.
4. Zhajvoronok, V. V. ed. (2003), *Russian-Ukrainian dictionary*, [Rosijs'ko-ukraïns'kyj slovnyk], Abrys, Kyiv, 1424 p.

ШУМАРИНА Тетяна Федорівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови
Одеського національного університету імені І. І. Мечникова;
Французький бульвар, 24/26, Одеса, 65058, Україна, e-mail:shumarina2010@mail.ru;
тел.: +38(048)683539; моб.: +38 067 3779936; ORCID ID: 0000-0001-7383-7707

НОМЕНКЛАТУРНІ СИНОНИМИ І ВАРІАНТИ ТАКСОНІВ В ІХТІОЛОГІЧНІЙ СИСТЕМАТИЦІ (НА МАТЕРІАЛІ НАЗВ РИБ УКРАЇНИ)

Анотація. У статті зіставлено одну із груп сучасних української та російської іхтіонімичних систем. **Мета** статті — виокремити сучасні мовні тенденції в національних (російській та українській) таксономіях. **Об'єктом** вивчення в роботі є біологічна номенклатура, **предметом** дослідження — номенклатурні номінації таксонів риб України. У роботі використано описовий та зіставний **методи**. У **результаті** дослідження виявлено варіанти та синоніми термінів, тотожність і розбіжності у вернакулярних номінаціях риб. **Висновки.** Наявність абсолютної та часткової синонімії, а також варіантності в обох мовах вмотивовано екстралінгвістичними та інтралінгвістичними факторами. Сучасний процес унифікації та стандартизації назв риб ускладнено за наявності двох протилежних тенденцій. Ономасіологічні тенденції в національних іхтіологічних терминосистемах суперечливі: з одного боку, це тяжіння до аналітичного словотвору, а

з іншого, — до економії мовних засобів і спрощення семантичної та структурної організації іхтіонімів. **Практична цінність** результатів дослідження полягає в можливості використання їх у практичній та теоретичній систематиці іхтіофауни України.

Ключові слова: номенклатура, термін, іхтіонім, варіант, синонім.

Tatiana F. SHUMARINA,

PhD (Philological Sciences), Associate Professor of the Russian Language Department of Odessa I. I. Mechnikov National University;
24/26 Francuzskij blvd., Odessa, 65058, Ukraine; e-mail: shumarina2010@mail.ru;
tel.: +38(048)683539; mob.: +38 067 3779936; ORCID ID: 0000-0001-7383-7707

NOMENCLATURE SYNONYMS AND VARIANTS OF TAXONS IN THE ICHTHYOLOGICAL SYSTEMATICS (ON THE MATERIAL OF THE NAMES OF FISHES OF UKRAINE)

Summary. The article describes the terminological vocabulary used in modern Ukrainian and Russian Ichthyological taxonomies. The **purpose** of this article is to identify current trends in the national language (Russian and Ukrainian) taxonomies. The **object** of study in the present work was the biological nomenclature; research **subject** — the nomenclature nominations of fishes of Ukraine. Descriptive and comparative **methods** were used. As a **result**, the study identifies variants and synonyms of the terms, the similarities and differences in vernacular nominations of fish. **Conclusions.** The presence of an absolute and partial synonyms, as well as the variance in both languages due to extralingual and intralingual factors. Modern processes of unification and standardization of fish names complicated due to the presence of two conflicting trends. Onomasiological trends in national systems of ichthyological terms are contradictory: on the one hand, this is an attraction to the analytical word formation, and on the other — to save linguistic resources and simplify the semantic and structural organization of these terms. The **practical value** of the results of the study lies in the possibility of their use in practical and theoretical taxonomy of the fish fauna of Ukraine.

Key words: nomenclature, the term, ichthyonym, variant, synonymous.

Статтю отримано 22.09.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.28.115844>

УДК [811.161.1+811.163.2+811.14'06]'367.4'373.611/.612

КЪНЕВА Виктория Гочева,

доктор по филология, главен асистент, катедра „Класически и източни езици и култури“, Великотърновски университет „Св. св. Кирил и Методий“; гр. Велико Търново, 5003, България; тел.: +359 885 149 429; e-mail: vgotcheva_g@mail.bg; ORCID ID: 0000-0003-1103-3054

СЪКРАТЕНИТЕ НОМИНАТИВНИ ЕДИНИЦИ В КОНТЕКСТА НА ОТНОШЕНИЯТА „ЕКВИВАЛЕНТНОСТ — БЕЗЕКВИВАЛЕНТНОСТ“. УНИВЕРБИЗАЦИЯ (ВЪРХУ МАТЕРИАЛ ОТ БЪЛГАРСКИЯ, РУСКИЯ И ГРЪЦКИЯ ЕЗИК)

Анотация: *Целта* на настоящата статия е анализ на универбизацията в светлината на отношенията еквивалентност — безеквивалентност. *Обект* са универбатите от гледище на ролята им за появата на лакуни в руския, българския и гръцкия език. Основен *метод* на изследване е съпоставителният. *Резултатите* от анализа показват, че спецификите, които притежава всеки от трите езика, неминуемо водят до разлики както в граматичните, така и в лексикалните им системи. Съпоставката и анализът на универбатите на трите сравнявани езика дава представа за възприемането и интерпретирането на фактите от реалната действителност от страна на всеки един от тези три народа. Основният *извод* е, че универбизацията като явление, обусловено от екстралингвистични фактори и зависещо изцяло от конкретните езикови средства, в определени случаи е причина за констатирано наличие на „бели петна“ при езикова съпоставка и/или превод. *Практическото значение* на представения анализ е свързано преди всичко с теоретичните и практическите проблеми на превода.

Ключови думи: универбизация, еквивалентност, безеквивалентност, лакуна, руски език, български език, гръцки език.

Поставяне на проблема. Формирането на нови понятия, отразяващи новопоявили се предмети, явления или обществени отношения, води до необходимост от тяхното назоваване и съответно от създаване на нови номинативни единици¹, които да запълват „празните места“ в речниковия състав на съответния език.

¹ За понятието *номинативна единица* и за неговото разбиране, както и за видовете номинативни единици вж. [8].

Създаването на нови номинативни единици става на базата на съществуващите езикови средства. В тази връзка трябва да бъдат отчетени на първо място ограничеността на езиковите ресурси и на второ място — тенденцията към икономия на езиковите средства (или „езикова икономия“ по О. Есперсен), а също и принципа за спестяване на психо-физичната енергия при артикулационните движения, свързан със стремежа за по-голямо удобство при учленяването на звуковете в потока на речта (или „закон за икономия на езиковите усилия“ по А. Мартине) [3, с. 15].

Всяка нова номинация се извършва по аналогия и най-често се използват готови в езика словообразователни модели, като се спазват общозадължителните вътрешноезикови закономерности, които гарантират правилното функциониране на езиковата система.

При номинацията¹ могат да бъдат проследени две противоположни тенденции: обединяване на самостоятелни номинативни единици в нови единства² и съкращаване на вече съществуващи такива, тяхното „свиване“ до еднословни номинативни единици с тъждествено семантично съдържание³.

Възможностите за образуване на съкратени форми от многословни номинативни единици, както и конкретните начини за тяхното съкращаване, които във всеки език имат своя собствена специфика, представляват немаловажна предпоставка за поява на лакуни в даден език при сравнение с друг. Съкратеното представяне на тези единици се извършва по два начина — чрез **универбизация** и чрез **абрeвиация**.

Поставяне на задачите. Цел на настоящата статия е разглеждането на универбизацията в светлината на отношенията еквивалентност — безеквивалентност⁴. В тази връзка ще се опитаме: а) да проследим основните разбирания за универбизацията и начините на тяхното възникване; б) да анализираме тези начини от гледище на ролята им в появата на лакуни в руския, българския и гръцкия език.

Изложение на основния материал.

1. Универбизация и начини на универбизиране. В научната литература терминът универбизация е тълкуван по немалко различни един от друг начини. В зависимост от съдържанието, влагано в това понятие, в състава на универбатите се включват много и различни по своя характер явления. Дефинициите на различните автори варират от доста широко до твърде тясно разбиране за явлението.

А. Исаченко, който въвежда този термин, разбира универбизацията като „сгъстяване на семантичното съдържание в една дума“ [5, с. 338], а процесите, свързани с елиминирането на семантичната разчлененост, той нарича семантична кондензация. Авторът влага в термина универбизация твърде широк смисъл, включвайки композицията, сливането, елиптичните пропуски на един от елементите в съчетанието, афиксалната деривация, загубата на граматичното оформяне на първия компонент при съчетания от типа *жар-птица*, а също и различните видове абрeвиатури [5, с. 340–342].

Широкото разбиране е застъпено и в работите на Е. Земска, която приема универбизацията като „начин за образуване на дума на базата на словосъчетание, при който в производната дума се включва основата единствено на един от компонентите на словосъчетанието, така че по форма производното се съотнася с една дума, а по смисъл — с цялото словосъчетание“ [4, с. 109]. Според Й. Калишан, предложената дефиниция е неточна, тъй като липсата на ограничения на типа словосъчетания, от които се образуват универбатите, не само че разширява изключително много границите на явлението, но и води до отъждествяването му с деривацията. Авторът счита, че за универбизация може и трябва да се говори само ако новото образуване възниква на базата на устойчиво разделно оформено наименование, независимо дали последното е двусловно или съдържа повече компоненти. С други думи, универбизацията е процес на замяна на устойчиво аналитично оформено название, функционално равностойно на дума, с омосемично еднословно наименование [6, с. 405].

М. Виденов, от своя страна, определя универбизацията като „свеждане на многословни структури към еднословни“ и я разглежда в широк и в тесен смисъл. В първия случай в състава на универбатите попадат инициалните и сричковите съкращения, някои съставни названия от типа *алфа-излъчване*, *бета-лъчение* и субстантивирани прилагателни. Във втория случай, като същинска универбизация или универбизацията в тесния смисъл, М. Виденов определя „наименованията, кои-

¹ Четирите основни начина, по които се осъществява номинацията, извършвана на базата на съществуващ езиков материал, са: (1) семантична номинация; (2) деривация; (3) композиция и синапсий; (4) съкращаване.

² Става въпрос за номинативни единици, образувани посредством съчетаването на два и повече компонента, чиито лексикални значения се свързват в семантично единство, т.е. в случаите, когато номинацията се осъществява чрез композиция и синапсий.

³ Това са номинативни единици, образувани посредством преобразуване в нови по-компактни езикови образувания, т.е. номинацията се извършва чрез съкращаване.

⁴ *Абрeвиацията* в контекста на отношенията еквивалентност — безеквивалентност при превод сме разгледали в доклада си „Сокращенные номинативные единицы в контексте отношений эквивалентности — безеквивалентности. Абрeвиация (на материале болгарского, русского и греческого языков)“, изнесен на юбилейната международна научна конференция „Русистика — вчера, сегодня, завтра“ (29 юни — 02 юли 2017 г.), проведена в гр. София, България, който към настоящия момент е под печат.

то са получени от словосъчетание прилагателно + съществително, опростено до една съставка, дооформена по някои от словообразователните модели на езика“ [2, с. 29–30].

Според В. Мурдаров, универбизацията се осъществява чрез съкращаване на формата при запазване на семантиката на съчетанието, от което се образува, т.е. „процесът протича единствено на формално, но не и на семантично равнище“ [9, с. 114].

Тясното разбиране е възприето и в изследването на Д. Благоева, която приема, че това е процес на „преобразуване на съставни лексикални единици (номинативни словосъчетания) с бинарна структура (определяемо и атрибут) в еднословни единици с твърдествено семантично съдържание“ [1, с. 6]. Авторката, като изхожда от разработката на В. Мурдаров [9, с. 116–119], отделя три структурни типа универбизация, осъществявана със средствата на 1) морфологичното словообразуване, 2) морфолого-синтактичното словообразуване и 3) лексикално-семантичното словообразуване [1, с. 7–17].

1. Първият тип универбати се образуват чрез прибавяне на суфикси и чрез нулева суфиксация. „При суфиксалната универбизация субстантивният компонент в изходното номинативно словосъчетание (експонент на родовото понятие) се отстранява, а от атрибутивния (експонент на видовия признак) се образува съществително универбат чрез прибавяне на суфикс“, напр. бълг. *есенни култури* = *есенници*, *маршрутно такси* = *маршрутка*, *патрулна кола* = *патрулка*, *сапунена опера* = *сапунка*; рус. *валютный магазин* = *валютка*, *минерална вода* = *минералка*, *многоетажно здание* = *многоетажка*, *фруктово морожено* = *фруктовка*.

При универбатите, образувани чрез нулева суфиксация, „основата на адекватния компонент в изходното номинативно словосъчетание се подлага на дезинтеграция, без да се добавя наставка. Дезинтеграцията протича чрез отстраняване на суфикс“ (*кабелна телевизия* = *кабел*, *дънна платка* = *дъно*, *автоматична пушка* = *автомат* и др.) [1, с. 7, 14]. Срв. рус. *противогазовая маска* = *противогаз*, *декретный отпуск* = *декрет*.

2. Вторият тип универбизация, субстантивацията, се осъществява чрез средствата на морфолого-синтактичното словообразуване. Честата употреба в речта на някои словосъчетания постепенно води до самостоятелната употреба на определящия елемент и той започва да изпълнява функцията на определяемо (т.е. на съществителното). По този начин се образуват субстантивирани прилагателни и причастия, които приемат характеристики на съществително, напр. *права линия* = *права*, *гостна стая* = *гостна*.

В по-голямата част от случаите субстантивацията е зависима от конкретния контекст, т. е. универбатите са контекстуално обусловени субстантивирани прилагателни: бълг. *детски [надбавки]*; рус. *командующий [офицер]*; гр. *τα καταπραϋντικά [φάρμακα]* 'успокоителни'. Друга част са прилагателни, изпълняващи в дадена ситуация функцията на съществителни: напр. филмови заглавия от типа на „Добрият, лошият и злият“, „Богат-беден“. Едва една малка част от прилагателните и причастията се субстантивират напълно и се превръщат в самостоятелни, независещи от контекста, съществителни, напр. бълг. *домашно, топло, сладко*; рус. *морожено, портной, запятая*; гр. *το ενδιαφέρον* — 'интерес, заинтересуваност', *το απολυτήριο* — 'свидетелство'.

Субстантивацията като начин на съкращаване на материалната форма на номинативната единица, трябва да се различава от използването на субстантивирани прилагателни и причастия като модел за образуване на нови съществителни, служещи за попълването на липсващи звена в дадена словообразователна парадигма. Срв. *частно, делимо, неизвестно* в българския език или *пирожковая, пилотская* в руския, които не са резултат от субстантивация, а са образувани по модела, заложен от изградените вече в езика субстантивирани номинативни единици.

3. Последният тип универбати се образуват с помощта на лексикално-семантичното словообразуване. За разлика от субстантивацията, тук се наблюдава отпадане на атрибутивния компонент, при което „стесненото понятие се изразява чрез една проста дума, обогатена по лексико-семантичен признак“ [10, с. 86], т. е. налице е процес на формиране на ново лексикално значение у съществителното, което вече обозначава цялото понятие. Напр. бълг. *електрически ток* = *ток*, *атомен реактор* = *реактор*; рус. *детский сад* = *сад*; гр. *ηλεκτρονικός υπολογιστής* = *υπολογιστής* 'компютър'. Към тази група спадат също така и универбати, получени чрез декомпозиция на сложни думи, лексикални съкращения или фразеологични единици: напр. бълг. *вратовръзка* = *връзка*, *кока-кола* = *кола*, *говоря като кречетало* = *кречетало*; *резус-фактор* = *резус*; рус. *медсестра* = *сестра*. Разновидност на този тип универбати са и съкращенията на генитивни конструкции в руския и гръцкия език: напр. рус. *аттестат зрелости* = *аттестат*; гр. *πρέσα αλλών* = *πρέσα* 'преса за коса'.

Въз основа на гореизложеното, приемаме, че универбизацията е явление, породено от стремежа към икономия на езиковите средства, усилия и време и представлява начин за вторична номинация, извършвана посредством преобразуване на съставни номинативни единици, „независимо от граматичната им структура и степен на сложност“ [6, с. 408], в номинативни единици с по-компактна форма и с твърдествено семантично съдържание. На универбизация са подложени предимно устойчивите словосъчетания, но не е изключено и образуването на универбати от фразеологични съчетания, сложни думи и свободни словосъчетания, които преминават етап на съставни наименования.

С течение на времето, след като се е утвърдила в езиковата практика, за дадената съставна номинативна единица се търси по-кратка и икономична форма за изразяването на нейното съдържание. За тази цел, веднъж назованото по два (а понякога, макар и по-рядко, повече) свои най-очевидни признака понятие, бива преназовано посредством съкращаване на формата и съпроводено от семантична кондензация, при което един от компонентите приема значението и функциите на цялата съставна номинативна единица, а другият компонент формално е игнориран. По този начин езикът елиминира „вътрешното противоречие между разделно оформеното название и единството на неговото значение“ [5, с. 339].

А. Исаченко обръща внимание на факта, че в много случаи при възникването си новото понятие не се назовава направо, а по-скоро се описва, като стадият на описване на наименованието при нормални условия, рано или късно се преодолява [5, с. 339–340]. На този етап от съществуването си съставната номинативна единица и образуваният от нея универбат се използват паралелно и са взаимозаменяеми, тъй като последният все още се възприема от носителите на езика като единица, съвместяваща лексикалните значения и функциите на съставната номинативна единица, от която произлиза. Например на съвременния етап от съществуването си съчетанието *маршрутно такси* е равно по значение и функция на съществителното *маршрутка*. В бъдеще, обаче, има голяма вероятност *маршрутка* да се възприема като производна номинативна единица (derivat) със съвсем очевидна вътрешна форма, а сложното название *маршрутно такси* вече да не е в активна употреба. Такъв е случаят със съществителното *химикалка*, образувано посредством универбизация от съчетанието *химикална писалка*. Понастоящем връзката между двете единици е напълно заличена. Срв. още: *първак* = *първа ракия* или *пък моторница*, която все по-рядко се свързва със съчетанието, от което е произлязло (*моторна лодка*). В руския език чрез универбизация са образувани например такива съществителни като *перчатки* = *перчатъе рукавицы* или *индюк* и *индейка*, съответно от *индейский петух* и *индейская курица*, които носителите на съвременния руски език вече не възприемат като равноправни на съчетанията, от които произлизат и съответно като взаимозаменяеми в речта единици¹.

Казаното дотук ни дава основание от гледна точка на съвременното състояние на езика да считаме универбатите за вид съкращения, паралелно съществуващи със съставните номинативни единици, от които произлизат, но с оглед на бъдещото развитие и състояние на езика, повечето от тях най-вероятно ще бъдат приемани като обикновени производни номинативни единици. С други думи, при универбатите се наблюдава процес на преобразуване на номинативните единици от съставни в несъставни, който най-често предстои да бъде приключен.

2. Универбизацията в контекста на отношенията еквивалентност — безеквивалентност.

Процесът на универбизация до голяма степен е обусловен от външноезикови фактори, но самите начини за образуване на универбати изцяло зависят от средствата, с които разполага съответният език. В даден език този процес може да се е развил по отношение на определена част от съставните номинативни единици, докато в друг език няма подходящите условия за такова развитие. По този начин на универбат от един език в друг език може да отговаря словосъчетание, твърдествено по съдържание на това, с което се съотнася в семантичен план съответният универбат.

Въпреки че голяма част от универбатите принадлежат към разговорната реч, една част от тях са навлезли вече в книжовния език, а друга част, поради своята икономичност, постепенно се налагат и тепърва най-вероятно ще навлизат в речниковия фонд. И в трите езика най-често подлежат на универбизация атрибутивните безпредложни съчетания и много по-рядко атрибутивните предложни, тъй като при първите необходимостта от съгласуване между определящия и определяния компонент прави техните значения в много по-голяма степен зависими едно от друго, за разлика от вторите, при които се наблюдава по-голяма самостоятелност на компонентите, влизащи в състава на названието. Подобно съкращаване на формата, съпроводено от семантична кондензация, може да бъде наблюдавано и при сложните думи, напр. рус. *рыболов* = *рыбалка*².

Процесите на универбизация са изключително характерни за руския език, където „непрекъснато биват създавани неофициални названия за битовата и професионалната реч като заместители на официалните названия“ [9, с. 120]. Най-активна и най-силно е застъпена *суфиксалната универбизация*. Големото разнообразие от руски суфикси, използвани за тази цел, предполага и голям брой номинативни единици, образувани по този начин³ и в много случаи става причина за липсата на съответствия в другите два езика. Пример за това са руските универбати, като *незавершѐнка* = *незавершѐнное строительство*, *недостроенное здание*; *коммуналка* = *коммунальная квартира* и др., които в българския език съответно се предават като *недовършен обект* и *апартамент*, *в който живеят няколко семейства*, а в гръцкия — съответно *ατέλειωτη οικοδομή* и *κατοικία προορισμένη για*

¹ Вж. [5, с. 340], откъдето са руските примери.

² Срв. [5, с. 340–341]. Според А. Исаченко, резултат от семантична кондензация са също така и номинативните единици, образувани чрез композиция: напр. руското *местожителство* е образувано от съчетанието *место жительства* или *накануне*, съответно от *на кануне*. Иначе казано, от негова гледна точка, сложните думи също са резултат от *семантична кондензация* — мнение, с което трудно може да се съгласим.

³ Вж. [1, с. 5–21].

μια οικογένεια, στην οποία μένουν περισσότερες οικογένειες. В българския език процесите на суфиксална универбизация са по-малко застъпени, в гръцкия език обаче суфиксалната универбизация е изключително рядко явление. Пример за универбизация в гръцкия е съществителното *αβτρογράφος* = *αβτρογραφικό τηλεόπλιο* 'астрограф' (бълг., рус.).

И за трите разглеждани езика **субстантивацията** на прилагателни и причастия е характерно явление. Много често получените чрез субстантивация съществителни в единия от езиците имат като съответствия в другите два или аналогично образувани субстантивирани съществителни (*слабителное* [лекарство] — *очистително* [лекарство] — *καθαριστικό* [φάρμακο]), или съответствия под формата на несубстантивирана самостоятелна номинативна единица (*морожено* — *сладолед* — *παγωτό*). Ако в някой от езиците има „бяло петно“, то обикновено няма връзка с възможностите за субстантивация — напр. рус. *штатское* в българския език се предава като *цивилно облекло*. Само в отделни случаи се наблюдава липса на съответствие, имащо пряка връзка със самия начин на образуване на съкратени названия. Такъв пример е цяла група прилагателни от ср. р. мн. ч. в гръцкия език, завършващи на *-ια*, със значение 'разходи, такси, заплащане', които се субстантивират по един и същи модел. Честотата на употреба на образуваните по този начин съществителни, превръща този завършек в изключително продуктивен модел за създаване на нови номинативни единици с такова значение. Отсъствието в руския и българския език на тъждествен модел води и до отсъствие на еднословни съответствия, т. е. тази лексика също се явява безеквивалентна по отношение на българския и руския език: *αρωριάτικα* — *транспортна такса, (за превоз) — плата за провоз; стоимость перевозки; αδειαβτικα* — *заплащане (на работници) за освобождение на помещение — плата (работим) за освобождение помещениа; αλεβτικα* — *заплащане, такса за мелене — плата за помол, стоимость помола; αλωνιατικα (αλωνιστικα)* — *заплащане, възнаграждение за вършитба, уем — плата за обмолот; αμαξιατικα* — *такса за превоз с каруца — плата за превозку, стоимость перевозки; αμπελιατικα* — *налог за лозе; заплащане за работа по лозе или за охрана — налог на виноградник; плата за работу на винограднике или за охрану; αντιγραφικα* — *заплащане, такса за преписване, копиране, копирни разходи — плата за переписку, за копировку; стоимость переписки, копировки; αχθοφορικα* — *разноски за пренасяне; възнаграждение на хамалин, товарач — вознаграждение грузчика, носильщика; βαρκαδιατικα* — *такса за разходка/превоз с лодка — плата за катание или за превоз(ку) на лодке; βαφτικα* — *възнаграждение за боядисване — плата за окраску; βρετικα* — *възнаграждение за намерена вещь — вознаграждение за найденную вещь; γεφυριατικα (γεφυρωτικα)* — *средства и материали за построяване на мост; такса за преминаване по мост — средства и материалы для постройки моста; пошлина за проезд по мосту; γραφικα* — *възнаграждение за преписване — плата переписчику; детика* — *заплащане, цена за подвзрзване — стоимость переплѐта; δικηρορικα* — *хonorар на адвокат — гonorар адвоката; διορθωτικα* — *заплащане за ремонт; заплащане за коректура — плата за ремонт; плата за корректуру; εκτελωνιστικα* — *митнически разходи — таможенныe расходы; таможенна плата, плата таможенному чиновнику; εμβαβτικα* — *разходи за превеждане на сума — стоимость пересылки денег; επιδιορθωτικα* — *разходи за ремонт — плата за ремонт, починку; ζυβιστικα* — *разходи, разноски за претегляне — плата за взвешивание; φαφτικα* — *разноски за/по погребение — расходы на погребение, стоимость похорон; θεριστικα* — *заплащане за жънене, косене — плата за жатву, косьбу; θεωρικα* — *(ист.) сума за плащане на театралните билети на бедните — сумма оплаты билетов в театр для бедных; λεμβουχικα* — *възнаграждение на лодкар за превоз — плата лодочнику за перевоз; λουβτικα* — *такса за къпане — плата за купанье, за приём ванны; μεταχομβτικα* — *заплащане за превоз (на вещи) — плата за превозку (вещей); метафорика* — *разноски за превоз — транспортныe расходы; ναυλομεβτικα* — *експедиторски комисии — плата за посредничество при фрахтовании судна; οδοπορικα* — *пътни разходи, командировъчни — путевыe расходы; командировочныe (деньги); πλυβτικα* — *такса за пране — плата за стирку; ραфτικα* — *разноски по ушиване — стоимость пошива, плата за пошив; ταχυδρομικα* — *пощенски/куриерски разходи/такси — почтовые сборы; ψηβτικα* — *такса за печене във фурна (за хляб, плодове) — плата за выпечку (в пекарне).*

Очевидно е, че наличието на толкова голям брой аналогични по своето образуване и със сходна семантика съществителни се дължи на наложилия се в даден момент образец, като липсата на съответствия е следствие не толкова от невъзможността за субстантивация в руския и българския език, а по-скоро е резултат от продуктивността на дадения езиков модел за гръцкото словопроизводство.

Изводът, който може да бъде направен е, че в изследваните три езика субстантивацията като езиково явление сама по себе си не е толкова решаващ фактор за появата на лакуни, както е на пример суфиксалната универбизация в руския език.

И в трите изследвани езика универбатите, образувани посредством **лексикално-семантично словообразуване**, са характерни предимно за разговорната реч. Това е и причината липса на съответствия във вид на самостоятелна номинативна единица на този вид универбати да се констатира не толкова при междуезикова съпоставка, колкото при превод (и то предимно при превод на художествена литература), тъй като дори и за употребата на тези универбати в езика на оригинала в повечето случаи се изисква по-широк контекст. Въпреки това и тук могат да бъдат наблюдавани случаи

на липса на еквивалент при превод на цели групи такива съкратени единици. Пример за това могат са послужат руските съчетания от прилагателното *больной* и съществителни, обозначаващи част от тялото или орган (*печень, сердце, почки, ноги, руки, глаза, голова, уши, горло* т.н.)¹: У неё уже три года *гланды*; У тебя *зуб*?; У отца *нервы*, а у мамы *желудок*. В цитираните примери няма еквивалент във вид на самостоятелна номинативна единица и съответно преводът и в българския, и в гръцкия език е свободно словосъчетание — Вече три години има *болни сливици*; *Болен зъб* ли имаш? / *Зъб ли те боли*?; Баща ми има *проблем с нервите*, а майка ми — *болен стомах*; *Έχει πρόβλημα με τις αμυγδαλές εδώ και τρία χρόνια. Πονάει το δόντι σου*; Ο πατέρας μου *έχει πρόβλημα με τα νεύρα του και η μητέρα μου έχει πρόβλημα με το στομάχι της*.

Изводи. В заключение можем да отбележим, че спецификите, които притежава всеки от трите езика неминуемо водят до разлики както в граматичните, така и в лексикалните им системи. Съпоставката и анализът на универбатите на трите сравнявани езика разкрива различията при отразяването на понятията, дава представа за възприемането и интерпретирането на фактите от реалната действителност от страна на всеки един от тези три народа.

Имайки предвид всичко казано по-горе, можем да твърдим, че универбизацията като явление, обусловено от екстралингвистични фактори и зависещо изцяло от конкретните езикови средства, в определени случаи е причина за констатирано наличие на „бели петна“ при езикова съпоставка и/или превод.

Литература

1. Благоева Д. Универбизацията в най-новото славянско словообразуване (върху материал от българския, руския и чешкия език) / Д. Благоева // Съпоставително езикознание. — София, 2003. — № 3. — С. 5–21.
2. Виденов М. Универбизацията — присъща черта на българския разговорен стил / М. Виденов // Език и литература. — София, 1976. — № 4. — С. 28–35.
3. Граматика на съвременния български книжовен език : т. 2. Морфология. — София : БАН, 1983. — 511 с.
4. Земская Е. А. Русская разговорная речь : лингвистический анализ и проблемы обучения / Е. А. Земская. — М. : Русский язык, 1979. — 240 с.
5. Исаченко А. В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков / А. В. Исаченко // Slavia. — Praha, 1958. — № 3. — С. 334–352.
6. Калишан Е. К уточнению понятия универбации (на материале русского языка) / Е. Калишан // Slavia Orientalis. — Warszawa : PWN, 1984. — № 3–4. — С. 401–408.
7. Капанадзе Л. А. Номинативия / Л. А. Капанадзе // Русская разговорная речь. — М. : Наука, 1973. — С. 403–461.
8. Кынева В. О термине “номинативная единица” в контексте исследования лексической безэквивалентности (на материале русского, болгарского и греческого языков) / В. Кынева // Десятый международный симпозиум МАПРЯЛ 2010 «Теоретические и методические проблемы русского языка как иностранного в традиционной и корпусной лингвистике (доклады и сообщения)». — Велико-Тырново, 2011. — С. 103–114.
9. Мурдаров Вл. Съвременни словообразователни процеси : очерк върху българското словообразуване / Вл. Мурдаров. — София : Наука и изкуство, 1983. — 244 с.
10. Пернишка Е. За системността в лексикалната многозначност на съществителните имена / Е. Пернишка. — София : БАН, 1993. — 274 с.

References

1. Blagoeva, D. (2003), “Univerbation in contemporary Slavic word-formation (based on Bulgarian, Russian and Czech language material)”, *Contrastive Linguistics* [«Univerbizacijata v naj-novoto slavjansko slovoobrazuvane (vyrhu materialot bylgarskija, ruskija i cheshkija ezik)», *Sypostavitelno ezikoznanie*], Sofia, vol. 3, pp. 5–21.
2. Videnov, M. (1976), “Univerbation — a typical feature of colloquial Bulgarian”, *Language and Literature* [«Univerbizacijata — prisysycha cherta na bylgarskija razgovoren stil», *Ezik i literatura*], Sofia, vol. 4, pp. 28–35.
3. *Grammar of Contemporary Literary Bulgarian : vol. 2, Morphology* (1983), [Gramatika na syvremennija bylgarski knizhoven ezik : t. 2. Morfologija], Bulgarian Academy of Science, Sofia, 511 p.
4. Zemskaja, E. A. (1979), *Russian colloquial speech : linguistic analysis and issues in teaching* [Russkaja razgovornaja rech' : lingvisticheskiy analiz i problem obuchenija], Russian language, Moscow, 240 p.
5. Isachenko, A. V. (1958), “On the question of structural typology of the vocabulary of Slavic literary languages”, *Slavia* [“K voprosu o strukturnoj tipologii slovnogo sostava slavjanskikh literaturnykh jazykov”, *Slavia*], Praha, vol. 3, pp. 334–352.
6. Kalishan, E. (1984), “Towards a more precise definition of the term univerbation (based on Russian language material)”, *Slavia Orientalis* [“K utocneniju ponjatija univerbicii (na material russkogo jazyka)”, *Slavia Orientalis*], Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, Warszawa, vol. 3–4, pp. 401–408.
7. Kapanadze, L. A. (1973), “Nomination”, *Russian colloquial speech* [“Nominacija», *Russkaja razgovornaja rech'*], Nauka, Moscow, pp. 403–461.
8. Kaneva, V. (2011), “On the term 'nominative unit' in the context of lexical non-equivalence (based on Russian, Bulgarian and Greek language material)”, *Tenth international symposium MAPRYAL 2010 : Theoretical and methodological issues in Russian as a foreign language in traditional and corpus linguistics (reports and talks)* [«O termine 'nominativ-

¹ Примерът е по [7, с. 421–422].

naja edinica v kontekste issledovanija leksicheskoj bezekvivalentnosti (na materiale ruskogo, bolgarskogo i grecheskogo jazykov)”, *Desyatyj mezhdunarodnyj simpozium MAPRYAL 2010 : Teoreticheskie i metodicheskie problemy ruskogo jazyka kak inostrannogo v tradicionnoj i korpusnoj lingvistike (doklady i soobshchenija)*, Veliko Turnovo, pp. 103–114.

9. Murdarov, V. (1983), *Contemporary word-formation processes : an outline of Bulgarian word-formation [Syvremenni slovoobrazovatelni procesi : ocherk vyryhu bylgarskoto slovoobrazuvane]*, Nauka i izkustvo, Sofia, 244 p.

10. Pernishka, E. (1993), *On the systematicity of the lexical polysemy of nouns [Zasistemnostta v leksikalnata mnogoznachnost na syshchestvitelnite imena]*, Bulgarian Academy of Science, Sofia, 274 p.

КЫНЕВА Виктория Гочева,

кандидат филологических наук, главный ассистент кафедры классических и восточных языков и культур, Велико-Тырновский университет Святых Кирилла и Мефодия; Велико Тырново, 5003, Болгария; тел.: +359 885 149 429; e-mail: vgotcheva_g@mail.bg; ORCID ID: 0000-0003-1103-3054

СОКРАЩЁННЫЕ НОМИНАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ «ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ — БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ». УНИВЕРБАЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ БОЛГАРСКОГО, РУССКОГО И ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. *Цель* статьи — проанализировать конструкции универбов в свете отношений эквивалентности — безэквивалентности. *Объектом* изучения являются универбы, которые есть в одном или нескольких языках, а в других языках вместо аналогичного слова употребляется словосочетание, которое не подверглось универбации. Основным *методом* исследования является контрастивный анализ. *Результаты* анализа показывают, что специфика каждого из трёх языков неизбежно приводит к выявлению различий в их грамматической и лексической системах. Анализ универбов трёх сравниваемых языков даёт представление о восприятии и интерпретации фактов реальной жизни каждым народом — носителем того или иного языка. Основной *вывод* заключается в том, что универбация как явление, обусловленное внеязыковыми факторами и полностью зависимое от конкретных лингвистических средств, нередко становится причиной переводоведческих сложностей, когда слово соответствует в другом языке словосочетанию и наоборот.

Ключевые слова: универбация, эквивалентность, безэквивалентность, laquan, русский, болгарский, греческий языки.

Viktoriya G. KANEVA,

PhD in Philology, Senior Lecturer, Department of Classical and Eastern Languages and Cultures, St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo; Veliko Turnovo, 5003, Bulgaria; tel.: +359 885 149 429; e-mail: vgotcheva_g@mail.bg; ORCID ID: 0000-0003-1103-3054

ABBREVIATED NOMINATIVE UNITS IN THE CONTEXT OF THE EQUIVALENCE — NON-EQUIVALENCE RELATIONSHIPS. UNIVERBATION (BASED ON BULGARIAN, RUSSIAN AND GREEK LANGUAGE MATERIAL)

Summary. *Purpose* of the present article is the analysis of univerbation in the light of the equivalence — non-equivalence relationships. *The object* of the study are univerbations in terms of their role in the appearance of lacunae in Russian, Bulgarian and Greek. The main *method* of the study is contrastive analysis. *The results* show that the specificities of the three languages inevitably lead to differences in their grammatical as well as lexical systems. The contrast and analysis of the univerbations of the three languages in question gives an idea of the perception and interpretation of real-world facts from the point of view of each of the three peoples. The main *conclusion* is that univerbation as a phenomenon, which is conditioned by extra-linguistic factors and is completely dependent on the specific linguistic resources, in certain cases brings into existence the 'gaps' notable during contrastive analysis and/or translation. *The practical significance* of the present analysis is related above all to issues in translation theory and practice.

Key words: univerbation, equivalence, non-equivalence, lacuna, Russian, Bulgarian, Greek.

Статтю отримано 28.09.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.28.115840>

УДК [811.163.2+811.161.1]’367.635

ЗЛАТЕВ Иван Марков,

ассистент кафедры русистики Велико-Тырновского университета им. Святых Кирилла и Мефодия;
ул. «Теодосий Тырновски» № 2, 5003, г. Велико-Тырново, Болгария, тел. +359 (062) 618288;
e-mail: ivan-zlatev@narod.ru; ORCID ID: 0000-0002-2087-996X

ПРОБЛЕМЫ СТАТУСА ЧАСТИЦ КАК ЧАСТИ РЕЧИ В БОЛГАРСКОМ И В РУССКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Аннотация. *Цель* статьи — описать проблемы статуса частиц в болгарском и в русском языкознании. *Объект* анализа — частицы в болгарском и в русском языках. *Предмет* исследования — разряды частиц в болгарском и в русском языках, трудности классификации частиц. В *результате* исследования выявлены сходства и различия в классификации частиц в болгарском и в русском языках. Указаны факторы, затрудняющие определение разрядов частиц. **Выводы.** В русском и в болгарском языкознании основные проблемы связаны с разнородностью слов, выделяемых как частицы. Что касается классификации частиц, с одной стороны, существуют объективные различия в грамматических системах двух языков, обуславливающие выделение класса словообразующих частиц в болгарской грамматике и отсутствие такого класса в русской грамматике. С другой стороны, отсутствуют единые критерии, которые необходимо применять при классификации частиц, что приводит к значительным расхождениям при выделении разрядов частиц в двух языках. Омонимия частиц и других частей речи, а также семантическая природа частиц тоже в немалой степени затрудняют их классификацию. **Практическое применение** результатов исследования связано с разработкой более совершенных компаративных методик преподавания русского языка болгароязычным и болгарского языка русскоязычным учащимся.

Ключевые слова: частица, классификация, разряд, часть речи, болгарский язык, русский язык.

Постановка проблемы. Частицы нередко остаются вне поля зрения лингвистов. Причина, на наш взгляд, не в том, что частицы считаются «маленькими», несущественными словами в лингвистике, а, скорее всего, в трудностях, с которыми сталкивается исследователь, пытающийся охарактеризовать и классифицировать частицы. Эти трудности связаны с сущностью этой части речи, с разнородностью слов, которые традиционно включаются в неё.

Постановка задач исследования. Целью нашего исследования является изучение статуса частиц в болгарском и в русском языкознании. В работе сделана попытка рассмотреть проблемы, связанные с критериями отнесения слов в разряд частиц как части речи в болгарской и русской лингвистической традиции, а также трудности классификации и определения на практике принадлежности слов к этой части речи. Сделан обзор исследований последних десятилетий, начиная с середины XX в. Такое ограничение связано, с одной стороны, с достаточно углублённой научной разработкой частиц во второй половине XX в., с другой стороны, с тем, что существует широкое и узкое понимание термина «частица».

Изложение основного материала. Как отмечает В. В. Виноградов в своей книге «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» в широком понимании частицы — все служебные части речи [1, с. 545]. Сам раздел о служебных частях речи в книге называется «Частицы речи». Кристилина Чолакова в своей монографии о частицах в болгарском языке тоже отмечает существование в лингвистике, в частности в болгарской лингвистике первой половины XX в., узкого и широкого понимания этого термина [10, с. 4]. Можно с достаточной большой уверенностью утверждать, что во второй половине XX в. как в русской, так и в болгарской лингвистике термин «частицы» в широком понимании почти не встречается. Частицы в узком понимании — одна из служебных частей речи, традиционно выделяемых в русской и в болгарской грамматике.

О разнородности слов, относимых к этой части речи, свидетельствует определение частиц в академической «Русской грамматике»: «В классе частиц объединяются неизменяемые незначащие (служебные) слова, которые, во-первых, участвуют в образовании морфологических форм слов и форм предложения с разными значениями ирреальности (побудительности, сослагательности, условности, желательности); во-вторых, выражают самые разнообразные субъективно-модальные характеристики и оценки сообщения или отдельных его частей; в-третьих, участвуют в выражении цели сообщения (вопросительности), а также в выражении утверждения или отрицания; в-четвёртых, характеризуют действие или состояние по его протеканию во времени, по полноте или неполноте, результативности или нерезультативности его осуществления» [9, т. 1, с. 722]. В отличие от предлогов и союзов, где внутри одной части речи объединяются относительно однородные группы слов, частицы обладают разными грамматическими и семантическими характеристиками. Далее читаем «Перечисленные функции частиц группируются, с одной стороны, в функции формообразования, с другой стороны, в функции разнообразных коммуникативных характеристик сообщения» [9, т. 1, с. 722]. Такое объединение двух групп слов, совершенно разных по своим функциям, рас-

пространено в большинстве грамматик русского языка. В болгарских грамматических трудах тоже наблюдается обособление разных с функциональной точки зрения классов частиц. В академической «Грамматике современного болгарского литературного языка» обособляются три группы частиц в зависимости от их функций: 1) частицы со служебной функцией в предложении (*а, ама, ами, май, нъж, ха* и др.), 2) частицы со словообразующей функцией (*-годе, еди-, би-, -що* и др.), 3) частицы с формообразующей функцией (*по-, най-, ще, нека* и др.) [4, т. 2, с. 477]. В отличие от принятой в русской грамматике классификации, в болгарской грамматике выделяется третий класс частиц — словообразующие. Такой класс обычно обособляется и в других болгарских грамматических трудах [см. напр.: [8, с. 250; 10, с. 77; 2, с. 190]. Необходимо указать, что в болгарской грамматике, по традиции, словообразование частей речи рассматривается в рамках морфологии, а не рассматривается в отдельности. Ещё один важный фактор заключается в том, что в современном болгарском языке, в отличие от русского, обособляются некоторые частицы со словообразующей функцией. Ср.: болг. *увеличавам се*, русск. *увеличиваться*. Процессы развития грамматических систем двух родственных языков привели к тому, что в русском языке *-ся* имеет статус постфикса с возвратным значением, поскольку не обладает синтаксической свободой, а в болгарском *се* — возвратная частица, имеющая способность перемещаться в предложении (напр. *Те се увеличават*). Однако, что касается болгарских частиц *-годе, еди-, -що*, кажется более логичным считать их морфемами, поскольку они служат для образования новых слов и не обладают синтаксической свободой перемещения. Отметим, что в болгарской академической грамматике в разделе «Частицы» *-годе* и *еди-* перечисляются в числе прочих как словообразующие частицы, а в разделе о словообразовании местоимений обе единицы квалифицируются как морфемы [4, т. 2, с. 205, с. 477]. Одним из возможных объяснений такого разнobia может быть факт коллективного авторства академической грамматики (раздел о словообразовании местоимений написан Стояном Стояновым, а раздел о частицах — Кристалиной Чолаковой). Станьо Георгиев в «Морфологии современного болгарского литературного языка» определяет *-годе* и *еди-* как частицы и в главе о частицах как части речи, и в главе «Словообразование числительных и местоимений» [2, с. 130, 195]. В русском языке на протяжении многих десятилетий некоторые морфемы, преимущественно в школьных пособиях, описаны как частицы, но в университетских учебниках этого не наблюдается. А. А. Камынина пишет по этому поводу: «Существует традиция выделять разряд формо- и словообразующих частиц (частицы-аффиксы): *те (читайте), бы (читал бы), ся (дом строится), кое-, -нибудь, -либо, -то, (кое-кто, кто-нибудь, кто-либо, кто-то* и т. п.) и нек. др. С точки зрения синхронных отношений это выделение некорректно. Частицы при всей их пестроте и разнообразии являются отдельными лексемами, а не компонентами словоформ, поэтому единицы, получившие в языке статус агглютинативной морфемы (В. В. Виноградов), не должны относиться к данной части речи» [6, с. 225].

Классификация по функциям в болгарской академической грамматике, приведённая выше, основывается на функции сугубо грамматической. В «Русской грамматике» классификация по функциям имеет несколько иной характер. «...По функциям выделяются частицы: 1) формообразующие, 2) отрицательные, 3) вопросительные, 4) характеризующие действие по протеканию во времени или по результативности, 5) модальные, 6) частицы — утверждающие или отрицающие реплики» [9, т. 1, с. 724]. Очевидно, что в этой классификации представлены разряды модальные, коммуникативные и сугубо лексические. Чуть ниже шестой разряд (частицы — утверждающие или отрицающие реплики) описывается как группа модальных частиц [9, т. 1, с. 727]. Как разряд внутри модальных частиц включены частицы эмоциональные [9, т. 1, с. 728]. Во многих грамматических трудах эмоциональные и модальные частицы выделяются как отдельные классы [3, с. 383; 6, с. 225].

Особенно интересной и заслуживающей внимания является классификация частиц, предложенная в «Кратком справочнике по современному русскому языку». Авторы справочника выделяют два класса частиц: модальные и амодальные [7, с. 262–263]. Разумеется, такой подход применяется в связи с трудностями классифицирования частиц в русском языке по какому-либо одному основанию.

Довольно интересен также подход к классификации частиц, предлагаемый Г. Н. Гочевым в его учебнике «Современный русский язык. Морфология». В отличие от традиционного деления частей речи на знаменательные и служебные, выделяется третий класс — коммуникативные части речи. Причём в служебные включены только формообразующие частицы, а в коммуникативные (наряду с модальными словами, междометиями и звукоподражаниями) — коммуникативные частицы: смысловые, модальные, регулятивные, эмоциональные, экспрессивные и частицы смешанного типа [3, с. 349, 374].

В болгарской грамматической литературе тоже нет единого мнения по вопросу о классификации частиц. Так, Станьо Георгиев, с точки зрения семантики, выделяет логические (уточняющие), эмоциональные (и экспрессивные), модальные и формальные (грамматические) частицы¹.

Безусловно, одним из факторов, вызывающих расхождение в классификации частиц, является их омонимичность с другими частями речи. «Русская грамматика» отмечает: «Многие частицы по своему значению и по своим синтаксическим функциям не противостоят резко словам других классов —

¹ Ср. с вышеописанной классификацией частиц в болгарской академической грамматике.

союзам, вводным словам, междометиям, наречиям, а совмещают в себе качества частицы и слова одного из этих классов. Соответственно внутри класса частиц выделяются частицы, совмещающие в себе признаки частиц с признаками названных слов: частицы-союзы, частицы-наречия, частицы-междометия и частицы-вводные слова» [9, т. 1, с. 729]. В случаях омонимии частиц и союзов обычно без особых затруднений можно выявить, какая часть речи употребляется. Ср., напр., русск. *что* (союз) в *Сказал, что придёт* и *что* (частица) в *Что, устал?*; болг. *че* (союз) в *Каза, че ще дойде* и *че* (частица) в *Че седни де!* Более сложно отличить частицы от омонимичных междометий. Хотя в большинстве случаев в качестве критерия выдвигается возможность междометий быть самостоятельным высказыванием, этот критерий нельзя применить по отношению к частицам с утвердительным или отрицательным значением (русск. *да, нет*; болг. *да, не*), которые, в отличие от большинства других частиц, могут быть самостоятельным высказыванием [5].

Необходимо отметить, что частицы, употреблённые в предложении, подобно междометиям, могут одновременно выражать разные значения (например, модальное и эмоциональное). Это также затрудняет чёткое выделение классов.

Из вышесказанного можно сделать **вывод** о том, что и в русском, и в болгарском языкознании основные проблемы в области выделения и классификации частиц связаны, в первую очередь, с разнородным характером слов, выполняющих функции частиц. Что касается классификации, то отличия в грамматических системах русского и болгарского языков влияют на асимметричность формирования групп этих слов. Так, в болгарском языке имеется полноценный класс словообразующих частиц, в то время как в русском языке такой класс отсутствует. А те образования, которые в школьной русской грамматике называют словообразовательными частицами, вообще не являются самостоятельными словами, а функционируют как служебные морфемы в составе словоформ. Кроме того, отсутствуют единые критерии, которые применяются при классификации частиц, что приводит к значительным расхождениям при выделении разрядов частиц в двух языках. Омонимия частиц и других частей речи, а также семантическая природа частиц тоже в немалой степени затрудняют их классификацию.

Л и т е р а т у р а

1. *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. — М.: Высшая школа, 1986. — 639 с.
2. *Георгиев С.* Морфология на българския книжовен език / Станьо Георгиев. — Велико-Тырново: Издателство на ВТУ, 1999. — 399 с.
3. *Гочев Г. Н.* Современный русский язык — морфология / Г. Н. Гочев. — Велико-Тырново: Издателство на ВТУ, 2001. — 412 с.
4. *Грамматика на съвременния български книжовен език: в 3 т.* / [Българска академия на науките]. — София: Издателство на Българската академия на науките, 1980. — Т. 2. — 511 с.
5. *Златев И. М.* Вопрос о разграничении междометий и частиц в болгарском и в русском языкознании / И. М. Златев // Велико-Тырновский университет имени Святых Кирилла и Мефодия. Кафедра русского языка. Ежегодные лингвистические чтения, 15 ноября 2003 года. — Велико-Тырново: Издателство на ВТУ, 2004. — С. 35–40.
6. *Камынина А. А.* Современный русский язык. Морфология / А. А. Камынина. — М.: Изд-во МГУ, 1999. — 240 с.
7. *Лекант П. А.* Краткий справочник по современному русскому языку / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, П. А. Лекант. — М.: Высш. шк., 1991. — 383 с.
8. *Пашов П.* Българска граматика / Петър Пашов. — София: Хермес, 2011. — 456 с.
9. *Русская грамматика: в 2 т.* / [АН СССР; Ин-т рус. яз.; ред. Н. Ю. Шведова]. — М.: Наука, 1980. — Т. 1. — 784 с.
10. *Чолакова К.* Частиците в съвременния български книжовен език / Кристилина Чолакова. — София: Издателство на Българската академия на науките, 1958. — 97 с.

R e f e r e n c e s

1. Vinogradov, V. V. (1986), *Russian Language: Grammatical doctrine on the word [Russkij jazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove]*, Vysshaja shkola, Moscow, 639 p.
2. Georgiev, Stanio (1999), *Morphology of Standard Bulgarian Language [Morfologija na balgarskija knizhoven ezik]*, Publishing House of Veliko Tarnovo University, Veliko Tarnovo, 399 p.
3. Gotchev, G. N. (2001), *Modern Russian Language — Morphology [Sovremennij russkij jazyk — morfologija]*, Publishing House of Veliko Tarnovo University, Veliko Tarnovo, 412 p.
4. *Grammar of Contemporary Standard Bulgarian Language: in 3 vol.* (1983), [Gramatika na savremennija balgarski knizhoven ezik: v 3 t.], Publishing House of Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, vol. 2, 511 p.
5. Zlatev, I. M. (2003), “The problem of Differentiation between Interjections and Particles in Bulgarian and Russian Linguistics”, *University of Veliko Tarnovo, Department of Russian Language, Annual Linguistic Conference, 15th of November 2003* [“Vopros o razgranichenii mezhdometij i chastic v bolgarskom i v russkom jazykoznanii”, *Veliko-Tyrvnovskij universitet imeni Sviatykh Kirilla I Mefodija. Kafedra russkogo jazyka. Jezhegodnye lingvističeskie čtenija, 15 nojabria 2003 goda*], Publishing House of Veliko Tarnovo University, Veliko Tarnovo, pp. 35–40.
6. Kamynina, A. A. (1999), *Modern Russian Language. Morphology [Sovremennij russkij jazyk. Morfologija]*, Publishing House of Moscow State University, Moscow, 240 p.

7. Lekant, P. A., Klobukov, E. V., Kasatkin, L. L. (1991), *A Short Reference Book of the Modern Russian Language [Kratkij spravocnik po sovremennomu russkomu jazyku]*, Vysshaja shkola, Moscow, 383 p.
8. Pashov, Petar (2011), *Bulgarian Grammar [Balgarska Gramatika]*, Hermes, Sofia, 456 p.
9. Shvedova, N. Yu., ed. (1980), *The Russian grammar : in 2 vol. [Russkaja grammatika : v 2 t., red. N. Yu. Shvedova]*, The USSR Academy of Sciences, Russian Language Institute, Nauka, Moscow, vol. 1, 784 p.
10. Cholakova, Kristalina (1958), *Particles in Modern Bulgarian Language [Chasticite v savremennija balgarski knizhoven ezik]*, Publishing House of Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, 97 p.

ЗЛАТЄВ Иван Марков,

асистент кафедри русистики Велико-Тирновського університету імені Святих Кирила і Мефодія;
вул. «Теодосій Тирновскі» № 2, 5003, м. Велико-Тирново, Болгарія; тел. +359 (062) 618288;
e-mail: ivan-zlatev@narod.ru; ORCID ID: 0000-0002-2087-996X

**ПРОБЛЕМИ СТАТУСУ ЧАСТОК ЯК ЧАСТИНИ МОВИ В БОЛГАРСЬКОМУ І В РОСІЙСЬКОМУ
МОВОЗНАВСТВІ**

Анотація. *Мета* статті — описати проблеми статусу часток у болгарському та російському мовознавстві. *Об'єкт* аналізу — частки в болгарській та російській мовах. *Предмет* дослідження — розряди часток у болгарській та російській мовах, труднощі класифікації часток. У *результаті* дослідження виявлено подібності та відмінності у класифікації болгарських і російських часток. Указано чинники, що ускладнюють визначення розрядів часток. *Висновки.* У російському та болгарському мовознавстві основні проблеми пов'язані з різноманітністю слів, які виокремлюються як частки. Що стосується класифікації часток, то, з одного боку, існують об'єктивні відмінності у граматичних системах двох мов, які зумовлюють виокремлення класу слівотвірних часток у болгарській граматиці та відсутність такого класу в російській граматиці. З іншого боку, відсутні єдині критерії, які необхідно застосовувати при класифікації часток, що призводить до значних розбіжностей при виокремленні розрядів часток у двох мовах. Омонімія часток та інших частин мови, а також семантична природа часток теж значною мірою ускладнюють їх класифікацію. *Практичне застосування* результатів дослідження пов'язано з розробкою більш досконалих компаративних методик викладання російської мови болгарськомовним і болгарської мови російськомовним учням.

Ключові слова: частка, класифікація, розряд, частина мови, болгарська мова, російська мова.

Ivan M. ZLATEV

Lecturer, Department of Russian Language, St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo;
5003 Veliko Turnovo, Bulgaria, 2 T. Turnovski st., tel.: +359 (062) 618288;
e-mail: ivan-zlatev@narod.ru; ORCID ID: 0000-0002-2087-996X

**PROBLEMS OF PARTS-OF-SPEECH STATUS OF PARTICLES IN BULGARIAN AND RUSSIAN
LINGUISTICS**

Summary. The *purpose* of the article is to describe the problems of the particles' status in Bulgarian and Russian Linguistics. The *subjects* of this study are particle classes in Bulgarian and Russian languages, difficulties in classification of particles. *Methods* of semantic, grammatical, comparative analysis, are used. The *findings* of the research are pointing out the similarities and differences in particle classification in Bulgarian and Russian. Factors complicating defining of classes of particles are described. The main ones being the diversity of words included in that part of speech. There are the factors resulting from the differences in the grammatical systems of both languages. On the other hand there are no clear criteria for defining classes of particles. Homonymy and semantics of particles are a main factor as well. The *practical value* of the research is that the results can be used in further studies of particles in Russian and Bulgarian, as well as studies of particles in other languages.

Key words: Particles, classification, classes, parts of speech, the Bulgarian language, the Russian language.

Статтю отримано 24.09.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.28.115853>

УДК 001.891.5-021.272:(81.255.4:821.111)Шексп*Сонет1=030.111=161.1)

ОСТАПЕНКО Світлана Анатоліївна,

кандидат педагогічних наук, доцент кафедри іноземної філології та перекладу
Донецького національного університету економіки і торгівлі імені Михайла Туган-Барановського;
вул. Трамвайна, 16, м. Кривий Ріг, 50005, Україна; e-mail: ostapenko@donnuet.edu.ua;
тел.: +38 097 5232960; ORCID ID: 0000-0002-3915-4854

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧНИЙ АНАЛІЗ ПОЕТИЧНОГО ПЕРЕКЛАДУ Д. ПАВЛИЧКА СОНЕТУ 1 В. ШЕКСПІРА УКРАЇНСЬКОЮ МОВОЮ

Анотація. *Мета.* Здійснити структурно-семантичний аналіз та встановити особливості поетичного перекладу сонету 1 В. Шекспіра українською мовою. *Об'єкт аналізу* — переклад сонету 1 В. Шекспіра. *Предметом* наукової розвідки є проблема відтворення стилістичних засобів у процесі поетичного перекладу. *Методи.* Вирішення поставлених завдань здійснювалось за допомогою таких методів: перекладознавчий та компаративний аналіз, порівняння стилістичних явищ та їх невідповідностей в оригінальному та перекладеному текстах у перекладознавчих цілях, аналіз способів відтворення та застосованих трансформацій в процесі передачі стилістичних засобів українською мовою. *Результати.* У процесі дослідження проведено аналіз поетичного перекладу сонету 1 В. Шекспіра, зробленого Д. Павличком, розглянуто внутрішню структуру перекладеного сонету та перекладацькі трансформації, застосовані у перекладі, передання або втрату стилістичних прийомів оригіналу. *Висновки.* Д. Павличко модифікував жанр сонета, збагативши композиційно-стильові і виражальні кошти, урізноманітнив жанровотворчу структуру сонета. І хоча він категорично відкидав трактування сонета як “носія” певного стилю, саме порушення канонів сонетної форми, а то й кардинальне їх зміна є невід’ємною ознакою індивідуального стилю Д. Павличка.

Ключові слова: поетичний переклад, перекладацький аналіз, трансформація, стилістичний прийом, сонет.

Постановка проблеми. Переклад поетичного тексту — літературний процес, який вимагає не менше творчих зусиль, ніж написання оригіналу: важливо не тільки передати зміст, але і зберегти естетичну функцію, прагматику, а також його поетичну організацію.

Аналіз літератури в області теорії та практики перекладу показує, що питання віршованого перекладу представляють собою максимальну складність, так як поетичний твір більшою мірою залежить від мови, ніж від прози, до того ж у силу специфіки жанру необхідно передати в перекладі не тільки зміст, але й ритміко-мелодійну та композиційно-структурну сторону першотвору.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Питання щодо поетичного перекладу завжди хвилювало вчених. У різні часи і в різних країнах поети, перекладачі і вчені вважали, що переклад поезії неможливий. Існує багато теорій поетичного перекладу, розроблених ученими, серед яких О. Месковський, В. Белінський, О. Смирнов, І. Левий, О. Смирницький, О. Бархударов, В. Матезіус, О. Фішер, Р. Якобсон та ін.

Актуальність роботи визначається недостатнім вивченням питання про збереження змісту або форми поетичного твору при поетичному перекладі, а також спробою з'ясувати, за допомогою яких перекладацьких трансформацій перекладач відтворює текст оригіналу, щоб досягти якомога точного поетичного перекладу і чи вдається передати при поетичному перекладі все те, що хотів донести автор до читача.

Постановка завдання. Мета нашої роботи полягає в тому, щоб методом аналізу встановити особливості поетичного перекладу сонетів В. Шекспіра українською мовою. Об'єкт аналізу — переклад сонету 1 В. Шекспіра. Предметом наукової розвідки є проблема відтворення стилістичних засобів у процесі поетичного перекладу.

Виклад основного матеріалу. Кожен поетичний текст необхідно розглядати у трьох аспектах: змістовому (що сказано), стилістичному (як сказано) та прагматичному (яку реакцію викликає сказане у читача). Ці три сторони оригіналу підлягають відтворенню при перекладі, однак, ніколи не повинні (та й не можуть) передаватися зі стовідсотковою точністю.

Оскільки абсолютної тотожності оригіналу й перекладу досягти неможливо, переклад поезії полягає в досягненні певної функціональної еквівалентності тексту перекладу тексту оригіналу.

Таким чином, перекладач повинен бути готовий до неминучих втрат змістовних або формальних елементів. Найчастіше він змушений жертвувати значеннями, щоб зберегти структурну організацію віршованого твору з її естетичним впливом на читача. Утім, трапляється, що вилучення деяких формальних елементів набагато важливіше для передачі точного змісту.

Перекладач завжди повинен шукати так звану золоту середину у виборі між формою і змістом, так як адекватним можна вважати той переклад, який найбільш повно відтворив і змістовну, і формальну сторони оригіналу. І форма, і зміст у тексті перекладу повинні в рівній мірі відповідати формі і змісту тексту оригіналу.

Для структурно-семантичного та порівняльного аналізу поетичних перекладів на українську мову сонету 1 серед перекладів багатьох українських перекладачів «Сонетів» В. Шекспіра ми віді-

брали поетичний переклад українського поета, перекладача, літературний критика, громадсько-політичного діяча Дмитра Васильовича Павличка.

Завдяки перекладацьким та організаторським зусиллям Дмитра Павличка вперше повне зібрання творів Шекспіра з'явилося українською мовою в шести томах. Дмитро Павличко видав першу в історії української літератури антологію «Світовий сонет» (у 1998 році), на сторінках якої надруковано новий повний корпус Шекспірових сонетів.

Розглянемо поетичний переклад сонету 1 Д. Павличка [3]:

Сонет 1

1. Ми прагнем, щоб краса потомство мала, (А)
2. Щоб цвіт її ніколи не зачах, (В)
3. Щоб квітнула троянда нетривала, (А)
4. Все наново постаючи в бруньках. (В)
5. А ти, закоханий у власну вроду, (С)
6. Її годуєш полум'ям своїм, (D)
7. Розвалюєш — скажи, кому на шкоду? — (С)
8. Душі свої багатючий дім. (D)
9. Ти, хто весні сьогодні пишна пара, (Е)
10. Пригноблюєш весняне почуття, (F)
11. Як той багатий, та нещасний скнара, (Е)
12. Змарновуєш на вбогості життя. (F)
13. Світ пожалій, не зводь красу до гробу, (G)
14. Віддай природі борг — свою подобу! (G)

Наведений поетичний переклад Дмитра Павличка сонету 1 В. Шекспіра складається з типової для англійського сонету форми: перекладений Д. Павличком сонет 1 написано 5-тистопним ямбом, він має 14 рядків (три чотиривірші та заключний куплет (двовірш) і систему рим: АВАВ CDCD EFFE GG — що цілком відповідає формі шекспірівського сонету.

Далі проведемо змістовий аналіз та розглянемо внутрішню структуру поетичного перекладу сонету 1 Д. Павличка, розглянемо перекладацькі трансформації, які використав Д. Павличко у своєму перекладі, порівнявши його поетичний переклад з підрядковим перекладом Шекспіра [5]:

у рядку 1 Д. Павличко застосував узагальнення (generalization): «найпрекрасніші створіння» «краса»

В. Шекспір: «From fairest creatures we desire increase»

ПП: «Від найпрекрасніших створінь ми бажаємо приросту (приплоду);

Д. Павличко: «Ми прагнем, щоб краса потомство мала» — розгорнута метафора.

У рядку 2 в поетичному перекладі Д. Павличко використав заміну (substitution):

В. Шекспір: «That thereby beauty's rose might never die,»

ПП: «Щоб таким чином троянда краси ніколи не вмирала»;

Д. Павличко: «Щоб цвіт її ніколи не зачах» — розгорнута метафора.

А також Д. Павличко поміняв місцями оригінал шекспірівських рядків 2 і 3:

В. Шекспір: «2. Щоб таким чином троянда краси ніколи не вмирала, 3. Але, коли більш зріла (та, що вже розпустилась) [троянда] з часом помре»;

Д. Павличко: «2. Щоб цвіт її ніколи не зачах, 3. Щоб квітнула троянда нетривала»; а також використав антонімічний переклад: «з часом помре» — «щоб квітнула», та додавання (addition): «нетривала». «Щоб квітнула троянда нетривала» — розгорнута метафора, «троянда нетривала» — епітет. В рядках 1, 2, 3: «щоб... щоб... щоб» — ординарний (звичайний) повтор;

У рядку 4 Д. Павличко використав заміну (substitution): «спадкоємець» «бруньки», «нестиме пам'ять» «все заново постаючи») та вилучення (omission): «нестиме пам'ять про нього» — опущено:

В. Шекспір: «His tender heir might bear his memory:»

ПП: «Його ніжний (люблячий) спадкоємець нестиме пам'ять про нього»;

Д. Павличко: «Все наново постаючи в бруньках» — метафора.

У рядку 5 у перекладі Д. Павличко використав заміну (substitution): «заручений» «закоханий» та узагальнення (generalization): «заручений з своїми власними ясними очима» — «закоханий у власну вроду»:

В. Шекспір: «But thou, contracted to thine own bright eyes»

ПП: «А ти, заручений з своїми власними ясними очима»;

Д. Павличко: «А ти, закоханий у власну вроду» — метафора.

У рядку 6 Д. Павличко використав заміну (substitution): «підтримуєш в собі» «її годуєш»:

В. Шекспір: «Feed'st thy light's frame with self-substantial fuel,»

ПП: «Підтримуєш в собі полум'я (багаття) паливом своєї сутності»;

Д. Павличко: «Її годуєш полум'ям своїм» — розгорнута метафора.

У рядку 7 Д. Павличко використав заміну (substitution):

В. Шекспір: «Making a famine where abundance lies,»

ПП: «Створюючи голод [там], де панує достаток»;

Д. Павличко: «Розвалюєш — скажи, кому на шкоду? —» розгорнута метафора.

У рядку 8 Д. Павличко використав вилучення (omission): «занадто жорстокий до своєї милої персони», та заміну (substitution): «сам собі ворог» «душі своєї багатющий дім»:

В. Шекспір: “Thyself thy foe, to thy sweet self too cruel.”

ПП: «Сам собі ворог, занадто жорстокий до своєї милої персони»;

Д. Павличко: «Душі своєї багатющий дім» — метафора, «багатющий дім» — ланцюг епітетів.

У рядку 9 Д. Павличко використав заміну (substitution): «є тепер новою прикрасою світу» «хто весні сьогодні пишна пара»:

В. Шекспір: “Thou that art now the world’s fresh ornament”

ПП: «Ти, що є тепер новою прикрасою світу»;

Д. Павличко: «Ти, хто весні сьогодні пишна пара» — метафора, «пишна пара» — епітет.

У рядку 10 український перекладач використав змістовий розвиток рядку 9, продовживши тему «весни» в 10 рядку, а також використав антонімічний переклад: «першим вісником (першоцвітом, весняною квіткою) барвистої весни» (позитивне) — «пригноблюєш весняне почуття» (негативне).

В. Шекспір: “And only herald to the gaudy spring,”

ПП: «І першим вісником (першоцвітом, весняною квіткою) барвистої весни»;

Д. Павличко: «Пригноблюєш весняне почуття» — розгорнута метафора, «весняне почуття» — епітет.

Рядки 11 та 12 перекладач Д. Павличко поміняв місцями:

В. Шекспір: «11. Within thine own bud buriest thy content

У власному бутоні ховаєш свою суть

12. And, tender churl, makest waste in niggarding.

І, ніжний скнара, марнуєшся в скупості»;

Д. Павличко: «11. Як той багатий та нещасний скнара, — порівняння,

«багатий та нещасний скнара» — оксюморон

12. Змарнуєш на вбогості життя» — метафора.

Якщо згідно зі змістом оригіналу порівняти рядок 11 Д. Павличка і рядок 12 В. Шекспіра, то можна зазначити, що перекладач використав заміну (substitution) «І, ніжний скнара, марнуєшся в скупості» «Як той багатий, та нещасний скнара» та змістовий розвиток у рядку 12, а також вилучення (omission) у рядку 12: «У власному бутоні ховаєш свою суть».

У рядку 13 Д. Павличко використав заміну (substitution): «або цією ненажерою будь» «не зводь красу до гробу»:

В. Шекспір: “Pity the world, or else this glutton be,”

ПП: «Пожалій світ, або цією ненажерою будь»

(Над світом зглянься, у разі зворотному);

Д. Павличко: «Світ пожалій, не зводь красу до гробу» — метафора.

У рядку 14 Д. Павличко використав заміну (substitution):

В. Шекспір: “To eat the world’s due, by the grave and thee.”

ПП: «З’ївши належне світу, й могилою себе»

(Він з’їсть тебе могилою безповоротно).

Д. Павличко: «Віддай природі борг — свою подобу! — метафора.

Отже, зробивши порівняльний аналіз, ми з’ясували, що поетичний переклад Д. Павличка є досконалим в структурній формі, але що стосується змісту, то перекладачеві довелося використовувати різні перекладацькі трансформації, щоб досягти віршування та ритми, через що деякі слова та рядки були вилучені та замінені.

У своєму поетичному перекладі Д. Павличко використав:

заміну — 13 разів: рядки 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 13, 14;

вилучення — 3 рази: рядки 4, 8, 12;

змістовий розвиток — 2 рази: рядки 10, 12;

узагальнення — 2 рази: рядки 1, 5;

антонімічний переклад — 2 рази: рядки 3, 10

додавання — 1 раз: рядок 3;

Що стосується передачі архаїзмів, то як видно з перекладу, Д. Павличко не передав жодного архаїзму, переклавши їх нейтральними сучасними словами. В поетичному перекладі Д. Павличка ми виділили 14 рядків, в яких було використано 18 стилістичних прийомів. Результати схематично зображено в діаграмі (рис. 1. Стилiстичнi прийоми поетичного перекладу Д. Павличка сонету 1 В. Шекспіра).

На малюнку відображено наступні 19 стилістичних прийомів, використаних Д. Павличком у своєму поетичному перекладі сонету 1 В. Шекспіра: метафора — 12 одиниць, епітет — 3 одиниці, ланцюг епітетів — 1 одиниця; оксюморон — 1 одиниця; ординарний повтор — 1 одиниця; порівняння — 1 одиниця.

Висновки. Переклади сонету Д. Павличка — це наочний і яскравий приклад всебічного спектрального забарвлення образу. Художньо-естетичні принципи Д. Павличко — результат нашару-

вання багатьох пластів вітчизняної та зарубіжної культур, дотримання класичних принципів у літературі з урахуванням досвіду різних літературних шкіл майстрів слова — І. Франка, М. Рильського. Використавши художні відкриття і філософські досягнення своїх попередників, досягнення сучасників, Д. Павличко модифікував жанр сонета, збагативши композиційно-стильові і виражальні кошти, урізноманітнив жанротворчу структуру сонета. І хоча він категорично відкидав трактування сонета як «носія» певного стилю, що звужує ідеологічні права жанру, «закривав» його в загоні певної епохи чи певного індивідуального феномена, саме порушення канонів сонетної форми, а то й кардинальна їх зміна є невід'ємною ознакою індивідуального стилю Д. Павличка.

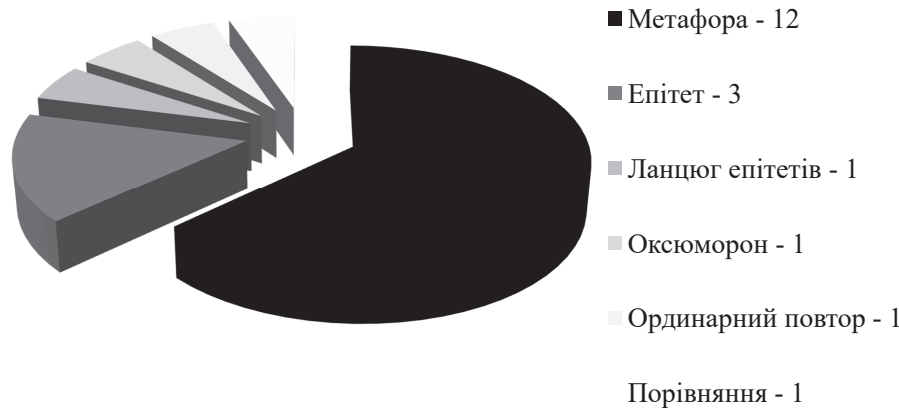

Рис. 1. Стилістичні прийоми поетичного перекладу Д. Павличка сонету 1 В. Шекспіра

Література

1. Коломієць Л. В. Концептуально-методологічні засади сучасного українського поетичного перекладу (на матеріалі перекладів з англійської, ірландської та американської поезії) : монографія / Л. В. Коломієць. — К. : Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2004. — 522 с.
2. Коломієць Л. В. Мовно-стильові виміри творчого методу перекладача : на матеріалі українських перекладів Шекспірових сонетів / Л. В. Коломієць // Мовні і концептуальні картини світу. — Київ : Логос, 2000. — 202 с.
3. Павличко Д. В. В. Шекспір (переклад з англійської). Твори в шести томах. Том 6. — К. : Дніпро, 1986. — 840 с.
4. Торкут Н. М. Інтерпретація сонетів В. Шекспіра в методологічному просторі міждисциплінарного діалогу / Н. М. Торкут // Ренесансні студії. — Запоріжжя : Зірка, 2006. — Вип. 11. — 230 с.
5. Шекспір В. Твори в шести томах. Том 6. — К. : Дніпро, 1986. — 840 с.
6. Barnstone W. The Poetics of Translation : History, Theory, Practice. — New Haven & London : Yale University Press, 1993. — 302 p.
7. Prokopiv O. The Ukrainian Translations of Shakespeare's Sonnets : A Stylistic Analysis. — Ottawa : Edmonton, 1976. — 365 p.

References

1. Kolomiets', L. V. (2004), *Conceptual and methodological fundamentals of contemporary Ukrainian poetic translation (based on translations of English, Irish and American poetry)* : Monograph [Konseptual'no-metodolohichni zasady suchasnoho ukrainskoho poetychnoho perekladu (na materialy perekladiv z anhlijs'koji, irlandskoj i ta amerykanskoji poeziji) : monografija], Kyiv University Publishing and printing center, Kyiv, 522 p.
2. Kolomiets', L. V. (2000), "Language-stylistic evaluation of the creative method of a translator: on the examples of Ukrainian translations of Shakespeare's sonnets", *Linguistic and conceptual pictures of the world* ["Movno-styl'ovi vymiry tvorchoho metodu perekladacha: na materialy ukrainskykh perekladiv Shekspirovykh sonetiv"], *Movni i kontseptual'ni kartyny svitu*, Lohos, Kyiv, 202 p.
3. Pavlychko, D. V. (1986), *W. Shakespeare (transl. from English). Works in 6 volumes: Volume 6* [V. Shekspir (pereklad z anhli.) *Tvory v shesty tomakh: Tom 6*], Kyiv, Dnipro, 840 p.
4. Torcut, N. M. (2006), "Interpretation of W. Shakespeare's sonnets in methodological area of interdisciplinary dialogue", *Renaissant studios* ["Interpretatsija sonetiv V. Shekspira v metodolohichnomu prostori mizhdyscyplinarnoho dialohu"], *Renasansni studiji*, Zirka, Zaporizhzhia, Issue 11, 230 p.
5. Shekspir, V. (1986), *Works : in 6 vol.* [Tvory : v 6 t.], Dnipro, vol. 6, 840 p.
6. Barnstone, W. (1993) *The Poetics of Translation : History, Theory, Practice*, Yale University Press, New Haven & London, 302 p.
7. Prokopiv, O. (1976), *The Ukrainian Translations of Shakespeare's Sonnets: A Stylistic Analysis*, Edmonton, Ottawa, 365 p.

ОСТАПЕНКО Светлана Анатольевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранной филологии и перевода
Донецкого национального университета экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского;
ул. Трамвайная, 16, г. Кривой Рог, 50005, Украина; e-mail: ostapenko@donnuet.edu.ua;
тел.: +38 097 5232960; ORCID ID: 0000-0002-3915-4854

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА Д. ПАВЛЫЧКО СОНЕТА 1 У. ШЕКСПИРА НА УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. Цель. Осуществить структурно-семантический анализ и установить особенности поэтического перевода сонета 1 Шекспира на украинский язык. **Объект** анализа — перевод сонета 1 Шекспира. **Предметом** научного исследования является проблема воспроизведения стилистических средств в процессе поэтического перевода. **Методы.** Решение поставленных задач осуществлялось с помощью таких методов: переводоведческий и компаративный анализ, сравнение стилистических явлений и их несоответствий в оригинальном и переведенном текстах в переводческих целях, анализ способов воспроизведения и применённых трансформаций в процессе передачи стилистических средств на украинский язык. **Результаты.** В процессе исследования проведён анализ поэтического перевода сонета 1 Шекспира, сделанного Д. Павлычко. Рассмотрены внутренняя структура переведённого сонета и переводческие трансформации, применённые в переводе, передача или потеря стилистических приемов оригинала. **Выводы.** Д. Павлычко модифицировал жанр сонета, обогатив композиционно-стилевые и выразительные средства, разнообразил жанровотворческую структуру сонета. И хотя он категорически отвергал трактовку сонета как «носителя» определённого стиля, именно нарушение канонов сонетной формы, а то и кардинальное их изменение является неотъемлемым признаком индивидуального стиля Д. Павлычко.

Ключевые слова: поэтический перевод, переводческий анализ, трансформация, стилистический приём, сонет.

Svitlana A. OSTAPENKO,

PhD (Pedagogy), Associate Professor, Department of Foreign Philology and Translation,
Donetsk National University of Economics and Trade named after Mykhailo Tugan-Baranovsky;
16 Tramvaina str., Kryvy Rih, 50005, Ukraine; e-mail: ostapenko@donnuet.edu.ua;
tel.: +38 097 5232960; ORCID ID: 0000-0002-3915-4854

STRUCTURAL AND SEMANTIC ANALYSIS OF UKRAINIAN POETIC TRANSLATION OF W. SHAKESPEARE'S SONNET 1 MADE BY D. PAVLYCHKO

Summary. Purpose. To carry out a structural-semantic analysis and establish the peculiarities of the poetic translation of the sonnet 1 by W. Shakespeare into Ukrainian. **Methods.** The solution of the tasks was carried out with the help of such methods as translation and comparative analysis, comparison of stylistic phenomena and their inconsistencies in the texts of the original and translation for translation purposes; an analysis of the ways of transferring those transformations used in the reproduction of stylistic means in the Ukrainian language. **Results.** In the process of the study, an analysis of the poetic translation of Shakespeare's sonnet 1 made by D. Pavlychko was carried out, the internal structure of the translated sonnet and the translation transformations applied in the course of translation, conveying or loss of stylistic techniques of the original text were examined and analyzed. **Conclusions.** D. Pavlychko modified the genre of the sonnet, enriched compositional-style and expressive means, diversified the genre-forming structure of the sonnets. Although he categorically rejected the interpretation of the sonnets as "carriers" of a certain style, it is the violation of the canons of a sonnet form, and even their radical change is an inalienable feature of the individual style D. Pavlychko.

Key words: poetic translation, translation analysis, transformation, stylistic device, sonnet.

Статтю отримано 20.09.2017 р.

УДОВІЧЕНКО Ганна Михайлівна,

кандидат педагогічних наук, доцент кафедри іноземної філології та перекладу
 Донецького національного університету економіки і торгівлі імені Михайла Туган-Барановського,
 вул. Трамвайна 16-6, м. Кривий Ріг, тел.: +38 067 2863454;
 e-mail: udovichenko@donnuet.edu.ua; ORCID ID: 0000-0003-3731-0857

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧНИЙ АНАЛІЗ ОРИГІНАЛУ СОНЕТУ 131 В. ШЕКСПІРА

Анотація. *Мета* статті — визначити підходи до вивчення творчості В. Шекспіра та аналізу літературного тексту, здійснити аналіз сонету 131 В. Шекспіра та встановити його структурно-семантичні особливості. *Об'єктом* розгляду є сонет 131 В. Шекспіра та його структурно-семантичні особливості. *Предмет* вивчення — проблема різних наукових підходів до вивчення творів Шекспіра та аналізу первинних текстів. Вирішення поставлених завдань здійснювалось за допомогою таких *методів*, як структурний та семантичний аналіз, метод порівняння стилістичних явищ. *Результатом* дослідження є проведений структурно-семантичний аналіз оригіналу сонету 131 В. Шекспіра, розглянуто зовнішню та внутрішню структуру 131-го сонету, зроблено його підрядковий переклад. **Висновки:** встановлено використання 12 архаїзмів та 12 стилістичних прийомів, з яких В. Шекспір найчастіше застосовував метафору, рідше — порівняння та гіперболу, та ще рідше епітети й алітерацію.

Ключові слова: структурно-семантичний аналіз, стилістичний прийом, сонет, В. Шекспір.

Постановка проблеми. Дослідження, присвячені сонетам Шекспіра, можна поділити на три групи. Це, перш за все, роботи порівняльного характеру, які розглядають сонети Шекспіра в контексті його епохи, у порівнянні з поетичною творчістю його сучасників, попередників і послідовників. Далі, це численні роботи літературознавчого характеру, які прагнуть охопити сонетний цикл в цілому, але обмежуються розглядом задач суто літературних, таких як встановлення авторства дійових осіб сонетів, — таємничого друга поета, його смаглявої коханої, поета-суперника і т. ін. Нарешті, це дослідження, предметом вивчення яких є окремі сторони шекспірівських сонетів: їх метафори, епітети, лексичні повтори, стилістичні особливості, звукова організація, ритмічний лад, синтактико-композиційні особливості. При всій безсумнівній важливості та необхідності подібних досліджень, у них, на жаль, часткове нерідко затемнює загальне, а з поля зору часто втрачається головне. На перше місце проникає другорядне й малоістотне [1].

У наші дні «Сонети», на спільну думку знавців, належать до числа найвидатніших явищ поезії пізнього Відродження. Як зазначає дослідник творчості Шекспіра А. Анікст, головна трудність для сучасного читача пов'язана з поетичною формою «Сонетів» [4]. Як усякий справжній витвір мистецтва, «Сонети» Шекспіра мають декілька шарів. Перший — найбільш усім доступний — це сюжетний пласт. У цілому, «Сонети» Шекспіра розпадаються на дві групи: перші 126 сонетів присвячено другу, сонети 127–152 — смаглявій дамі.

Зв'язок проблеми з попередніми дослідженнями. В історії вітчизняної та зарубіжної лінгвістики існують різні погляди щодо аналізу літературного тексту. Питаннями аналізу художнього тексту опікалися М. Бахтін, Ю. Лотман, О. Мороховський, О. Ревуцький, Ю. Сорокін, Є. Тарасов, О. Шахнарович та інші.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Останнім часом здійснено ряд наукових досліджень, що стосуються різних аспектів означеного питання: створення концепції аналізу художнього твору, визначення принципів аналізу літературного явища в єдності форми і змісту, співвідношення аналізу як специфічної основи літературного дослідження та інтерпретації (Г. Клочек, М. Наєнко, О. Кухар-Онишко, В. Марко та ін.). Проблема роботи з текстом художнього твору стала об'єктом зацікавлення відомих методистів Л. Мирошниченко, О. Ісаєвої, Ж. Кліменко, О. Ніколенко, А. Ситченка, Г. Токмань та ін. Безперечно, наукові досягнення цих вчених мають суттєвий вплив на розкриття вказаної проблеми і заслуговують на ретельне вивчення та узагальнення.

Постановка завдання. Мета статті — зробити власний структурно-семантичний аналіз оригіналу сонету 131 В. Шекспіра.

Виклад основного матеріалу. Сонет 131 належить до тематичної групи сонетів, присвячених смаглявій Пані (коханці). У цьому сонеті поет вимальовує свою кохану й пише, що «смаглява дама» здається йому найпрекраснішою з жінок, хоча вона і змушує його страждати:

Sonnet 131

1. Thou art as tyrannous, so as thou art, (A)
2. As those whose beauties proudly make them cruel; (B)
3. For well thou know'st to my dear dotting heart (A)
4. Thou art the fairest and most precious jewel. (B)

5. Yet, in good faith, some say that thee be hold (C)
6. Thy face hath not the power to make love groan: (D)
7. To say they err, I dare not be so bold, (C)
8. Although I swear it to myself alone. (D)
9. And, to be sure that Is not false I swear, (E)
10. A thousand groans, but thinking on thy face, (F)
11. One on another's neck, do witness bear (E)
12. Thy black is fairest in my judgment's place. (F)
13. In nothing art thou black save in thy deeds, (G)
14. And thence this slander, as I think, proceeds. (G) [4, с. 177]

Розглянувши зовнішню структуру сонету 131, ми виявили, що він має стандартну для англійського сонету форму та систему рим: сонет 131 складається з 14 рядків написаних 5-тистопним ямбом. Сонет має три катрени (чотиривірші) і заключний куплет (двовірш). Система рим аналізованого сонету: АВАВ CDCD EFEF GG.

Розглянемо внутрішню структуру 131-го сонету. Для цього ми переклали сонет і зробили підрядник, тобто дослівний переклад, українською мовою. Аналіз лексики має велике значення для дослідження мови літературного твору — як для точного розуміння тексту, так і для вивчення його стилістичних особливостей.

Сонет 131

1. Thou art as tyrannous, so as thou art,

Ти така деспотична — при тому, яка ти є (тобто при тому, що ти не відповідаєш критеріям краси),

2. As those whose beauties proudly make them cruel;

Як ті, чий принади велично (гордо) роблять їх жорстокими;

3. For well thou know'st to my dear dotting heart

Як ти добре знаєш, що для мого милого люблячого шаленого серця

4. Thou art the fairest and most precious jewel.

Ти є найпрекраснішим і найдорожчим скарбом (коштовним каменем),

5. Yet, in good faith, some say that thee be hold

Все ж таки, чесно, деякі, хто тебе бачить, говорять

6. Thy face hath not the power to make love groan:

Що у твого обличчя немає влади (не спроможне) викликати стогони любові (любовні страждання);

7. To say they err, I dare not be so bold,

Сказати, що вони помиляються, я не наважусь бути таким зухвалим (я не насмілюсь),

8. Although I swear it to myself alone.

Хоча я присягаюсь у цьому собі самому.

9. And, to be sure that is not false I swear,

І щоб підтвердити, що не брехня те, в чому я присягаюсь,

10. A thousand groans, but thinking on thy face,

Тисяча стогонів, варто тільки мені подумати про твоє обличчя,

11. One on another's neck, do witness bear

Один за одним (один на шиї іншого) несуть [у собі] свідчення [того] (свідчать),

12. Thy black is fairest in my judgment's place.

[Що] твоя чорнота найбільша (найпрекрасніша) на мою думку.

13. In nothing art thou black save in thy deeds,

Ні в чому ти не чорна, крім як у твоїх вчинках,

14. And thence this slander, as I think, proceeds.

І звідси, я думаю, відбувається лихослів'я [про тебе].

У поданому підрядковому перекладі у квадратних дужках є слова, додані для більшої зв'язності тексту, а у круглих дужках — пояснення, та варіанти перекладу. У рядку 14 «this slander» — лихослів'я про те, що обличчя смаглявою коханки не може змусити страждати коханого.

Дослідивши зміст 131-го сонету ми виділили в ньому наступні слова-архаїзми: в рядку 1: «Thou art as tyrannous, so as thou art» — конструкція «thou art» — ти є, займенником другої особи однини в староанглійській мові (О.Е.). «Thou» — ти, займенник другої особи однини в староанглійській мові (О.Е.: thou; М.Е.: you), art — допоміжне дієслово, друга особа теперішнього часу від be (бути), староанглійське слово (О.Е.: art; М.Е.: are);

в рядку 3: «For well thou know'st to my dear do ting heart» (Як ти добре знаєш, що для мого милого люблячого шалено серця), «thou» (ти) — займенник другої особи однини (О.Е.: thou; М.Е.: you), «know'st» (знаєш) — дієслово + особове закінчення другої особи однини -st (О.Е.: know'st; М.Е.: know);

в рядку 4: «Thou art the fairest and most precious jewel» (Ти є найпрекраснішим і найдорогоціннішим скарбом (коштовним каменем)) — thou art (ти є) — староанглійська дієслівна форма (О.Е.: thou art; М.Е.: you are);

в рядку 5: «Yet, in good faith, some say that thee be hold» (Все ж таки, чесно, деякі, хто тебе бачить, говорять) — thee (тебе) не прямий відмінок від thou (тобі, тебе, тобою) (О.Е.: thee; М.Е.: you);

в рядку 6: «Thy face hath not the power to make love groan» (Що у твого обличчя немає влади викликати стогони любові (любовні страждання)) — thy (твоє) присвійний займенник (О.Е.: thy; М.Е.: your), hath (має) — дієслово, архаїчна форма третьої особи однини теперішнього часу від have (О.Е.: hath; М.Е.: has);

в рядку 10: «A thou sand groans, but thinking on thy face» (Тисяча стогонів, варто тільки мені подумати про твоє обличчя) — thy (твоє) присвійний займенник 2-ї особи однини (О.Е.: thy; М.Е.: your);

в рядку 13: «In nothing art thou black save in thy deeds» (Ні в чому ти не чорна, крім як у твоїх вчинках) — art (є), thou (ти). «Art» — допоміжне дієслово, друга особа теперішнього часу від be (бути), староанглійське слово (О.Е.: art; М.Е.: are); «thou» — ти, займенник другої особи однини в староанглійській мові (О.Е.: thou; М.Е.: you).

Таким чином, проаналізувавши текст сонету 131 ми виявили 7 рядків, які містять 12 архаїзмів: thou (ти) зустрічається в сонеті 4 рази, а також форми від thou: thee (тебе) — 1 раз, thy (твоє) — 2 рази та thy (твоє) — 1 раз; art (є) — 2 рази; дієслівна форма 2-ї особи однини know'st (знаєш); hath (має):

рядок 1: «Thou art as tyrannous, so as thou art» — thou (ти), art (є);

рядок 3: «For well thou know'st to my dear dotting heart» — thou (ти), know'st (знаєш);

рядок 4: «Thou art the fairest and most precious jewel» — thou (ти), art (є);

рядок 5: «Yet, in good faith, some say that thee be hold» — thee (тебе);

рядок 6: «Thy face hath not the power to make love groan» — thy (твоє), hath (має);

в рядку 10: «A thou sand groans, but thinking on thy face» — thy (твоє);

в рядку 13: «In nothing art thou black save in thy deeds» — art (є), thou (ти).

Проаналізувавши і дослідивши зміст 131-го сонету ми виділили наступні стилістичні прийоми: в рядку 1: «Thou art as tyrannous, so as thou art» (Ти така деспотична — при тому, яка ти є) — «as tyrannous, so as thou art» (така деспотична — при тому, яка ти є) та в рядку 2: «As those whose beauties proudly make them cruel» (Як ті, чий принади велично (гордо) роблять їх жорстокими) — «As those whose beauties» (Як ті, чий принади) — порівняння (simile), використане поетом для вираження любові до влади смаглявої коханки. Весь рядок є метафорою, поет прагне показати негативні риси своєї коханої і показати її жорстоке ставлення до нього;

також в рядку 2: «beauties proudly make them cruel» (принади велично (гордо) роблять їх жорстокими) — гіпербола, вжита поетом для того, щоб показати, як краса та інші принади негативно впливають на поведінку та характер жінок, які володіють ними;

в рядку 3: «For well thou know'st to my dear do ting heart» (Як ти добре знаєш, що для мого милого люблячого шалено серця) — «dear do ting heart» (миле любляче шалено серце) — ланцюг епітетів (chain of epithets): прикметник + прикметник, вжитий поетом для того, щоб показати свою закоханість в смагляву пані, а також «dear do ting» (миле любляче) — алітерація (alliteration): повтор приголосних d;

в рядку 4: «Thou art the fairest and most precious jewel» (Ти є найпрекраснішим і найдорогоціннішим скарбом (коштовним каменем)) — метафоричний епітет, використаний поетом для того, щоб показати красу і цінність смаглявої пані для поета, а також.

в рядку 6: «Thy face hath not the power to make love groan» (Що у твого обличчя немає влади викликати стогони любові (любовні страждання)) — метафора (metaphor), поет має на увазі, що його кохана, її обличчя так його бентежить, що здатна хвилювати його серце і люди помиляються з приводу того, що смаглява пані не в змозі хвилювати чийсь серце;

в рядку 10: «A thousand groans, but thinking on thy face» (Тисяча стогонів, варто тільки мені подумати про твоє обличчя) — гіпербола (hyperbole), вжита поетом для того, щоб посилити враження на читача і показати свої почуття до смаглявої коханки;

в рядку 11: «One on another's neck, do witness bear» (Один за другим (один на шиї іншого) несуть [в собі] свідчення [того] (свідчать) — метафора. Поет має на увазі те, що кожен його стогін є свідченням того, що він дійсно закоханий.

в рядку 12: «Thy black is fairest in my judgment's place» ([Що] твоя чорнота найбільша (найпрекрасніша на мою думку) — Thy black is fairest ([Що] твоя чорнота найбільша (найпрекрасніша) — оксюморон (oxymoron), а також метафора. Поет настільки обожає свою кохану, що чорний колір її шкіри здається йому найбільшим і найпрекраснішим;

в рядку 13: «In nothing art thou black save in thy deeds» (Ні в чому ти не чорна, крім як у твоїх вчинках) — black... in thy deeds (чорна...у твоїх вчинках) — метафора (metaphor). Поет має на увазі те, що смаглява коханка робить негарні вчинки, які псують їй репутацію.

Результати аналізу стилістичних прийомів ми зобразили в рис. 1.

Висновки. Необхідно мати на увазі те, що багато слів і словесних образів, крім свого логічного змісту, несуть певний емоційний «заряд» для читача, роблять на нього позитивний або негативний вплив. У прозі, принаймні нехудожній, з цим можна не рахуватися, але в поезії така емоційна «то-

нальність» слів надзвичайно важлива. Турботою поета є не тільки підбір точних за змістом слів (у тому числі метафор), а й створення потрібного емоційного ефекту. Отже, в сонеті 131 В. Шекспіра ми виявили 12 стилістичних прийомів, з яких В. Шекспір найчастіше застосував метафору, рідше порівняння та гіперболу та ще рідше епітети та алітерацію та 12 архаїзмів.

Перспективи подальших розвідок убачаємо в розкритті поглядів літературознавців та методистів на проблему аналізу художнього твору та пошуку інших особливостей мови В. Шекспіра.

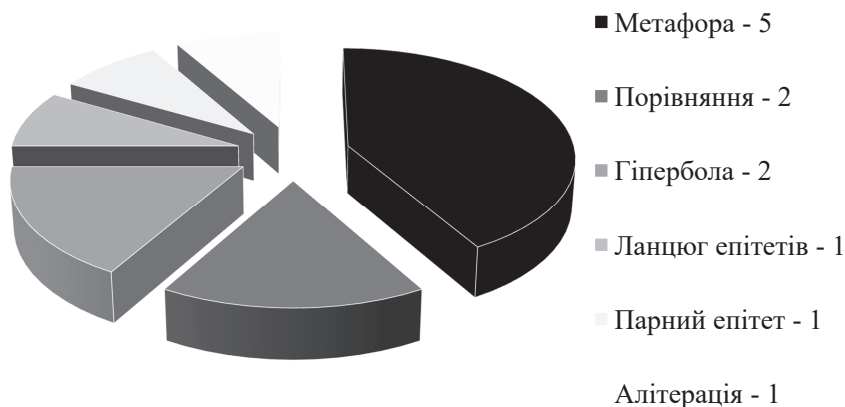

Рис. 1. Стилістичні прийоми сонету 131 В. Шекспіра

Література

1. Каразин Ю. Филологический анализ поэтического текста / Ю. Каразин. — М. : Академический Проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2004. — 432 с.
2. Коломієць Л. В. Мовно-стильові виміри творчого методу перекладача: на матеріалі українських перекладів Шекспірових сонетів // Мовні і концептуальні картини світу. — Київ : Логос, 2000. — 202 с.
3. Коломієць Л. В. Концептуально-методологічні засади сучасного українського поетичного перекладу (на матеріалі перекладів з англійської, ірландської та американської поезії) : монографія. — Київ : ВПЦ «Київський університет», 2004. — 522 с.
4. Шекспир У. Сонеты (Текст парал. англ., рус.) / сост. А. Н. Горбунов; предисл. и коммент. А. Аникста; послесл. А. Л. Зорина. — М. : Радуга, 1984. — 366 с.
5. Barnstone W. The Poetics of Translation: History, Theory, Practice. — New Haven & London : Yale University Press, 1993. — 302 p.
6. The Complete Works of Shakespeare. — Waltham, Massachusetts; Toronto, 1971. — 1743 p.

References

1. Karazin, Yu. (2004), *Philological analysis of the poetic text [Filologicheskij analiz poeticheskogo teksta]*, AkademicheskijProekt, Moscow & Delovaja kniga, Ekaterinburg, 432 p.
2. Kolomiets, L. V. (2000), "Language-stylistic measurements of the creative method of the translator : on the material of Ukrainian translations of Shakespeare's sonnets", *Linguistic and conceptual pictures of the world ["Movno-stylovi vymiry tvorchoho metodu perekladacha: na materiali ukrainkykh perekladiv Shekspirovykh sonetiv"]*, *Movni i konceptualni kartyny svitu*, Lohos, Kyiv, 202 p.
3. Kolomiets, L.V. (2004), *Conceptual and Methodological Fundamentals of Contemporary Ukrainian Poetic Translation (based on translations from English, Irish and American Poetry) : monograph [Konceptualno-metodolohichni zasady suchasnoho ukrainskoho poetychnoho perekladu (na materialy perekladiv z anhliskoi, irlandskoi ta amerykanskoj poezii) : monografija]*, Kyiv University Publishing and printing center, Kyiv, 522 p.
4. Shakespeare, W. (1984), *Sonnets (Text Parallel English, Russian) [Sonety (Tekstparal. angl., rus.)]*, Raduga, Moscow, 366 p.
5. Barnstone, W. (1993), *The Poetics of Translation : History, Theory, Practice*, Yale University Press, New Haven & London, 302 p.
6. *The Complete Works of Shakespeare* (1971), Waltham, Massachusetts; Toronto, 1743 p.

УДОВИЧЕНКО Анна Михайловна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранной филологии и перевода
Донецкого национального университета экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского,
ул. Трамвайная 16-б, г. Кривой Рог, тел.: +38 067 2863454;
e-mail: udovichenko@donnuet.edu.ua; ORCID ID: 0000-0003-3731-0857

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОРИГИНАЛА СОНЕТА 131 В. ШЕКСПИРА

Аннотация. *Объект* анализа — 131 сонет В. Шекспира. *Предметом* этого исследования является проблема различных научных подходов к изучению работ Шекспира и анализа исходного текста. *Цель* статьи — исследовать структурно-семантические особенности исходного текста, а также определить подходы к изучению произведений Шекспира и проанализировать содержание исходного языка. *Методология* включает такие методы, как структурный и семантический анализ, метод сравнения стилистических явлений. В *результате* исследования выявлено использование 12 архаизмов и 12 стилистических приёмов, из которых В. Шекспир чаще всего использовал метафору, менее часто — сравнения и гиперболу, а ещё реже — эпитеты и аллитерацию. *Практическая ценность* исследования заключается в использовании предлагаемых результатов при изучении таких дисциплин, как «Стилистика английского языка» и «Лексикология английского языка», «Теория перевода с английского языка» и «История английского языка».

Ключевые слова: структурно-семантический анализ, стилистический метод, сонет, В. Шекспир.

Hannah M. UDOVICHENKO,

PhD (Pedagogy), Associate Professor of the Department of Foreign Philology and Translation
of the Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhailo Tugan-Baranovsky,
16B Trammvaina St., Kryvyi Rih, tel.: +38 067 286 34 54;
e-mail: udovichenko@donnuet.edu.ua; ORCID ID: 0000-0003-3731-0857

STRUCTURAL-SEMANTIC ANALYSIS OF ORIGINAL OF SONNET 131 BY W. SHAKESPEARE

The *object* of the article is the problem of the different scientific approaches to Shakespeare's works studying and to the source text analysis. The *subject* of this study is the sonnet 131 by W. Shakespeare. The *purpose* of the article is to investigate the structural-semantic peculiarities of the source text, and to determine the approaches to Shakespeare's works studying and analyze a source language content. *Methodology* comprises such methods as structural and semantic analysis, the method of stylistic phenomena comparing. 12 archaisms and 12 stylistic techniques were used, of which W. Shakespeare most often used a metaphor, less frequent comparisons and hyperbole, and even less epithets and alliterations are *findings* of research. The *practical value* of the investigation is to use the suggested results in such disciplines as "Stylistics of English" and "Lexicology of the English language", "The theory of translation from English" and "History of the English language".

Key words: structural-semantic analysis, stylistic method, sonnet, W. Shakespeare.

Статтю отримано 4.10.2017 р.

ПИТАННЯ ІСТОРІЇ, ДІАЛЕКТОЛОГІЇ ТА МЕТОДИКИ ВИКЛАДАННЯ МОВИ

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.28.115868>

УДК 811.161.1-112'23'373:331.101.3

ЯРОЦКАЯ Галина Сергеевна,

доктор філологічних наук, доцент, професор кафедри прикладної лінгвістики
Одеського національного університету імені Й. І. Мечникова;
Французький бульвар, 24/26, г. Одеса, 65058, Україна; моб.: +38 050 3916600;
e-mail: g.yarotskaya@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-4456-3852

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЯ УСЕРДИЯ И МАСТЕРСТВА В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Аннотация. Цель исследования — выявить ценностную динамику лингвокультурных фактов объективации усердия и профессионализма в системе русского языка и речевой деятельности. **Источниками** языкового материала послужили толковые словари, фразеологические и паремические словари, религиозные тексты, а также данные Национального корпуса русского языка. Принимались во внимание и сведения о частотности лексем и текстовой репрезентации в богословском дискурсе. **Объектом** исследования является проблема концептуализации трудовой деятельности в русской лингвокультуре: оценка труда и ценностные характеристики отношения к труду, к его результатам. **Предмет** исследования — аксиокатегории (ценностные характеристики) процессов, мотивов, результатов трудовой деятельности в сознании носителей русской лингвокультуры. **Результатом** работы является рассмотрение исторической динамики вербализации когнитивных признаков «профессионализм», «усердие» работника и его квалификации. Сделан **вывод** о преимуществе и стабильной актуальности таких черт, как старательность и добросовестность работника. Профессионализм уступает место усердию по количеству вербальных репрезентантов, частотности и, следовательно, значимости указанных когнитивных признаков. Значимость качества труда, приобретение профессионализма как утилитарные и моральные ценности не были так актуальны в русском языковом сознании, как старание и усердие, которые и сегодня остаются в центре концептуального пространства трудовой деятельности.

Ключевые слова: русская лингвокультура, мастерство, усердие, концептуализация труда.

Постановка проблемы. Действия власти, направленные на повышение экономической эффективности посредством материальных стимулов, могут иметь деструктивные последствия, если речь идёт о людях, которые не рассматривают рост своего экономического благосостояния как ценность, как элемент определённой программы. Таким образом, ошибочные представления о ценностных мотивах, которые движут людьми в трудовой деятельности, ставят под сомнение результат предпринятых властью попыток подключить людей к определённым социальным действиям. В связи с этим встаёт вопрос о выявлении той ценностной системы, с помощью которой носители русской культуры осознавали и осознают экономические условия своего существования; приоритеты и мотивы, побуждающие их к трудовой деятельности, их представления о значимости качества продукта, результатов труда и о профессионализме. Из этого следует, что изучение языковой объективации ценностных приоритетов коллективного сознания является актуальным.

Постановка задач исследования. В данном исследовании обращается внимание на аксиокатегории (ценностные характеристики) процессов, мотивов, результатов трудовой деятельности в сознании носителей русской лингвокультуры. Нашей целью является выявление ценностной динамики лингвокультурных фактов объективации усердия и профессионализма в системе русского языка и речевой деятельности. Источниками языкового материала послужили толковые словари, фразеологические и паремические словари, религиозные тексты, а также данные Национального корпуса русского языка.

Связь с предыдущими исследованиями. В. И. Карасик, исследуя этнокультурные различия в представлении отношения к труду на материале английского, немецкого и русского языков, сделал вывод о том, что отличия сводятся не к наличию и отсутствию тех или иных признаков, а к своеобразной признаковой комбинации и частотности признаков. Так, идея прилежности в русском языке связана с умственным трудом, прежде всего с учением (английское *diligent* не ассоциируется только с учёбой и предполагает постоянные, а не разовые усилия). В русском языке осуждается халтурная, небрежная работа в ином ключе по сравнению с английским и немецким: в русском языке «он халтурист» означает «он не хочет делать качественно (работа выполняется попутно и поэтому

небрежно), а мог бы”, т. е. он не желает работать старательно, добросовестно. В английском языке на первый план выходит идея неумелого труда <...>, подчёркивается низкая результативность работы. Английское *businesslike* несёт положительную оценку, в то время как русское *деловой* имеет амбивалентную оценочную коннотацию, особенно в современной разговорной речи: *Деловой какой!* Отрицательная коннотация лексемы и соответствующего признака вытекает из поведения человека, ставящего дело на первый план, а поддержание хороших отношений с людьми в общении — на второй. Признавая важность результата, носители русской культуры уделяют большое внимание процессу и особенно мотивации труда. Для жителей Западной Европы существенны утилитарные признаки результативности труда (работаем для себя и на себя), а для России — этические признаки уважительного отношения к труду и трудящемуся человеку (не случайны этимологические ассоциации “труд — страдание”, “работа — рабство”) [5, с. 63].

Таким образом, аксиологический аспект концептуализации трудовой деятельности как объективной необходимости (а не внутренней потребности человека) характеризуется наличием утилитарных (работать, чтобы выжить) и моральных (усердно работать, стараться) ценностных признаков.

Изложение основного материала. Мы исходим в своём анализе из того, что доказательством актуальности, значимости для языкового сознания той или иной аксиокатегории являются: 1) номинативная и семантическая плотность тематической группы слов, вербализующей концепт, 2) детализация наименования, степень репрезентированности данного концепта фразеологическим фондом языка, 3) частотность слов-репрезентантов концепта в текстах разной жанровой принадлежности, 4) внутренняя форма слов как ценностный мотив концептуализации, 5) аксиологические пресуппозиции в семантике вербальных репрезентантов; 6) прагматический потенциал номинантов концепта [9].

Мы обратили внимание на отсутствие в толковых словарях, фиксирующих лексику древнекиевского и московского периодов истории русской лингвокультуры, **лексем с семантикой оценки эффективности и результативности труда.** Возможно, это говорит о том, что степень внешнего принуждения в труде была более значимой, чем внутренняя: когда человек осознаёт то, что работает на себя и для себя (ср. глагол *трудити* означает ‘принуждать, заставлять’, а у сущ. *беда* исторически первичное значение ‘быть принуждаемым, испытывать притеснения’ [3]). Ещё одной причиной отсутствия вербальных репрезентантов когнитивного признака «профессионализм» является, с нашей точки зрения, сфокусированность русского языкового сознания на земледелии и скотоводстве как основных видах трудовой деятельности, в которых на первый план выходит не мастерство и профессионализм работника, а его старание, усердие и добросовестность. Только «ремесленный труд» актуализирует признаки мастерства и умения.

Когнитивные признаки «старание», «усердие» и «небрежность», «недобросовестность» представлены в древнекиевском языке вербальной оппозицией *стараться, старание — варзать, варзанье*. Этимологические данные свидетельствуют о том, что основным семантическим компонентом лексемы *стараться* является ‘пытаться делать что-либо с усердием, качественно, добросовестно’. В противоположность старанию, лексема *варзать* — проявлять небрежность, недобросовестность в выполнении работы’ (ср. *варзать* — ‘делать небрежно, плохо, пачкать, шутить’, *варзгать* ‘марать’, *наварзаться* ‘наесться до отвала’ <...> связано с *ворзать* ‘торопливо хлебать’. Из русск. заимств. лтш. *varzât* ‘делать плохо, тяп-ляп’ [16, т. 1, с. 275]). Соответственно, негативная оценочность присутствует в семантике глагола *варзать* — нежелание старательно, добросовестно работать, тогда как старательность, усердие и добросовестность, серьёзное отношение к работе оценивается положительно, несмотря на то, что такая работа сопряжена с усилием, утомлением. Таким образом, оценка дана отношению к труду — осуждается небрежность, одобряется усердие, старательность. Сам ‘труд’ (пахать=страдать) является антиценностью, так как осознаётся как деятельность, вызывающая состояние утомления, напряжения, болезненности и мучений.

Вербализация оценочного отношения к трудовому процессу (старательность/небрежность: *трудиться — варзать*) подчёркивает значимость этической оценки «трудового поведения» субъекта, а не оценки результатов его труда. *Варзает* не тот, кто не умеет хорошо, старательно трудиться, а тот, кто не хочет прилагать усилия, стараться (ср. в Словаре русского языка XI–XVII вв. толкование лексемы *плохо* — 1) без труда, легко, 2) без старания, как попало, оплошно [13, вып. 15, с. 109]).

Несмотря на наличие утилитарных мотивов труда (основным мотивом труда являлась потребность в возмещении затраченных усилий кормлением (работаем, чтобы *кормиться* в древнем языковом сознании), вербальные репрезентанты образно-оценочного признака «получать еду незаслуженно, не отработав, не заплатив трудом» (*дармоед, трутень, туняедец*) объективируют негативную морально-этическую оценку подобного поведения.

Отношение к труду как процессу и как результату обозначено ценностной спецификой в православном дискурсе. Если в дохристианском обыденном языковом сознании восточных славян подчёркивалась ценность старательности и усердия как отношения к самому процессу труда, то в богословском дискурсе отражено ценностно-нормативное отношение не только к процессу, но и к мотиву и результату труда. Основным мотивом трудовой деятельности является осуществление богоугодного дела — служения Богу, ближнему, а не материальное вознаграждение за труд. Особо подчёркива-

ется в религиозных текстах значимость добросовестного, прилежного труда как долга работника перед работодателем и перед Богом. Позитивную оценку качества труда фиксируют в богословском дискурсе лексемы *мастеръ, мастеровой, мастерски* и т. д., где *мастеръ* — искусно выполняющий работу, *искусно* от «искусившийся, опытный» [15, т. 2, с. 603]. Лексема *мастеръ* является заимствованием из немецкого языка, её значение в Словаре русского языка XI–XVII вв. фиксируется как 'глава, начальник, смотритель' [13, вып. 9, с. 36–37], что позволяет предполагать, что сема 'мастерство' есть результат смыслового развития значений 'начальник' и 'смотритель'.

Существует определённое противоречие в трудовой этике православия: труд, являясь наказанием, ниспосланным человеку за грехи, вместе с тем требует материального вознаграждения; критерием моральной оценки труда является его богоугодность / небогоугодность; физически тяжёлый труд, являясь низшей ступенью в иерархии значимости, тем не менее, заслуживает высокой моральной оценки, поскольку тот, кто терпеливо сносит все его тяготы, воспитывает смирение и уподобляется Христу.

Анализ паремических блоков, образованных вокруг вербальных репрезентантов трудовой деятельности, выявил, что когнитивный признак «мастерство, профессионализм» как характеристика квалификации практически не представлен в паремиях, в отличие от когнитивных признаков «добросовестность», «усердие» и «старательность».

Труд, работа оцениваются не только положительно, но и отрицательно. Пословиц и поговорок, выражающих сомнение в целесообразности трудиться, правда, намного меньше, чем пословиц и поговорок, положительно характеризующих труд. Работать не имеет смысла, поскольку труд не приносит богатства, но наносит ущерб здоровью человека (напр., *И с топора не богатеют, а горбатеют. От работы не будешь богат, а будешь горбат* [12]). Именно этот образ явился семантической основой глагола *горбатиться* в современном русском языке.

Высказывается суждение о том, что предпочтительнее бедная жизнь, чем выполнение тяжелой работы (напр., *Хоть корку глотать, да не пенья ломать*). Иногда утверждается, что человеку ни к чему предпринимать какие-либо действия, стараться сделать что-либо, поскольку от него ничего не зависит, все тщетно. Если Богу будет угодно поощрить человека, то он это сделает в любом случае (напр., *Бог даст, <и> в окно подаст*).

Противоречивость утверждений, содержащуюся в паремиях, следует объяснить, отмечает В. Н. Телия, тем, что «язык может отражать и доминирующие в той или иной культурной среде и в то или иное социальное время факты группового или корпоративного, а не только общенародного самосознания» [6, с. 235]. Иначе говоря, пословицы создаются в разных социальных группах; они по-разному могут и истолковываться. Аналогично этому высказывание Е. Бабаевой о том, что парадоксальность паремий можно объяснить «неоднородностью субъектов, выступающих в качестве носителей оценочных норм, наличием различных мотивировок оценки и оценочных стереотипов» [1, с. 157].

В проанализированных пословицах и поговорках выражено отношение к труду, главным образом, русских крестьян. Наличие аграрной лексики подтверждает то, что многие из пословиц и поговорок, ставшие объектом нашего анализа, возникли в крестьянской среде: *плуг, соха, хомут, цеп, межа, гуж, орать (землю), пахать (землю), жать, нива, лямка, сеять, урожай, закрома, вол, колос, сноп, стог, молотило, молотить, поле, пашня* [12].

Образно-перцептивные признаки, зафиксированные в лексемах с корнем *дЪл-* в целом совпадают с экспликацией признаков, выделяемых в репрезентантах *служба, трудъ* и *работа*. Однако дополнительными признаками следует признать «активность», «созидательность», «мастерство». *ДЪло* — деятельность, направленная на создание, изготовление, обработку некоего изделия, предмета, то есть *делание (дело)*, в отличие от труда, служения и работы, имеет характеристики, отражающие **производительный характер деятельности**, что приближает концептуализацию дела к значению ремесленнического труда.

Именно с этим, на наш взгляд, связано то, что только вербальные репрезентанты с корнем *-дЪл-* обладают ценностной спецификой — «результативность труда» и «уменье» и фиксируют значимость качества труда в русской лингвокультуре. Ср. *дЪлание* — 1. Труд, работа. 2. Изделие, сооружение; результат труда. 3. Уменье, мастерство. *ДЪлательство* — 1. Обязанность, поручение. 2. **Мастерство** [13, вып. 4, с. 294] (Выделено нами — Г. Я.). Интересным является пример вербализации когнитивного признака «мастерство» как **великохитрости** — искусство, мастерство [13, вып. 2, с. 68]. Однако профессионализм, проявление стремления к качественному результату труда и заинтересованность в нём остаётся в периферийной зоне концепта ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

Семантика лексемы *бракъ*, заимствованная из немецкого языка (*браковати, бракование, браковщикъ*), отсылает к лексико-семантическому полю торговли (исходя из контекстов и словарных дефиниций), т. е. качеством товара, предназначенного для продажи: ср.: *бракъ* — оценка качества товара, определение его сорта. *Браковщикъ* — тот, кто определяет качество товара, сорт товара [13, вып. 1, с. 314].

Таким образом, актуализация признака «мастерство» характерна для лексем со значением 'ремесло': *рукодЪлание, рукоДлатель, рукодЪлець, рукодЪльник, рукодЪльствие, рукомес-*

ло, *руководительник, рукотворение, рукохудожник, рукохудожество* — ремесло, мастерство [13, вып. 22, с. 249–259].

Появление самой заимствованной из немецкого языка лексемы *мастеръ* — первоначально, *мастьрь, майстеръ* (от лат. *магистр*) — мастер, ремесленник [14, т. 2, с. 115]) в значении 'смотритель, начальник' [13, вып. 9, с. 36–37], а позднее 'ремесленник', свидетельствует о том, что до XVII века когнитивный признак «мастерство» = 'профессионализм' не имел однозначной иоднословной номинации в русском языке. Лексемы *мастрота, мастерство* употреблялись в значении 'ремесло'. Способности и качества делового человека получают вербальное воплощение в лексеме *дѣлецъ* — деловитый, способный человек [13, вып. 4, с. 292].

В петербургский период, по данным словаря, изданного в 1847 г., в лексемах *умѣтель* — устар. знающий, сведующий в чём-нибудь, знаток, искусник [15, т. 4, с. 727], *мастеръ* — 1. Свидетельствованный в своём искусстве ремесленник. 2. Искусный в чём-нибудь [15, т. 2, с. 606] и *мастерство* — 'рукоделие, ремесло' зафиксированы значения, которые позволяют сделать вывод о том, что концептуализация смысла («знание», «опыт», «умение», «искущённость в чём-либо» = «профессионализм») соотносится с семантическим полем «ремесло, рукоделие». Возможно, высокое качество труда, мастерство, профессионализм как ценностные категории находились на периферии обыденного сознания и не являлись актуальными смыслами, поскольку земледельческий (сельскохозяйственный), а не ремесленный труд являлся основой концептуализации трудовой деятельности в русской лингвокультуре предыдущих периодов. Высокая номинативная плотность когнитивного признака «усердие в труде» свидетельствует об актуальности данной характеристики субъекта: ср.: *усердие, рвение, старание, старательный, ревнение, ревнивый (ревностный), радательный, радательство* и др.

Подобные выводы созвучны мнениям, высказываемым в научной философской и социально-политической литературе: «мастерством в России в связи со слабым развитием рынка интересовались относительно мало, но оно было доступно розмыслам (инженерам) и высоко ценилось мастерами (рабочими, ремесленниками), о чём свидетельствуют сказы горнозаводского Урала и Тулы» [2, с. 56].

Таким образом, лексемы со значением 'профессионализм', 'мастерство' / 'мастер' (*великохитрость, умѣтель, дѣлательство*) вербализуют периферийные когнитивные признаки. Немногочисленные вербальные репрезентанты качества труда, профессионализма отмечены только в дериватах с корнем *-дѣл-*. Можно предположить, что значимость качества труда, обретение профессионализма как утилитарные и моральные ценности не являлись актуальными в языковом сознании. Слабый акцент на значимости результатов трудовой деятельности связан, возможно, с концептуализацией вознаграждения за труд как мотива деятельности.

Исследователи русского национального характера пришли к выводу о том, что как ни парадоксально, но «талант повиновения» высоко ценился и в начальный период развития молодого российского капитализма, когда для хозяина в рабочем были ценны не мастерство, выучка и старательность, а покорность и вечная благодарность «благодетелю фабриканту» [2, с. 46].

В петербургский период концептуализация трудовой деятельности расширяется за счёт появления новых семантических компонентов 'качество труда' и 'профессионализм', о чём свидетельствует появление новых значений у таких лексем, как *мастер, мастерица, мастерище, мастеровой* — ремесленник, *мастерок* — крестьянин <...> [15, т. 2, с. 606], *мастерить, мастерская, мастерски, мастерство* — рукоделие, ремесло, *мастер* — 2. искусный в чём-либо <...>, в свою очередь, *искусный, искусник, искусница* от *искус* — опыт [15, т. 1, с. 284]. Стилистическим синонимом *мастера* является лексема *мастак* (простонар.), а *мастерить* — *мастачить* [15, т. 2, с. 606].

Ранее, как уже было сказано, когнитивный признак «мастерство» передавался лексемой *великохитрость*. В петербургский период лексикографы предваряют толкование пометой «церк.»: *хитрость* — 1. церк. искусство, мастерство, художество, ремесло. 2. предусмотрительность. 3. лукавство, коварство, злоумышленность; *хитроствовати* — употреблять особое искусство при делании чего-либо; *хитрец* — 1. церк. художник, искусник. 2. проныра, лукавец [15, т. 4, с. 842]. Пресуппозитивная семантическая связь *мастерства* и *хитрости* отражает концептуальную близость этих понятий в русском языковом сознании.

Старание, прилежание и искущённость (опытность) как ценностный ориентир трудовой деятельности эксплицируется в лексеме *деловый* — прилежный, искущённый в делах [15, т. 1, с. 804]. Образно-оценочные признаки небрежности в работе вербализуются в неологизме петербургского периода *тяп-ляп* — небрежность в деле. Прилагательное *кустарный* — сделанный без особого старания [15, т. 2, с. 499], однокоренное с *кустарь* (мелкий фабрикант) объективирует пресуппозитивную семантическую связь между продуктом, сделанным без старания, и мелким фабричным производством. Работник, мастеровой, не имеющий достаточно навыка, определяется как *недовычный*. *Сноровка (приноровка)* (ухватка, приём, ловкость при делании чего-либо) является признаком опытного мастера.

Вербализация признаков «старание/небрежность» в работе, как видим, осуществляется за счёт исконно русских лексем, в отличие от семантики шарлатанства: *шарлатанить* — не имея основа-

тельных познаний, выдавать себя за знатока перед не знающими дела [15, т. 4, с. 945]. Эта вербализация успешно ассимилировалась в русском языковом сознании: ср. производные *шарлатан*, *шарлантанский*, *шарлатанство*, *прошарлатанить*. Лексема *халтура* — (из «поминки, даровое угощение на похоронах») в русский литературный язык пришла из семинарского аргю, где *халтура* восходит к ср.-лат. *chaltularium* «поминальный список» [3].

О возникновении значения 'халатное, недобросовестно-небрежное отношение к работе, к своим обязанностям' у лексемы *халатность* писал В. В. Виноградов [3]. Слово *халатный* по своему образованию является относительным прилагательным, производным от слова *халат* (например, *халатный* покрой, *халатная* ткань). Но с сер. XIX в. это слово выражает также переносное качественное значение: 'небрежно-безразличный и недобросовестный, неряшливо-нерадивый' (к работе, к выполнению обязанностей), например, «*халатное* отношение к работе». Семантическая эволюция имени прилагательного *халатный* началась в 30–40-е гг. XIX в. До этого времени в дворянской культуре *халат* лишь воспевался как символ русского барства с его ленью и небрежной распушенностью. Халат был типичной домашней одеждой помещика и чиновника, в которую они были облачены большую часть дня. Мелкие же чиновники, подьячие, мещане и семинаристы считали халат своим парадным, выходным одеянием.

На семантической истории слов *халатный*, *халатность* сказалось сильное влияние творчества Гоголя, его индивидуально-художественного словоупотребления. Н. В. Гоголь придал слову *халатный* ироническую окраску, применив его в переносном смысле: склонный к халату, т. е. к лени и покою. В «Мёртвых душах» говорится о *халатных побуждениях русской натуры...*. На основе этого гоголевского словоупотребления в 40–50-е гг. в слове *халатный* развилось значение 'распушенный, лениво-недобросовестный'. Тогда же было образовано слово *халатность*. Однако в дальнейшем *халатность* всё менее связывается с уютной домашней расслабленностью и ярче становится отрицательная оценка в этом слове. Оно начинает указывать исключительно на плохую, небрежную работу (ср. похожее по внутренней форме выражение *спустя рукава*) [4, с. 216]. В современном языке это уже термин из уголовного кодекса (*преступная халатность*).

Выводы. Таким образом, понятийные признаки «качество труда», «профессионализм работника» объективируются заимствованными и исконно русскими лексемами, выражающими как присутствие профессиональных навыков у работника, так и их отсутствие. Ценностное наполнение приобретает признаки «опытность, старание, прилежность» (*искусъ, искусникъ*). Антиценностью с точки зрения русской лингвокультуры является нарушение моральных норм работником (*шарлатанство*), недобросовестное отношение к работе (*халатность, халтура, тяп-ляп*).

В советский период идеологема *созидательный труд советского человека* становится ценностью, сопоставимой с этическими категориями *добро, благо, свобода, совесть. Богоугодность, праведность труда* как ценность богословского дискурса уступила место новой версии *созидательного, общественно-полезного труда на благо Родины. Устойчивые сочетания честный, добросовестный* актуализируют ценностную составляющую — 'труд, осуществляемый в соответствии с предписаниями идеологии, предоставляет материальные блага для субъекта'. *Честность и добросовестность* в трудовой деятельности расширяют номинативное пространство усердия и старания. Вербальным воплощением показателя интенсивности труда служат идеологические клише *трудовой энтузиазм, трудовой подъём, трудовой героизм*, где лексемы *энтузиазм, подъём и героизм* сводятся к синонимам, а прилагательное *трудовой* выполняет прагматическую функцию мобилизации адресата, привлечение его к труду.

Семантика профессионального уровня и качества труда получила развитие инновациях *специалист, бракодел, халтурщик* и устойчивых номинациях *знаток своего дела, мастер своего дела, знак качества*. Лексема *мастер* перешла в разряд номинаций должностей и званий: *мастер производственного обучения, старший мастер, заместитель мастера, помощник мастера*. Неологизмы *профессия, профориентация, профтехучилище, профсоюз* получили широкое распространение в советской публицистике и повседневной речи носителей русского языка и культуры, в отличие от низкочастотных *профессионал, профессионализм, профнепригодный* [11].

Ценности постсоветского периода, несмотря на лексическую динамику в русском языке конца XX и начала XXI века, в целом, показывают устойчивость ценностных приоритетов предыдущих периодов. Относительная стабильность ценностной системы, воплощённой в русском языковом сознании, подтверждается и результатами массовых свободных ассоциативных экспериментов. Н. В. Уфимцева проследила динамику русского языкового сознания, опираясь на данные нескольких ассоциативных словарей [7], что позволило установить, что с 60-х годов XX в. неизменной остаётся соотносённость структуры русского языкового сознания со структурой этнических констант [8].

Таким образом, семантическая эволюция профессионализма в трудовой деятельности, уплотнив номинативное пространство, не изменила ценностный вектор, сохранивший актуальность и позитивные оценки *прилежания, усердия* в труде.

Литература

1. Бабаева Е. В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Бабаева. — Волгоград : Перемена, 2004. — 424 с.
2. Бороноев А. О. Россия и русские : Характер народа и судьбы страны / А. О. Бороноев, П. И. Смирнов. — СПб. : Лениздат, 1992. — 144 с.
3. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. — 4-е изд. / В. В. Виноградов. — М. : Русский язык, 2002. — 528 с.
4. Зализняк А. А. Константы и переменные русской языковой картины мира. (Язык. Семиотика. Культура) / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелёв. — М. : Языки славянских культур, 2012. — 696 с.
5. Карасик В. И. Языковая матрица культуры / В. И. Карасик. — М. : Гнозис, 2013. — 320 с.
6. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — М. : Языки русской культуры, 1996. — 288 с.
7. Уфимцева Н. В. Язык, сознание, культура : [сборник статей] / Н. В. Уфимцева. — М. : Publisher, Эйдос, 2005. — 399 с.
8. Уфимцева Н. В. Языковое сознание : динамика и вариативность / Н. В. Уфимцева. — М. : Ин-т языкознания РАН, 2011. — 252 с.
9. Яроцкая Г. С. Аксиогенез экономического сознания в русской лингвокультуре : монография / Г. С. Яроцкая. — Одесса : Одесский нац. ун-т им. И. И. Мечникова, 2013. — 552 с.

Список использованных источников и условных обозначений

10. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. — М. : Протестант, 1991. — 925 с.
11. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — URL : <http://www.ruscorpora.ru/>. — Загл. с экрана.
12. Пословицы русского народа : Сборник В. Даля: в 3 т. — М. : Русская книга, 1993.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. [Электронный ресурс]. — М. : Наука, 1975–2008. — Вып. 1–28. — URL : <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3227643>. — Загл. с экрана.
14. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка : в 3 т. Репринтное издание [Электронный ресурс]. — М. : Книга, 1989. — URL : <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sreznevskij>. (Материалы для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского). — СПб., 1893.
15. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук : в 4 т. — Второе изд. — Санктпетербургъ, 1867.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. — СПб. : Terra–Азбука, 1996.

References

1. Babaeva, E. V. (2004), *Lingvocultural descriptions of axiological Russian and German world pictures : Thesis [Lingvokulturologicheskie kharakteristiki russkoj i nemeckoj aksiologicheskikh kartin mira :dis. ... d-ra filol. Nauk : 10.02.01 — russkij jazyk]*, Peremena, Volgograd, 424 p.
2. Boronoev, A. O., Smirnov, P. I. (1992), *Russia and Russians : Character of the people and destiny of the country [Rossija i russkie : Kharakter naroda i sud'by strany]*, Lenizdat, St. Petersburg, 144 s.
3. Vinogradov, V. V. (2002), *Essays on the history of literary Russian language of XVII–XIX cc., 4th ed. [Oчерки po istorii russkogo literaturnogo jazyka XVII–XIX vv. — 4-e izd.]*, Russkij jazyk, Moscow, 528 p.
4. Zaliznjak, A. A., Levontina, I. B., Shmeljov, A. D. (2012), *Constants and variables of the Russian language picture of the world. (Language. Semiotics. Culture) [Konstanty i peremennye russkoj jazykovoj kartiny mira. (Jazyk. Semiotika. Kultura)]*, Jazyki slavjanskikh kultur, Moscow, 696 p.
5. Karasik, V. I. (2013), *Language matrix of culture [Jazykovaja matritsa kultury]*, Gnozis, Moscow, 320 p.
6. Teliya, V. N. (1996), *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and lingvocultural aspects [Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokulturologicheskij aspekt]*, Jazyki russkoj kultury, Moscow, 288 p.
7. Ufimtseva, N. V. ed. (2005), *Language, consciousness, culture : collection of articles [Jazyk, soznanie, kultura : sbornik statej]*, Publisher, Ejdos, Moscow, 399 p.
8. Ufimtseva, N. V. (2011), *Language consciousness : dynamics and variability [Jazykoe soznanie : dinamika i variativnost']*, Institute of Linguistics of RAS, Moscow, 252 p.
9. Yarotskaya, G. S. (2013), *Axiogenesis of economic consciousness in Russian lingual culture : monograph [Aksio-genez ekonomicheskogo soznaniya v russkoj lingvokulture : monografija]*, Odessa I. I. Mechnikov National University, 552 p.

List of source sand symbols (references)

10. Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments (1991) [*Biblija. Knigi Svjaschennogo pisanija Vethkogo i Novogo Zaveta*], Protestant, Moscow, 925 p.
11. National corps of Russian [Nacionalnyj korpus russkogo jazyka], available at : <http://www.ruscorpora.ru>.
12. Proverbs of the Russian people : collection in 3 vol. by V. I. Dahl (1993) [*Poslovice russkogo naroda : sbornik V. I. Dalja v 3 t.*], Russkaja kniga, Moscow.
13. Dictionary of the Russian Language of 11–17 centuries (1975–2008) [*Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv.*], Nauka, Moscow, vol. 1–28, available at : <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3227643>.
14. Sreznevskij, I. I. (1893 / 1989 reprint), *Materials for Old Russian Dictionary / Dictionary of the Old Russian Language [Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka : v 3 t. / Slovar' drevnerusskogo jazyka : v 3 t.]*, St. Petersburg / Kniga, Moscow, available at : <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sreznevskij>.

15. *Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the Second department of the Imperial Academy of Sciences, 2nd ed.* (1867) [*Slovar' cerkovno-slavyanskago i russkagoazyka, sostavlennyj vtorym otdeleniem Imperatorskoj Akademii Nauk : v 4 t. — 2-e izd.*], St. Petersburg.

16. Fasmer, M. (1996), *Etymologic Dictionary of the Russian Language* [*Etimologicheskij slovar' russkogoazyka : v 4 t.*], Terra—Azбука, St. Petersburg.

ЯРОЦЬКА Галина Сергіївна,

доктор філологічних наук, професор кафедри прикладної лінгвістики

Одеського національного університету імені І. І. Мечникова;

Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; тел.: +38(0482)680562; моб.: +38 050 3916600;

e-mail: g.yarotskaya@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-4456-3852

ЛІНГВОАКСІОЛОГІЯ СТАРАННОСТІ ТА МАЙСТЕРНОСТІ В ІСТОРІЇ РОСІЙСЬКОЇ ЛІНГВОКУЛЬТУРИ

Анотація. *Meta* цього дослідження — виявити ціннісну динаміку лінгвокультурних фактів об'єктивації старанності і професіоналізму в системі російської мови та мовної діяльності. Джерелами мовного матеріалу слугували тлумачні словники, фразеологічні та паремічні словники, релігійні тексти, а також дані Національного корпусу російської мови. Було взято до уваги також відомості про частотність лексем і текстової репрезентації в богословському дискурсі. **Об'єктом** дослідження є проблема концептуалізації трудової діяльності в російській лінгвокультурі: оцінка праці та ціннісні характеристики ставлення до праці, до її результатів. **Предмет** дослідження — аксіокатегорії (ціннісні характеристики) процесів, мотивів, результатів трудової діяльності у свідомості носіїв російської лінгвокультури. **Результатом** роботи є розгляд історичної динаміки вербалізації когнітивних ознак «професіоналізм», «старанність» працівника і його кваліфікації. Зроблено **висновок** про перевагу та стабільну актуальність таких рис, як старанність і сумлінність працівника. Професіоналізм поступається ретельності за кількістю вербальних репрезентантів, частотності і, отже, значущості зазначених когнітивних ознак. Значимість якості праці, придбання професіоналізму як утилітарні і моральні цінності не були такими актуальними в російській мовній свідомості, як старанність і сумління, які й сьогодні залишаються в центрі концептуального простору трудової діяльності.

Ключові слова: російська лінгвокультура, майстерність, старанність, концептуалізація праці.

Galyna S. YAROTSKA,

Doctor in Philological Sciences, Professor of the Applied Linguistics Department

of Odessa I. I. Mechnikov National University; 24/26 Frantsuzskij blvd., Odessa, 65058, Ukraine;

tel.: +38(0482)680562; mob.: +38 050 39166 00;

e-mail: g.yarotskaya@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-4456-3852

LINGUAXIOLOGY OF CRAFTSMANSHIP AND DILIGENCE IN THE HISTORY OF RUSSIAN LINGUAL CULTURE

Summary. The *purpose* of the research is to reveal the value dynamics of lingvocultural facts of objectification of diligence and professionalism in the system of the Russian language and speech activity. The *sources* of the language material were explanatory dictionaries, phraseological and paremic dictionaries, religious texts, as well as data of the National Corps of the Russian language. Information about the frequency of lexemes and textual representation in theological discourse was also taken into account. The *object* of the study is the problem of conceptualizing labor activity in Russian lingual culture: the evaluation of labor and the value characteristics of attitudes toward work and its results. The *subject* of the research is axiocategories (value characteristics) of processes, motives, results of labor activity in the consciousness of the owners of Russian lingual culture. The *result* of the work is the consideration of the historical dynamics of verbalization of cognitive features “professionalism”, “diligence” of the employee and his qualifications. The *conclusion* is made about the advantage and stable relevance of such features as the diligence and conscientiousness of the employee. Professionalism gives way to diligence for the number of verbal representatives, the frequency and, consequently, the significance of these cognitive features. The importance of the quality of labor, the acquisition of professionalism as utilitarian and moral values, were not as relevant in the Russian language consciousness as exertion and diligence, which are still at the center of the conceptual space of labor activity.

Key words: Russian lingual culture, craftsmanship, diligence, conceptualization of labor.

Статтю отримано 8.10.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.28.115825>

УДК 811.11–112'373.614'367.627

IARMOLOVYCH Galyna Iuriivna,

Lektor am Lehrstuhl für die deutsche Philologie, Odessa Staatliche Universität namens Mettschnikow I. I.;
Francuzskij Blvd., 24/26, Odessa, 65058, Ukraine; tel.: +38 (063) 7608711;
e-mail: g.i.iarmolovych@gmail.com ; ORCID ID: 0000-0002-1599-4306

HERAUSBILDUNG DER GERMANISCHEN ZAHLWÖRTER AUS DEM PROTO-INDOEUPÄISCHEN

Zusammenfassung. Der Zweck dieses Artikels ist, die wahrscheinlichsten Zahlenformen in der indoeuropäischen Sprache zu identifizieren und sie zu beschreiben. In unserer Forschung stützen wir uns, neben den Forschungsergebnissen unserer Vorgänger, auf die sprachlichen Veränderungen, die die Sprache beim Übergang vom Proto-Indoeuropäischen in die Germanische erlitten hat. Die Objekte unserer Forschung sind Beispiele der Zahlwörter aus den Schriftzeugnissen in solcher Sprachen wie Altisländisch, Altfriesisch, Gotisch, Althochdeutsch, Altenglisch, Altsächsisch. Gegenstände der Studie sind Zahlwörter von "1" bis "10" sowie ihre Wortformen. Als Ergebnis kann eine Liste möglicher Zahlenformen in der indoeuropäischen Sprache betrachtet werden. Die Zahlwörter liegen solchen Sprachursprungsforschungen wie Anatolien-Hypothese von Renfrew und Cunliffe, Armenische Hypothese von Gamkrelidze und Iwanow, Hügelgrab Hypothese von Gimbutas und Balkanischer Hypothese von Devoto zugrunde. Es kann auch behauptet werden, dass obwohl Zahlwörter eine geringe Gruppe von Wortformen darstellen, bieten sie die Vielfalt von Wortformen diesen Numeralien an.

Schlagwörter: Etymologie des Zahlworts, proto-indoeuropäische Zahlwörter, germanische Zahlwörter, Sprachursprung, Zahlwort, Rekonstruktion des Zahlworts.

Fragestellung. Die Aktualität dieses Themas liegt an der Vielfalt der möglichen Rekonstruktionen von Zahlwörtern, die natürlich nicht übereinstimmen und sich voneinander unterscheiden, je nach der Theorie des jeweiligen Forschers [2, S. 8].

Analyse von neuesten Forschungen und Publikationen. Es wurde viel zum Thema Herausbildung und Entwicklung von Zahlwörtern in den germanischen Sprachen geschrieben. An der Etymologisieren von Zahlwörtern und ihren Formen haben solche Sprachforscher wie Mettke, Salmons, Renfrew, Taranets, Ebbinghaus, Kolotilova, Mallory, Levicki, Gamkrelidze, Iwanow, Brugmann und Hennings gearbeitet. Dieses Material kann nicht nur grammatikalisch betrachtet werden, sondern für eine ausführliche Studie braucht man eine Mischung von Ansätzen inklusive solcher interdisziplinären Ansätze wie der Ethno-Psychologische, der Historisch-Vergleichende und der Sozial-Wissenschaftliche. All diese Forschungen einigen sich in dem, dass nur die Zahlwörter *eins*, *zwei*, *drei* und ihre Wortformen sich gut etymologisieren und rekonstruieren lassen [7, 11]. Die Vorschläge der Rekonstruktion weiterer Zahlwörtern treffen ständig tapferen Widerstand der wissenschaftlichen Gesellschaft [8].

Aufgabenstellung. In diesem Artikel stützt sich der Autor auf die Ergebnisse der neusten Sprachforschungen auf dem Gebiet der Indoeuropäistik und Germanistik. Bei der Rekonstruktion der Wortformen werden die anerkannten Sprachveränderungen verwendet. Das Ziel dieser Studie ist das Festlegen von den wahrscheinlichsten Formen von Grundzahlwörtern von "eins" bis "zehn" sowie die Erörterung vom Rekonstruieren.

Expose. Die Indo-Europäer, die Vorväter der meisten Bevölkerung Europas und einigen Völkern Asiens nutzten das Dezimalsystem [12]. Dieser Artikel ist den glaubenswertesten Formen der Zahlwörtern in der Indoeuropäischen Sprache und ihrer Etymologie gewidmet. Neben den Wortvariationen werden einige Sprachgesetze erwähnt und ihr Einfluss auf die weitere Entwicklung des Wortes diskutiert.

Die Zahlwörter sind beinahe die festesten Elemente des Indoeuropäischen Sprachsystems, stellen die Theoretiker Indoeuropäischer Sprachursprungs fest [14; 15]. Auf der Suche nach dem Ursprung der indoeuropäischen Sprache werden die Zahlwörter zu Objekten der Forschung. Der Gründer der Armenischen Theorie des proto-indoeuropäischen Sprachursprungs, Tamas Gamkrelidze, führt überzeugende linguistische Argumentationen an, die sich strikt auf der Verwendung der Vergleichender Sprachwissenschaft stützen und sich den grundlegenden Lehren in Entlehnungsprinzipien unterordnen. Die Glottaltheorie, auf der sich diese Hypothese basiert, bietet anstelle der typischen stimmhaften Konsonanten b, d, g die Ejektive p', t', k' an [1]. Im Jahre 1981 schlug ein Anhänger dieser Theorie vor, alle indoeuropäischen Sprachen in Decem- und Taihun-Gruppen gemäß der Ziffer "10" aufzuteilen, nach dem Vorbild von Kentum- und Satemsprachen deren Aufteilung sich auf der Zahl "100" basiert. Da das Zahlwort "10" mit einem stimmlosen Konsonanten beginnt, gehören die armenischen, germanischen, anatolischen und tocharianischen Unterfamilien zur Kentum Gruppe. In den übrigen indoeuropäischen Sprachen beginnt dieses Wort mit einem stimmhaften "d", deshalb gehören sie zur Gruppe Satem [4].

Im Unterschied zu dem Gründer der Armenischen Theorie, Tamas Gamkrelidze, der das Armenische Hochland als Ursprung der Indoeuropäischer Sprache sieht, betrachten die Vertreter der anatolischen

Theorie Colin Renfrew und Barry Cunliffe, die Türkei als solche. Wie die vorige benützt diese Hypothese unter anderen Beispielen die Zahlwörter, unterscheidet sich aber von den anderen durch die Datierung [15].

Außer diesen zwei Obengenannten ist für die Numeralienstudie die Balkanische Sprachursprungstheorie wichtig. Diese Theorie ist für solchen Linguisten recht, die Anhänger des Prinzips des "Schwerpunkts" sind, wonach sich das Zentrum der sprachlichen Dispersion auf dem Gebiet befindet, wo die größte sprachliche Vielfalt dargestellt wird, während die peripheren Gebiete durch maximale Homogenität charakterisiert sind. Als solche gilt das Territorium im Ost-süden Europas, und nämlich die Balkanen. Ein italienischer Nachfolger dieser Theorie, der gleichzeitig archäologisch und sprachlich forschte, der Linguist Devoto, veröffentlichte ein vergleichendes Wörterbuch von proto-indoeuropäischen Wörtern unter denen sich die Zahlwörter wesentlich auszeichnen [1; 2].

Die unten dargestellte Rekonstruktion geht von folgenden allgemein bekannten Lautwechsellösungen aus dem Proto-indoeuropäischen ins Germanische aus. Die sogenannte Erste oder germanische Lautverschiebung spielt bei diesem Übergang eine wichtige Rolle, wobei die stimmlose Plosive in die stimmlose Frikative, stimmhafte Plosive in die stimmlose Plosive und die stimmhafte behauchte Plosive in die stimmhafte Frikative übergehen. Der zweite in der Reihenfolge seiner Bedeutung ist Vernersches Gesetz oder nach Jakob Grimm grammatischer Wechsel, das den Übergang der stimmlosen Frikative in die inlautend stimmhafte zu dem Umstände erklärt, wenn der Wortakzent im Proto-indoeuropäischen nicht auf dem Vokal davor lag. Das Proto-indoeuropäische zeichnete sich im Unterschied zum Germanischen durch einen freien, flexionsabhängigen Wortakzent aus, das heißt, dass er nicht notwendigerweise an der Wurzelsilbe lag. Auch im frühesten Germanischen blieben die freien Akzentverhältnisse gewahrt, später stellt sich der Initialakzent fest [13, S. 67]. Abschwächung der unbetonten Nebensilben vereinfachte das komplizierte Flexionssystem des Proto-indoeuropäischen und förderte die Entwicklung des analytischen Sprachbaus, wobei der Dual allmählich schwindet und nur vier Kasus übrigbleiben. Ersetzung der sonantischen Liquide und Nasale kennzeichnet durch ersetzen von indogermanischen [l, r, n, m,] durch germanische [ul, ur, un, um] [11, S. 228].

Mit Rücksicht auf alle aufgezählte Sprachänderungen, die die Sprache bei der Herausbildung der Germanischen Sprache aus dem Indo-europäischen erfahren, und in Anbetracht der in der Germanischen Sprache aufbewahrten Wortformen der Zahlwörter, können folgende wahrscheinlichste Formen von Kardinalzahlen dargestellt werden. Neben den rekonstruierten Formen werden die entsprechende Zahlwörter auf Gotisch angegeben, das die älteste literarisch überlieferte Schriftform des Germanischen anbietet. In den Fällen, wo keine gotische Form vorhanden ist, werden Beispiele aus anderen alten germanischen Sprachen angeführt.

"1" — *óinos* mit Singularendung, Go. *ains*. In typologischer Analogie zu einigen Sprachen von Neuguinea, vermutet Maziulis, dass die Proto-indoeuropäische überhaupt kein Zahlwort "eins" hatte [4]. Gamkrelidze und Ivanow einigen sich mit dieser Meinung und hinweisen darauf, dass dieses Zahlwort auch in der sumerischen und in der hurritischen Sprache fehlte, auch im Protosemitischen und Proto-kartwelischen. Die Wissenschaftler meinen, dass das Rechnen erst mit *zwei* beginnt, während *eins* nur eine besondere Weise für die Wortbezeichnung ist und viel später in das System von Zahlwörtern eingetragen ist [7; 1; 2].

"2" — *dwóí* mit Pluralendung, Go. *twai*. Die Zahlwörter *zwei* und *eins* lassen sich am besten etymologisieren. Die Weltanschauung von Urmenschen basierte sich auf der dualen Aufteilung der Welt daher kann man beide gleichzeitig als den Teil und das Ganze erklären. Soweit die Etymologie langt, stellt man fest, dass sowohl diese zwei Wörter als auch das Wort *Hand* die gleiche Wurzel haben [7; 2; 3].

"3" — *tréjes* mit Pluralendung i-Klasse, Go. *freis*, vermutlich auch mit Pluralendung, wie im AE. (Altenglisch) *fríe*. Dieses Zahlwort wird als steigende auf "weiter" etymologisiert, das heißt "das nächste (nach zwei)" oder "ter" — "Mitte (Finger)". Beide Etymologien werden von D. Adams und J. Mallory als unzuverlässige betrachtet [1; 7; 8].

"4" — *þek^wör* und *þet^wör*, vermutlich variierte sich frei, dazu gab es noch die Ablautendung *þetúr*, dessen letzter Allomorph nur in zusammengesetzten Wörtern erscheint. Der letzte taucht im Gotischen als Go. *fidwor* und im zusammengesetzten Adjektiv *fidur-dogs* (4-tägliche) auf, noch eine Variation von *-þetúr* bietet Altislandisch an — *AI. fjórir*, diese Form hat die adjektiv Pluralendung aufgenommen. Die anderen germanischen Sprachen widerspiegeln *þek^wör*, das früher bei Verners Gesetz und bei der Ersten Lautverschiebung in Form von *feg^wör* erschien mit dem weiteren Übergang durch Betonungsverschiebung zu *féwör*. AE. *féower*, AF. (Altfriesisch) *fiower* und *fior*, AS. (Altsächsisch) *fiuwar* später *fior* und AhD. (Althochdeutsch) *feor*. Insgesamt wurden in der Linguistik mehr als ein Dutzend verschiedener Etymologien des angegebenen Zahlwortes vorgeschlagen. Die meisten werden als künstliche oder nicht überzeugende betrachtet. Als glaubwürdigste gilt die Erklärung durch die Reduplikation von Doppelheit und die Anzahl der Finger einer Hand ohne des Daumens [7; 9].

"5" — *þémpa*, Go. *fimf*. Die Bedeutung dieses Wortes ist immer durch "die Hand" etymologisiert, sei es die Hand, die Handfläche oder die Faust [7; 1; 16].

"6" — *séks*, Go. *saihs*. Gamkrelidze und Ivanov glauben, dass die indogermanisches Zahlwort *sechs* aus dem Proto-kartwelischen als *ekšw-* entlehnt wurde, Shevoroshkin meint aber, dass die phonologi-

sche Besonderheiten dieses Wortes auf die proto-armenische Sprache hinweisen. Die Bedeutung deutet auf *fünf* an, und zwar enthält die Wurzel “*Hand*” und “*wachsen*”. Das Rechnen übergeht mit *sechs* auf die zweite Hand. Adams und Mallory kritisieren diese Etymologie und meinen, dass sie weder phonetisch noch morphologisch haltbar ist [8; 1].

“7” — *seþn̄t*, Go. *sibun*. Die historische Derivation ist *seþn̄t* (die Erste Lautverschiebung, Vernersgesetz, Sonanteänderung) → *seþún* (Betonungsverschiebung) → *seþun* → *seþun* → Go. *sibun*. Obwohl das Zahlwort “*sieben*” in allen Kulturen eine Sonderstelle hatte, scheint es unmöglich zu sein seine Herkunft und Bedeutung zu etymologisieren [7; 1].

“8” — *oktōu*, Go. *ahtau*. Diese Form stellt die verdoppelte 0-Wurzel *oktō* dar, die vermutlich wurde vom ursprünglich neutraler *oktetom* synkopiert und bedeutet “Anzahl der Punkte (auf einer Hand)” = “die Finger ohne Daumen”. Ursprüngliche Etymologie basiert sich auf der Wurzel *ok, ek* — spitz, scharf [7; 1; 16].

“9” — *newnt*, Go. *niun*. Etymologisch verbinden Sprachwissenschaftler dieses Zahlwort mit dem Adjektiv *newos* “*neu*”, wobei seine interne Form “eine Zahl ist, die ein neues Zählen beginnt” [1]. Adams und Mallory lehnen diese Etymologie ab und sehen in der obengenannten Etymologie nur “eine zufällige Ähnlichkeit”. Sie schlagen auch eine andere vor, nach der es mit dem Präposition “*ohne*” assoziiert ist. In diesem Fall lautet die etymologische Bedeutung — Zehn ohne Eins [8].

“10” — *dekmt*(t), Go. *tahun*. Manchmal wird dieses Zahlwort als Ableitung von *dwe* — “*two*” und * *kmt* “*hand*” (Go. *handus*) etymologisiert, also “zwei Hände”. Jedoch weist Winter darauf hin, dass solche Etymologie auf phonetische Schwierigkeiten stößt und es weiterhin unklar bleibt, warum die “*zwei*” hier wörtlich ausgedrückt werden soll und nicht durch den Dual des Wortes “*Hand*”, der bis zum Frühgermanischen noch da war [2].

Ergebnisse. Wahrscheinlich hat das System der Numeralien im Proto-indoeuropäischen eine lange Vorgeschichte, und es ist nicht möglich, die Zeit seiner Entstehung zu bestimmen. Trotzdem versuchen viele Sprachwissenschaftler durch die bewahrten Formen späterer Sprachen die Zahlwörter zu etymologisieren und ihre Wortformen möglichst authentisch zu rekonstruieren. Sowohl über die Rekonstruktion als auch über das Etymologisieren mancher Zahlwörter einigen sich die Sprachursprungsforscher nicht und diese Frage bleibt für weitere Studien offen.

Literaturverzeichnis

1. Гамкрелидзе Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы : Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры : в 2 кн. / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. — Тбилиси : Тбилисский университет, 1984. — 844 с.
2. Винтер В. Некоторые мысли об индоевропейских числительных // Вопросы языкознания. — М., 1989. — № 4. — С. 36—37.
3. Левицкий В. В. Этимологические и семасиологические исследования в области германских языков / В. В. Левицкий. — Черновцы : Рута, 1997. — 276 с.
4. Мажюлис В. П. Индоевропейская десятичная система числительных / В. П. Мажюлис // Вопросы языкознания. — М., 1956. — № 4. — С. 54.
5. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / А. Мейе. — М. : Изд-во ЛКИ, 2007. — 512 с.
6. Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания / В. З. Панфилов. — М. : Наука, 1982. — 356 с.
7. Таранец В. Г. Происхождение понятия числа и его языковой реализации / В. Г. Таранец. — Одесса : Астропринт, 1999. — 116 с.
8. Adams D. Q. The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and Indo-European World / D. Q. Adams, J. P. Mallory. — Oxford : Oxford University Press, 2006. — XXIV, 731 p.
9. Blažek V. Indo-European “four” / V. Blažek // Indogermanische Forschungen. — Berlin : W. de Gruyter, 1998. — № 103. — P. 123—125.
10. Blažek V. Indo-European “eight”, Historische Sprachforschung / V. Blažek // Historical Linguistics. — 1998. — Vol. 111. — # 2. — P. 209—224.
11. Brugman K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen / K. Brugman, B. Delbrück. — Strassburg : Karl J. Trübner, 1997. — 621 S.
12. Einführung in die germanistische Linguistik, 2 Auflage / [J. Meibauer, U. Demske, J. Geilfuß und andere]. — Mainz : Springer-Verlag, 2007. — 368 S.
13. Hennings T. Einführung in das Mittelhochdeutsche, 3 Auflage / Thordis Hennings. — Berlin : De Gruyter, 2012. — 251 p.
14. Meier-Brügger M. Indo-European Linguistics / M. Meier-Brügger. — Berlin, New York : Walter de Gruyter, 2003. — P. 231—237.
15. Renfrew C. Archaeology and Language : The Puzzle of Indo-European Origins / Colin Renfrew. — London : Penguin book, 1990. — 346 p.
16. Voyles J. The Cardinal Numerals in Pre- and Proto-Germanic / Joseph Voyles // Journal of English and Germanic Philology. — Chicago : University of Illinois Press, 1987. — P. 487—495.

References

1. Gamkrelidze, T. V., Ivanov, V. V. (1984), *The Early History of Indo-European Languages* [*Indoevropskij jazyk i indoevropcejskij : Rekonstrukcija i istoriko-tipologičeskij analiz prajazyka i protokul'tury : v 2 kn.*], Tbilisi University, Tbilisi, 844 p.
2. Winter, W. (1989), "Some thoughts about proto-indoeuropean numerals", *Topics in the study of language* ["Nekotorye mysli ob indoevropskikh chislitel'nykh"], *Voprosy jazykoznanija*, Moscow, vol. 4, pp. 36–37.
3. Levickij, V. V. (1997), *Etymological and semasiological research on Germanic languages* [*Etimologičeskie i semasiologičeskie issledovanija v oblasti germanskikh jazykov*], Ruta, Chernovcy, 276 p.
4. Mazhiulis, V. P. (1956), "The Indoeuropean decimal system of numerals", *Topics in the study of language* ["Indoevropskaja decimal'naja sistema chislitel'nykh"], *Voprosy jazykoznanija*, Moscow, vol. 4, p. 54.
5. Meje, A. (2007), *Introduction into theory of Indoeuropean languages* [*Vvedenie v sravnitel'noe izučenie indoevropskikh jazykov*], LKI Publishing House, Moscow, 512 p.
6. Panfilov, V. Z. (1982), *Gnoseological aspects in philosophical problems of linguistics* [*Gnoseologičeskie aspekty filosofskikh problem jazykoznanija*], Nauka, Moscow, 356 p.
7. Taranec, V. G. (1999), *Origin of the numeric notion and its lingual formation* [*Proiskhozhdenie poniatija čisla i jego jazykovej realizacii*], Astroprint, Odessa, 116 p.
8. Adams, D. Q., Mallory, J. P. (2006), *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and Indo-European World*, Oxford University Press, Oxford, XXIV, 731 p..
9. Blažek, V. (1998), "Indo-European "four"", *Indogermanische Forschungen*, W. de Gruyter, Berlin, vol. 103, pp. 123–125.
10. Blažek, V. (1998), "Indo-european "eight" // Historische Sprachforschung/Historical Linguistics, vol. 111, Nr. 2, pp. 209–224.
11. Brugman, K., Delbrück, B. (1997), *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*, Karl J. Trübner, Strassburg, 621 p.
12. Meibauer, J., Demske, U., Geilfuß, J. (2007), *Einführung in die germanistische Linguistik*, Springer-Verlag, Mainz, 368 p.
13. Hennings, T. (2012), *Einführung in das Mittelhochdeutsche, 3 Auflage*, De Gruyter, Tübingen, 251 p.
14. Meier-Brügger, M. (2003), *Indo-European Linguistics*, Walter de Gruyter, Berlin, New York, pp. 231–237.
15. Renfrew, C. (1990), *Archaeology and Language : The Puzzle of Indo-European Origins*, Penguin book, London, 346 p.
16. Voyles, J. (1987), "The Cardinal Numerals in Pre- and Proto-Germanic", *Journal of English and Germanic Philology*, University of Illinois Press, Chicago, pp. 487–495.

ІРМОЛОВИЧ Галина Юрійвна,

викладач кафедри німецької філології, Одеського національного університету імені І. І. Мечникова;
 Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; тел.: +38 (063) 7608711;
 e-mail: g.i.iarmolovych@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-1599-4306

ВИОКРЕМЛЕННЯ ГЕРМАНСЬКИХ ЧИСЛІВНИКІВ З ІНДОЄВРОПЕЙСЬКОЇ ПРАМОВИ

Анотація. *Мета* цієї статті — визначити та описати найбільш вірогідні форми числівників у індоєвропейських мовах. У нашому дослідженні, ми, спираючись на результати студій наших попередників, покладаємося на зміни, яких зазнала мова під час переходу від прото-індоєвропейської до німецької та за їх допомогою намагаємося виявити можливі варіації кількісних числівників. *Об'єктом* нашого дослідження є числівники з письмових пам'яток на таких мовах, як давньоісландська, давньофризька, готська, давньоверхньонімецька, давньоанглійська та давньосаксонська. *Предметом* дослідження є процеси виокремлення та формування сучасних форм простих числівників від «1» до «10» з набору різних числівникових форм прайндоєвропейської та давньогерманських мов. *Результатом* дослідження є реконструйовані форми числівників в індоєвропейській прамові та давньонімецькій мові. На вивченні та порівнянні числових термінів ґрунтується низка відомих гіпотез щодо походження прото-індоєвропейської мови, таких як Анатолійська гіпотеза Ренфрю та Канліфа, Вірменська гіпотеза Гамкrelідзе та Іванова, Курганна гіпотеза Гімбутас і Балканська гіпотеза Девото. Хоча числівники являють собою досить невелику групу слів, вони пропонують достеменний вибір словоформ і надають багато можливостей для етимологічного аналізу.

Ключові слова: етимологія, числівник, прото-індоєвропейські числівники, германські числівники, походження мови, реконструкція.

Galyna Iu. IARMOLOVYCH

Professor's assistant at the Department of German Philology, Odessa I. I. Mechnikov National University;
 24/26, Frantsuzkiy blvd., Odessa, 65058, Ukraine; tel.: +38 (063) 7608711;
 e-mail: g.i.iarmolovych@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-1599-4306

EXTRACTION OF GERMANIC NUMERALS FROM THE INDOEUROPEAN PROTO-LANGUAGE

Summary. The *purpose* of this article is to identify and describe the most probable forms of numerals in the Indo-European language. In our research we rely, in addition to the research results of our predecessors, on the linguistic changes the language has gone through during the transition from Proto-Indo-European to Germanic. The *objects* of our research are forms of the numerals taken from the written artifacts in such languages as Old Icelandic, Old Frisian, Gothic, Old High German, Old English and Old Saxon. *Subjects* of the study are numerals from "1" to "10" as well as some of their

word forms. As a **result**, may be considered a list of numerals and their forms as they could be present in the Indo-European language. Numerals are essential analysis material for such language origin researches as Anatolian Hypothesis of Renfrew and Cunliffe, Armenian Hypothesis of Gamkrelidze and Ivanov, Tumulus Hypothesis of Gimbutas and Balkan Hypothesis of Devoto. It is also claimed that although numerals represent a small group of words, they offer a variety of forms that represent reliable comparison material.

Key words: numeral, etymology, proto-indoeuropean numerals, germanic numerals, language origin, reconstruction.

Статтю отримано 18.09.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.28.115829>

УДК 811.111-112'366'373:821.111-312.9/-313.2

Olena O. POZHARYTSKA,

PhD (Candidate of Philological Sciences), Associate Professor, Chair of English Grammar, Odessa I. I. Mechnikov National University; 2 Dvoryanska St., Odessa, 65082, Ukraine; tel.: +38 050 9632062; e-mail: morpo@ukr.net; ORCID ID: 0000-0003-4820-8129

Alina G. YEZHKOVA,

4th Year Student, Odessa I. I. Mechnikov National University; 2 Dvoryanska St., Odessa, 65082, Ukraine; tel.: +38 (095) 7078828; e-mail: yezhkova@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-4451-8579

A DIACHRONICAL OUTLOOK ON THE ENGLISH GOTHIC NOVEL: MORPHOLOGICAL & LEXICAL DIMENSIONS

Summary. The **objective** of the research is the investigation of the peculiarities of the English gothic novel, including an outlook on its history, and the evolutionary changes in the author's narrative and the artistic dialogue through XVIII — XXI centuries. The **object** of the study is the author's monologue and artistic dialogue through its development starting from the second half of the century until modern days, its **subject** being the evolutionary changes in the morphological and syntactic organization of the author's monologue and artistic dialogue in the English gothic novels under study. The **findings** of the research consist in establishing the differences in the morphological and syntactic structure of the English gothic novel in diachrony. It was ascertained that the general structure of the gothic novel text is not affected by the dominating literary traditions of the epochs considered, which makes the genre rather specific, conservative and easily recognisable regardless of the time of its writing. As far as the lexical structure is concerned, it has to be pointed out that at the beginning of its development the gothic novel contained more high-flown vocabulary than its modern counterpart. However, archaisms and historicisms can be introduced into a contemporary text with the aim of creating a characteristic gothic atmosphere. From the point of view of syntax, compound, complex and complicated simple sentences predominate in the gothic novel both in XVIII and XXI centuries. A comparatively slow process of structure simplification we see as one of the peculiarities of the genre. Thus, Gothicism is intended to meet high aesthetic criteria and have an exaggeratedly chimeric way of reality representation in terms of ideas and form alike.

Key words: English gothic novel, Gothicism, syntactic structure, morphological organization, vocabulary.

The term «gothic» presupposes the plot being set long ago, the descriptions including some special, peculiar ways of life and customs, fantastic events that stimulate the reader's imagination and this or that way influence their emotions. The emergence of this genre and its acquiring popularity are conditioned by the socially conscious writers striving to unite the English, the Scots and the Irish in the epoch of the scientific and technical revolution [5, p. 395]. The general hope to find harmony in the world where public consciousness was being rebuilt and the categories of intelligence and causality from the Enlightenment eliminated added to the spreading of the genre. Today, gothic novels still enjoy wide popularity, their readers belonging to different age groups and social backgrounds, and the genre itself, though far from new, is by no means in decline, which altogether points to the **topicality** of the problem analysed in this paper.

The **objective** of the research is the investigation of the peculiarities of the English gothic novel, including an outlook on its history, and the evolutionary changes in the author's narrative and the artistic dialogue through XVIII–XXI centuries. The **object** of the study is the author's monologue and artistic dialogue through its development starting from the second half of the century until modern days, its **subject** being the evolutionary changes in the morphological and syntactic organization of the author's monologue and artistic dialogue in the English gothic novels under study. As the material of the research the novels “” and “” were chosen due to their relatively close plot lines and authors' ideas, speech samples were taken for analysis from each of the novels by consecutive selection (speech samples altogether).

The gothic novel emerged as a reaction to the rationalism of the second half of the XVIII century, the graveyard poetry of the sentimentalism of the beginning of the XVIII century lying at its heart [1, p. 81]. The first true specimen of the gothic novel was «The Castle of Otranto» by H. Walpole, analysed in this article in detail. Early gothic novels had some streaks of sentimentalism, which made them both sophisticated and sensitive [5, p. 395–396]. At the beginning of the XIX century Gothicism acquired a tinge of light reading. In the XIX century the form of 'gothic style' story appeared. At the turn of the XX century gothic stories were popularized and turned into a product of mass entertainment due to new finds of art like the cinema. The essential creative images of a gothic novel are those of a ghost, a monk, a vampire, a monster or a villain, a pitiful victim, a resigned woman, and some superstitious servants. Nowadays Gothicism doesn't technically exist in its pure form; it is blended with police novel, science fiction, horror, adventure novels. «The Haunting of Gillespie House» by D. Coates is taken as a specimen of modern gothic novel in our research. Investigating the author's monologue and the artistic dialogue, we see that the epoch the novel was written in doesn't influence the text structure on the whole. Despite the tradition of style dominating in the XVIII century where characters got less focus than the surrounding world, the results of our analysis show that in the XVIII century novel by H. Walpole there is a larger share of artistic dialogue. The modern gothic novel tries to imitate this long-lasting tradition, broken in «The Castle of Otranto» due to the peculiarities of its plot, and tends to concentrate on the author's narrative. Thus, in the XXI century novel we can observe the author's monologue given far more text space. This leads us to the conclusion that the essential reason for the variations in the text structure is the author's own devise.

Speaking about the lexical loading of the gothic novel, it has to be mentioned that H. Walpole uses lots of high flown words in his XVIII century novel, unlike D. Coates in the XXI century. In «The Castle of Otranto», we find hundreds of archaisms, and words of Romanic origin which are employed far more frequently than their Germanic synonyms, like: “to contract a marriage”, “apprehend the severity of the Prince's disposition”, “utter their surmises on this precipitation”, “a casque shaded with a proportionable quantity of sable plumes”, “endeavouring to partake and lessen the weight of sorrow” and so on [6, p. 3–18]. «The Haunting of Gillespie House» presents mostly bookish words relevant for modern times, for instance: “weird smells and obnoxious neighbours”, “elaborate ironwork swirls”, “skin prickled with unease”, “wrought-iron constraints”, “take a hesitant step into the room”, “savour the possibilities” etc. [2, p. 4–10]. In this case it can be seen that the artistic effect is mostly reached with the help of metaphors. Meanwhile the characters' direct speech in «The Castle of Otranto» is deliberately archaic from both lexical and grammatical points of view (“Villain! What sayest thou? How darest thou utter such treason? Thy life shall pay for it”, “I adjure thee by the souls of my ancestors, what was it thou sawest?”), while the author's monologue contains fewer archaisms [6, p. 26–27]. The artistic dialogue of «The Haunting of Gillespie House» refers to the past times too, but the author doesn't overload his dialogues with any excessively ancient words, which is the advantage of this novel for modern readers (“We were begat of darkness, and to darkness we must return”) [2, p. 47]. Thus, although modern authors can imitate ancience by using archaisms and historisms in their works, this means is only decorative.

It has to be pointed out that modern descriptions of the characters' feelings, interiors and exteriors are often portrayed with the help of such collocations as “a chill ran down my spine”, “gasped in amazement”, “a boiling anger”, “my heart thundered”, “black windows watching over the driveway”, “the house whiling away its years in hibernation”, “an aura of neglect”, “a mess of shadow that could hide innumerable monsters” etc [2, p. 34–39]. In the XVIII century novel such words as “virtuous”, “impious”, “afflicted”, “wretched”, “calamitous” were more widespread for the same purpose [5, p. 28–35]. As the author of «The Castle of Otranto» focuses on the inner state of the characters more than on the description of the interiors, there are more words connected with the description of feelings. It's also true that bookish high-flown words are used for picturing the interiors and exteriors in the modern novel, whereas the XVIII century novel employs them to refer to the characters' feelings and activities. Besides, the use of archaisms is more often observed in the author's narrative than in the artistic dialogue in both novels.

The results of the syntactic structure analysis of the gothic novel prove that its sentences are gradually simplifying as the time goes by. However, if we compare it to the average modern English novel we can notice that the gothic story still remains a complicated genre from the point of view of grammar. The results of the comparative analysis of the structural and syntactic aspects of the author's narrative in the novels by H. Walpole «The Castle Of Otranto» (1) and D. Coates «The Haunting of Gillespie House» are presented in the table below (see Table 1).

Examples to Table 1:

1.1 — *The night was cold and still* [5: 1]. — A simple sentence with two homogeneous predicates.

1.2. — *The girl slid her feet off the bed, shivering in the cold air but too entranced to search for her dressing gown* [5: 1]. — A simple sentence, complicated with a gerundial with two homogeneous adverbial modifiers.

2.1. — *The voices were slowly merging, their echoes and mutters colliding into a single voice* [5: 1]. — A compound sentence with two clauses and two homogeneous subjects in the second clause.

Structural and Syntactic Organisation of the Author's Narrative in the Novels by H. Walpole «*The Castle of Otranto*» (1) and D. Coates «*The Haunting of Gillespie House*» (2): Comparative Analysis

№	Sentence Types	Frequency, % (1)	Frequency, % (2)
1	Simple	28	34
1.1	Complicated with homogeneous parts	13 (max. 2)	23 (max.2)
1.2	Complicated with infinitive/gerundial/participle	3	7
1.3	Complicated with grammatical complexes	0	1 (max. 1)
2	Compound	4	19
2.1	Complicated with homogeneous parts	3 (max. 1)	11 (max. 3)
3	Complex	46	34
3.1	Complicated with homogeneous parts	34 (max. 4)	19 (max.2)
3.2	Complicated with infinitive/gerundial/participle	4	6
3.3	Complicated with grammatical complexes	3 (max. 2)	0
3.4	Max. of clauses	6	3
4	Mixed Type	22	13
4.1	Complicated with homogeneous parts	12 (max. 5)	8 (max. 4)
4.2	Complicated with infinitive/gerundial/participle	2	1
4.3	Complicated with grammatical complexes	3 (max. 3)	2 (max. 2)
4.4	Max. of clauses	7	2
	Sum Total	100	100

The aforementioned sentences can be compared those from the novel «*The Castle of Otranto*»:

2.1. — *Manfred, Prince of Otranto, had one son and one daughter: the latter, a most beautiful virgin, aged eighteen, was called Matilda [6: 13].* — A compound sentence with two clauses and prolonged introductory word combinations in the second clause.

3.1, 3.3. — ²(Should she, ³(as her heart prompted her), go and prepare Hippolita for the cruel destiny ⁴(that awaited her)), ¹she did not doubt but ⁵(Manfred would seek her there), since ⁶(his violence would incite^{co-x obj} [him to double] the injury ⁷(he mediated), without leaving room ^{co-x adv mod of purp} [for them to avoid] the impetuosity of his passions) [6:35]. — A complex sentence with seven clauses, six out of which are subordinate clauses, complicated with two grammatical complexes.

All in all, a conclusion has been made that no more than seven subordinate clauses can generally be found within a sentence, mostly — one or two clauses. The examples of complex sentences above can be compared to those presented in the XXI century novel:

3. — ¹The final room was clearly the master bedroom, probably² (where the Gillespies slept) [5:3]. — A complex sentence with two clauses, one of them being a subordinate clause.

It is noteworthy that the number of subordinate clauses has decreased in the XXI century novel. At the same time, the main clause has become longer. Thus, no more than three clauses can be found within a sentence in “The Haunting of Gillespie House”, and it is mostly just one clause here.

4.1, 4.3—1 The folly of these ejaculations brought Manfred to himself: ¹⁽²⁾yet whether provoked at the peasant having observed the resemblance between the two helmets, and thereby led to the farther discovery of the absence of that in the church, or wishing to bury any such rumour under so impertinent a supposition, he gravely pronounced that² (the young man was certainly a necromancer), and that³ (till the church could take cognisance of the affair, ⁴(he would have^{co-x obj} [the Magician], whom ⁵(they had thus detected), [kept prisoner] under the helmet itself, which ⁶(he ordered^{co-x obj} [his attendants to raise, and place the young man under it])); declaring⁷ (he should be kept there without food, with which ⁸(his own infernal art might furnish him)) [6: 22–23]. — A sentence of mixed type. These are two compound parts and seven subordinate clauses (nine clauses altogether). The second compound part is complicated with two homogeneous attributes and with a complex structure of a rather special kind. Instead of using an attributive clause describing the peasant, the author employs a participle phrase with two homogeneous components — “having observed” and “led”, thus complicating the clause even more. In modern English such structures with the perfect participle used as the attribute and describing prior actions of its headword are considered ungrammatical and requiring corrections. The fourth clause is complicated with a participle complex, while the sixth complex part is complicated with an infinitive complex.

4. — ¹The lower part of the castle was hollowed into several intricate cloisters; ¹⁽²⁾and it was not easy^{co-x subj} [for one under so much anxiety to find the door] (that opened into the cavern) [6: 36]. — A sentence of mixed type: with two compound and one complex part (three clauses altogether), complicated with a grammatical complex.

As is clear from Table 1, the results of our investigation have shown that the amount of simple sentences has risen from 28 % to 34 %, while compound sentences have become much more popular, having increased in number from 4 % to 19 %. We attribute this frequency rise to their comparatively easy perceptibility. The XVIII century gothic novel contains lots of complex sentences with numerous subordinate clauses, while compound and complicated sentences are more characteristic of the XXI cen-

tury novel. If the XVIII c. novel boasts 46 % of complex sentences, nowadays their frequency has decreased to 34 %. Complicated constructions used to constitute 22 % of all types of sentences in the novel, whereas there are only 13 % of them in the modern gothic story. We attribute the low speed simplification process to the genre particularities and the author's devise: the gothic stories must meet the high aesthetic criteria and feature a sophisticated form.

Table 2, compiled with the help of the research results obtained by I. Morozova [2, p. 81], looks at the specific unit grants of different sentence types in the author's monologue in modern novels of various genres, and the gothic novels of the XVII and XXI centuries.

Table 2

Specific Unit Number of Different Sentence Types in the Author's Monologue of the 1980–2000s Novel (1), the Gothic Novels «*The Castle Of Otranto*» (2) and «*The Haunting of Gillespie House*» (3)

№	Sentence Types	Frequency, % (1)	Frequency, % (2)	Frequency, % (3)
1	Simple	22.2	12	10
2	Compound	5	4	19
3	Complex	17.3	46	34
4	Mixed Type	42.3	22	13
5	Complicated (simple)	13.2	16	24
5.1	with homogeneous parts	1.3	13	23
5.2	with grammatical complexes	4.7	0	1
	Sum Total	100	100	100

As follows from Table 2, it has first to be pointed out that simple sentences are more popular in other genres than in the gothic novel, making up 22.2 % in the former and from 12 % to 10 % in the latter. However, a closer look at the complicated sentences frequency leads to the conclusion that these thrive in gothic novels and are becoming more and more popular. Their share is 16 % in “The Castle Of Otranto”, 24 % in “The Haunting of Gillespie House” and only 13.2 % in novels of other genres. As for the type of complication, in contrast to the results of the English modern novel investigation, homogeneous parts can be observed in gothic novels far more frequently (13 % in “The Castle Of Otranto” and 23 % in “The Haunting of Gillespie House”) than grammatical complexes that can hardly be detected there. Compound sentences make up 4 % and 19 % in the gothic novels “The Castle Of Otranto” and “The Haunting of Gillespie House”, respectively, and only 5 % in novels of other genres. Complex sentence sare employed with a frequency of 46 % in “The Castle Of Otranto” and 34 % in “The Haunting of Gillespie House” and only 17.3 % in other novels on average. Hence, these two sentence types are also much more common in the gothic novels. As for sentences of mixed type, they are more characteristic of other genres, counting 42.3 % of all cases here, but cropping up with a frequency of only 22 % and 13 % in the novels under study, i.e. “The Castle Of Otranto” and “The Haunting of Gillespie House”, respectively.

All in all, we explain the tendency to complication of the investigated genre with the authors' inclination to the intentional ancientifying of the text compared to the average modern English novel. This helps the author inspire the atmosphere of mystery and romance. Thus, a conclusion can be made about modern authors romancifying their works already on the syntactic level of the text.

References 1

1. Bredvold L. I. *The Literature of the Restoration and the Eighteenth Century 1660–1798* / Louis I. Bredvold. — Oxford University Press, 1950. — 192 p.
2. Морозова І. Б. Парадигматичний аналіз структури і семантики елементарних комунікативних одиниць у світлі гештальт-теорії в сучасній англійській мові : монографія / І. Б. Морозова. — Одеса : Друкарський дім, 2009. — 384 с.
3. Summers M. *The Gothic Quest — A History of the Gothic Novel* / M. Summers. — Fortune Press, 1938. — 433 p.
4. *The Oxford Companion to English Literature : Revised (Oxford Companions)* [ed. by Margaret Drabble]. — OUP Oxford; 6th edition, 2006. — 1172 p.
5. Coates D. *The Haunting of Gillespie House* / D. Coates. — E. : Revaluation Books, 2015. — 60 p.
6. Walpole H. *The Castle of Otranto* / H. Walpole. — L. : Tho. Lownds in Fleet-Street, 1765. — 239 p.

References 2

1. Bredvold, Louis I. (1950), *The Literature of the Restoration and the Eighteenth Century (1660–1798)*, Oxford University Press, 192 p.
2. Morozova, I. B. (2009), *Paradigmatic analysis of structure and semantics of the elementary communicative units in the light of the gestalt theory in the modern English language: monography* [Paradygmaticznyj analiz struktury i semantyky elementarnykh komunikatyvnykh odynyc' u svitli geshalt'teorii v suchasnij anglijs'kij movi : monografija], Drukars'kyj dim, Odessa, 384 p.
3. Summers, M. (1938), *The Gothic Quest — A History of the Gothic Novel*, Fortune Press, 433 p.

4. *The Oxford Companion to English Literature Revised* (Oxford Companions) (ed. : Margaret Drabble), (2006), OUP Oxford, 6th edition, 1172 p.
5. Coates, D. (2015), *The Haunting of Gillespie House*, Revaluation Books, 60 p.
6. Walpole, H. (1765), *The Castle of Otranto*, Tho. Lownds in Fleet-Street, London, 239 p.

ПОЖАРИЦЬКА Олена Олександрівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри граматики англійської мови
Одеського національного університету імені І. І. Мечникова;
Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; e-mail: morpo@ukr.net;
тел.: +38(050)9632062; ORCID ID: 0000-0003-4820-8129

ЄЖКОВА Аліна Геннадіївна,

студентка 4 курсу Одеського національного університету імені І. І. Мечникова;
Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; тел.: +38(095)7078828;
e-mail: yezhkova@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-4451-8579

МОРФОЛОГО-ЛЕКСИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ АНГЛІЙСЬКОГО ГОТИЧНОГО РОМАНУ: ДІАХРОНІЧНИЙ АНАЛІЗ

Анотація. *Мета* роботи — дослідження особливостей англійського готичного роману, зокрема історії та еволюційних змін в авторському наративі і художньому діалозі цього жанру в XVIII–XXI століттях. *Об'єктом* вивчення є авторський монолог і художній діалог у процесі розвитку, починаючи з другої половини XVIII ст. до наших днів. *Предметом* виступають еволюційні зміни морфологічної та синтаксичної організації авторського монологу та художнього діалогу в готичних романах. *У результаті* дослідження було встановлено відмінності в морфологічній та синтаксичній структурі англійського готичного роману в діахронії. *Висновки.* Визначено, що домінуючі літературні традиції розглянутих епох не впливають на загальну структуру тексту готичного роману. Цей факт свідчить про те, що жанр готичного роману є консервативним і характерним незалежно від часу творення тексту. Стосовно лексичної структури, варто відзначити, що на початку розвитку жанру в готичних романах було набагато більше високої лексики. Утім, архаїзми та історизми також можуть бути включені в сучасний текст для створення характерної атмосфери готики. Складносурядні, складно-підрядні і ускладнені прості речення наявні найчастіше в готичних романах як у XVIII, так і у XXI ст. Відбувається повільний процес спрощення структури, що є однією з особливостей жанру. Отже, готика покликана задовольняти високим естетичним критеріям. Діалектичну єдність форми і змісту відрізняє вишуканість і безпрецедентність.

Ключові слова: англійський готичний роман, готика, синтаксична структура, морфологічна організація, вибір лексики.

ПОЖАРИЦКАЯ Елена Александровна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики английского языка
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова;
Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; morpo@ukr.net;
тел.: +38 050 9632062; ORCID ID: 0000-0003-4820-8129

ЕЖКОВА Алина Геннадьевна,

студентка 4 курса Одесского национального университета имени И. И. Мечникова;
Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; тел.: +38 095 7078828;
e-mail: yezhkova@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-4451-8579

МОРФОЛОГО-ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОГО ГОТИЧЕСКОГО РОМАНА: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *Цель* данной работы — исследование особенностей английского готического романа, в том числе истории и эволюционных изменений в авторском наративе и художественном диалоге данного жанра в XVIII–XXI вв. *Объектом* исследования является авторский монолог и художественный диалог в процессе развития, начиная со 2-й пол. XVIII в. до наших дней. *Предметом* выступают эволюционные изменения в морфологической и синтаксической организации авторского монолога и художественного диалога в изучаемых готических романах. В *результате* исследования были выявлены различия в морфологической и синтаксической структуре английского готического романа в диахронии. *Выводы.* Установлено, что доминирующие литературные традиции рассматриваемых эпох не влияют на общую структуру текста готического романа. Данный факт свидетельствует в пользу того, что рассматриваемый жанр является консервативным и легкоузнаваемым независимо от времени создания текста. Что касается лексической структуры, стоит отметить, что в начале развития жанра в готических романах встречалось намного больше высокой лексики. Однако, архаизмы и историзмы также могут быть включены в современный текст с целью создания характерной атмосферы готики. Сложносочинённые, сложноподчинённые и осложнённые простые предложения встречаются чаще всего в готических романах как XVIII, так и XXI вв. Сравнительно медленный процесс упрощения структуры мы считаем одной из особенностей жанра. Таким образом, готика призвана удовлетворять высоким эстетическим критериям. Диалектическое единство формы и содержания отличается изысканностью и беспрецедентностью.

Ключевые слова: английский готический роман, готика, синтаксическая структура, морфологическая организация, выбор лексики.

Статтю отримано 18.09.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.28.115837>

УДК 811.161.1'243'366.58/.59:372.8

ЖУРАВЛЁВА Анна Сергеевна,

кандидат филологических наук, преподаватель русского языка кафедры славистики Университета Лилль 3; Domaine Universitaire du Pont de Bois, BP 60149, 59653 Villeneuve d'Ascq Cedex, France ; тел.: +333 20 416000; научная лаборатория MoDuCo, UMR 7114, CNRS университета Париж X — Нантер; Bâtiment A, Bureau 402B, 200 avenue de la République, 92001 Nanterre Cedex France ; тел. : +331 40 974179 ; e-mail: hannahzhu@list.ru; ORCID ID: 0000-0002-0180-8082

МЕТОДИКА ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ГЛАГОЛА В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Аннотация. *Цель* исследования — установить пути повышения эффективности преподавания русского глагола иностранным студентам, а именно, упростить и улучшить усвоение глагольных форм. *Объект* анализа — морфологические классификации и формы спряжения русского глагола. *Предмет* — морфологические особенности русского глагола и его классификации. На основе рассмотренного материала предлагаем дидактический *метод* изучения глагольных форм, который позволяет упростить и улучшить усвоение русского глагола иностранными студентами, особенно дебютантами. В *результате* проведённого исследования предложен дополнительный критерий частотности глаголов в речи, что позволит сократить объём механического заучивания форм и быстрее применять глагольные формы в устной и письменной речи. *Выводы:* данное исследование позволяет дополнить существующие классификации русского глагола критерием частотности, благодаря которому возможно более эффективное и продуктивное обучение русскому языку иностранных студентов, так как усвоение русского глагола как одной из наиболее сложных частей речи даёт возможность ускорить овладение русским языком на практике. *Практическое применение* результатов исследования возможно в решении вопроса оптимизации процесса преподавания русского глагола иностранным студентам, а также использовать данный дидактический метод при изучении других славянских языков и аспектов русского языка.

Ключевые слова: русский глагол, морфологическая классификация, спряжение, дидактический метод, частотность.

Постановка проблемы. Данное исследование посвящено морфологическим классификациям русского глагола, формам спряжения глаголов и трудностям их преподавания и изучения иностранным слушателям, которые не являются его носителями. В действительности, глагол представляет собой одну из самых сложных и объёмных частей речи. Изучение глагольной парадигмы предусматривает большой объём механического заучивания. Существует множество исключений, в процессе запоминания которых возникают многочисленные ошибки. Поэтому этот вопрос является особенно сложным для иностранных студентов. Теоретическая классификация является объёмной и включает в себя сложную систему спряжения в силу своего исторического развития, с большим количеством групп и подгрупп.

Постановка задач исследования. Цель данного исследования — установить пути повышения эффективности преподавания русского глагола иностранным студентам, а именно, упростить и улучшить усвоение глагольных форм. Объект анализа — морфологические классификации и формы спряжения русского глагола. Предмет — морфологические особенности русского глагола и его классификации. На основе рассмотренного материала в работе предложен дидактический метод преподавания и изучения глагольных форм, который позволяет упростить и улучшить усвоение русского глагола иностранными студентами, особенно дебютантами.

Связь с предыдущими исследованиями. Центральное место глагола в процессе освоения языка неоднократно подчёркивались русскими лингвистами XIX–XX веков В. В. Виноградовым, Ф. Ф. Фортунатовым, А. А. Потебнёй, А. М. Пешковским. В XIX–XX вв. глагол изучали также и французские слависты А. Мазон, П. Буайе, Ж. Веренк, Р. Лермитт. Первые грамматики старославянского и древнерусского языков заинтересовались глаголом, поскольку он имел множество грамматических категорий, а также сложную и объёмную систему личных форм спряжения, которая с течением времени подверглась значительным изменениям, в особенности в области категорий вида и времени. Категория вида является специфическим феноменом славянских языков и не существует в других индоевропейских языках. Поэтому изучение русского глагола непонятно и сложно для иностранцев. Древнерусская система времён была достаточно объёмной и включала четыре формы прошедшего времени, каждая со своим значением и две формы будущего сложного времени. Впоследствии их количество уменьшилось из-за развития оппозиции совершенного и несовершенного видов (к XIII в.), некоторые временные значения древнерусского глагола были заменены категорией вида. В современном русском языке эти две категории тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга. Благодаря развитию древней видо-временной системы (восемь форм), в русском языке сегодня существует всего три формы времени (настоящее, прошедшее и будущее).

Личные формы глагола в русском языке делятся на две большие группы (первое и второе спряжения), но знания инфинитива недостаточно, чтобы определить его тип спряжения. Поэтому учёные и

лингвисты всегда пытались упорядочить сложную систему русского глагола. Так, М. В. Ломоносов, автор «Русской грамматики» (1755), описывает русский язык с точки зрения особенностей разговорного языка своей эпохи [9]. Ломоносов опирается на грамматику Мелетия Смотрицкого, 1619 [8, с. 6], который подражает латинским и греческим описаниям и внедряет идеи Платона, Аристотеля, Доната, которые выделяют существительное и глагол в качестве главных частей речи, и перерабатывает идеи Смотрицкого. Учёные и лингвисты следуют сложившейся традиции и на протяжении веков предлагают описания глагольной системы, основанные на различных критериях, с целью решить все проблемы, встречающиеся в процессе изучения и преподавания личных форм спряжения с целью улучшить и облегчить усвоение многочисленных глагольных форм.

В XX в. С. Карцевский [21, с. 37–66] предлагает оригинальную глагольную классификацию, основанную исключительно на синхроническом принципе описания. Первая публикация научной работы осталась незамеченной французскими славистами. Однако предложение Карцевского является новаторским, так как предлагаемая классификация глаголов построена на основном принципе распределения всех глаголов на продуктивные и непродуктивные классы (типы), а личные формы глагола считаются вторичными. Критерий продуктивности / непродуктивности глагольных основ, открытый Карцевским, используется в большинстве глагольных классификаций в настоящее время. А. Мазон [25, с. 155–262] критиковал работу Карцевского, смешивая понятия *частотности* и *продуктивности*. По его мнению, непродуктивные глаголы являются *живыми* с точки зрения словарного запаса, то есть с точки зрения их употребления. Другими словами, он считал необоснованным разделение на продуктивные и непродуктивные глаголы, поскольку и те и другие одинаково часто употребляются в речи. Этот негативный факт нейтрализует видимые различия синхронического метода описания и повышает значимость исторического подхода в изучении глагольных классификаций и личных форм спряжения, используемого самим Мазоном, а также другими славистами, такими как Лескин и П. Буайе [16, с. 415–456]. П. Гард [20, с. 295–378], Р. Лермитт [24], Ш.-Ж. Веренк [27] и другие лингвисты следуют идеям Карцевского, разделяя все глаголы на две большие группы, продуктивные и непродуктивные, относя их к первому или второму спряжению и подразделяя их, в свою очередь, на продуктивные и непродуктивные группы в зависимости от наличия или отсутствия *дифференциального* суффикса в основе инфинитива и его типа. Таким образом, П. Гард насчитывает всего пять групп, в которые входят четыре продуктивных типа, непродуктивные типы (примерно 60 основ) и неправильные глаголы, которые он называет *этероклассическими* [20, с. 374].

В настоящее время русские лингвисты разделяют все глаголы в зависимости от личных окончаний на два спряжения, сопоставляя основу инфинитива и настоящего времени с тематическими гласными *-е* (у глаголов первого спряжения) и */-и* (второго спряжения): «Классификация глаголов основана на окончаниях настоящего (морфологического) времени. Описание личных глагольных форм основано на орфографическом принципе» [18, с. 268].

Соотношение основ инфинитива и настоящего времени легло в основу классификаций, представленных в академических грамматиках, а также в последующих трудах, разработанных, по традиции, на их основе, например, В. В. Виноградовым [3, с. 531–576]), Н. Ю. Шведовой [14], А. А. Зализняком [5, с. 77–142]. Критерий продуктивности (способность глагольных основ производить новые глаголы) также является основополагающим. Он лёг в основу большинства классификаций, предложенных русскими славистами XX–XXI веков.

Французские слависты очень долго придерживались модели классификации, предложенной Буайе [16, с. 415–456], основанной на историческом принципе, а критерий продуктивности, введённый Карцевским, отвергался и критиковался. В XX веке его практическую значимость осторожно подчеркнул Ж. Легра [23, с. 33–50]. Ж. Веренк [27] переработал классификацию С. Карцевского. Р. Лермитт и П. Гард [24; 20] внедряют критерий продуктивности, так же как и последующие грамматики русского языка, вышедшие во Франции и разработанные в основном с педагогическими целями [18, с. 22]. В других русских и французских классификациях [8, с. 33; 1, с. 11–32; 26; 20; 18] внедрён дополнительный критерий подвижности ударения (акцентологический), который был отвергнут в силу своей неэффективности П. Буайе [16, с. 415–456].

Таким образом, большинство появившихся в конце XX века грамматик, предназначенных для русскоговорящих слушателей и для студентов, которые не являются носителями языка, предназначены, в основном, для практического использования в процессе преподавания или изучения языка, в том числе и русского глагола [11]. Однако существующие классификации русского глагола сложны, многочисленны и несовершенны, поэтому они неэффективны при изучении русского языка. Изучение глагольной парадигмы предусматривает большой объём механического заучивания. К тому же, существует множество исключений, в процессе запоминания которых возникают ошибки. Поэтому этот вопрос является особенно сложным для иностранных студентов.

Изложение основного материала. Традиционный способ разделения глаголов на два спряжения и выделение продуктивных и непродуктивных глаголов является неэффективным для нерусскоговорящей публики. В процессе обучения возникает проблема, с которой учащийся не может справиться самостоятельно. Для того, чтобы определить тип спряжения (первое или второе), нужно

знать личные формы глагола, и наоборот, для того, чтобы проспрягать глагол, необходимо знать тип его спряжения. Определить является ли глагол продуктивным или непродуктивным тоже довольно сложно, особенно на начальном этапе изучения языка. В таких условиях возможно лишь немного сократить количество заучиваемых наизусть форм каждого отдельного глагола до трёх (настоящее и будущее простое время). Следовательно, чтобы правильно проспрягать глагол, студенту необходимо запомнить форму первого лица единственного числа и форму третьего лица множественного числа, которая позволит определить тип спряжения. Форма второго лица ед. числа дополнит недостающие формы и даст информацию о возможных чередованиях; если они присутствуют в этой форме, то обычно проявляются в шести спрягаемых формах, например: *писать* — *пишу, пишешь, пишет, пишут*. В этой связи позиция А. А. Леонтьева о необходимости учитывать социальный статус и знания обучаемого, данные разных наук для применения оптимальной методики обучения языку, сегодня продолжает быть актуальной. Её неоднократно цитируют современные учёные и методисты [10].

Чтобы избежать традиционного способа заучивания наизусть, логичным является решение теоретической проблемы дидактически. Теоретическая классификация, являясь объёмной и включая в себя сложную парадигму спряжения, неудобна и неэффективна на практике. Исходя из опыта преподавательской и научной работы, предлагаем дидактический метод преподавания и изучения глагольных форм, который позволит упростить и улучшить усвоение глагольных форм иностранными студентами в процессе обучения. Мы учитываем соотношение основ инфинитива и настоящего времени, наличие продуктивных в русском языке словообразующих аффиксов и личных окончаний. Основываясь для разграничения групп глаголов считаем критерий продуктивности, однако предлагаем дополнительный критерий — критерий частотности употребления глагола в речи. Критерий продуктивности подходит для теоретической классификации, но является неэффективным на практике, так как самые часто употребляемые глаголы непродуктивны. Это, например, неправильные, изолированные глаголы, обладающие древними архаичными формами: *есть, быть, дать*.

Предлагаем разделить глаголы русского языка на те, которые не имеют изменений в глагольной основе при спряжении, и те, которые отражают исторические процессы эволюции на фонетическом, морфологическом и словообразовательном уровнях, то есть предлагаем учитывать наличие или отсутствие исторических чередований и тех или иных аффиксов, например: *-ова- (-ева-), -н(у)-, -ва-, -а- (-я-), -и-, -е-*. Предлагаем изучать глагольные формы руководствуясь принципом постепенного усложнения, то есть вначале изучать самые часто употребляемые, после реже употребляемые глаголы и, в последнюю очередь, редко употребляемые глаголы, которые не имеют изменений в основе при спряжении на орфографическом уровне, например: *чита-ть* — *чита-ю, дума-ть* — *дума-ю, зна-ть* — *зна-ю, работа-ть* — *работа-ю, име-ть* — *име-ю* (1)¹; *испытыва-ть* — *испытыва-ю; поддержива-ть* — *поддержива-ю, боле-ть* — *боле-ю* (2); *рассчита-ть* — *рассчита-ю, заболел-ть* — *заболел-ю* (3). Следует отметить, что орфографический принцип необходим для организации групп на дидактическом уровне. После этого следует изучать глаголы, имеющие определённые изменения в глагольной основе, такие как исторические чередования, замена либо исчезновение аффиксов, в зависимости от уровня владения языком соответственно, например, *-ова- (-ева-), -н(у)-, -ва- : использ-ова-ть* — *использ-у-ю, чувств-ова-ть* — *чувств-у-ю; верн-у-ться* — *верн-у-сь; дава-ть* — *да-ю, остава-ться* — *оста-юсь* (1). На втором этапе изучения языка можно овладеть реже употребляемыми глаголами, имеющими какие-либо изменения в глагольной основе, в том числе образованные от соответствующих часто употребляемых основ, с помощью словообразовательных аффиксов, например, *присутств-ова-ть* — *присутств-у-ю, танц-ева-ть* — *танц-у-ю; поверн-у-ться* — *поверн-у-сь, просну-ться* — *просн-у-сь; отдава-ть* — *отда-ю, встава-ть* — *вста-ю, признава-ться* — *призна-юсь* (2). На этапе углублённого изучения языка можно расширить и обогатить знания редко употребляемыми глаголами, в том числе и образованными от соответствующих основ, например, *привлека-ть* — *привлека-ю; преодол-ть* — *преодол-ю; рекоменд-ова-ть* — *рекоменд-у-ю; обман-у-ть (tromper)* — *обман-у, достава-ть* — *доста-ю* (3).

Результатом нашего исследования является улучшение морфологической классификации глаголов для удобного практического использования системы глагольных форм в практическом изучении и преподавании. С этой целью создавались и предшествующие теоретические, практические и школьные грамматики, однако все они громоздки и недостаточно эффективны в изучении глагольной системы. Глаголы группируются в два спряжения и на морфологические классы, группы и подгруппы, основываясь на основных морфологических критериях. Описание получается подробным и сложным, где количество групп, включающих в себя лишь несколько глагольных основ, оказывается многочисленным, особенно для непродуктивных глаголов. В грамматиках, появившихся

¹ Цифра после глагола соответствует индексу его частотности, а также уровню владения языком студента, для которого предназначены данные глаголы в дидактическом плане: (1) часто употребляемые глаголы, предназначенные для дебиантов и начального этапа изучения языка. (2) реже употребляемые глаголы, предназначенные для продолжающих изучение русского языка студентов. (3) редко употребляемые глаголы для углублённого изучения русского языка.

во Франции также не имеется глагольных классификаций, удобных в использовании на практике. Они основаны на фонологическом принципе, что требует от студента предварительных дополнительных знаний по фонологии, а именно, фонологической транскрипции, которая не совпадает с написанием и орфографическими принципами, что усложняет процесс обучения, особенно на начальном этапе изучения языка (уровень А1.). Институт Пушкина в Москве [15] предлагает преподавание русского языка как иностранного по трём уровням А, В и С и ставит цель начального уровня элементарного владения языком (А1) : 1) «читать и писать по-русски»; 2) «произносить русские звуки, слова и фразы».

Основываясь на Общеввропейской компетенции владения иностранным языком [15], в соответствии с которой рекомендуется для первого уровня (А1 и А2), преподавание / изучение «знакомых и повседневных выражений», а именно, самых частотных употреблений в речи, мы предлагаем к основным критериям глагольных классификаций добавить критерий *частотности* в качестве дополнительного критерия в изучении глагольных форм.

Процесс обучения языку должен быть *комфортным*, то есть простым и понятным. Студенту, особенно на начальном этапе изучения языка (уровни А1 и А2), трудно усвоить все глаголы русского языка в процессе общения. Необходимо ориентироваться на наиболее употребительные. Достаточным является усвоение 400 глаголов в год. Впоследствии студент может продолжить изучение новых форм, учитывая частотность их употребления (реже употребляемые глаголы, уровни В1 и В2) и при углублённом изучении обогатить свой словарный запас редко употребляемыми глаголами (на уровнях С1 и С2).

Приходим к **выводу**, что с дидактической точки зрения предлагаемый метод обучения позволяет изучать / преподавать глагольные формы поступательно, начиная с самых часто употребляемых глаголов без каких-либо морфологических особенностей, например, чередований. Затем рассматриваем частоупотребительные основы с чередованиями, продолжая процесс обучения с реже употребляемыми глаголами и заканчиваем редко встречающимися глаголами. Этот метод позволяет ускорить процесс обучения и преподавания, усвоения и использования изученного материала на практике, то есть даёт возможность учащемуся начать говорить и выражать свои мысли и активно использовать глагольные формы в процессе общения.

Предлагаем примеры организации глаголов по группам с учётом морфологических критериев.

Таблица 1

Группы глаголов без чередований¹

Группы I, II, III.	Морфологические критерии	Примеры ¹
I. Основы без изменений на орфографическом уровне ² :		
1. Глаголы на -ать (-ять) В инфинитиве заканчиваются на <i>-ать (-ять)</i> и на <i>-ают (-яют)</i> в 3 л. мн. ч. наст. вр.	<i>-ать(-ять) → -ают (-яют)</i> /a/ /aj̯/ тематическая гласная e 1 спряжение	<i>дума-ть — дума-ю, дума-ешь, дума-ют; дела-ть — дела-ю, дела-ешь, дела-ют (1);</i> <i>испытыва-ть — испытыва-ю, испытыва-ешь, испытыва-ют ; поддержива-ть — поддержива-ю, поддержива-ешь, поддержива-ют(2);</i> <i>привлека-ть — привлека-ю, привлека-ешь, привлека-ют [привлекаj̯-]; прыга-ть — прыга-ю, прыга-ешь, прыга-ют (3);</i>
2. Глаголы на -еть В инфинитиве заканчиваются на <i>-еть</i> и на <i>-еют</i> в 3 л. мн. ч. наст. вр.	<i>-еть → -еют</i> /e/ /ej̯/ тематическая гласная e 1 спряжение	<i>име-ть — име-ю, име-ешь, име-ют; успе-ть — успе-ю, успе-ешь, успе-ют (1);</i> <i>боле-ть — боле-ю, боле-ешь, боле-ют; жале-ть — жале-ю, жале-ешь, жале-ют(2);</i> <i>заболе-ть — заболе-ю, заболе-ешь, заболе-ют;</i> <i>преодоле-ть — преодоле-ю, преодоле-ешь, преодоле-ют(3).</i>
II. Изменение элементов основы наст. времени (аффиксы ⁴) :	Изменение аффиксов :	
3. Глаголы на -ать Суффикс <i>-ова- (-ева-)</i> меняется на <i>-у- (-ю-)</i> в наст. времени	<i>-овать (-евать) → -уют (-юют)</i> <i>-ова-/-ева- → -у- (-ю-)</i> /ova/ /u/ тематическая гласная e 1 спряжение	<i>след-ова-ть — след-у-ю, след-у-ешь, след-у-ют;</i> <i>существ-ова-ть — существ-у-ю, существ-у-ешь, существ-у-ют (1);</i> <i>присутств-ова-ть — присутств-у-ю, присутств-у-ешь, присутств-у-ют; свидетельств-ова-ть — свидетельств-у-ю, свидетельств-у-ешь, свидетельств-у-ют;(2) ;</i> <i>исслед-ова-ть — исслед-у-ю, исслед-у-ешь, исслед-у-ют; контролир-ова-ть — контролир-у-ю, контролир-у-ешь, контролир-у-ют(3).</i>

¹ Подобным образом сгруппированы глаголы, в которых имеются чередования, учитывая особенности морфологического строения, наличия / отсутствия аффиксов и элементов основы, а также уровень владения языком.

Группы I, II, III.	Морфологические критерии	Примеры ¹
4. Глаголы на -уть⁵ 4.1. Инфинитив заканчивается на <i>-нуть</i> , а в 3 л. мн. ч. наст. вр. заканчиваются на <i>-нут</i> . Эти глаголы сохраняют суффикс <i>-ну-</i> в прошедшем времени. 4.2. Инфинитив заканчивается на <i>-нуть</i> , а в 3 л. мн. ч. наст. вр. заканчиваются на <i>-нут</i> . Эти глаголы теряют суффикс <i>-ну-</i> в прошедшем времени	<i>-(ну)ть</i> → <i>(н)ут</i> <i>-ну-</i> → <i>-н-</i> <i>/ni//n/</i> (суффикс <i>-ну-</i> в прош. вр. присутствует) тематическая гласная е 1 спряжение <i>-ну-</i> → <i>-н-</i> <i>ni//n</i> теряют суффикс <i>-ну-</i> в прош. вр. <i>ну//Ø</i> <i>ni//Ø</i> тематическая гласная е 1 спряжение	<i>верну-ться</i> — <i>верн-усь</i> , <i>верн-ёшься</i> , <i>верн-утся</i> ; <i>улыбну-ться</i> — <i>улыбн-усь</i> , <i>улыбн-ёшься</i> , <i>улыбн-утся</i> (1); <i>взгляну-ть</i> — <i>взглян-у</i> , <i>взглян-ешь</i> , <i>взглян-ут</i> ; <i>поверну-ться</i> — <i>поверн-усь</i> , <i>поверн-ёшься</i> , <i>поверн-утся</i> (2) ; <i>выну-ть</i> — <i>вын-у</i> , <i>вын-ешь</i> , <i>вын-ут</i> ; <i>гляну-ть</i> — <i>глян-у</i> , <i>глян-ешь</i> , <i>глян-ут</i> (3). <i>возникну-ть</i> — <i>возникн-у</i> , <i>возникн-ешь</i> , <i>возникн-ут</i> ; <i>возник</i> , <i>возникл-а</i> , <i>возникл-и</i> ; <i>исчезну-ть</i> — <i>исчезн-у</i> <i>исчезн-ешь</i> , <i>исчезн-ут</i> ; <i>исчез</i> , <i>исчезл-а</i> , <i>исчезл-и</i> (1) ; <i>пахну-ть</i> — <i>пахн-у</i> , <i>пахн-ешь</i> , <i>пахн-ут</i> ; <i>пах</i> , <i>пахл-а</i> , <i>пахл-и</i> (2) ; --- (3)
III. Потеря элементов (аффиксов) основы наст. вр.	Потеря аффиксов	
5. Глаголы на -ать Потеря аффикса -ва- в наст. времени Инфинитив заканчивается на <i>-ать</i> , а в 3 л. мн. ч. наст. вр. заканчиваются на <i>-ют</i> .	<i>-а(ва)ть</i> → <i>-ют</i> <i>ва//Ø</i> <i>ва//Ø</i> тематическая гласная е 1 спряжение	<i>дава-ть</i> — <i>да-ю</i> , <i>да-ёшь</i> , <i>да-ют</i> (<i>ils donnent</i>) ; <i>остава-ться</i> — <i>оста-юсь</i> , <i>оста-ёшься</i> , <i>оста-ются</i> (1); <i>отдава-ть</i> — <i>отда-ю</i> , <i>отда-ёшь</i> , <i>отда-ют</i> ; <i>встава-ть</i> — <i>вста-ю</i> , <i>вста-ёшь</i> , <i>вста-ют</i> (2) ; <i>придава-ть</i> — <i>прида-ю</i> , <i>прида-ёшь</i> , <i>прида-ют</i> ; <i>сдава-ть</i> — <i>сда-ю</i> , <i>сда-ёшь</i> , <i>сда-ют</i> (3).

¹ В дидактических целях мы оставляем примеры 1 и 2 л. ед.ч. и 3 л. мн.ч. Форма 3 л. мн.ч. позволяет увидеть тип спряжения (первое / второе), 2 л. ед. ч. указывает на тематическую гласную (-е- или -и-), что позволяет восстановить полную парадигму глагола. Три представленные формы показывают также наличие / отсутствие возможных чередований (только в 1 л. ед. ч., либо в 1 л. ед. ч. и в 3 л. мн. ч. параллельно). Методом дедукции, если во 2 л. ед.ч. имеется чередование, то оно присутствует во всех формах спряжения. Эти три формы необходимо знать, чтобы правильно спрягать глагол.

² Фонологическая транскрипция критериев присутствует наряду с орфографическим принципом в данной таблице с целью провести связь между традиционной классификацией и критериями, которые используются в предложенном методе обучения. Орфографияический принцип необходим для организации групп на дидактическом уровне.

³ Интервокальный *-j-*

⁴ Суффиксы

⁵ В глаголах четвертой группы на *-уть* происходит изменение суффикса *-ну-* → *-н-* в настоящем времени. Это единственная группа, где наблюдается различие основ инфинитива и прошедшего времени. Подгруппа 4.2. представляет особенности группы II (изменение аффиксов настоящем времени : суффикс *-ну-* инфинитива изменяется на *-н-* в наст. вр.), а также имеет особенности группы III (потеря аффикса в основе: суффикс *-ну-* исчезает в прошедшем времени). В дидактических целях мы помещаем промежуточную подгруппу 4.2. в группу II, что позволяет объединить глаголы на *-(н)уть* в одну группу.

Литература

1. Белякова Н. Н. Как строится русский глагол? Особенности формообразования : морфология, ударение / Н. Н. Белякова. — СПб. : Златоуст, 2002. — 96 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. — М. : Высшая школа, 1972. — 616 с.
3. Грамматика русского языка : в 2 т. / [Академия наук СССР; Ин-т рус. яз.]. — М., 1960. — Т. 1. — 720 с.
4. Грамматика современного русского литературного языка. / [АН СССР; ред. Н. Ю. Шведова]. — М. : Наука, 1970. — 768 с.
5. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение / А. А. Зализняк. — М. : Русские словари, 2003. — 800 с.
6. Комте Р. [Comtet R.], О классификации славянского глагола в первой половине XX века : Поль Буайе, Сергей Карцевский и Антуан Мейе / Р. Комте // Вопросы языкознания. — М., 2006. — № 1. — С. 102–122.
7. Краткая русская грамматика / [АН СССР; ред. Н. Ю. Шведова, В. В. Лопатин]. — М. : Ин-т рус. яз. им. В. Б. Виноградова, 2002. — 726 с.
8. Кузьмина Е. А. Грамматика Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Е. А. Кузьмина, М. Л. Ремнёва. — М. : МГУ, 2000. — 527 с.
9. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений : в 11 т. Том седьмой: Труды по филологии 1739–1758 гг. / М. В. Ломоносов. — М. — Л. : АН СССР, 1952. — Т. 7. — 993 с.
10. Лысакова И. П. К вопросу о понятийном аппарате дисциплин «Лингвокультурология» и «Межкультурная коммуникация» [Электронный ресурс] / И. П. Лысакова. — URL: <http://uapryal.com.ua/training/lyisakova-i-p-k-voprosu-o-ponyatiynom-apparate-distiplin-lingvokulturologiya-i-mezhkulturnaya-kommunikatsiya/3/> — Время доступа : 09.09.2017
11. Лысакова И. П. Методика обучения русскому языку как иностранному / И. П. Лысакова. — СПб., 2016. — 320 с.
12. Частотный словарь современного русского языка / Под ред. О. Н. Ляшевской, С. А. Шарова. — М.: Азбуковник, 2009. — 1090 с.

13. Пирогова Л. И. Спряжение русского глагола / Л. И. Пирогова. — М. : Русский язык, 1978. — 320 с.
14. *Русская грамматика* : в 2 т. / [АН СССР; ред. Н. Ю. Шведова]. — М. : Наука, 1980.
15. *Сайт Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина*. — URL: <https://pushkininstitute.ru/learn?locale=ru> — Время доступа : 09.09.2017
16. Boyer P. De l'accentuation du verbe russe / P. Boyer // Recueil de mémoires publié par les professeurs de l'École. — Paris : Centenaire de l'École des langues orientales, 1895. — p. 415–456.
17. Boyer P., Grammaire russe / P. Boyer. — Paris : École de langues orientales vivantes, 1909–1910. — 577 p.
18. Comtet R. Grammaire du russe contemporain / R. Comtet. — Toulouse : Presses universitaires du Mirail, 1997 rééd. 2002. — 374 p.
19. Comtet R. La classification du verbe slave comme enjeu franco-russe dans la première moitié du XXe siècle : Paul Boyer, Serge Karcevski et Antoine Meillet / R. Comtet // Slavica occitania. — Toulouse, 2003. — № 17. — P. 267–316.
20. Garde P. Grammaire russe. Phonologie. Morphologie / P. Garde. — Paris : Institut d'études slaves, 1980 rééd. 1998. — 268 p.
21. Karcevski S. Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique / S. Karcevski. — Paris : Institut d'études slaves, 1927 rééd. 2004. — 182 p.
22. Kor Chahine I. Grammaire russe : les structures de base / I. Kor Chahine, R. Roudet. — Paris: Ellipses, nouvelle édition revue et augmentée, 2003 rééd. 2009. — 256 p.
23. Legras J. Précis de grammaire russe / J. Legras. — Paris : Librairie Olenдорф, 1922. — 52 p.
24. L'Hermitte R. Éléments de grammaire générale du russe / R. L'Hermitte. — Clermont-Ferrand, 1989. — 194 p.
25. Mazon A. Grammaire de la langue russe. — 4e éd. / A. Mazon. — Paris Institut d'études slaves, 1963. — 368 p.
26. Pauliat P. Grammaire russe / P. Pauliat. — Paris : Librairie Marcel Didier, 1976. — 255 p.
27. Veyrenc Ch. J. Grammaire du russe / Ch. J. Veyrenc. — Paris : Presses Universitaires, Que sais-je?, 1968, № 1278. — 125 p.

References

1. Beljakova, N. N. (2002), *How is the Russian Verb Constructed? The particularities of construction of forms : morphology, accentuation [Kak Strojitsja russkij glagol? Osobennosti formirovanija : morfologija, udarenie]*, Zlatoust, Saint-Petersburg, 96 p.
2. Vinogradov, V. V. (1972), *Russian Language. The Grammatical Study of the Word [Russkij jazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove]*, Vysshaja shkola, Moscow, 616 p.
3. Vinogradov V. V., ed. (1960), *Grammar of the Russian Language : in 2 vol. [Grammatika russkogo jazyka : v 2 t., red. V. V. Vinogradov]*, USSR Academy of Science, Inst. of the Russian Language, Moscow, vol. 1, 720 p.
4. Shvedova, N. Yu., ed. (1970), *The Grammar of Contemporary Literary Russian Language [Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka, red. N. Yu. Shvedova]*, USSR Academy of Science, Nauka, Moscow, 768 p.
5. Zaliznjak, A. A., ed. (2003), *Grammatical Dictionary of Russian. Inflection [Grammaticheskij slovar' russkogo jazyka. Slovoizmenenie, red. A. A. Zaliznjak]*, Russkie slovari, Moscow, 800 p.
6. Comtet, R. (2006), "On the Classification of Slavic Verbs in the First Half of the 20th Century : Pol' Buaje, Sergej Karcevskij i Antuan Meje", *Topics in the study of language* ["O klassifikacii slavjanskogo glagola v pervoj polovine XX veka : Pol' Buaje, Sergej Karcevskij i Antuan Meje", *Voprosy jazykoznanija*], Moscow, vol. 1, pp. 102–122.
7. Shvedova, N. Yu. ed. (2002), *The Abridged Russian Grammar [Kratkaja russkaja grammatika, red. N. Yu. Shvedova, V. V. Lopatin]*, V. V. Vinogradov Inst. of the Russ. Lang., Moscow, 726 p.
8. Kuz'minova, E. A., Remnëva, M. L. (2000), *The grammar books by Lavrentij Zizanij and Meletij Smotrickij [Grammatiki Lavrentija Zizanija i Meletija Smotrickogo]*, Moscow Lomonosov State University, Moscow, 527 p.
9. Lomonosov, M. V. (1952), *The Complete Works. 7th volume. Philological works, years 1739 to 1758 [Polnoe sobranie sochinenij. Sed'moj tom. Trudy po filologii 1739—1758 g.g.]*, USSR Academy of Science, Moscow & Leningrad, vol. 7, 993 p.
10. Lysakova, I. P. *On the Question of the Conceptual Apparatus of Disciplines «Lingvoculturology» and «Intercultural Communication» [K voprosu o ponjatijnom apparate disciplin «Lingvokul'turologija» i «Mezhkul'turnaja kommunikacija»]*, available at : <http://uapryal.com.ua/training/lyisakova-i-p-k-voprosu-o-ponyatiynom-apparate-distiplini-lingvokulturologiya-i-mezhkulturnaya-kommunikatsiya/3/>
11. Lysakova, I. P. (2016), *Method of Teaching Russian as a Foreign Language [Metodika obuchenija russkomu jazyku kak inostrannomu]*, Saint-Petersburg, 320 p.
12. Ljashevskaja, O. N. ed. (2009), *Dictionary of Frequency of Contemporary Russian [Chastotnyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka, red. O. N. Ljashevskaja, S. A. Sharov]*, Azbukovnik, Moscow, 1090 p.
13. Pirogova, L. I. (1978), *The Conjugation of Russian Verbs [Sprjazhenie russkogo glagola]*, Russkij jazyk, Moscow, 320 p.
14. Shvedova, N. Yu., ed. (1980), *Russian Grammar : in 2 vol. [Russkaja grammatika : v 2 t., red. N. Yu. Shvedova]*, Nauka, Moscow, 1980.
15. *The site of the State Institute of Russian Language of Pushkin [Sajt Gosudarstvennogo instituta russkogo jazyka im. A. S. Pushkina]*, available at : <https://pushkininstitute.ru/learn?locale=ru>
16. Boyer, P. (1895), "De l'accentuation du verbe russe", *Recueil de mémoires publié par les professeurs de l'École*, Centenaire de l'École des langues orientales, Paris, p. 415–456.
17. Boyer, P. (1909–1910), *Grammaire russe*, École de langues orientales vivantes, Paris, 577 p.
18. Comtet, R. (1997 rééd. 2002), *Grammaire du russe contemporain*, Presses universitaires du Mirail, Toulouse, 374 p.
19. Comtet, R. (2003), "La classification du verbe slave comme enjeu franco-russe dans la première moitié du XXe siècle: Paul Boyer, Serge Karcevski et Antoine Meillet", *Slavica occitania*, Toulouse, No 17, p. 267–316.
20. Garde, P. (1980 rééd. 1998), *Grammaire russe. Phonologie. Morphologie*, Institut d'études slaves, Paris, 268 p.
21. Karcevski, S. (1927 rééd. 2004), *Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique*, Institut d'études slaves, Paris, 182 p.
22. Kor Chahine, I., Roudet, R. (2003 rééd. 2009), *Grammaire russe: les structures de base, nouvelle édition revue et augmentée*, Ellipses, Paris, 256 p.

23. Legras, J. (1922), *Précis de grammaire russe*, Librairie Olenдорff, Paris, 52 p.
 24. L'Hermitte, R. (1989), *Éléments de grammaire générale du russe*, Clermont-Ferrand, 194 p.
 25. Mazon, A. (1963), *Grammaire de la langue russe*, Institut d'études slaves, Paris, 4e éd., 368 p.
 26. Pauliat, P. (1976), *Grammaire russe*, Librairie Marcel Didier, Paris, 255 p.
 27. Veyrenc, Ch. J. (1968), *Grammaire du russe*, Presses Universitaires, Que sais-je?, Paris, No 1278, 125 p.

ЖУРАВЛЬОВА Ганна Сергіївна,

кандидат філологічних наук, викладач російської мови кафедри славистики Університету Лілля 3; Domaine Universitaire du Pont de Bois, BP 60149, 59653 Villeneuve d'Ascq Cedex, France; тел.: +333 20 416000; наукова лабораторія MoDyCo, UMR 7114, CNRS університету Париж X — Нантер; Bâtiment A, Bureau 402B, 200 avenue de la République, 92001 Nanterre Cedex France; тел.: +331 40 974179; e-mail: hannazhu@list.ru; ORCID ID: 0000-0002-0180-8082

МЕТОДИКА ПІДВИЩЕННЯ ЕФЕКТИВНОСТІ ВИКЛАДАННЯ І ВИВЧЕННЯ РОСІЙСЬКОГО ДІЄСЛОВА В ІНОЗЕМНІЙ АУДИТОРІЇ

Анотація. *Мета* дослідження — встановити шляхи підвищення ефективності викладання російського дієслова іноземним студентам, а саме, спростити і поліпшити засвоєння дієслівних форм. *Об'єкт* аналізу — морфологічні класифікації та форми відмінювання російського дієслова. *Предмет* — морфологічні особливості російського дієслова та його класифікації. На основі розглянутого матеріалу пропонуємо дидактичний метод вивчення дієслівних форм, який дає змогу спростити й поліпшити засвоєння російського дієслова іноземними студентами, зокрема дебютантами. У *результаті* проведеного дослідження запропоновано додатковий критерій частотності дієслова у мовленні, що уможливорює скорочення обсягу механічного заучування форм і швидше застосування дієслівних форм в усній та письмовій мові. **Висновки:** дослідження доповнює наявні класифікації російського дієслова критерієм частотності, завдяки якому стає можливим більш ефективне й продуктивне навчання російської мови іноземними студентами, бо засвоєння російського дієслова, найскладнішої частини мови, дає можливість прискорити практичне оволодіння російською мовою. *Застосування* результатів дослідження пропонуємо у вирішенні питання оптимізації процесу викладання російського дієслова іноземним студентам, а також у вивченні інших слов'янських мов і аспектів російської мови.

Ключові слова: російське дієслово, морфологічна класифікація, дівідміна, дидактичний метод, частотність.

Hanna S. ZHURAVLIOVA,

Doctor of Language Science, teacher of Russian in the Slavistic Department of Lille 3 University; Domaine Universitaire du Pont de Bois, BP 60149, 59653 Villeneuve d'Ascq Cedex, France ; tel.: +333 20 416000; Research Laboratory MoDyCo, UMR 7114, CNRS University of Paris X—Nanterre; Bâtiment A, 4ème étage, Bureau 402B, 200 avenue de la République, 92001 Nanterre Cedex France ; tel.: +331 40 974179; e-mail: hannazhu@list.ru; ORCID ID: 0000-0002-0180-8082

METHOD FOR IMPROVING THE EFFICIENCY OF TEACHING AND LEARNING OF THE RUSSIAN VERBS BY FOREIGN STUDENTS

Summary. The *purpose* of the article is to improve the efficiency of teaching Russian verbs to foreign students, and to expedite their learning process; to wit : to simplify and improve the assimilation of verb forms by the foreign students being taught. The *object* of the analysis is the morphological classifications and the forms of conjugation of Russian verbs. The *subject* is the morphological characteristics of Russian verbs and their classifications, which are complex, numerous and imperfect, so they are not efficient when learning the Russian language by students that are not Russian. Learning the verbal paradigm needs a great amount of mechanical memorizing. There are numerous exceptions in learning and arising exceptions and errors. That is why this question is particularly complicated to foreign students. The theoretical classification happens to be voluminous and includes the complex system of conjugation due the historical evolution with a large number of groups and subgroups. From the studied data on the question, we offer the didactical *method* of teaching and learning the verbal forms which allows to simplify and improve the assimilation of Russian verbs by foreign students during the learning process, especially by beginners. *Finding* — considering the fundamental criteria of the theoretical classifications, we offer to add a supplementary criterion of frequency of use in discourse which allows to reduce the volume of mechanical memorizing and apply more rapidly the verbal forms in the construction of written and oral language. **Results** — this study completes the existing classifications of Russian verbs with the criterion of frequency, thanks to which teaching Russian to foreign students can be more efficient and productive, because assimilating the Russian verb as one of the most complex and voluminous parts of discourse permits accelerating the mastery of the Russian language in practice. The *practical value* of the research results can help solve the problem of optimizing the process of teaching Russian verbs to foreign students; and using this didactical method may also be helpful for other Slavic languages, and in the fields of linguistics and didactics.

Key words: Russian verb, morphological classification, conjugation, didactic method, frequency.

Статтю отримано 21.09.2017 р.

ЧЕРНОВАЛЮК Ирина Владимировна

кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой и общегуманитарной подготовки иностранцев Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; пер. Маяковского, 7, г. Одесса, 65082, Украина; тел.: +38(048)7230757; e-mail: iran62@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-2924-4036

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ИНОЯЗЫЧНОГО ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. Цель данной статьи заключается в научном обосновании основных принципов методики обучения иностранному языку как средству профессионального общения. **Предметом** исследования является содержание методики и организация процесса овладения иностранным языком. Основные **методы** исследования – анализ научной литературы в области лингвистики, педагогики, лингводидактики, содержания учебного плана подготовки иностранных бакалавров учебных программ по профилирующим дисциплинам, изучение опыта преподавания иностранного языка с учетом профессиональной направленности. В **результате** проведенного исследования разработана курс русского языка для иностранных бакалавров, осваивающих квалификационно-образовательную программу «Туризм», определены цели и задачи подготовки иностранных специалистов в системе современного высшего образования. В работе сделан **вывод** об эффективности использования профессионально ориентированных материалов в процессе иноязычной деятельности с целью развития профессиональной и коммуникативной компетенций учащихся. **Практическая ценность** работы заключается в научном обосновании и внедрении в практику преподавания РКИ лингвометодического направления, ориентированного на профессиональную составляющую системы языковой подготовки иностранных бакалавров.

Ключевые слова: иноязычное обучение, русский язык как иностранный, профессиональная компетенция, профессиональное общение, профессионально ориентированное направление.

Постановка проблемы. Современная теория и методика преподавания русского языка как иностранного (РКИ) развивается в направлении активного внедрения в образовательную систему новых педагогических решений, методических идей и инновационных технологий. «Інтеграція та глобалізація інформаційних і культурних процесів зумовлюють потреби модернізації освітньої системи України за всіма напрямками, що вимагає розробки концептуальних засад у кожному з них. Навчання іноземних студентів є одним із таких напрямів, важливим чинником становлення української держави як рівноправного партнера у створенні світового освітнього простору» [7, с. 136].

Современные тенденции общественного развития и реформирования высшего образования предельно выявляют новые требования к личности современного специалиста и его профессиональным характеристикам. Разработка концептуальных основ инновационного образования направлена на формирование таких ценных качеств, как профессионализм, обучаемость и креативность. Изменения в системе образования, динамика его содержания, целей и задач отражают уровень и потребности развития общества, трансформации его ценностно-смысловых ориентиров [4, с. 146].

Связь с предыдущими исследованиями. Проблемы, обусловленные профессионально ориентированным направлением в процессе иноязычного обучения, разрабатываются в методике преподавания РКИ с середины прошлого века. Результатом данных исследований стало формирование функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка, языкового фундамента для обучения иностранных учащихся учебно-профессиональному и учебно-научному общению. Проблемы профессионально ориентированного обучения в методике преподавания РКИ представлены в работах таких авторов, как Т. Е. Аросева, Т. Е. Акишина, Т. М. Балыхина, Г. Н. Битехтина, Т. В. Васильева, Т. А. Вишнякова, Г. И. Володина, Е. И. Гейченко, В. В. Добровольская, Л. П. Клобукова, В. Г. Костомаров, С. П. Курганова, Н. М. Лариохина, Н. А. Метс, О. Д. Митрофанова, Е. И. Мотина, Т. Б. Одинцова, О. П. Рассудова, Г. И. Рожкова и др.). Тем не менее, не все вопросы профессионально ориентированного подхода к процессу иноязычного обучения иностранных бакалавров нефилологического профиля решены, чем и объясняется необходимость научного и методического обоснования проблемы профессионализации в свете современных требований педагогики высшей школы к подготовке дипломированного специалиста.

Постановка исследовательских задач. Профессионально ориентированное направление на современном этапе развития иноязычного обучения признаётся приоритетным [2; 3; 5; 6]. Проблемы профессиональной направленности в процессе обучения языку обусловлены новыми, более высокими требованиями к качеству описания языкового материала — основы обучения. Следовательно, исследование данного вопроса является актуальным для современной методики иноязычного обучения. Цель данной статьи заключается в научном обосновании основных положений методики обучения иностранному языку как средству профессиональной коммуникации, обобщении методических

принципов в системе иноязычного общения профессиональной направленности. Основные методы исследования: анализ научной литературы, учебных программ и учебного плана подготовки иностранных бакалавров, обучающихся в ОНУ имени И. И. Мечникова по квалификационно-образовательной программе «Туризм», педагогическое наблюдение и тестирование учащихся. В результате проведенного исследования разработан профессионально ориентированный курс русского языка для иностранных бакалавров туристских специальностей, соответствующий целям и задачам подготовки иностранных специалистов в системе современного высшего профессионального образования. Объектом исследования является процесс овладения РКИ бакалаврами, осваивающими квалификационно-образовательную программу по специальности «Туризм»; предметом изучения — содержание методики и организация процесса овладения иностранным языком и языком профессионального общения.

Изложение основного материала. Профессионально ориентированное направление в методике иноязычного обучения рассматривается как обучение с учетом специфики специальности и будущей профессии. Овладение языком обучения и профессионально ориентированным языком осуществляется одновременно с формированием специальных навыков, основанных на профессиональных и лингвистических знаниях, развитием знаний о культуре и традициях страны, развитием личностных качеств обучающихся [6, с. 3].

Понятие «профессионально ориентированное обучение» рассматривается как процесс организации преподавания русского языка иностранцам-нефилологам на продвинутом этапе, включает обучение иностранных учащихся русскому языку как «средству получения высшего образования и специальности, средству общения в диалоге культур и средству гуманистического развития учащихся средствами русского языка» [6, с. 38]. Профессионально ориентированное направление применительно к обучению РКИ предполагает специально организованный процесс ориентации целей, содержания, форм, методов и средств обучения на будущую специальность учащихся и направлен на решение проблемы выработки коммуникативных умений и профессиональных навыков студентов [2, с. 91].

Неотъемлемым компонентом системы вузовского образования является его учебно-методическое обеспечение, пособия и программа обучения как нормативный документ и руководство к дальнейшей педагогической деятельности [1, с. 223]. Профессионально ориентированная программа дисциплины «Русский язык» разработана для иностранных бакалавров, обучающихся в ОНУ имени И. И. Мечникова по специальности «Туризм», на основе ведущих лингводидактических принципов: языковая системность и функциональность, ситуативно-тематическая организация и минимизация материала, коммуникативная активность и креативность и др.

Программный документ содержит пояснительную записку, необходимые инструкции по изучению данной дисциплины в системе вузовского образования, рекомендации методического характера, цели и задачи, формы и методы обучения, основной языковой и коммуникативный материал, конкретное содержание и объем знаний, требования к речевым умениям и навыкам в сфере изучаемого языка, а также ожидаемые результаты — компетентности, которыми должен овладеть соискатель соответствующей степени высшего образования. В приложении представлен текстовый материал, актуальный и профессионально значимый для учащихся, темы для обсуждения и ситуации общения, основной и дополнительный списки учебно-методической литературы и интернет-ресурсов.

Профессиональная направленность в программе обучения РКИ для бакалавров туристской сферы реализуется в аспекте специально подобранного и определенным образом структурированного материала в соответствии с тематикой, отвечающей задачам профессиональной подготовки иностранных учащихся данного профиля. Данный принцип находит свое отражение в содержательном аспекте самой программы, соотношенной с целями и задачами подготовки будущих специалистов сферы туризма, в моделировании когнитивно-коммуникативного обучения, приближенного к ситуациям реального профессионального общения.

Профессиональный подход к обучению языку иностранных учащихся реализуется в направлениях, обусловленных задачами подготовки будущих специалистов туристской сферы. Главной целью учебного процесса является практическое овладение языком как средством для получения высшего образования и профессиональных навыков, развития научной и профессиональной компетенций, обусловленной перспективами, связанными с дальнейшим трудоустройством и занятостью в сфере туризма и сервиса. На специальном текстовом материале осуществляется взаимосвязанное обучение всем видам речевой деятельности, в частности, обучение чтению и анализу специальных текстов, специальной лексики и терминологии, научному стилю речи и актуальным моделям научной речи.

Процесс обучения чтению с целью развития профессиональных навыков и умений осуществляется на специально отобранном материале, что позволяет научить основным видам работы с текстом, извлекать необходимую информацию, сегментировать текст, вычленять отдельные актуальные смыслы. Профессионально значимый текстовый материал делает возможным сформировать адекватное представление о функционировании данных понятий в научной речи, расширить лексический запас учащихся за счет специальных слов и терминов, познакомить с наиболее типичными конструкциями научного стиля. Методически обоснованным представляется включение в содержательный раздел

программы курса русского языка для иностранных бакалавров туристских специальностей профессионально значимой тематики: *Туризм. Встреча туристов. Бронирование и размещение в отеле. Отели. Путешествия и экскурсии. Транспортные услуги. Рестораны. Виды туризма. Осмотр достопримечательностей. Работа и карьера в бизнесе, связанном с туризмом. Открытие собственного бизнеса.*

Особую значимость в системе профессионально ориентированного обучения бакалавров туристской сферы приобретает лексическая составляющая курса РКИ. Изучение профессиональной лексики — основы языка специальности является одним из самых важных компонентов в учебной практике. В процессе обучения русской лексике и развития лексической компетенции в профессиональном аспекте формируется представление о системных связях между лексическими единицами, стилистической специфике, об их семантических и сочетаемостных возможностях. О сформированности лексической компетенции свидетельствует знание общенаучной лексики, терминосистемы туристской сферы, основных понятий учебного курса, частотных словообразовательных моделей, владение лексическим минимумом и профессиональной терминологией в объёме, необходимом для освоения специальных дисциплин.

С учётом цели и задач подготовки бакалавров туристских специальностей актуальны следующие тематические направления: «Туризм в современном мире», «Развитие туризма в XX–XXI вв.», «География туризма», «Образовательный туризм», «Культурно-познавательный туризм», «Туризм в Турции», «Турция как страна отдыха и путешествий», «Достопримечательности Турции», «Дворцы Стамбула», «Собор Святой Софии» и др. Привлечение материалов электронных учебников, интернет-ресурсов, образовательных сайтов и интернет-библиотек, в частности, сайта «Всё о туризме — Туристическая библиотека» (<http://tourlib.net>), сайта (<http://www.turizm.ru>), «Вокруг света. Украина» (<https://vokrugsveta.ua>) способствует значительному расширению информативной составляющей курса.

Выводы. Вопросы профессионально ориентированного обучения иноязычной деятельности на современном этапе требуют новых подходов к содержанию и формам обучения. Профессионально ориентированное обучение РКИ как приоритетное направление современного иноязычного образования требует своего дальнейшего теоретического осмысления и практической реализации. Обучение русскому языку иностранных бакалавров туристской сферы обучения с учётом профессиональной направленности способствует оптимизации процесса обучения профессиональной коммуникации на русском языке, совершенствованию языковой и собственно профессиональной подготовки иностранных бакалавров в украинском вузе, развитию навыков профессионального общения, повышению культурного и профессионального уровня будущих специалистов туристской сферы.

Литература

1. Азимов Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Шукин. — М. : ИКАР, 2009. — 448 с.
2. Анисина Ю. В. Становление и развитие профессионально ориентированного обучения русскому языку как иностранному на неязыковых факультетах вузов России / Ю. В. Анисина // Научный диалог. — Екатеринбург, 2013. — № 9. — С. 83–91.
3. Антонова И. А. О методических принципах создания профессионально-ориентированного пособия по русскому языку для иностранных учащихся / И. А. Антонова, И. А. Христиансен // Язык, сознание, коммуникация. — М. : МАКС Пресс. — 2003. — Вып. 25. — С. 180–196.
4. Новикова М. Л. Профессионально ориентированное обучение РКИ как ведущий фактор учебно-профессиональной компетенции : динамика образовательных целей и задач // Вестник РУДН. — М., 2014. — № 3. — С. 145–152.
5. Образцов П. И. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов / П. И. Образцов, О. Ю. Иванова. — Орёл : ОГУ, 2005. — 114 с.
6. Пугачёв И. А. Профессионально ориентированное обучение русскому языку как иностранному: теория, практика, технологии / И. А. Пугачёв. — М. : РУДН, 2016. — 483 с.
7. Ушакова Н. И. Концепция языковой подготовки иностранцев в вузах Украины / Ушакова Н. И., Дубичинский В. В., Тростинская О. Н. // Викладання мов у вищих навчальних закладах освіти. — Харків : ХНУ. — 2011. — Вип. 19. — С. 136–146.

References

1. Azimov, E. G., Shhukin, A. N. (2009), *New vocabulary of methodological terms and concepts (theory and practice of teaching languages)* [Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponjatij (teoriya i praktika obuchenija jazykam)], IKAR, Moscow, 448 p.
2. Anisina, Ju. V. (2013), "Development of professionally-oriented teaching Russian as second language on non-Language faculties of Russian universities", *Scientific dialogue* ["Stanovlenie i razvitie professional'no orientirovannogo obuchenija russkomu jazyku kak inostrannomu na nejazykovykh fakul'tetakh vuzov Rossii"], *Nauchnyj dialog*, Ekaterinburg, vol. 9, pp. 83–91.
3. Antonova, I. A., Khristiansen, I. A. (2003), "About the methodological principles of creating a professionally-oriented manual on Russian for foreign students", *Language–Mind–Communication* ["O metodicheskikh principakh sozdani-

ja professional'no-orientirovannogo posobija po russkomu jazyku dlja inostrannykh uchashhikhsja", *Jazyk, soznanie, kommunikacija*], MAKS Press, Moscow, vol. 25, pp. 180–196.

4. Novikova, M. L. (2014), "Professionally oriented training of RA Fas a leading factor in the formation of educational and professional competence : the dynamics of educational goals and objectives", *Russian Journal of Linguistics* ["Professional'no orientirovannoe obuchenie RKI kak vedushhij factor uchebno-professional'noj kompetencii : dinamika obrazovatel'nykh celej i zadach"], *Vestnik Rossijskogo Universiteta Druzhy Narodov. Serija Lingvistika*], RUDN, Moscow, vol. 3, pp. 145–152.

5. Obrazcov, P. I., Ivanova, O. Ju. (2005), *Professional-oriented teaching of a foreign language in non-linguistic faculties of universities* [Professional'no-orientirovannoe obuchenie inostrannomu jazyku na neязыkovykh fakul'tetakh vuzov], Orel State University Publishing house, Orel, 114 p.

6. Pugachev, I. A. (2016), *Professionally oriented teaching of Russian as a foreign language : theory, practice, technology* [Professional'no orientirovannoe obuchenie russkomu jazyku kak inostrannomu : teorija, praktika, tehnologii], RUDN, Moscow, 483 p.

7. Ushakova, N. I., Dubichinskij, V. V., Trostinskaja, O. N. (2011), "The concept of language training of foreigners in universities of Ukraine", *Teaching languages in higher education institutions* ["Konceptija jazykovoї podgotovki inostrancev v vuzakh Ukrainy", *Vykładannja mov u vyshhykh navchal'nykh zakladakh osvity*], Kharkov Karazin National University Press, Kharkov, vol. 19, pp. 136–146.

ЧЕРНОВАЛЮК Ірина Володимирівна

кандидат філологічних наук, доцент кафедри мовної та загальногуманітарної підготовки іноземців Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; пров. Маяковського, 7, м. Одеса, 65082, Україна; тел.: +38(048)7230757; e-mail: iran62@mail.ru; ORCID ID: 0000–0003–2924–4036

ОСНОВНІ ПРИНЦИПИ ПРОФЕСІЙНО ОРІЄНТОВАНОГО ІНШОМОВНОГО НАВЧАННЯ

Анотація. *Meta* статті — наукове обґрунтування основних принципів методики навчання іноземної мови як засобу професійного спілкування. *Предметом* дослідження є зміст методики та організація процесу оволодіння іноземною мовою. Основні *методи* дослідження: аналіз наукової літератури в галузі лінгвістики, педагогіки, психології, лінгводидактики, змісту навчального плану підготовки іноземних бакалаврів і навчальних програм з навчальних дисциплін, вивчення досвіду викладання іноземної мови з урахуванням професійної спрямованості. У результаті проведеного дослідження розроблено курс російської мови для іноземних бакалаврів, які освоюють кваліфікаційно-освітню програму «Туризм», визначено мету та завдання підготовки іноземних фахівців у системі сучасної вищої професійної освіти. У роботі зроблено *висновок* про ефективність використання професійно орієнтованих матеріалів у процесі іномовної діяльності для розвитку професійної та комунікативної компетенцій учнів. *Практична цінність* роботи полягає в науковому обґрунтуванні і впровадженні в практику викладання РМІ лінгвометодичного напрямку, орієнтованого на професійну складову в контексті сучасної освітньої парадигми вищої школи.

Ключові слова: іномовне навчання, російська мова як іноземна, професійна компетенція, професійне спілкування, професійно орієнтований напрям.

Irina V. CHERNOVALJUK

Candidate of Philology (PhD), Associate Professor of the Department of language and general humanitarian training of foreigners, Odessa I. I. Mechnikov National University; 7 Mayakovsky lane, Odessa, 65082, Ukraine; tel.: +38(048)7230757; e-mail: iran62@mail.ru; ORCID ID: 0000–0003–2924–4036

THE BASIC PRINCIPLES OF VOCATIONAL FOREIGN-LANGUAGE TRAINING

Summary. The *purpose* of the article is to figure out the scientific basis for foreign-language training methodology as a means of professional communication. *The subject* of the article is the substance of methodology and language acquisition process organization. The main *research methods* are reviewing of scientific literature in linguistics, pedagogy, linguodidactics; BA and majors curriculums analyzing, studying of vocational foreign-language training experience. As a *result* we developed the Russian language training course for foreign students of BA level in Tourism, set out goals and objects of the foreign students vocational training in modern high education system. It's *concluded* that usage of the vocational materials within foreign-language practice is efficient for the development of students' professional and communicative competence. The *practical relevance* of this work is the scientific basis of the linguo-methodical direction in the vocational Russian language training course for foreign students of BA level and its implementation into practice.

Key verbs: foreign-language training, Russian as a foreign language, professional competence, professional communication, professional direction.

Статтю отримано 28.08.2018 р.

Часопис виходить 2 рази на рік.

Вимоги до змісту та оформлення статей і рецензій, що подаються до редакції наукового часопису «Мова» для опублікування, розміщено на веб-сайті: mova.onu.edu.ua

Стосовно придбання минулих випусків наукового часопису «Мова» просимо звертатися у видавництво або до редакції.

Журнал виходить 2 рази в год.

Требования к содержанию и оформлению статей и рецензий, подаваемых в редакцию научного журнала «Мова» («Язык») для опубликования, размещены на веб-сайте: mova.onu.edu.ua

По вопросу приобретения прошлых выпусков научного журнала «Мова» («Язык») просьба обращаться в издательство или в редакцию.

The journal is published twice a year.

Author's guidelines and technical requirements for articles and reviews submitted to the editorial board of the academic journal «Мова» («Language») for publication are posted on the website: mova.onu.edu.ua

On the problem of acquiring the previous issues of the academic journal «Мова» («Language»), please contact the publishing house or the editorial office.

Українською, російською, болгарською, англійською, німецькою та іншими мовами.

Свідоцтво про реєстрацію в Державному комітеті телебачення і радіомовлення України КВ № 8932 від 6 липня 2004 р.

Журнал «Мова» постановою президії ВАК України № 1-05/6 від 12 червня 2002 р. включено до переліку № 10 наукових фахових видань України. Двічі перереєстровано: Постановою президії ВАК України № 1-05/8 від 22.12.2010 р.; Наказом МОН України № 1328-05/8 від 21.12.2015 р.

З 2014 р. журнал «Мова» індексується в міжнародній наукометричній системі Index Copernicus (ICV 2014 : 67,85; 2015 : 65,51; 2016 : 68,55; Standard Value : 6,75), а також у наукометричних системах Ulrich's Periodicals Directory, Ukrainian Scientific Journals (USJ), Google Scholar. Журнал «Мова» входить також до бібліометричних інформаційних баз «Україніка наукова», Scientific Periodicals in National Library of Ukraine Vernadsky, Directory of Research Journals Indexing (DRJI). Зміст статей журналу відображено у випусках українського реферативного журналу «Джерело».

Рекомендовано до друку вченою радою Одеського національного університету імені І. І. Мечникова (протокол № 2 від 31.10.2017 р.)

Тираж 100 прим. Зам. № 25 (149).

Адреса редакції / Адрес редакции / Address: Французький бульвар, 24/26, кімн. 111, 113, м. Одеса, 65058, Україна
Телефон / Phone: +38 (048) 776-22-77; Факс / Fax: +38 (048) 746-51-14
E-mail: rus_lang@onu.edu.ua; stepanov.odessa@gmail.com; lovis007@mail.ru

Видавництво і друкарня «Астропринт». 65091, м. Одеса, вул. Разумовська, 21
Тел.: (0482) 37-07-95, 37-14-25, 33-07-17, (048) 7-855-855
www.astroprint.ua; www.stranichka.in.ua; e-mail: astro_print@ukr.net
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1373 від 28.05.2003 р.